

«Вайнахи и аланы» Руслан Арсанукаев

Моим родителям-отцу Дауду (1908-1993) и матери Совдат (Мустафиновой-Закриевой) Арсанукаевым посвящается

ОТ АВТОРА

Предлагаемая на суд читателя работа была написана еще в 1982-84 годах, как диссертация ("Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии") под научным руководством известного археолога, доктора исторических наук, профессора, Члена-корреспондента (ныне академика) АН Грузинской ССР, директора Центра археологических исследований АН Грузинской ССР Отари Давидовича Лордкипанидзе.

Работа была рецензирована научными сотрудниками Института Археологии АН СССР докторами исторических наук В.И.Марковиным и М.П.Абрамовой. Однако, в силу ряда обстоятельств, защита диссертации не состоялась. Кроме того, лишь в 1990 году (при самом деятельном участии известного московского археолога-кавказоведа, доктора исторических наук Владимира Ивановича Марковина) автору удалось впервые попасть на научную конференцию с докладом по данной проблеме.

24 октября 1991 года диссертация была обсуждена на расширенном заседании Ученого Совета отдела славяно-русской археологии (зав.отд. доктор исторических наук, профессор Светлана Павловна Плетнева) Института Археологии АН СССР и рекомендована к защите на соискание ученой степени, с учетом некоторых замечаний. В апреле 1999 года Ученым Советом Государственного Института социальных и политических исследований им.А.Авторханова Чеченской Республики Ичкерия работа была рекомендована к изданию отдельной книгой.

В настоящем издании представлен, с некоторыми дополнениями и изменениями, вариант диссертации 1982-84 годов, который мы предварили отдельной вводной статьей "О происхождении названий и самоназваний чеченцев и ингушей".

Основные положения данной работы изложены в следующих научных публикациях автора:

-Древности вайнахов и аланская проблема //XVI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь, 1990. С 73-73;

-Еще раз к вопросу об истоках катакомбного обряда погребений в предгорной зоне центральной части Северного Кавказа// Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция: тезисы докладов и сообщений. Грозный, 1990. С.19-20;

-Аланы по письменным источникам//Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция: тезисы докладов и сообщений. Грозный, 1990. С.20-22 (в соавторстве с М.Х.Ошаевым); - Некоторые вопросы этнической истории Северного Кавказа//Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюзная научная конференция: тезисы докладов и сообщений. Шатой, 1991. С.27-29;

- Некоторые вопросы интерпретации раннесредневековых бытовых памятников Чечено-Ингушетии//XVII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1992. С.79-80.

- Некоторые вопросы этнической истории Северного Кавказа// Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г.Махачкала, 1996. С.187-189.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю признательность ученым-археологам, историкам, языковедам, этнографам д.и.н., проф. академику О.Д.Лордкипанидзе, д.и.н. В.И.Марковину, к.ф.н. Я.Вагапову, д.и.н. М.П.Абрамовой, д.и.н. А.И.Шавхелишвили, д.и.н.; проф. Р.М.Мунчаеву, д.и.н.; проф. А.И.Робакидзе, д.и.н.; проф. С.П.Плетневой, д.и.н., М.Мужухоеву, д.и.н., Р.Раишвили, д.и.н. М.Кантария, д.и.н. Л.Маргошвили, д.и.н. Б.Гамкрелидзе, Г.Гамбашидзе, к.и.н. М.Багаеву, к.и.н. Д.Чахкиеву и др. за всестороннюю помощь (критическими замечаниями, дельными советами и добрым человеческим участием) оказанную во время работы над данной темой, а также Вахе Эламбаеву и Зелимхану Мусаеву за большую помощь при подготовке настоящего издания.

Руслан Арсанукаев

О происхождении названий и самоназваний Чеченцев и Ингушей

“Вай нах” (“Вай” - “наши” + “нах” - “люди”, “народ”) - так называют себя чеченцы и ингуши, подчеркивая тем самым свою этноязыковую и культурную общность. Термин “вайнах” для обозначения чеченцев и ингушей появился в научной литературе в конце 1930-х гг. Вместе с тем они имеют и свои собственные названия: Чеченцы - Нохчий, Нуохчий (ед.ч. Нуохчуо, Нохчуо, Нохчо, Нохчи); Ингуши - ГІалгІай (ед.ч. ГІалгІа).

Название “Ингуш(и)” с достаточным основанием увязывается исследователями с названием селения Ангушт (совр. ст. Тарская в Осетии), самого раннего и крупного из более 20-ти поселений, образованных в средневековье между р. Терек и верхним течением р. Сунжа представителями западно-вайнахских этнографических, этнотерриториальных групп (тайпов) II - фьаппий (ваьппий, вабой), джІарахой (джайрахой), ГІалгІай и др. Ангушт переводится с вайнахского: “место, откуда виден горизонт” (“ан” - “горизонт”, “гуш” - “видный”, причастно-деепричастная форма, “т” - вайнахский топонимический суффикс)¹; “там, где виден горизонт”². Недавно Я.С. Вагаповым высказано мнение, что в вайнахском Ангушта (Онгушта) - “анга”, “онга” - фонетические варианты, форма “Іанга”, “Іонга” - букв. “где льется”, “где течет” или “в ущелье”³.

Самоназвание ингушского народа - ГІалгІай, - произошло от названия самой крупной из западно-вайнахских этнографических групп (тайпов) ГІалгІай, занимавшей лучшую и довольно обширную часть горной Ингушетии - Ассинскую котловину, где сосредоточено большое число средневековых башенных архитектурных памятников: сс. Таргим, Эгикал, Хамхи, Оздик и др.

Местность эта до сих пор носит название “Кхо кхалле” (“кхо” - “три” + “кха” - “участок обрабатываемой земли”, “пашня” - букв. “к трем участкам обрабатываемой земли”, “к трем хуторам, поселениям”) или “ГІалгІай-чие”. Как название народа оно

распространилось на более мелкие западно-вайнахские этнографические группы (тайпы) - джIарахой, фaьппий, цхьорой, а также на определенную часть представителей этнографических групп (тайпов) - мержой, цIечой, галай, аьккхий, маьлхий и пр., оказавшихся на территории формирования ингушского народа (территория, входившая в XVIII-XIX вв. в Военно-Осетинский, Ингушский, позднее Владикавказский округ, а в 1924-1934 гг. - в Ингушскую АО). Как знать, если бы правительство царской России создало в 1860-е гг. отдельный "Ауховский округ", а правительство советской России в начале 1920-х гг. - "Ауховскую АО", то может быть мы имели бы сегодня еще один, вайнахский, народ - Ауховцы" ("Аьккхий")III.

Об исторической семантике этнонима "ГIалгIай", его изначальном значении, высказано несколько довольно противоречивых мнений. Некоторые исследователи связывают его со словом "ГIала" - "жилая башня", т.е. - "жители башен (жилых)"4. Этнограф И.М. Саидов перевел его как "башенная стража" (от "ГIала" - "жилая башня" и "ГIа" - "воин")5. А.С. Сулейманов предполагает, что "ГIалгIай" означает "щитonosцы"6. К.З. Чокаев возводит "ГIалгIай" к греческому "гелий" - "солнце"7. Р.С. Плиев считает, что "этноним ГIалгIай образован от имени первопредка ГIа"8. На наш взгляд, более приемлемой представляется этимология "ГIалгIай" как "жители башен (жилых)" - "башенная стража". Наряду с "ГIалгIай" у ингушей бытовало (до 1920-х - 1930-х гг.) еще одно самоназвание "ламур", "ламуру", т.е. "горный житель" (от "лам" - "гора")9.

Современная форма (или скорее формы) самоназвания чеченского народа - Нохчий, Нуохчий // Нохчо, Нохчуо, Нуохчуо, Нохчи, Нуохчи начала утверждаться относительно недавно - с 20-х- 30-х гг. XX-го столетия, когда создавалась чеченская письменность и формировался чеченский литературный язык, но древняя форма - "нахчуо" (с -а в первой части этого этнонима) еще не была полностью вытеснена. Так, Н.Ф. Яковлев в своей работе, вышедшей в 1929 году еще применяет обе формы этого этнонима - "национальное название чеченцев "нахчуо" или "нохчуо" (выд. нами - Р.А.)10. Форма ед.ч. "нахчуо" в сочетании с формой мн.ч. "нохчий" применялась в литературе и в периодической печати еще в конце 1950-х - в начале 1960-х гг.11

Сегодня форма "нахчуо" сохранилась только в диалектах чеченского языка (в западно-вайнахских диалектах - "нахчие"), однако в известных письменных источниках вплоть до начала XX-го столетия приводится только эта форма самоназвания чеченцев, что и заставляет нас считать ее древней и изначальной.

Так в "Армянской Географии" VII в. н.э. среди народов Северного Кавказа назван народ "нахчаматеанк"12. Первая часть этого термина состоит, как считает К.П. Патканов, из самоназвания чеченцев со значением "народ", вторая часть "мат" - нахское слово, означавшее "земля, страна"13. К.М. Т(уманов) и И.Д. Джавахишвили видят во второй части этого термина "мат" нахское слово со значением "язык" "племя" "народ"14. Действительно, слово мат (варианты - мат, муот, моат), представленное в чеченском и ингушском языках (ср. также бацб. мотI "язык"), употреблялось в разных значениях: "язык, место, постель, стоянка отары, отара", употреблялось и в значениях "племя, территория, страна"15. "Ян" ("янк") - этническое окончание в армянском языке16. Профессор Ю.Д. Дешериев также считает, что первая часть этого термина "нахча" восходит к самоназванию чеченцев "нахчуо"17.

Этнический термин "нахче" называет в своей работе и грузинский миссионер XIV в. Евфимий и дает его значение - "народ"18.

Важным представляется свидетельство известного кавказоведа А. П. Берже, который более тридцати лет (1852-1886 гг.) провел на Кавказе и издал около 80-ти работ, в том числе монографическую работу “Чечня и Чеченцы” (Тифлис, 1859 г.): родовое имя чеченцев “нахчуо или нахчой”; имя легендарного прародителя чеченцев - “Турпал Нахчуо”; “Чеченцы себя и по настоящее время называют нахчуо (выд. нами - Р.А.)”¹⁹.

Ценным для нас является и фиксация самоназвания чеченцев в работе чеченца У. Лаудаева (Чеченское племя//ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI), родившегося (ок. 1830 г.) и выросшего в чеченском ауле Ногай-Мирза-Юрт на р. Терек и говорившего, очевидно, на равнинном говоре, легшим в основу современного чеченского литературного языка. Как свидетельствует У. Лаудаев: “Чеченцы сами себя называют нахчой”; “Ичкеринцы назыв. Нахчой-махкахой (выд. нами - Р.А.)”²⁰. Следует обратить внимание, что термин “Нахчуо” (ед. ч.) во мн. ч. У. Лаудаев, как и А.П. Берже и др., приводит в русском звучании - звук “-уо” заменяется буквой “о”.

Приведем еще несколько свидетельств: Ф. Брокгауз, И. А. Ефрон - “Сами Ч(еченцы) себя называют нахчой (люди, народ)”²¹; А.М. Дирр - “Сами себя чеченцы называют нахчуо”²²; К.Ф. Ган - “Чеченцы... сами себя называют “нахчуо” = народ, и свою страну Нахчо мохк = место, страна народа (выд. нами - Р.А.)”²³. Думается, что нет необходимости продолжать цитирование всех известных нам письменных источников, т. к. и приведенных свидетельств вполне, на наш взгляд, достаточно для обоснования высказанного выше тезиса: “нахчуо” (“нахчие”) - древняя, изначальная форма самоназвания чеченцев. Что касается “нахча” “Армянской Географии” и “нахче” грузинского миссионера Евфимия, то следует отметить, что в иноязычной передаче (на языках, в которых отсутствуют звуки “-уо”, “-ие”) этноним “нахчуо” (“нахчие”) мог принимать формы: “нахчу”, “нахчо”, “нахче”, “нахчи”, “нахча”.

Таким образом, чтобы выяснить реальную историческую семантику самоназвания чеченцев, его изначальное значение, за основу для лингвистического анализа нужно брать форму “нахчуо” // “нахчие”), но никак не “нохчо”, “нохчуо”, “нуохчуо”, “нохча”, “нуохча”, “нохчи”, “нуохчи” или “нахча”, “нахчи”, “нахче”. При анализе этнонима пренебрегать его формой, как совершенно справедливо отметил В.А. Никонов, - значит “не отличать венок от веника и барана от баранки”²⁴ (выд. нами - Р.А.). Правда, Ю.Д. Дешериев считает, что изменение “нахча” в “нуохчуо” в современном литературном чеченском языке носит закономерный характер²⁵. Мы не беремся судить о степени закономерности изменения этнонима “нахчуо” или “нахча” “Армянской Географии” в “нуохчуо” современного чеченского литературного языка. Однако, у нас вызывает немалое сомнение закономерность изменения “нах” - “люди” в “нуох” - “плуг” и т. п. - несколько лет тому назад была высказана на “профессорском” уровне мысль, в которой “нохчо” - “нуохча” означает “плужник”, где -ч (-ча) - суффикс лица, образующий слова со значением профессиональной принадлежности. Это мысль была развита этнографом И.М. Саидовым, который также, взяв за основу для анализа форму “нохчи”, пришел к выводу, что “нохчи” означает “пахари”²⁶. И это при том, что представителями других народов, по крайней мере уже с XIV в. н.э., дается значение этого этнонима как “народ”, “люди”.

Кроме того, трудно, на наш взгляд, считать закономерным для чеченского языка и изменение второй части этого этнонима “-чуо” (в ед.ч.), в “-чий” (во мн.ч.). Для

иллюстрации приведем названия чеченских этнографических групп (тайпов), IV имеющие в ед. числе окончание “о”:

1. Айткхалло-Айткхаллой
2. БелгIато-БелгIатой
3. Бено-Беной
4. Билто-Билтой
5. Бийт(а)ро-Бийт(а)рой
6. БIавло-БIавлой
7. Варандо-Варандой
8. Ваш(ан)даро-Ваш(ан)дарой
9. Гендарг(е)но-Гендарг(е)ной
10. Гуно-Гуной
11. Гухо-Гухой
12. Занд(а)къо-Занд(а)къой
13. Зумсо (Дзумсо)-Зумсой (Дзумсой)
14. Ишхо-Ишхой
15. Кело-Келой
16. Котто-Коттой
17. Курш(а)ло-Курш(а)лой (Курч(а)ло) (Курч(а)лой)
18. Мержо-Мержой
19. Мулкъо-Мулкъой
20. МIайсто-МIайстой
21. Нашхо-Нашхой
22. Ниж(а)ло-Ниж(а)лой
23. Ник(а)ро-Ник(а)рой
24. Них(а)ло-Них(а)лой

25. Пхьам(а)то-Пхьам(а)той
26. Пешхо-Пешхой
27. Садо-Садой
28. Саьтто-Саьттой
29. Тумсо-Тумсой
30. Тперло-Тперлой
31. Хар(а)чуо-Хар(а)чуой
32. Хилдехь(а)ро-Хилдехь(а)рой
33. Химо-Химой
34. Хо-Хой
35. Хуландо-Хуландой
36. Хьакко-Хьаьккой
37. Хьач(а)ро-Хьач(а)рой
39. ЦӀонт(а)ро-ЦӀонт(а)рой
40. ЦӀечуо-ЦӀечуой
41. Чарто-Чартой
42. Чермо-Чермой
43. Чебарло-Чебарлой (ЧӀабилло) (ЧӀабиллой)
44. Чин(а)хо-Чин(а)хой
45. Чунг(а)ро-Чунг(а)рой
46. Шаро-Шарой
47. Шикь(а)ро-Шикь(а)рой
48. Ширдо-Ширдой
49. Шуоно-Шуоной
50. Шуьндо-Шуьндой

51. ЭгI(а)шбато-ЭгI(а)шбатой

52. Элстанчуо-Элстанчуой

53. Энг(а)но-Энг(а)ной

54. Эрс(а)но-Эрс(а)ной

55. Ялх(а)ро-Ялх(а)рой

56. Ялхо-Ялхой

57. Иаларо-Иаларой

Как мы видим, этнический термин в ед. числе имеющий в окончании -о, во мн. числе имеет окончание -ой, но никак не -ий (в отличие от: Аьккхи - Аьккхий; Дишни - Дишний; Маьлхи - МаьлхийV; ЧIаьнти - ЧIаьнтий; ЦIеси - ЦIесий, а также: Гала - Галай; Ке - Кей).

Показательны в этом плане термины - “Хар(а)чуо” // “Хар(а)чуой”, “ЦIечуо” // “ЦIечуой”, “Элстанчуо” // “Элстанчуой”, которые сложились таким же путем (“Хар(а)” + “чуо”, “ЦIе” + “чуо”, “Элстан” + “чуо”), что и “Нахчуо”, но в отличие от него сохранили свою изначальную формуVI.

Изменение же последнего произошло, вероятно, в результате иноязычного влияния, следующим путем: “Нахчуо” // “Нахчуой”-“Нахчо” // “Нахчой” - “Нахчо” // “Нахчий” - “Нахчо” // “Нохчий”-“Нохчо” // “Нохчий” - “Нохчо”, “Нуохчо”, “Нохчи”, “Нуохчи” // “Нохчий”. Результат - искажение исторической семантики самоназвания чеченцев, его изначального значения и шесть (!?) форм его написания на родном чеченском литературном языке. Более того, в последнее время уже предпринимаются попытки “унифицировать” в “Нохчо” и имя легендарного прародителя чеченцев - “Турпала Нахчуо”27.

Этноним “нахчуо” состоит из двух компонентов - “нах” + “чуо”VII. Первый компонент - “нах”, как признано большинством специалистов-кавказоведов - общевайнахское слово, обозначающее “люди”, “народ”. К.З. Чокаевым высказана мысль, что слово “нах” - “люди” произошло от “малх” - “солнце” и поэтому, как он считает, значение этнонима “нахчи” - солнечные люди, -на // -ма, -х -детерминант (сравните: малх, нах), а “-чи” означает “человек”, “люди” на некоторых дагестанских языках (аварском, табасаранском, агульском)28. Правда, ниже в этой же работе он предлагает и несколько иную этимологию этого этнонима - “из солнечной земли”29. Однако, даже если и признать верной выдвинутую им версию о происхождении слова “нах” от слова “малх”, то из этого вряд ли следует, что само слово “нах” означает “солнце”. Слово “нах” на вайнахских языках означает только лишь то, что означает - “люди”, а слово “малх” - “солнце”VIII.

Слово “нах” довольно широко представлено в древней топонимике Передней Азии. Так, оно встречается: в обозначении территории хурритского государства Миттани - “Нахарина” (сер. II-го тыс. н.э.)30; в названии торгового поселка “Нахрия”, севернее

истоков р. Хабур (террит. хуррит. гос-ва Миттани)³¹; в названии военного округа “Нахур” в верховьях р. Хабур (террит. хуррит. гос-ва Миттани)³²; в названии местности “Нахур” в верховьях р. Хабур (террит. хуррит. гос-ва Миттани), с которым связывается имя легендарного Верхнемесопотамского героя, родоначальника библейского племени - “Нахор”³³; в названии местности, города, земли, области “Нахрима” (террит. хуррит. гос-ва Миттани)³⁴; в ассирийских клинописных источниках, в названии хурритской области “Нахриа” (сравните выше - “Нахрия”)³⁵ и в названии одной из “иностранных земель” в Южной Армении - “Nacḥsuana”³⁶; в названии страны - “Бабанахи” - “Папанахи”, что означает - страна “горных людей”³⁷; в самой древней разрядной книге древних нахарарств Армении, в названии нахарарства - “Нахчери”, в термине - “Нахчирапетк” - “князя Нахчери” и в самом слове “нахарар”³⁸; в названии города “Нахчаван”, основание которого некоторые средневековые историки Ближнего Востока относят к сер. II-го тыс. до н.э. и который древнегреческие и древнеримские авторы называли “Наксуана”³⁹ и т. д. По мнению К.М. Т(уманова), названия эти даны по названию племени⁴⁰. “Таким об(разом), племя нахчи, по-видимому, существовало еще в доисторическое время, - пишет он, - и находилось в числе племен Наири (Урарту - Р.А.). От этого названия и произошло греческое Нахуана, упоминаемое Птолемеем, и Нахчуван чеченских преданий. Племя это ... дало, вероятно, свое имя как городу, так и селению Нахчаван”⁴¹. Этот вывод К.М. Т(уманова) в определенной степени подтверждается исследованиями известных ученых-языковедов.

“Уже теперь можно утверждать, - пишет академик А.С. Чикобава, - что определенные положения урартского языка находят объяснения при помощи данных иберийско-кавказских языков, прежде всего нахских (чеченского и баббийского)”⁴². Родство нахо-дагестанских языков с хуррито-урартскими считает доказуемым и профессор И.М. Дьяконов⁴³. В одной из своих последних работ И.М. Дьяконов и С.А. Старостин приходят к выводу, “что хуррито-урартские языки образуют отдельную ветвь северо-восточнокавказской языковой семьи”⁴⁴. Как видно, слово “нах” как нарицательное имя какой-то части населения Передней Азии, очевидно близкого по языку современным вайнахам, известно уже со II -го тыс. до н.э. В этой связи заслуживает внимание предполагаемая связь слова “нах” с эпонимом “Нахум” - древнего божества, почитавшегося на территории, входившей в ареал распространения хуррито-урартских языков: “Из древних текстов мы узнаем, что на среднем Евфрате за несколько тысячелетий до новой эры почитался обожествленный персонаж по имени Нахум, которого И. М. Дьяконов прямо сопоставляет с библейским Ноахом, Ноем”⁴⁵. К сказанному следует добавить, что самоназвания народов со значением “люди”, “человек”, как уже давно установлено в науке, довольно широко распространены в мировой этнонимике: самоназвание немцев “deutsche”; самоназвание тюркских народов “тюрк” и мн. др.⁴⁶

Второй компонент самоназвания чеченцев, как было установлено выше - “чуо” (“чуоу”). Это также общевайнахское слово (в современном чеченском литературном языке имеет форму - “чоь”, в диалектах - “чуо”, “чие”) означающее - “внутренность”, “внутреннее помещение”⁴⁷. В данном случае можно предположить, что второй компонент самоназвания чеченцев “чуо” // “чоь” // “чие” означает - место, территория, пространство, внутри определенных естественных, искусственных или условных: границ, т.е. определенную, конкретную территорию.

Таким образом, нам представляется, что этноним “нахчуо” возник как имя нарицательное и означал - “люди, народ одной определенной, внутренней территории-страны” или “людей, народа территория-страна”. Примечательно, что грузинский миссионер Евфимий еще в XIV в. дал верную этимологию этнонима “нахчуо” - “народ”. Позднее, когда “нахчуо” стало именем собственным, то для обозначения территории, страны к нему добавляется еще одно слово - “чуо” (“чоь”, “чие”) - “Нахчуойчуо” // “Нахчуойчоь” // “Нахчуойчие” // “Нахчиейчие”, совр. “Нохчийчоь” // “Нохчийчие” - “Чечня”, “Чеченцев территория-страна” (ср.: “Хиричоь // Хиричие” - “Осетин территория-страна”; “Гуьржийчоь” // “Гуьржийчие” - “Грузия”, “Грузин территория-страна”; “ГалгIайчоь” // “ГалгIайчие” - “Ингушетия”, “Ингушей территория-страна” и т.д.). Судя по приведенным выше сведениям древних источников, можно предположить, что нарицательное имя “нахчуо” (“нахчоь”, “нахчие”), ставшее впоследствии самоназванием чеченцев, появилось уже во II-ом тыс. до н.э. в Передней Азии (“Nacsuana”, “Нахчаван”, “Нахчери”, “Нахуана”).

В основе этого имени, как видно, лежит понятие “свой”, в отличие от людей, обитавших вне этой территории - вне “чуо”, “чие”, “чоь”. В свое время В.А. Никоновым был сформулирован для топонимики “закон ряда”. Суть его в том, что “названия не возникают в одиночку, они соотнесены друг с другом, они стоят как бы в ряду-названий, коротком, это пара названий, или более длинном”⁴⁸. Этот “закон ряда” достаточно четко, на наш взгляд, прослеживается и в данном случае. Место, территория, пространство “не имеющие границ”, т.е. все “находящееся вне “чуо”, “чие”, “чоь” в вайнахских языках обозначается словом “ара” - “место, пространство снаружи, вне чего-либо”; “территория, неограниченная какими-либо границами”; “неограниченное пространство”⁴⁹. Этот же “закон ряда” действует и в этнонимике: горцы - жители равнин; люди лесов - люди полей и т.д. В данном случае имя нарицательное “нахчуо”, “нахчие”, “нахчоь”, возможно, было соотнесено с “нах” + “ара” - “ара(ра) нах” - люди места, территории, пространства снаружи, вне чего-либо (вне “Чуо”, “Чие”, “Чоь”)⁵⁰. Ср.: “чуо(хъара)”, “чие(хъара)”, “чоь(хъара) нах” - “люди одной определенной территории”, “люди внутри определенных границ”, “люди “Чуо”//“Чие”//“Чоь”, “свой, родственные”.

Это же понятие “свой” лежит и в основе выражения “вай нах” (“Вайнах”) - “наши люди, народ”, которое является синонимом этнонима “Нахчуо”. Очевидно “Нахчуо” изначально было единым, общим нарицательным именем для всех вайнахских этнографических групп (тайпов) в равной степени - как для предков современного чеченского народа, так и для предков современного ингушского народа - всех живших в “Чуо” // “Чие” // “Чоь”. Отголоски этого сохранялись еще совсем недавно: “Шатоевцы и Назрановцы неохотно зовутся нахчоями... Но при излиянии сердечных чувств..., они всегда изъявляют свою единоплеменность, выражаясь: мы общие братья (вай ца вежерий деци), или: мы одинаковые нахчой (вай ца нахчой ду)”⁵¹; “чеченцы, ауховцы, ичкеринцы, назрановцы, карабулаки, кистинцы, и мелхинцы в сущности составляют одно племя, один народ - нахче...”⁵². В пользу этого как будто бы говорит и старинное предание о “Турпале Нахчуо”, в котором последний представлен как первопредок не только чеченцев, но и ингушей - двенадцать сыновей “Турпала Нахчуо” основали общества, которые стали носить их имена: “Ичкери, Аух, Чобирли, Шубухи, Шато, Дзумсо, Кисти, Цори, Галаш, Галгай, Джейрах, Ангушт”⁵³. Следует также отметить, что этноним “Нахчуо” в отличие от “ГалгIа” не был названием какой-либо одной, отдельной этно-территориальной, этнографической группы (тайпа), распространившегося впоследствии на соседние этнографические группы (тайпы) как

название народа, а изначально появился как общее, объединяющее (не только общностью языка, общностью исторических предков, но и общностью конкретной территории) название для всех “нах”ов.

Имя “Чеченец”, как принято считать, дано русскими по названию чеченского аула Чечен (чеч. Чечан)⁵⁴. Происхождение же названия аула Чечен увязывается с тюркскими словами: “чач”, “шаш” - “осока”⁵⁵; “чечен”, “чачан” - “красноречивый, оратор, говорливый, крикун”⁵⁶. В русских исторических актах этнический термин “чеченцы” впервые встречается в 1658 г., в связи с посольством в Москву грузинского царевича Давида, позднее, в 1708 г. - в договоре калмыцкого хана Аюки с астраханским губернатором Апраксиным⁵⁷. Однако мнения о происхождении этнонима “чеченец” от названия аула Чечен (Чечан) и отмеченные выше объяснения значения этого слова представляются неубедительными.

А.М. Дирр в своей работе, посвященной названиям кавказских племен, приводит “наименования, которые чеченцы получили от своих соседей. У кабардинцев пешен; у осетин цацан; у дидойцев чачанзи; у капучинцев чачалис-суко (=мужчина из чачала); чачаннал у ботлихийцев; чачан у годоберийцев; чачанау у каратаевцев; чачанадилу Ђекуа (“Ђекуа” - “мужчина”) у багулальцев; чачанаду Ђекуа у тиндийцев; чачанес Ђекуа у хваршинцев; чачанау у своих племенных сородичей цовских тушин... (выд. нами - Р.А.)”⁵⁸. “Это поразительное совпадение, - пишет А. М. Дирр, - заставляет думать, что русские позаимствовали название чеченцев не у селения того же названия, а у соседей чеченцев”⁵⁹.

Действительно, трудно представить, что перечисленные А.М.Дирром горнодагестанские племена и цовские тушины Грузии (входящие вместе с чеченцами и ингушами в единую нахскую языковую группу), ближайшие соседи чеченцев с древнейших времен, не имели своего названия последних до 1850-х гг. - до появления первых русских военных отрядов на их территории (в труднодоступных горах к юго-востоку от Чечни), а заимствовали его у русских. Тем более, что из-за недостатка плодородной земли и, связанного с этим, острого недостатка хлеба они (горнодагестанские племена) с глубокой древности вынуждены были зарабатывать, обменивать или закупать его, в основном в Чечне. Так даргинцы, которые непосредственно с чеченцами и не граничат, называют последних, по свидетельству того же А. М. Дирра, “мичкиджами”, т.е. жители местности, где растет просо в изобилии (выд. нами - Р.А.)”⁶⁰. В связи с изложенным выше, можно считать, что хотя в форме “чечен”, “чеченец”, “чеченцы” этот этнический термин и стал широко известным и распространенным благодаря русской традиции, однако на Кавказе он известен задолго до появления здесь русских.

Это, в определенной степени, подтверждается и армянским источником V в. н.э., в котором среди северокавказских народов назван народ “чучан(ов)”⁶¹. Вслед за ним назван народ “чилб(ов)”, локализуемый специалистами на пограничной с Чечней территории Грузии - Тушетии⁶². Вместе с тем, на наш взгляд, заслуживает внимание определенное созвучие последнего (“чилбы”) с самоназванием этнографической группы чеченцев - “чабил(лой)”, территория которой находится в высокогорной зоне юго-восточной Чечни.

На происхождение этнического термина “чечен(цы)” достаточно прозрачно, на наш взгляд, указывают цитируемые выше по А.М. Дирру названия чеченцев у капучинцев, багулальцев, тиндийцев, хваршинцев - “мужчина из чачана” (у капучинцев - “чачала”).

Как видно, для перечисленных племен “чачан” (“чачал”) - это определенная, конкретная территория. Выше мы отмечали, что в самоназвании чеченцев “нахчуо” второй компонент “чуо” // “чие” // “чоб” обозначает определенную, конкретную территорию.

Думается, что от этого слова с помощью послелого “-чу” (“употр. при обозначении направления действия внутрь чего-л. или “сверху вниз”⁶³) или суффикса топонимообразования “-ча”, а также суффикса топонимообразования “-н(а)” и могло образоваться это название: “Чуо” // “Чие” // “Чоб” - “Чуо” + “чу” // “Чие” + “чу” // “Чоб” + “чу” - “Чуочу” + “н” // “Чиечу” + “н” // “Чобчу” + “н” - “Чуочун” // “Чиечун” // “Чобчун”; “Чуо” + “ча” // “Чие” + “ча” // “Чоб” + “ча” - “Чуоча” + “н” // “Чиеча” + “н” // “Чобча” + “н” - “Чуочан” // “Чиечан” // “Чобчан”^{IX}. В иноязычной передаче оно могло принять формы: “Чучан”, “Чочан”, “Чечен”, “Чечан”, “Чичан”, “Чичен”, “Чачан”, “Цацан”, “Шешен”, “Шашан”, “Сасан”. Вместе с тем, этноним “сасан” Древнего Востока мог образоваться, как считает языковед Я.С. Вагапов, из чеченского “са” - “душа”, “свет”, “человек” повторенного дважды и означать - “люди”, “народ”. “Образование формы мн.ч. повторением корня - характерная особенность нахских языков, частично сохраняющаяся в некоторых специфических случаях, в частности сказках”⁶⁴.

Таким образом, можно заключить, что этническое название “Чечен(цы)” произошло не от названия селения “Чечен”, а от вайнахского нарицательного названия, обозначающего территорию своего обитания (возможно, в первую очередь, предгорной зоны⁶⁵ - территории современной Чеченской равнины) и, также, был общим для всех вайнахов. Названия современного чеченского селения “Чечан” - русск. “Чечен-аул”, которое в русских документах середины XVII в. дается форме “Чечень”⁶⁶; острова “Чечень” (в месте впадения р. Терек в Каспийское море); “Чеченской наклонной равнины” (“Чечан-арие”, где “арие” - “равнина”⁶⁷) -представляются нам реликтами этого древнего вайнахского нарицательного топонимического названия.

ПРИМЕЧАНИЯ

I Несколько позднее в научную литературу был введен сугубо научный, неизвестный в народе термин “нахи” (нахский, нахские), образованный на основе чеч., инг., слова нах “люди”, “народ”. Этим термином обозначаются три родственных народа: чеченцы, ингуши, бацбийцы (цова-тушины).

II Распространенная в литературе традиция отождествления “тайпа” с “родом” представляется ошибочной. Понятия “тайп” и “род” далеко неидентичны - вайнахский “тайп” не является кровнородственным объединением людей, это этногеографическая, этнотерриториальная единица-группа. “Роду” скорее соответствует вайнахское “гар”. Отождествление вайнахского “тайпа” с “родом” столь же правомерно, что и отождествление с последним этнографических групп “гасконцев”, “беарнцев”, “провансальцев” и др. во Франции или “баварцев” и т.д. в Германии. Единственная на сегодня специальная работа, посвященная проблеме “тайпа” (Мамакаев. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973) содержит целый ряд ошибок. Проблема чеченского “тайпа” требует специального, объективного, научного исследования.

III “Ауховцы” - “Аьккхий” или “ариен Аьккхий” (“равнинные Аьккхий”; “арие” - “равнина”) - этнографическая группа чеченцев, занимавшая, до депортации чеченцев и

ингушей в Казахстан и Среднюю Азию 23 февраля 1944 г., территорию Ауховского (совр. Новолакского) и, отчасти, Хасавюртовского, Казбековского районов Дагестанской АССР (совр. Республика Дагестан). Под именем “окочане”, “ококи” они известны в русских документах на этой территории еще в 1587-1588 гг. (См. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С.163.). Кроме собственно “Аьккхий” или “ариен Аьккхий”, части западно-чеченской этнографической группы (тайпа) “Аьккхий” или “ломара Аьккхий” (“горные Аьккхий” от “лам” - “гора”), в нее входят выходцы из различных западно-чеченских (мержой, галай, цIечой и др.) и восточно-чеченских (билтой, бийтрой, зандакхой и др.) этнографических групп (тайпов). Еще в 1850-1917 гг. “Ауховцы” - “Аьккхий” были административно оторваны от Чечни и, вместе с западными кумыками, входили в Хасавюртовский округ, а с 1921 г. территория их проживания была включена в Дагестанскую АССР. С 1957 г., после возвращения из ссылки, “Ауховцы” - “Аьккхий” проживают в основном в г. Хасавюрт. Вопрос о возвращении им исконной территории до настоящего времени не решен.

IV Названия эти происходят, как правило, соответственно от названий конкретных, четко очерченных местностей в горной зоне: Айт-кхалла (название местности) - Айткхалло (название этнографической группы, где окончание “-о” служит для образования слова со значением принадлежности к местности”); БелгIата - БелгIато; Малхиста - Малхо (Маьлхи) и т.д.

V Древняя форма: Малхо - Малхой от Малхиста (малх “солнце” + йист “край”).

VI “Харачуо” - “хар(а)” “сторожевой” (“ха” - “стража”, “дозор”) + “чуо” (“чоь”, “чие”) “внутренняя территория”, “место” - “сторожевое место” (Вагапов Я.С. “Вайнахи и сарматы”, Грозный, 1990. С. 62); “ЦIечуо” - “цIе” “священное”, “божество” + “чуо” - “божества (священное) место, территория”; “Элстанчуо” - “Эл” - “владелец”, “князь” или личное мужское имя + “йист” - “край” (“йистан” - “края”) + “чуо” - “Эл(а) края место, территория” или “Владельца (князя) края место, территория”. Вместе с тем, нельзя исключить и связь первой части этого названия с чеч. йол “свежескошенная трава”, “сено”, в род. падеже - эл, ал. В таком случае “Элстанчуо” может иметь значение “травы, сена края место, территория”, т.е. “место, территория богатого травами, сеном края” (названная территория действительно богата травами).

VII В этом вопросе, как и в толковании значения этого термина, мы разделяем точку зрения этнографа Н.Г. Волковой: “Термин нахчуо, видимо, включает два слова: нах - “народ” и чуо, точнее чьо (чоь - Р.А.) - “место”, “территория” (Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С.151. Сн.26).

VIII Последнее легко распознать в названии древней чеченской этнографической группы (тайпа) - маьлхи, малхо // маьлхий, малхой, которое действительно означает “солнечный” // “солнечные” и в названии территории ее обитания - “Малхиста” (“малх” - солнце + йист - “край”) “край солнца”.

IX Вместе с тем, представляется возможной связь со второй частью этого топонимического названия вайнахского “чана”, “чIана” имеющего значение: место, богатое зерном, хлебными продуктами; место, куда приезжают с целью заработать зерно, хлеб (см. Сулейманов А.С. Топонимия... С.119). В пользу этого, как будто бы

говорит цитируемое нами выше название чеченцев даргинцами - “жители местности, где растет просо в изобилии” (см. Дирр А.М. Современные названия... С.10).

1. Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994. С.8.
2. Габисов Б.Г. Чеченцы и Ингуши (проблема происхождения). Грозный. 1991. С. 27.
3. Вагапов Я.С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996. С. 162-163.
4. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1972; Алироев И.Ю. История и... С.8.
5. Саидов И.М. О нахском Мехк-кхеле // Газ. “Справедливость”. Грозный, 1990. № 3-4 (15-16). С.11; Он же. О нахских тайпах и тайповых отношениях // Газ. “Справедливость”. С.15.
6. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч.1. Горная Чечня. Грозный, 1976. С.10.
7. Чокаев К.З. Вайн мотт - вайн истори. Грозный, 1991. С.43 (на чеч. языке).
8. Плиев Р.С. Нахские языки - ключ к этрусским тайнам. Грозный. 1992. С.36.
9. Крупнов Е.И. К истории Ингушии // ВДИ. 1939. №2/7. С.82.
10. Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Ростов-на-Дону, 1929.
11. Арсаханов И. Аккинский диалект в системе Чечено-Ингушского языка. Грозный, 1959. С.32, 173; и др.
12. Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1883. Ч. ССХХVI. С. 28-29.
13. Патканов К.П. Из нового списка... С. 38.
14. Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис, 1913. С.10; Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи//ВДИ. 1939. №4. С 39-42.
15. Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990. С.41.
16. Туманов К.М. О доисторическом... С.10. 17. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического

развития горских кавказских пародов. Грозный, 1963. С.25. 18. Чокаев К.З. Вайн мотт... С.119.

19. Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста. 1990. С 44-45.

20. Чечня и чеченцы... С.76. .

21. Энциклопедический словарь. Издатели Ф. Брокгауз (Лейпциг), Т. И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб., 1903. Т. XXXVIII "А". С.785.

22. Дирр А.М. Современные названия Кавказских племен // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис. 1909. С.9.

23. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Вып.40. Тифлис, 1909. С.156.

24. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С.28.

25. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая граматика... С.25-26.

26. Саидов И.М. О нахском Мехк-кхеле. С.11; Он же. О нахских тайпах... С.12.

27. Сказки и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986. С 313; Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Грозный, 1992. С.58.

28. Чокаев К.З. Вайн мотт... С.40,42,43.

29. Чокаев К.З. Вайн мотт... С.122.

30. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С.19.

31. История Древнего Востока. Ч.2. М., 1988. С.53.

32. История Древнего Востока. С.62.

33. История Древнего Востока. С.272, 273.

34. История Древнего Востока. С.452, 543, 546, 556.

35. Бабахян Л.О. К вопросу о некоторых пракахских топонимах и этнонимах Передней Азии. Закавказья и Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 6.

36. Т(уманов) К.М. О доисторическом языке... С. 27.

37. Бабахян Л.О. К вопросу... С.7.

38. Т(уманов) К.М. О доисторическом языке... С.26; Бабахян Л.О. К вопросу... С.7.

39. Азербайджан // Советский Союз. М., 1971. С. 273.

40. Т(уманов) К.М. О доисторическом языке... С.27.
41. Т(уманов) К.М. О доисторическом языке... С.27.
42. Чикобава А.С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов. Махачкала, 1965.С.7.
43. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С.23.
44. Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-Урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток. Этнокультурные связи М. 1988. С.164.
45. Дени Баксан. След Сатаны на тайных тропах истории. Грозный, 1997. С.122, 124.
46. Чеснов Я.В. Название народа; откуда оно?//Этнографы рассказывают. М., 1978. С.19-21,23, 27, 28; Крюков М.В. “Люди”, “настоящие люди” (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. М., 1984. С.7-8.
47. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. М., 1961. С.494.
48. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. С 38.
49. Мациев А.Г. Чеченско-русский... С.41.
51. Чечня и чеченцы в материалах XIX в. С.93.
52. Ткачев Г.А. Ингуши и Чеченцы в семье народностей Терской области. Вып. 2-ой. Владикавказ, 1911. С.150.
53. Пожидаев В. Горцы Северною Кавказа: ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. М.-П., 1926. С.16.
54. Энциклопедический словарь. Ф. Брокгауз, И.А. Ефрон. С.785; Габисов Б.Г. Чеченцы и ингуши. С.25; Чокаев К.З. Вайн мотт... С.102, 118.
55. Чокаев К.З.Вайн мотт... С.102.
- 56 Алироев И.Ю. История и культура... С.8; Сулейманов А.С. Топонимия... С.150
57. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С.352; Энциклопедический словарь. Ф. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 785.
58. Дирр А.М. Современные названия... С.10.
59. Дирр А.М. Современные названия... С.10.
60. Дирр А.М. Современные названия... С.10.

61. История армянского Патриарха св. Нерсеса Портева // Армянские источники об аланах. Вып.1. Ереван, 1985. С.47.
62. Армянские источники об аланах. Вып.1. С.10.
63. Мациев А.Г. Чеченско-русский... С.494.
64. Вагапов Я.С. Проблема происхождения... С.160.
65. Хожаев Д. Откуда появилось слово “чечен”? // Газ. “Республика”. Грозный, 1992. 29 мая.
66. История народов Северного Кавказа... С.352. 67. Мациев А.Г. Чеченско-русский... С.41.

ВВЕДЕНИЕ

Чечено-Ингушетия занимает площадь 19,3 тыс. кв. км на северном склоне Большого Кавказского хребта в Центральном Предкавказье.¹ Географически в последнее включается Кубанско-Терское междуречье: на юге его границей является Главный Кавказский хребет; на западе - р. Уруп; на востоке - современная граница Чечни с Дагестаном; на севере - Ставропольская возвышенность.² Чеченцы и ингуши, по данным переписи 1989 года составляли 1.194 тыс. человек, из них 957 тыс. чеченцев и 237 тыс. ингушей.³

Территория Чечено-Ингушетии граничит на востоке и севере-востоке с Дагестаном, на севере и северо-западе со Ставропольским краем, на западе с Северной Осетией и на юге с Грузией. С севера на юг она простирается на 170 км, а с запада на восток - на 150 км. Общая протяженность границ 854 км⁴.

Несмотря на сравнительно небольшую площадь, занимаемую Чечено-Ингушетией, ее поверхность характеризуется большим разнообразием. По геологическому строению и характеру рельефа она разделяется на четыре геоморфологических района (Рис.1):

1. Южную часть Терско-Кумской низменности;
2. Терско-Сунженскую возвышенность;
3. Чеченскую наклонную равнину;
4. Горную часть.

Терско-Кумская низменность расположена между Тереком на юге и Кумой на севере. На западе ее естественной границей является Ставропольская возвышенность, а на востоке - Каспийское море.

К Чечено-Ингушетии относятся только южная часть Терско-Кумской низменности, северо-восточная часть которой лежит на 20 м. ниже уровня моря. Почти три четверти ее площади занимает Притеречный песчаный массив.

К югу от р. Терек протянулась Терско-Сунженская возвышенность. Она состоит из Терского и Сунженского хребтов, разделенных Алхан-чуртской долиной. Оба хребта постепенно повышаются к западу. Высота Сунженского хребта в пределах Чечено-Ингушетии достигает 872 м, отдельные же вершины Терского хребта не превышают 700 м. Продолжением Терского хребта в восточной его части являются Брагунский и Гудермесский хребты.

Предгорная Чеченская наклонная равнина расположена к югу от Сунженского хребта. Ассинским отрогом отделена она от Осетинской наклонной равнины. С юга она ограничена подножием Черных гор, а с востока и северо-востока - Гудермесским и Брагунским хребтами. Особенностью Чеченской наклонной равнины является сильная изрезанность долинами многочисленных рек и речек, в результате чего ее поверхность приобрела слабоволнистый характер.

Горная часть республики расположена на северном склоне Большого Кавказа. Здесь, как бы ступень над ступенью, поднимаются четыре параллельных хребта: Черные горы, Пастбищный хребет, Скалистый хребет и протянувшийся вдоль южной границы республики Боковой хребет с поднятыми ввысь снежными вершинами (Рис.1;10). В целом, на территории Чечено-Ингушетии можно выделить три основные ландшафтные зоны - равнинную, предгорную и горную (Рис.10)5.

В настоящее время вся северная часть Чечено-Ингушетии представляет собой область полупустынь и сухих степей, которая к югу от р. Терек постепенно переходит в лесостепную зону, простирающуюся до Черных гор, покрытых широколиственными лесами. Однако при изучении древней истории по памятникам материальной культуры необходимо учитывать природно-климатические, ландшафтные, естественно-географические условия исследуемой территории, соответствовавшие исследуемому времени, так как исторические судьбы народов в древности всегда зависели от природно-климатических (ландшафтных, естественно-географических) условий, являвшихся существенным фактором развития человечества на любой территории.

Общеконтинентальные климатические изменения, происходившие периодически ещё с эпохи камня, вызывали то понижения (регрессии), то повышения (трансгрессии) уровня водных бассейнов, в том числе Каспийского и Черного морей, и приводили к соответствующим ландшафтным изменениям (в составе флоры, фауны и т. д.). При этом регрессии соответствовали аридным эпохам, континентализации климата и широкому распространению, полупустынных и сухих типчаково-полынных степных формаций, а трансгрессии - влажному и прохладному климату, усилению позиций лесных сообществ и злаково-разнотравных степей.6

Так, во время Александрийской регрессии (конец II - сер. I тыс. до н.э.) уровень Каспийского моря понижается до отметки - 37,5 м (на 11-12 ниже современного). Площадь Каспия значительно сокращается - вся северная часть иссушается, в результате чего береговая линия пролегает южнее острова Чечень, и тянется к полуострову Мангышлак. Терек впадает в Волгу, которая впадает в Каспий к югу от о. Чечень. Северо-восток Каспия превращается в пресноводное озеро, в которое впадают Урал и Эмба7. Уровень Черного и Азовского морей в результате Фанагорийской регрессии (сер. II тыс. до н.э. - перв. века н.э.), находится на 6-8 м ниже современного. Площадь Азовского моря значительно сокращается и оно превращается в пресноводное озеро, соединенное с Черным морем мелководной, перемерзающей в

зимний период протокой⁸. В Восточной Европе устанавливается в это время сухой климат, в результате чего происходят кардинальные изменения ландшафта в равнинной зоне Северного Кавказа и Волго-Днепровском междуречье. Здесь распространяются сухие, с разреженным растительным покровом, типчаково-полынные степные формации.

На Северо-Восточном Кавказе и Северном Прикаспии распространяется полупустынный ландшафт. Степной ландшафт с доминирующими злаково-разнотравными формациями сохраняется, вероятно, в зоне стыка предгорной и равнинной зон Северного Кавказа, на Северо-Западном Кавказе, в районах примыкающих к пресноводному в то время Азовскому морю, и долинах больших рек - Волги, Дона, Днепра. В предгорной и горной зонах Северного Кавказа устанавливается более сухой, чем в настоящее время климат (Рис.2).

Ситуация существенно меняется к сер. I тыс. до н.э., когда во время Уллучайской трансгрессии (VI в. до н.э. - IV в. н.э.) уровень Каспия достигает отметки -23 м, то есть на 3-4 м выше современного.⁹

В это время в предгорной и горной зонах Северо-Восточного Кавказа устанавливается климат, отличающийся большей увлажненностью и мягкостью, чем в современную эпоху. Предгорная зона Чечено-Ингушетии покрывается густыми лесами, низкие поймы рек заболачиваются. Заметно сократившийся очаг степного ландшафта, в котором доминируют злаково-разнотравные степные формации, сохраняется лишь на определенной части Терско-Сунженской возвышенности. Лесной ландшафт в предгорной зоне Чечено-Ингушетии сохранился вплоть до середины XIX века, когда в результате варварской вырубki лесов российскими войсками во время Кавказской войны лишь незначительные очаги лесных формаций сохранились в поймах рек и у подножий Черных гор.¹⁰

Более существенные изменения происходят в равнинной зоне к северу от реки Терек, где в настоящее время доминируют ландшафты полупустынь и сухих типчаково-полынных степей. Здесь распространяется растительность злаково-разнотравных степных формаций с участками лесных сообществ в поймах рек. В результате споропыльцового анализа было установлено, что небольшие леса не только из липы, но и из ели существовали в это время и к северу от территории Чечено-Ингушетии на Терско-Кумской низменности и севернее р. Кумы.¹¹

Большой увлажненностью и мягкостью, чем в современную эпоху отличался и климат установившийся в Центральном Предкавказье, границы которого “определяются естественными границами Ставропольской возвышенности”¹².

Последняя же, “в общей системе Северного Кавказа, является боковым отрогом Большого Кавказа, глубоко вдающимся в степь в виде клина”¹³ и входит в предгорную зону Северного Кавказа. В настоящее время только наиболее возвышенные места Центральной и Западной части Ставропольской возвышенности “представляют собой подлинную лесостепь”¹⁴, но во время Уллучайской трансгрессии граница лесных сообществ существенно продвинулась к Северу и охватывала не только Центральную и Западную, но и Восточную часть возвышенности, в то время как в Северной части доминировали ландшафты лесостепей и злаково-разнотравных степей. Меньшей, чем на Северо-Восточном Кавказе увлажненностью и мягкостью, вероятно, отличался

климат на Северо-Западном Кавказе, где продолжается период Фанагорийской регрессии Черного моря, начавшийся еще в середине II тыс. до н.э., который завершился в начале или в первых веках нашей эры¹⁵. Уровень Черного и Азовского морей располагался в это время на 6-8 метров ниже современного¹⁶. Азовское море представляет собой пресноводное озеро, соединенное с Черным морем узкой и очень мелководной покрывавшейся в зимний период льдом протокой, через которую часть Азовских вод стекает в последнее.¹⁷ В предгорной зоне Северо-Западного Кавказа, к югу от р. Кубань очевидно доминирует лесной ландшафт¹⁸.

Для равнинной зоны (между реками Кубань и Дон), по которой на относительно небольшом расстоянии друг от друга текут реки и речки, впадающие в Азовское озеро и разбросанные по указанной территории небольшие озера (Кагальник, Бейсуг, Ея, Кочеты, Челбас и др.), более характерен ландшафт лесостепных и разнотравно-степных формаций. В степях Северного Причерноморья и Крыма вероятно более сильны позиции сухих, типчаково-полынных степных формаций (Рис.3;5).

С первых веков нашей эры уровень Черного моря постепенно повышается, и достигает во второй половине I-го тыс. н. э. - рубеже I-го и II-го тыс. н. э., отметки на один метр выше современного¹⁹. В Азовское море поступают соленые черноморские воды. Вместе с тем уровень Каспийского моря в IV-XIII веках нашей эры (Дербентская регрессия) понижается до отметки -34 метра, то есть, на 7-8 метров ниже современного²⁰. В результате этого вся его северная часть иссушается. Береговая линия Каспия в районе о. Чечень поворачивает к востоку и соединяется с п-овом Мангышлак. Устье Терека и Волги в это время, очевидно, находятся на незначительном расстоянии друг от друга, а в пик регрессии Терек впадает в Волгу. В равнинной зоне Северо-Восточного Кавказа происходят кардинальные изменения ландшафта - здесь распространяются полупустынные и сухие, с разреженным растительным покровом типчаково-полынные степные формации. Позиции последних усиливаются на Ставропольской возвышенности и, в определенной степени, на Терско-Сунженской возвышенности. В то же время ландшафты в равнинной зоне Северо-Западного Кавказа не претерпевают, вероятно, таких как на Северо-Восточном Кавказе кардинальных изменений по сравнению с предшествующим периодом, так как в результате повышения уровня Черного и Азовского морей здесь устанавливается климат, отличающийся большей мягкостью и увлажненностью, чем в равнинной зоне Северо-Восточного Кавказа и междуречий Дона и Волги (Рис.4;6). Как видно из сказанного, природно-климатические условия Северного-Кавказа исследуемого времени существенно отличались от современных.

Судя по археологическим материалам, предгорная зона Северного Кавказа, в частности Чечено-Ингушетии, уже с III - II тыс. до н.э. представляла цветущий край с довольно многочисленным населением²¹.

В IV - XIII вв. н.э. в предгорной зоне центральной части Северного Кавказа, включая и современную территорию Чечено-Ингушетии распространяется материальная культура, получившая в научной литературе название "аланской". Она занимала территорию от верховьев р. Кубань на западе, до Дагестана на востоке (Рис. 6).

Ранее эта территория входила в ареал Северокавказской культуры эпохи бронзы и Кобанской культуры раннего железного века²².

Хронологические рамки “аланской” культуры определены археологами как IV-XIII вв²³. Вместе с тем, “многие элементы этой культуры находят свои прототипы” в памятниках предгорной зоны первых веков нашей эры²⁴. В последующий период на этой территории окончательно складываются национальные культуры современных народов: карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев. В связи с этим аланская проблема вызывает большой интерес для истории всех названных народов²⁵.

Научный интерес к аланам, к их истории, роли в судьбах народов Кавказа, возникший в начале XIX века, не ослабевает до сих пор. Это привело к определенным успехам. В истекшее время накоплен большой археологический материал по аланской культуре Северного Кавказа, в том числе и Чечено-Ингушетии. На территории Чечено-Ингушетии на сегодняшний день известно 15 бытовых (городища и поселения) и 56 погребальных (“катакомбные” могильники) памятников первых веков нашей эры по XIII в. н.э., которые связываются с аланами. Почти все эти памятники подвергнуты научным исследованиям, а материальные источники добытые при этом получили историческую интерпретацию²⁶.

Однако, несмотря на то, что аланской проблеме посвящена довольно обширная научная литература, остаются еще далеко не выясненными многие актуальные вопросы и главные из них - роль, место алан в истории Чечено-Ингушетии, этническая природа алан.

Предлагаемая работа состоит из вводной статьи, введения, 4 глав, заключения и иллюстративного материала. Такое структурное решение должно на наш взгляд способствовать более объективному и всестороннему исследованию сформулированных выше вопросов.

Учитывая, что история алан связана с раннесредневековой историей рассматриваемого региона, нами были заново обобщены и проанализированы сведения разнообразных письменных источников об аланах и археологические материалы территории Чечено-Ингушетии, которые традиционно трактуются как “аланские”. В данной работе автор ставит цель определить сущность основных концепций по аланской проблеме, мнения и сомнения по ним, наметить круг вопросов, которые на сегодняшний день еще не решены, предложить свое понимание их, основанное на обобщении и анализе имеющихся достижений и постараться извлечь из всего этого возможную сумму сведений по раннесредневековой истории Чечни и Ингушетии - чеченского и ингушского народов. Вместе с тем автор отдает себе отчет в том, что это практически первая работа такого рода в изучении древней истории Чечни и Ингушетии, и в ней могут быть по разным причинам - объективным и субъективным, представлены недостаточно аргументированные, сомнительные положения и выводы. Однако мы надеемся, что объективные, аргументированные критические замечания специалистов помогут усилить аргументацию там, где она оказалась слабой, недостаточной и отказаться от ошибочного, сомнительного.

1. Чечено-Ингушская АССР. Административно-территориальное деление. Грозный, 1983. С.5. Мы применяем название Чечено-Ингушетия в данной работе условно, для обозначения общей территории проживания чеченцев и ингушей в пределах административных границ бывшей Чечено-Ингушской АССР, которая на сегодняшний

день разделена на Республику Ингушетию (в составе РФ) и Чеченскую Республику Ичкерия.

2. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С.83.

3. Исаев М.И. Страна гор - гора народов, языков и проблем // Поэма об Алгузе. М., 1993. С.3.

4. Чечено-Ингушская АССР. С.5.

5. Волынкин И.Н., Доценко В.В. Ландшафтная карта Чечено-Ингушетии // Природа и природные ресурсы центральной и восточной части Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С.112-117; Тебиева Д.И. Физико-географическое районирование Северной Осетии // Природа и природные... С.83-91; Добрынин Б.Ф. Физическая география СССР. Европейская часть и Кавказ. Изд.2-е. М., 1948. Приложение (карта 25).

6. Федоров П.В. О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала // Колебания увлаженности Арало-Каспийского региона в голоцене. М. 1980. С.20; Абрамова Т.А. Изменение увлаженности Каспийского региона в голоцене // Колебания увлаженности... С.71.

7. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бесточных водоемов в палеовремя. М. 1987. С.17);

8. Федоров П.В. Плейстоцен Понто-Каспия. М., 1978. С.119

9. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима... С.17.

10. Головлев А.А. О комплексном природном районировании бассейна реки Сунжи для сельского хозяйства // Природа и природные ресурсы центральной части Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982. С.92; и др.

11. Федорова Р.В. Результаты Исследования споро-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности // Известия Грозненского музея краеведения. Вып. 5. Грозный, 1953. С.154-157.

12. Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 15-16. Ставрополь, 1988. С.243.

13. Охонько Н.А. Археологические памятники... С.244.

14. Охонько Н.А. Археологические памятники... С.245.

15. Федоров П.В. Плейстоцен... С.119.

16. Федоров П.В. Плейстоцен... С.119.

17. Федоров П.В. Плейстоцен... С.119.

18. Леса предгорной зоны Северо-Западного Кавказа и Ставропольской возвышенности, как и в предгорной зоне Чечено-Ингушетии были почти полностью уничтожены в результате варварских вырубок в XIX веке.

19. Федоров П.В. Плейстоцен... С.119-120.

20. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима... С.17.

21. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.152 - 165; Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (11 тыс. до н.э.). М., 1960; Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975; и др.

22. Крупнов Е.И. Древняя история... Рис. 1; Марковин В.И. Культура племен... Рис. 40.

23. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА, 1962. №106. С.7.

24. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа//СА. №1. 1978. С.73

25. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.132.

26. Кузнецов В.А. Аланские племена...; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР // Тр. ЧИНИИ. Т.10. Грозный, 1966; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979; и др.

ГЛАВА I.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Начало археологического изучения раннесредневековых памятников Северного Кавказа было положено в середине XIX в. Так, в 1849 г. А. Фирковичем, совершившим поездку по Северному Кавказу с археологическими целями, в районе кабардинского селения Псыгансу были исследованы курган и подземный склеп, сложенный из кирпичей¹. В этот же период (1849-1850 гг.) при земляных работах в различных местностях Северного Кавказа, в том числе и в Чечено-Ингушетии (у крепости Воздвиженской, на р. Аргун и др.), была собрана коллекция из бронзовых и железных предметов².

Толчком к повышению интереса к памятникам древней истории Северного Кавказа послужило открытие в Северной Осетии могильника близ селения Верхняя Кобань, что легло в дальнейшем в основу для выделения “кобанской культуры”, получившей вскоре всемирную известность³.

Важное значение в развитии кавказоведения и, в частности, в изучении раннесредневековой археологии Северного Кавказа имел V-й Археологический съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 году. Его влияние на развитие историко-археологического и этнографического изучения Северного Кавказа в

дореволюционный период было исключительно велико. Съезду предшествовала большая работа Подготовительного комитета, который объединил усилия ученых России, занимавшихся изучением Кавказа. Была разработана обширная программа как самого съезда, так и работ Подготовительного комитета. Впервые в план подготовительных работ к съезду было включено изучение памятников не только христианских и классических, но и первобытных времен. В связи с подготовкой к съезду была осуществлена серия полевых работ по заранее разработанному плану. Последние ознаменовались значительными результатами. Так, на территории Ингушетии в 1879 г. произвел раскопки курганов у селения Кантышево и Назрань В.Б. Антонович⁴.

Значительное оживление археологического изучения Северного Кавказа наблюдается в 80-е годы XIX в., после у Археологического съезда.

Исследования могильников Северного Кавказа, в том числе и на территории Чечено-Ингушетии, позволило в ту пору графине П.С. Уваровой собрать большую коллекцию предметов, относящихся к разным историческим периодам. Прделанная ею работа нашла отражение в капитальном труде, значительную часть которого занимает описание могильников и вещей аланского времени⁵.

В 1886 г. на территории Чечено-Ингушетии работает крупная экспедиция Московского археологического общества под руководством профессора В.Ф. Миллера. Экспедицией были подвергнуты обстоятельному археологическому обследованию высокогорные районы верховьев рек Сунжи, Ассы, Терекаб. Результатом работы в Чечено-Ингушетии было исследование, подробное описание, обмер и зарисовка таких архитектурных памятников, как храмы Тхаба-Ерды и Алби-Ерды у с. Таргим, святилища Тушоли близ с. Мохде и Гальерды у с. Шуан и др. Изучались погребальные памятники (каменные склепы и ящики у селений Шуан, Хайрах, Таргим, Кайрах, Джейрах и др. и башенные постройки. В.Ф. Миллер впервые подразделяет склеповые сооружения на два типа: подземные и надземные.

В выявление и научную интерпретацию раннесредневековых археологических памятников Северного Кавказа, в том числе на территории Чечено-Ингушетии, немалый вклад внесли и местные краеведы. В 1886 году начинается деятельность одного из активных пионеров местного краеведения, преподавателя Владикавказского реального училища А.И. Долбежева. В течение 20 лет (1884-1904 гг.) он проводил работу по поручению Археологической комиссии, разыскал и исследовал большое количество различных, разновременных памятников материальной культуры Северного Кавказа. На территории Чечено-Ингушетии (селения Кайрах, Еголкас, Фуртоуг и др.) им были отмечены и частично исследованы раннесредневековые могильники, состоящие из каменных ящиков. Они дали небольшой, но выразительный погребальный инвентарь. В целом они отнесены к периоду X-XII вв.⁷ Этим же временем В.И. Долбежев датирует и осмотренные им пещерные могильники и катакомбы у с. Гоуст (ущелье р. Армхи), а также в ущелье р. Фортанги, у с. Бамут⁸.

В 1913 году небольшие раскопки археологических памятников раннего и позднего средневековья на территории Чечено-Ингушетии производил старший адъютант управления Сунженского отдела Терской области подъесаул Ф.С. Панкратов. Большой интерес представляют открытые им катакомбные погребения VIII-IX вв. у с. Алхасте.

Результаты своих работ Ф.С. Панкратов освещал в статьях, помещаемых в газете “Терские ведомости” под псевдонимом Ф.С. Гребенец⁹.

Таковы в самом кратком изложении результаты археологических работ по изучению памятников раннего средневековья на территории Чечено-Ингушетии во второй половине XIX - начале XX веков.

Признавая, что в целом этими археологическими исследованиями было положено начало историко-археологическому изучению края, необходимо отметить, что велись они бессистемно, от случая к случаю. Методика раскопок была несовершенной.

Одновременно с археологическими работами по изучению раннесредневековых памятников отдельными учеными были опубликованы работы по истории алан, основанные на письменных и лингвистических данных.

В центре научных интересов большинства ученых XIX века стояла, прежде всего, индоевропейская (“индоарийская”) проблема, что и предопределило основное направление научных поисков и исследований по аланской проблеме: “Из горских народов Кавказа одни только осетины привлекли внимание ученого мира, заинтересовавшегося ими как единственным на Кавказе туземным народом, принадлежавшим к индоевропейской (арийской) семье народов”¹⁰; “... “открытие” осетинского языка было... оценено как факт большого интереса и значения. Было ясно, что осетинский язык на Кавказе - это лингвистический факт с серьезными историческими выводами”¹¹. Это “открытие” явилось причиной того, что аланская проблема была изначально ограничена рамками проблемы этногенеза ираноязычных осетин, и решалась ретроспективным путем.

В 1802 году в Петербурге вышла на французском языке “Начальная история народов России”, автором которой был польский ученый и путешественник, почетный член Российской Академии наук Я. Потоцкий, в которой, на основании отдельных данных письменных источников (грузинских, армянских) и языка было высказано предположение о сармато-мидийском происхождении алан и генетической связи их с ираноязычными осетинами. Вместе с тем, основываясь на лингвистические и исторические данные, он высказал мнение о переселении предков чеченцев на Кавказ из Крыма в I-IV вв. н.э.¹²

Несколько позже Г.Ю. Клапрот поддержал и развил это мнение - путем перекрестного сопоставления сведений письменных (в первую очередь, грузинских и армянских) источников, а также интерпретации отдельных лингвистических данных он приходит к выводу о тождестве осетин с овсами грузинских источников, а последних - с аланами, исходя, как и Я.Потоцкий, из убеждения о сармато-мидийском происхождении последних¹³. Эта концепция получила в последующем довольно широкое распространение в научной литературе. Однако были и критические замечания - так, академик А. Берже отмечал, что работы Г.Ю. Клапрота “страдают отсутствием критического взгляда и той правдивости, которая должна составлять неотъемлемую принадлежность всякого ученого труда”¹⁴.

В. де Сен-Мартен также считал алан ираноязычными предками осетин. Вместе с тем, им была высказана мысль о собирательном значении в письменных источниках

термина “аланы”, под которым могли скрываться и другие народы Северного Кавказа¹⁵.

Вопросы древней и средневековой истории осетин рассматривает в своем труде “Осетинские этюды” академик В.Ф. Миллер. К аланской проблеме он подходит так же, как и Г.Ю. Клапрот, ретроспективно, решая ее в рамках исследования проблемы этногенеза осетин. На основании сравнительно-исторического материала, он устанавливает принадлежность осетинского языка к иранской группе индоевропейской языковой семьи¹⁶. Особое внимание В.Ф. Миллер уделяет анализу древних письменных источников, среди которых первостепенное значение он придает грузинским. Ираноязычные предки осетин, по его мнению, известны в грузинских письменных источниках под именем оссов (ossi) с древнейших времен: “...грузины помнили о своих соседях оссах с тех самых пор, как начали помнить самих себя, так как оссы в предании о Фарнавзе тесно связаны с началом национального сознания грузин”...; “...начало исторической жизни грузин, вместе с тем и их сношений с оссами, восходит еще ко времени, предшествующему христианской эре; “Поселение оссов (ираноязычных предков осетин - Р.А.) на Кавказе восходит по грузинскому воззрению к мифологическим временам: их мифический родоначальник Уобос так же древен, как родоначальник грузин”¹⁷. Большое внимание уделяется и этимологическому анализу скифо-сармато-аланских личных имен, географических названий и этнонимов, обнаруженных “в греческих надписях понтийских колоний” и письменных источниках, которые, в основном, укладываются в хронологические рамки - V в. до н.э. - XIII в. н.э. С привлечением почти всех иранских языков (авестийского, санскритского, древнеперсидского, новоперсидского и др.), в том числе и иранского осетинского, В.Ф. Миллер проанализировал около 425 “варварских” имен. Более подробно этот анализ представлен в его специальной работе “Эпиграфические следы иранства на юге России”. Объяснению поддались: из 100 “ольвийских” имен - “менее половины”; из 160 “таманских” - более 100”; из 110 “в Пантикапее” (Керченский полуостров) - “не более 15”; из 13 “таманских” - 2; из 40 “анапских” - “не более 7 или 8 могут принадлежать к иранским”¹⁸. От общего числа проанализированных (425) имен они составляют около 41%, при этом: в Северном Причерноморье - около 58% из 260; на северокавказском побережье Черного моря и Керченском полуострове - около 15% из 163, что, очевидно, свидетельствует (даже если признать все без исключения поддавшиеся объяснению имена действительно иранскими) о незначительности иранского элемента на северокавказском побережье и Керченском полуострове и присутствие заметного слоя неиранского населения в Северном Причерноморье. Однако, объяснения определенного числа из этих имен на почве иранских языков, предложенные В.Ф. Миллером (а также К. Мюлленгоффом, Ф. Юсти и др.) получили в научной литературе далеко не однозначную оценку и вызвали у некоторых исследователей, в том числе и иранистов, ряд критических замечаний¹⁹. Так, известный ученый-иранист В.И. Абаев отмечает, что В.Ф. Миллер, К. Мюлленгофф, Ф. Юсти и др. “при разъяснении скифских (скифо-сармато-аланских - Р.А.) имен... были озабочены только подбором сходных по звучанию слов, не задаваясь вопросом, мог ли данный народ в тех условиях давать такие имена. Отсюда множество чрезвычайно искусственных объяснений, основанных на произвольных и отвлеченных манипуляциях словами и понятиями, без учета эпохи, культурного уровня, путей мышления; не видно, чтобы у авторов явилась мысль о том, что собственные имена могут быть выражением определенного, исторически обусловленного жизненного уклада и мировоззрения”²⁰. В результате перекрестного сопоставления грузинских источников с армянскими, греко-латинскими, византийскими, восточными письменными источниками, а также этимологического

анализа личных имен, географических названий и этнонимов, обнаруженных в древних надписях Северного Причерноморья и в сочинениях античных писателей, часть которых поддавалась объяснению на основе иранских языков (в том числе и осетинского), он, как и Г.Ю. Клапрот, приходит к выводу о тождестве этнических терминов осетины, оссы (овси), асы, ясы, аланы и генетической связи осетин (осов-алан) с сарматами и скифами²¹. При этом В.Ф. Миллер неоднократно подчеркивает собирательный характер этнических терминов “алан”, “сармат”, “скиф”, изначально, по его мнению, обозначавших только этноязыковых иранцев: “... имя аланы было официальным, установившимся у византийцев, названием для осетин, как, впрочем, и вообще для северокавказских народов”²²; “... Прокопий, как и другие писатели, распространяет имя аланов вообще на северокавказские народы”²³; “Подобно тому, как у Прокопия название аланов прилагается ко всем северокавказским народам, так и у арабов аланами называются не только народности на Западном Кавказе, но и воинственные племена Дагестана и вообще северо-восточного Кавказа, может быть, предки некоторых народцев Дагестана и Чечни”²⁴; “...арабские, как и западные, свидетельства об аланах только отчасти касаются оссов (осетин - Р. А.), а частью могут относиться к другим племенам Северного Кавказа”²⁵; “... уже до Р. Х. к сарматам причисляются вообще народы, известные в европейской и азиатской Сарматии, хотя, быть может, различные по языку и племени”²⁶; “В настоящее время мы уже не решились бы утверждать, что под именем скифов вообще скрываются племена индоевропейские, но за то более, чем прежде, убеждены в присутствии среди скифов, в числе других этнических элементов - элемента иранского”²⁷.

Здесь процитирована только лишь часть высказываний В.Ф. Миллера об этническом содержании терминов “алан”, “сармат”, “скиф”, но и они, как видно, достаточно ясно и четко характеризуют его позицию по этому вопросу.

В самом конце XIX в. Ю.А. Кулаковский публикует ряд работ по истории алан, основанных, главным образом, на анализе сведений письменных источников²⁸. Наибольший интерес представляет работа “Аланы по сведениям классических и византийских писателей”, в которой дается подробная сводка сведений греческих, латинских, византийских письменных источников об аланах. Вопрос об этнической принадлежности алан Ю.А. Кулаковский специально не рассматривает, так как уверен, что ираноязычность алан и генетическая связь их с осетинами безоговорочно доказана его предшественниками, в первую очередь, В.Ф. Миллером²⁹.

В 1909 году А.А. Спицыным впервые в научной литературе была высказана мысль о принадлежности катакомбных погребений ираноязычным аланам³⁰. При этом она не была подкреплена более или менее серьезной аргументацией. Несмотря на это, некоторые современные авторы до сих пор ссылаются в этом вопросе на А.А. Спицына.

В 1916 году вышел в свет труд академика Н.Я. Марра “К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа”, в котором ставится вопрос о кавказском происхождении алан (сарматов, скифов)³¹.

В 1918-20 гг., после окончания гражданской войны на Северном Кавказе возобновляются археологические исследования. Одновременно продолжается и накопление археологических материалов по раннему средневековью. Основную работу в этом направлении вела Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК, возглавляемая А.А.

Иессен, Б.Е. Деген-Ковалевским и др., которая впервые начала раскопки раннесредневековых городищ³².

В 1920-1923 гг. ряд экспедиций в горах Чечни и Ингушетии провел профессор Н.Ф. Яковлев. Результатом этих изысканий явилось написание двух работ, в которых значительное место отведено памятникам средневековья³³.

Создание национальных научно-исследовательских институтов истории, языка и литературы (в Ингушетии в 1926, в Чечне - 1930 годах) и особенно со времени их объединения (1934 г.) изучение истории Чечено-Ингушетии стало на более плодотворную и прочную основу.

В этот период впервые началось систематическое изучение археологических (в том числе и раннесредневековых) памятников на территории Чечено-Ингушетии. Так, в 1936 году А.П. Круглов исследовал Дуба-Юртовский катакомбный могильник на р. Аргун³⁴.

В 1938 году разворачивает свои работы Северо-Кавказская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством М.И. Артамонова. Последней были исследованы подкурганные катакомбные погребения у с. Алхан-Юрт, произведена разведка городищ по течению р. Сунжи³⁵.

В 30-е годы начал исследование аланских памятников Северного Кавказа Е.И. Крупнов, руководивший экспедицией Государственного исторического музея на Северном Кавказе. Е.И. Крупнов вскрыл несколько катакомбных погребений в Ингушетии³⁶.

В 1938-1939 гг. Л.П. Семенов и Е.И. Крупнов исследовали два погребения на катакомбном могильнике у селения Верхний Алкун, а также одиночное катакомбное захоронение у с. Гоуст горной Ингушетии³⁷.

Одновременно с изучением памятников и накоплением археологического материала, в частности по раннему средневековью, в 20-30-е годы публикуются сводные работы и статьи по истории алан, основанные на анализе данных археологии того времени, письменных источников и лингвистики. В центре внимания этих работ находятся такие вопросы, как: появление алан на Северном Кавказе; их связь со скифами, сарматами; отношение алан к другим народам Северного Кавказа; памятники аланской культуры и др. Так, в 1918-20 гг. академик Марр публикует ряд своих работ, в которых, основываясь на лингвистический материал, развивает выдвинутый им ранее тезис о кавказском происхождении племен Северного Причерноморья и Северного Кавказа, известных в древних письменных источниках под названиями - "аланы", "сарматы", "скифы", не отрицая при этом участие в их генезисе этноязыковых иранцев. Более того, происхождение индоевропейских (в том числе и иранских) и тюркских языков Н.Я. Марр связывает с "яфетическими" языками Кавказа (элементы которых прослеживаются далеко на северо-восток - в вершском или буришском языке южных склонов Гиндукуша, в языке енисейских палеоазиатов - кетов и др.), предшествовавших образованию индоевропейской и тюркской языковых семей³⁸.

Во второй половине 20-х годов Г.А. Кокиевым были написаны в популярной форме "Очерки по истории Осетии", в которых наряду с другими рассмотрен вопрос о связи

алан с осетинами. Автор считал, что этническое наименование алан покрывало собой исключительно ираноязычных предков осетин³⁹, Однако в более поздних работах он уже отмечает, что любое из горских племен, за исключением кабардинцев, имеет все основания считать себя потомками кавказских алан⁴⁰.

В 1927 году вышла в свет работа Ю.В. Готье “Кто были обитатели Верхнего Салтова?”, который, как и А.А. Спицын, на основании связей катакомбных погребений салтовской материальной культуры с северокавказскими, придерживается мнения о принадлежности катакомбных погребений эпохи раннего средневековья Северного Кавказа и Верхнего Салтова “потомкам ираноязычных сарматов” - аланам, отождествляемых им только с предками осетин⁴¹.

Известный грузинский историк И.А. Джавахишвили считает сарматов (через них и алан) кавказскими племенами: “имя саурмат, сармат, сюрмат могло быть собирательным именем только адыгейско-чеченских и лезгинских племен”⁴².

Б.Е. Деген-Ковалевский, отрицая узкоэтнический характер термина “аланы”, вместе с тем считает его изначальным именем кавказских племен. В результате анализа данных письменных источников и материалов археологических раскопок он пришел к выводу, что аланы сложились “из весьма разнородных, по-видимому, элементов, в которых ведущую роль играли северокавказские яфетиды под исконным именем алан, хотя и наполненным теперь иным, новым содержанием⁴³. Отечественная война 1941 - 1945 гг. прерывает работу ученых по исследованию истории народов Северного Кавказа, в том числе аланской культуры. Исследования же по истории чеченцев и ингушей были прерваны 23 февраля 1944 г. на долгие 13 лет (1944 - 1957 гг.), когда все чеченцы и ингуши были по решению коммунистического правительства СССР высланы в степи Казахстана и Средней Азии.

В послевоенный период на территории края проводятся отдельные археологические работы по изучению памятников аланской культуры: Е.И. Крупнов исследовал некоторые раннесредневековые памятники бассейна Сунжи и верховьев Терека⁴⁴; археологические раскопки на Алхан-Калинском катакомбном могильнике провела Л.Г. Нечаева⁴⁵; Т.М. Минаева обследовала городища и поселения раннего средневековья в долине Сунжи⁴⁶.

Систематические археологические работы на территории Чечено-Ингушетии развернулись лишь в 1958 г. после возвращения чеченцев и ингушей из ссылки и организацией объединенной комплексной Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ) института археологии АН СССР, Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совете Министров ЧИАССР, республиканского музея краеведения. Коллектив СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова уделит большое внимание и памятникам I тыс. н.э. Так, несколько отрядов под руководством Е.И. Крупнова, Р.М. Мунчаева, В.И. Марковина, Н.Я. Мерперта, В.И. Козенковой и др. проводили полевые изыскания в крае. Материалы этих исследований освещены в работах Е.И. Крупнова⁴⁷, В.А. Кузнецова⁴⁸, В.А. Марковина⁴⁹, В.Б. Виноградова⁵⁰, М.Х. Багаева⁵¹. Названные авторы дают сводную характеристику памятников раннего средневековья Чечено-Ингушетии, намечают новые перспективы в их историко-археологическом исследовании.

В 1970-80 гг. на территории Чечено-Ингушетии выявлены и исследованы новые катакомбные могильники у селений Мартан-Чу, Аллерой, Джалка, Шаами-Юрт, Шалажи, Исти-Су, Ахкинчу-Барзой⁵².

Вместе с изучением археологических памятников в послевоенный период публикуются сводные работы и отдельные статьи (в которых в той или иной степени привлекаются и материалы Чечено-Ингушетии) по истории алан.

В 1947 году вышла в свет специальная статья Л.А. Мацулевича, посвященная аланской проблеме, в которой (опираясь на письменные источники и языковые данные) автор берет под сомнение ирано-язычное происхождение сармато-алан, и считает, что последние своими корнями уходят в “яфетическую” племенную толщу, то есть сармато-аланы являются исконными автохтонами Кавказа, название которых распространяется в последующем и на другие, в том числе и ирано-язычные, племена⁵³.

Особое место занимает капитальный труд известного ученого-языковеда В.И. Абаева “Осетинский язык и фольклор”, в котором обобщены и дополнены все предшествующие работы исследователей-иранистов по скифо-сарматской проблеме - исследуемой им, так же, как и его предшественниками исключительно в рамках этногенеза осетин⁵⁴. Этот труд стал своеобразным стрелом доминирующей по настоящее время в научной литературе теории об исключительной ираноязычности племен, известных в древних письменных источниках под названиями “скифы”, “сарматы”, “аланы”, которые генетически связываются с ирано-язычными осетинами. Эта теория, в свою очередь, оказывает значительное влияние на этническую интерпретацию всего комплекса исторических источников, на основе которых пишется древняя история Северного Кавказа - в частности, Чечено-Ингушетии. В этой связи представляется необходимым несколько более подробнее рассмотреть и проиллюстрировать основные положения данной работы.

“От истории языка к языку истории - таков естественный путь лингвиста-историка, такова неизбежная логика его исследовательской работы”, - так В.И. Абаев формулирует основные цели и задачи своей работы. По его мнению, имеется “полное основание определить глоттогенез осетин краткой формулой: осетинский язык - это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате”.

Осетинский-иранский язык, который, как считает В.И. Абаев, “по многим своим признакам противостоит всем остальным новоиранским языкам”, все же “по ряду признаков... можно отнести к одной определенной группе иранских языков, которую можно назвать северо-восточной”. К этой же группе относятся “предполагаемые языки скифов и сарматов (в том числе и алан I - Р. А.), которые, как можно думать, были в ближайшем родстве с осетинским”, языки Припамирья (шугнанский, ваханский и др.), ягнобский, афганский, а также мертвые языки - согдийский, хорезмийский, сакский. Вместе с тем: “Благодаря архаизму форм осетинского языка и необычайной сохранности в нем старого иранского наследия в ряде случаев более показательными оказываются параллели осетинского языка с древнеиранскими (авестийским и древнеперсидском - примерно VI-IV вв. до н.э.), а также с древнеиндийским (санскритом), чем с любым из живых иранских языков”⁵⁵.

При этом однако, на наш взгляд, вероятно следует учитывать, что "исследования последних двух десятилетий (1970-1980 гг.-Р.А.) показали, что оба авестийских диалекта (младоавестийский и гатический), будучи иранскими, принадлежали к так называемым искусственным языкам, каковыми пользовались в индоевропейской сакральной и исторической поэзии, но не в быту (выд.нами-Р.А.)".

“Осетинский словарь, как, впрочем, и другие стороны осетинского языка, - совершенно справедливо констатирует В.И. Абаев, - был до сих пор предметом научного интереса и изучения почти исключительно в иранской его части. Попав в научный оборот как раз в эпоху пышного расцвета индоевропейской лингвистики, осетинский язык разделил участь остальных индоевропейских языков, а именно стал рассматриваться односторонним образом, как материал для индоевропейских этимологий”. С начала XIX века в этом направлении проделана очень большая работа, в результате которой “около 800 осетинских слов нашли себе более или менее удовлетворительные иранские и индоевропейские соответствия”. Вместе с тем, как признает В.И. Абаев, “в процентном отношении эта цифра не так велика, так как общее число слов (вернее, основ) в осетинском следует принять минимально в 4000. Мы имеем, следовательно, около 20% разъясненных индо-европейских слов”. Если к числу “разъясненных” слов прибавить “заимствования из больших языков Передней Азии: арабского, персидского, тюркских и грузинского”, - около 800 (20%), а также “принять для остальных “разъясненных” так или иначе слов максимальную цифру - 400 (еще 10%), то и тогда у нас останется около 2000 слов, т.е. 50% словаря”⁵⁶.

Действительно, число “разъясненных” осетинских слов (“около 800”) из иранских (в том числе и не относящихся к “северо-восточной” группе), индийских и других индоевропейских языков “не так велико” не только в процентном отношении, но и, как представляется, в сравнении с тем очень большим объемом целенаправленных работ, которые велись в этой области на протяжении более 150 лет. Кроме того, выражение “более или менее удовлетворительные” позволяет предположить, что В.И. Абаев не был вполне уверен в безупречности “иранских и индо-европейских соответствий” какой-то части из этих “около 800 осетинских слов”. Опубликованное в последние годы отдельные работы ученых-лингвистов, в которых для целого ряда осетинских слов (из этих “около 800”) устанавливаются нахские (чеченский, ингушский, бацбийский языки) соответствия, а в самих индо-европейских (праиндо-европейских) языках выявляется целый пласт лексики, заимствованной из северо-кавказских (прасеверо-кавказских) языков (кстати, не этим ли в определенной степени объясняется “архаизм форм осетинского языка и необычайная сохранность в нем старого иранского наследия”, в результате чего “в ряде случаев более показательными оказываются параллели осетинского языка с древнеиранскими авестийским и древнеиранским, а также с древнеиндийским - санскритом, чем с любым из живых иранских языков” ?!) очевидно свидетельствуют, что эти сомнения были не беспочвенны, а также - о перспективности целенаправленных научных исследований в области осетино-кавказских и индо-европейско-северо-кавказских языковых связей⁵⁷. В перспективности исследований в области осетино-кавказских языковых связей уверен и В.И. Абаев. Для более успешной и плодотворной работы над дальнейшим анализом осетинского лексического материала (в первую очередь, оставшихся “около 2000 слов”), отмечает он, “необходимо привлечь широко кавказские языки, как соседящие с осетинскими, так и более отдаленные... Мы не сомневаемся, что на этом пути будут вскрыты отношения и связи не менее интересные, и сделаны выводы не менее плодотворные, чем те, которые принесло в своё время изучение осетино-иранских отношений”⁵⁸.

Несмотря на отсутствие удовлетворительных словарей по кавказским языкам и вообще недостаточную изученность этих языков, В.И. Абаев уделяет большое внимание изучению осетино-кавказских языковых связей. В результате этих исследований он приходит к выводу, что кавказский элемент в осетинском языке “занимает особое место, не столько по количеству - понятие количества бывает здесь трудно применимо - сколько по интимности и глубине вскрывающихся связей. Кавказский элемент вошел в осетинский не просто как внешнее влияние - подобно тюркскому, арабскому и др., а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа... кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику”⁵⁹. В пользу этого, в частности, свидетельствуют: Выявленные в осетино-кавказских лексических сходжениях категории слов, “относящихся к достаточно важным в бытовом и культурно-историческом отношении областям (термины религии и культа, названия частей тела, названия животных, названия растений, термины хозяйства и материальной культуры, термины социального круга - Р.А.) и дающие представление о глубине и интимности осетино-кавказских культурных связей”. Более того, “кавказская лексика в осетинском, если к ней присмотреться внимательнее, далеко выходит за пределы того, что можно было бы назвать искусственным языком, каковыми пользовались в индоевропейской сакральной и исторической поэзии, но не в быту (выд.нами-Р.А.)”.

“Осетинский словарь, как, впрочем, и другие стороны осетинского языка, - совершенно справедливо констатирует В.И. Абаев, - был до сих пор предметом научного интереса и изучения почти исключительно в иранской его части. Попад в научный оборот как раз в эпоху пышного расцвета индоевропейской лингвистики, осетинский язык разделил участь остальных индоевропейских языков, а именно стал рассматриваться односторонним образом, как материал для индоевропейских этимологий”. С начала XIX века в этом направлении проделана очень большая работа, в результате которой “около 800 осетинских слов нашли себе более или менее удовлетворительные иранские и индоевропейские соответствия”. Вместе с тем, как признает В.И. Абаев, “в процентном отношении эта цифра не так велика, так как общее число слов (вернее, основ) в осетинском следует принять минимально в 4000. Мы имеем, следовательно, около 20% разъясненных индо-европейских слов”. Если к числу “разъясненных” слов прибавить “заимствования из больших языков Передней Азии: арабского, персидского, тюркских и грузинского”, - около 800 (20%), а также “принять для остальных “разъясненных” так или иначе слов максимальную цифру - 400 (еще 10%), то и тогда у нас останется около 2000 слов, т.е. 50% словаря”⁵⁶.

Действительно, число “разъясненных” осетинских слов (“около 800”) из иранских (в том числе и не относящихся к “северо-восточной” группе), индийских и других индоевропейских языков “не так велико” не только в процентном отношении, но и, как представляется, в сравнении с тем очень большим объемом целенаправленных работ, которые велись в этой области на протяжении более 150 лет. Кроме того, выражение “более или менее удовлетворительные” позволяет предположить, что В.И. Абаев не был вполне уверен в безупречности “иранских и индо-европейских соответствий” какой-то части из этих “около 800 осетинских слов”. Опубликованное в последние годы отдельные работы ученых-лингвистов, в которых для целого ряда осетинских слов (из этих “около 800”) устанавливаются нахские (чеченский, ингушский, бацбийский языки) соответствия, а в самих индо-европейских (праиндо-европейских) языках выявляется

целый пласт лексики, заимствованной из северо-кавказских (прасеверо-кавказских) языков (кстати, не этим ли в определенной степени объясняется “архаизм форм осетинского языка и необычайная сохранность в нем старого иранского наследия”, в результате чего “в ряде случаев более показательными оказываются параллели осетинского языка с древнеиранскими авестийским и древнеиранским, а также с древнеиндийским - санскритом, чем с любым из живых иранских языков” ?!) очевидно свидетельствуют, что эти сомнения были не беспочвенны, а также - о перспективности целенаправленных научных исследований в области осетино-кавказских и индо-европейско-северо-кавказских языковых связей⁵⁷. В перспективности исследований в области осетино-кавказских языковых связей уверен и В.И. Абаев. Для более успешной и плодотворной работы над дальнейшим анализом осетинского лексического материала (в первую очередь, оставшихся “около 2000 слов”), отмечает он, “необходимо привлечь широко кавказские языки, как соседящие с осетинскими, так и более отдаленные... Мы не сомневаемся, что на этом пути будут вскрыты отношения и связи не менее интересные, и сделаны выводы не менее плодотворные, чем те, которые принесло в свое время изучение осетино-иранских отношений”⁵⁸.

Несмотря на отсутствие удовлетворительных словарей по кавказским языкам и вообще недостаточную изученность этих языков, В.И. Абаев уделяет большое внимание изучению осетино-кавказских языковых связей. В результате этих исследований он приходит к выводу, что кавказский элемент в осетинском языке “занимает особое место, не столько по количеству - понятие количества бывает здесь трудно применимо - сколько по интимности и глубине вскрывающихся связей. Кавказский элемент вошел в осетинский не просто как внешнее влияние - подобно тюркскому, арабскому и др., а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа... кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику”⁵⁹. В пользу этого, в частности, свидетельствуют: Выявленные в осетино-кавказских лексических схождениях категории слов, “относящихся к достаточно важным в бытовом и культурно-историческом отношении областям (термины религии и культа, названия частей тела, названия животных, названия растений, термины хозяйства и материальной культуры, термины социального круга - Р.А.) и дающие представление о глубине и интимности осетино-кавказских культурных связей”. Более того, “кавказская лексика в осетинском, если к ней присмотреться внимательнее, далеко выходит за пределы того, что можно было бы назвать заимствованием: она с несомненностью свидетельствует о длительном двуязычии в период формирования осетинского народа и языка”⁶⁰;

Самоназвания отдельных осетинских племен кавказского происхождения: *ir, digor, tual*, а также название осетин, которое идет из грузинского *osi, Oseti*⁶¹;

В иранских словах, так же, как и в грузинских и русских заимствованиях осетинского языка, “выявляется еще одна характерная закономерность: тенденция к полногласию”⁶² III;

“... тождество синтаксических функций осетинских падежей с соответствующими падежами в языках южнокавказской (грузинского, мегрельского) и восточногогорской групп”⁶³;

“... в осетинском, как в южных и восточных яфетических языках Кавказа, вместо обычной в индо-европейских языках системы предлогов, находим систему послелогов, которые, опять-таки как обычно в указанных яфетических языках, требуют родительного падежа”⁶⁴;

“Если прибавить сюда такие факты, как двадцатеричный счет, то осетино-яфетические (кавказские - Р.А.) сходжения вырастают в целую систему, из которой, как из песни, слова не выкинешь”⁶⁵.

Ираноязычные предки осетин, как считает В.И. Абаев, скрывались в составе народов “известных древним под именем скифов, сарматов, алан”. Что касается собственно алан, то В.И. Абаев уверен, что тождество их с осетинами (осами, овсами грузинских источников) окончательно установлено работами Ю. Клапрота и, особенно, В.Ф. Миллера: “Перекрестное сопоставление исторических сведений из грузинских, армянских, византийских, латинских, арабских, русских (летописных) источников не оставляло сомнения в том, что под названием овсов (осетин), ассов, ясов, язигов, алан скрывался один и тот же народ”; “что касается исторических доказательств тождества осетин с аланами, то они сведены вместе В.С. Миллером... Стержнем аргументации является сопоставление различных исторических свидетельств, из которого вытекает с необходимостью, что термины алан, ас, ясс, ос, (осетин) относились к одному и тому же народу”⁶⁶. “Лингвисту остается лишь найти, если возможно, - пишет В.И. Абаев, - материал, подтверждающий, подкрепляющий это и без того достаточно прочно стоящее положение. И такой материал имеется”⁶⁷. Кроме аланских собственных имен и географических терминов рассматриваемых подробно в разделе “Скифский язык”, В.И. Абаев детально анализирует “несколько аланских фраз, записанных в XII в. Византийским писателем Иоаном Цецем в его “Теогонии”, рукопись которой “восходит не к самому И.Цецу (1110-1180), а представляет список XV в.”⁶⁸. Перевод части слов этой записи из осетинского языка соответствует “греческому переводу самого Цеца”. В этой связи В.И. Абаев отмечает: “Имеющиеся в аланском тексте Цеца неясности не снижают его исключительного интереса и значения. Можно сказать без преувеличения, что мы имеем здесь одно из самых ярких и убедительных свидетельств языковой близости аланского и осетинского”⁶⁹. Другим памятником аланского языка считается надпись на Зеленчукской могильной плите, датируемой приблизительно XI-XII вв.: “Несмотря на некоторые неясности, хорошо разбираемое” ос. *furt* “сын”, и собственное имя Амбал, Анбал “позволяют рассматривать этот памятник как осетинский”⁷⁰. При этом более или менее удовлетворительных толкований значений терминов “аланы”, “осы”, “ясы” - из иранских языков В.И. Абаев не дает (см. ниже о “скифском словаре”) имен, племенных названий и топонимических терминов, которые принадлежали тем народам, которых древние знали под именем скифов и сарматов. Далеко не все эти имена и названия удалось пока объяснить. Но если в этой массе терминов есть группа, носящая отпечаток ясной и поддающейся определению языковой индивидуальности, то это - группа иранская. Все, что не объяснено из иранского, в большинстве вообще не поддается объяснению⁷⁵.

Справедливости ради следует отметить, что данные других языков (в частности, кавказских), тем более в таком объеме как данные иранских языков (для разъяснения названных терминов привлекаются данные всех иранских языков - “мертвых” и “живых”, в том числе и тех, которые не относятся к северо-восточной группе иранских языков, в которую входят осетинский и “скифский”), почти не привлекались. Кстати, это признает и В.И. Абаев, допуская при этом возможность наличия в составе племен

известных античным авторам под названиями “скифы” и “сарматы” неиранских элементов: “Если под общим наименованием скифов и сармат скрывались также и некоторые неиранские элементы, что возможно, то приходится согласиться, что для их этнической и языковой характеристики сделано пока недостаточно”⁷⁶; “Таким образом, с точки зрения лингвиста, скифская проблема может быть формулирована так: весьма возможно, что в состав народов, объединяемых древними под названием скифов и сарматов, входили и не-иранские элементы, но с научной достоверностью можем говорить только об иранском”⁷⁷.

Немаловажным аргументом в пользу наличия неиранских элементов в скифо-сарматской среде является, по-видимому, неоднократно констатируемый В.И. Абаевым факт, что часть этих терминов не поддается объяснению из иранских языков: “Далеко не все эти имена и названия удалось пока объяснить (из иранских языков - Р.А.)”⁷⁸; “Пересмотрев заново весь материал, мы должны признать, что имеется значительное количество слов, имен и названий, которые не могут быть объяснены ни из греческого, ни из иранского”⁷⁹; “... значительный процент скифских собственных имен не удастся все же объяснить из иранского”⁸⁰.

Однако, несмотря на это, В.И. Абаев считает возможным обозначить термином “скифский язык” только лишь иранские элементы: “Термин “скифский язык” мы употребляем как общее название для всех иранских скифо-сарматских (в том числе и аланских - Р.А.) наречий и говоров, которые существовали на территории Северного Причерноморья в период от VIII-VII вв. до н.э. до IV-V вв. н.э.”⁸¹. Более того, по мнению В.И. Абаева: “Пока неиранские элементы не выявлены с такой же отчетливостью как иранские, такое употребление вполне законно”⁸². Осетинский язык рассматривается им “как непосредственный продолжатель скифского”⁸³.

На основании поддавшихся объяснению из иранских языков (“скифо-сармато-аланских”) терминов В.И. Абаев составил “Словарь скифских основ”: “Элементы скифской лексики разбросаны в собственных именах, топонимических и племенных названиях, сохранных нам в многочисленных исторических, географических и эпиграфических источниках. В нижеследующем мы делаем попытку извлечь оттуда, и расположить в алфавитном порядке. Мы получим таким образом некие рудименты скифского словаря”⁸⁴. При этом он подчеркивает, что избегал “натянутых и сомнительных сближений и толкований” и отваживался “на анализ лишь тогда”, когда чувствовал “твердую почву под ногами”⁸⁵. Однако приведенные В.И. Абаевым толкования значений целого ряда собственных имен представляются в достаточной степени искусственными (основанными на произвольных манипуляциях сходных по звучанию слов и понятий, без учета реалий эпохи, культурного уровня и мировоззрения населения оставившего эти имена). Толкователи “скифских” имен очевидно не задаются вопросом, могли ли “скифы”, тем более жившие оседло в Причерноморских греческих городах-колониях (подавляющее большинство разьясненных собственных имен собрано с надмогильных плит этих колоний) давать своим детям такие имена как: “Женоубийца”, “Шестиглавый”, “Вдовец”, “Безголовый”, “Имеющий здоровую жену” (“здоровых жен”), “Находящийся в подчинении женщин”, “Раб”, “Мужеубийца”, “Жертва” и др.⁸⁶ В.И. Абаев критикует предлагаемое Юсти и Вс. Миллером разьяснение имени скифского вождя “Плотник”: “При этом даже не ставится вопрос, могли ли существовать у кочевников-скифов профессиональные плотники”⁸⁷. В то же время, объяснение другого скифского имени “Строитель” у него сомнений не вызывает,

как и, вероятно, существование “у кочевников-скифов” профессиональных строителей⁸⁸.

Вызывает сомнения и возможность существования у “скифов” таких имен как “Волкоед”, “Пронзающий оленя”, “Истребитель волков”, так как олень и волк, как неоднократно подчеркивает В.И. Абаев, были наиболее почитаемыми тотемными животными у “скифов”: “часть скифов именовала себя по имени своего тотемного животного - оленя”, а название другого тотемного животного - волка “попало под запрет, его нельзя было произносить”⁸⁹. Если к тому же учесть признаваемые В.И. Абаевым, возможные неточности и искажения в передаче греческими (или латинскими) буквами действительной формы, звукового облика “скифских” имен (этнонимов и топонимов), а также отсутствие в источниках “даже намек” об их значениях⁹⁰, то вряд ли возможно считать бесспорными и окончательными толкования происхождений и значений определенной части (в том числе - и приведенных выше) терминов, предлагаемые В.И. Абаевым и его предшественниками. Как считает известный специалист по ономастике В.А. Никонов: “На каждую сотню этнонимов трудно найти один, этимологию которого можно признать бесспорной”⁹¹. “Возможно, это утверждение слишком строго, - пишет Я.С. Вагапов, - но к нему надо прислушаться, чтобы не обмануться самому и не вводить в заблуждение других утверждениями в бесспорности толкования происхождения и значения рассматриваемого имени”⁹².

Некоторые вопросы и сомнения вызывают и толкования происхождения целого ряда лексем “скифского словаря” (“около 200 слов-основ”), IV”извлеченных” из терминов (антропонимов, этнонимов, топонимов), разъясненных (вышеуказанным образом) из иранских языков, хотя по мнению В.И.Абаева “он не оставляет места для какой-либо ошибки или сомнения относительно языковой (иранской - Р.А.) принадлежности разобранных имен и названий”⁹³. Правда, он все же признает, что “в некоторых случаях, помеченных вопросительным знаком (14 слов-основ - Р.А.), мы допускаем возможность иной интерпретации”⁹⁴.

Значительная часть представленных в “скифском словаре” “слов-основ” “восстанавливается” из бытующих в современном осетинском языке лексем. Толкования происхождения из иранских (в основном, из древнеиранских - авестийского и древнеперсидского) и древнеиндийского (санскрит) языков большинства из них (но не всех), очевидно “не оставляет места для... сомнения относительно языковой (иранской - Р.А.) принадлежности” этих осетинских лексем. Это позволяет предполагать (с большей или меньшей долей уверенности) иранскую языковую принадлежность древних терминов, разобранных с помощью этих лексем.

Около 40 “слов-основ”, которые связываются с иранскими (древнеиранскими) языками, отсутствуют в языке осетин. Конечно, это можно объяснить и тем, что “в лексике осетинского языка с течением времени должно было утратиться много старого, скифского (иранского - Р.А.) и появиться много нового, главным образом в результате смешения и под влиянием соседних кавказских языков”⁹⁵. Тем не менее это объяснение остается всего лишь голословным предположением.

Вместе с тем, более 40 “слов-основ”, бытующих в осетинском языке, нет в иранских языках, что не исключает их возможное бытование в “скифском языке”, но в пользу ираноязычия “скифов” (“сарматов”, “алан”) они ничего не дают.

Слова, толкования происхождения которых вызывают сомнения (более 40 “основ”), встречаются во всех выделенных выше категориях “скифских слов-основ”. Среди них выделяются лексемы, имеющие параллели в кавказских (в частности, в нахских) языках, в числе последних и те, которые не являются заимствованиями из каких-либо других (в том числе индоевропейских) языков. Приведем некоторые из них в том же алфавитном порядке, что и в “скифском словаре” В.И. Абаева.

“akasa (a-kas) - “целый”, “невредимый”, “здоровый” — agas —> igas (ос. oegas, igas); ср. пехл. kas -, перс. kaṭ -, kastan “уменьшать”; ср. венгерское (из аланского) egesz “целый, здоровый” (“а - привативная частица “не-”, “без-”)⁹⁶

“Скифская основа” akasa “восстанавливается” из ос. oegas, igas, которое возводится к пехл., перс. kas, kah, kastan). Однако, не меньше оснований связать e%o (а также пехл., перс. kas, kah, kastan) с нах. каса “резать”: чеч. инг. каста(н), цаста(н) “разрезать”, “кромсать”, кисик, каск, кеск “кусок”, “отрез”, киес “прокос”⁹⁷. Вместе с тем, не исключена связь ос. oegas, igas с чеч. йекъаз “нераздельный”, “неуменьшенный”, “целый” от чеч. йекъа (диекъа, виекъа, биекъа) “разделять”, “уменьшать”.

“alan, allan “название скифского племени”, из агуана “арийский”, “ариец”; ос. allon “самоназвание осетин в сказках”⁹⁸.

Этнический термин “alan, allan” В.И. Абаев не этимологизирует, ограничиваясь лишь тем, что возводит его к древнеиранскому агуана (см. ниже - “агуа”, “агуана”). Это предположение никак не аргументируется. Осетинское allon он считает эквивалентным термину “alan, allan”, что представляется не только неоспоримым, но явно ошибочным и основанным на случайном звуковом сходстве. В специальной статье, посвященной этому вопросу В.И.Абаев обосновывает свое мнение так: “Исходя из др. ир. агуана, мы должны были закономерно получить в осетинском [через ступени al(y)ana, al(l)ana, al(l)an] allon... И мы, действительно, такую форму находим в осетинских сказках. Герой сказки попадает в дом людоеда в отсутствие последнего; жена людоеда прячет его; приходит домой людоед, и понюхав, говорит: “здесь пахнет... “аллоном-биллоном”; по-осетински: am allon-billon’ smag coeury. Allon-billon - очевидно, племенное название. Первая часть, allon, представляет идеальное, по осетинским фонетическим законам, соответствие старому агуана. Во второй части billon можно видеть бессмысленную аллитерацию к первой”⁹⁹.

Как видно, осетинское allon встречается только в сказках, и только в словосочетании allon-billon, а последние - только в речи “людоеда”, и только в связи с “запахом”! Увидеть здесь в allon - “самоназвание осетин в сказках” можно, вероятно, только при очень большом желании.

В чеченском языке не только в сказках, но и в живой речи широко употребляется словосочетание “илла-билла”, которое служит для категорического утверждения безусловности, несомненности предмета речи: Дан деза “надо сделать” (букв. “сделать надо”) - илла-билла дан деза “(безусловно), надо сделать”; хьожа йогIу кхузахь “здесь пахнет” (букв. “запах идет здесь”) - илла-билла хьожа йогIу кхузахь “(несомненно) здесь пахнет” и т.д. Звуковое сходство илла-билла с allon-billon представляется очевидным. Вполне вероятно, они имеют одинаковое значение и, более того, allon-billon в осетинском языке восходит к кавказскому субстрату - нахским языкам. Кстати, если бы это словосочетание бытовало в осетинском языке в форме илла-билла (как и allon-billon - только в сказках, только в речи “людоеда” и только в том же контексте), то

первая часть, илла, с такой же закономерностью, что и allon, как свидетельствует В.И.Абаев, была бы получена из того же древнеиранского arya, aruana - авестийского airya¹⁰⁰.

“alud “пиво”, древнегерм. Alut, ос. oeluton: ...ос. oeluton “пиво”; восходит к древнегерманскому alut “пиво”; (англ. ale); сюда же финское olut “пиво”, литов. alus, древнерусское олуй “пиво”¹⁰¹.

“Скифская основа” alud “пиво”, как и ос. oeluton, в иранских языках не имеет параллелей. “Восстанавливается” из древнегерманского alut. Ос. oeluton, через аланское alut, скифское alud, древнегерманское alut возводится к североевропейскому alud “пиво”¹⁰². В свою очередь, груз. alud, ludi “пиво”, по мнению В.И. Абаева, происходит от ос. oeluton: “Усвоив название пива alut, у германских (или финских) племен, аланы, в свою очередь, передали его своим соседям на Кавказе, грузинам”; хевсуры “как и другие грузинские племена, судя по названию пива ludi, aludi, восприняли культуру пива у осетин (алан)”¹⁰³.

Эти объяснения, на наш взгляд, трудно признать правомерными. Дело в том, что, по признанию самого В.И. Абаева, слово oeluton со значением “пиво” в осетинском языке (как и в других иранских языках) нет¹⁰⁴. “Загадочное слово oeluton” встречается в разговорной речи осетин в выражении “бери (или давай) побольше, ведь это не алутон”! Или “почему так мало? Ведь это не алутон”¹⁰⁵. Значение этого слова в осетинском неизвестно. Уже в конце XVIII в. “алутон был достоянием легенд”. В осетино-русско-немецком словаре Вс. Миллера значение алутон дается как - “чудесная пища” “золотого века”, которая утоляла голод навсегда”. В осетинском фольклоре отмечено два факта упоминания этого слова: в первом случае речь идет о “чаше, полной илатона”; во втором - упоминается пиво, сваренное как алутон или “по-алутоновски” (aeluton - funx boegoeni). По мнению В.И. Абаева: “Первое из цитированных мест не оставляет сомнения, что алутон/илатон - какой-то напиток. Второе позволяет уточнить, какой именно: речь идет о пиве, сваренном каким-то особым образом”. Исходя из этих двух фактов, В.И. Абаев “ухватился за значение “пив%”, как единственное конкретное и хорошо документированное значение” для oeluton¹⁰⁶. Однако если в первом случае возможно и подразумевается “какой-то напиток”, то второе “из цитированных мест” достаточно прозрачно, на наш взгляд, указывает на то, что в данном контексте слово aluton никак не может иметь значения “пиво”, так как оно служит прилагательным к слову “пиво” - boegoeni. На основании своей догадки и звукового сходства ос. oeluton с древнерусским оль, олуй, английским эль (ale), древнегерманским alut, а также с грузинским ludi, aludi “пиво”, В.И. Абаев уверенно “восстанавливает” для него значение “пиво”¹⁰⁷. Для подкрепления этого тезиса он привлекает этнографический материал: “Ко дню праздника “Уацилла” (божество урожая - Р.А.) варили пиво. В день праздника наполняли большую чашу этим пивом, и оставляли на целый год в “кувандоне” (святилище). Через год, в тот же день, когда народ приезжал на богомолье, из этого пива давали в небольших дозах больным (в частности, эпилептикам). Считалось, что это исцеляет их. Так повторялось из года в год, и напиток назывался “алутоны баганы”, т. е. алутоновское пиво. Вместе с пивом оставляли особо приготовленный пирог. Во время праздника “Уацилла” давали крошечные кусочки каждому богомольцу, предварительно обмакнув их в алутон. Богомольцы уносили кусочки домой, и делили их между членами семьи. Этот пирог назывался “алутоны уалибах”, т. е. алутоновский пирог”¹⁰⁸. Однако, как нам представляется, цитируемый материал не только не подкрепляет, но со всей

очевидностью опровергает мнение В.И. Абаева. Судя по контексту, в нем идет речь о языческом ритуале, обряде очищения, освящения, который, по справедливому замечанию В.И. Абаева, “можно сравнить до некоторой степени с христианским “причастием”¹⁰⁹. Слово *oeluton*, вероятно, имело значение - “прошедшее (-ий), ритуал (обряд) очищения, освящения”, “очищенное (-ый), освященное (-ый)”. В таком случае “алутон баганы”, “алутон уалибах”, очевидно, означало: “прошедшее, ритуал (обряд) очищения, освящения, пиво”, “очищенное, освященное пиво”; “прошедший, ритуал (обряд) очищения, освящения, пирог”, “очищенный, освященный пирог”. В свете изложенного мнение о том, что культуру пива и его название грузинские племена восприняли у осетин (алан) содержит значительный, на наш взгляд, элемент дискуссионности. Вместе с тем представляется возможной связь ос. алутон с чеч., инг. алу, алие “пламя, огонь” - алудан, алиедан (букв. “пламя делать”) “очищенный пламенем”; ср. чеч., инг. *цIе, цIи* “огонь” - *цIидан* (букв. “огонь делать”) “очищенный огнем”, “кипятить”, “варить”, “жарить”, “раскалять (о металле)”.

“арга “водная глубь” (ар “вода” + суффикс -га?) — ар; ср. ос. *arf* “глубокий”¹¹⁰.

В других иранских языках *arf* “глубокий” и “восстановленное” из него арга “водяная глубь” не отмечено¹¹¹. Предположение, что ар “вода” + суффикс га (который в иранских языках “обозначает движение от внутреннего пункта наружу”¹¹²) могло дать значение “водная глубь” представляется сомнительным, т.к. если бы в иранских языках действительно существовало бы слово арга (из ар “вода”+суффикс-га), то оно скорее должно было бы иметь значение “из воды”, а не “водная глубь”. Вызывает сомнения и “словарная основа” ар “вода” (как и “восстанавливаемое” из нее ав “вода”, в ос. *avg* “стекло” и *av-dew* “демон”), так как не указывается в каком из иранских языков северо-восточной группы есть слово ар означающее “вода” (слово *ab* “вода” есть в языке фарси, но он не входит в упомянутую группу), но в том же “словаре” приводится др.-инд. и авест. ар со значением “достигать”¹¹³. Вместе с тем близкое “арга” по звуковому облику слова *апар, апари* (в диалектах *епари, иепар*), а также диалектные формы - *ип, ипп, эп, иэп* “желоб, водопровод, русло, канал, широко представлено в чеч., инг. языках и восходит очевидно к родственным хуррито-урартским языкам (ср. урарт. *епели* “канал”)¹¹⁴. Что касается ос. *arf* “глубокий”, то его надежнее связать с чеч., инг. *кIуорг, кIуарг* “глубокий”, а также: *уор, уар* “яма” (ос. из чеч., инг. *woerm* “яма”¹¹⁵), *арка, ахка* “копать”; *арк, эрк, ахк* “узкое глубокое ущелье, впадина, гидроним”; название реки *Аргун* - чеч., инг. *Уорга, Уарга*.

“ар “находить”, добывать”, “рождать”, ос. *арун/јерун* (из *bar* —> *war* -?)¹¹⁶.

“Основа” ар “восстанавливается” из ос. *арун/јерун*. Последнее надежнее связать с нахским глаголом (с классными показателями в, д, б, й) *ван, дан, бан, йан* “нести” и его масдарно-причастной формой *вар, дар, бар, йар* “несущий”, нашедших отражение в индо-европейских языках: и.-е. *bher*, др.-инд. *bhar* “нести”, “носить (в чреве)”, “рождать”, сл. + *берь* “сбор”, + *брати* “собирать, брать”, + *дара* “милость, дар”, + *бердиа* “беременная”¹¹⁷.

“*ardar* “господин”, “князь”: ос. *oeldar* из *oerm-dar* (— *armadara*) “рукодержец”; “*handhaber*”; из аланского усвоено в венгерский (*aladar*) и монгольский (*aldar*)”¹¹⁸.

В других иранских языках это слово не встречается. В венг. *aladar* “начальник охраны”, в монг. *aldar* “слава”, в калм. *aldar* “господин”. В чеч. инг. в форме

элдар/аьлдар имеет значение “благородный”, более широко употребляется как личное имя - Элдар, Аьлдар. Из нахских языков aldar объясняется “скот имеющий”, “богатство имеющий”, то есть “богач, скотовладелец”. Начальный хь- в хьал, хьелий (хьалай) - протетический согласный, заменяющий гортанный смычный звонкий согласный “ъ”, который в начале слова носит характер факультативного звука. Для хьал “богатство” и хьелий (хьалай) “крупный рогатый скот” восстанавливаются формы ал (ъал) и элий (ъалай). Первая часть этого термина ал связана также с другим нахским социальным термином але (бацб.), аьли, аьла (инг.) эли, эла, аьла (чеч.) “князь”, “господин”, с хурр. allai “госпожа”, “владычица”, уарт. allau “господин”¹¹⁹.

“агна - “дикий, свирепый”, ос. аегнаег, др.-инд. агана; авест. агуна, г(%)па “дикий”¹²⁰.

“Основа” агна “восстанавливается” из ос. оегноег “свирепый”, которое возводится к др. инд., авест. агана, агуна, г(%)па “дикий”.

В то же время, представляется более вероятной связь ос. оегноег с чеч. диера, диери, даьра, инг. даьр “злой, свирепый, раздраж(%)нный” с окаменелым показателем грамматического класса д-, образованного от нахского глагола +варан, +йаран, +даран, +баран “резать, кроить, кромсать”. Соответствия этому глаголу известны и в индо-европейских языках: ср. и.-е. bher “резать”, авест. бар “резать”, сл. +йарота, болг. йарота “ярость, гнев”, хорв. йар “горячий, крутой, жестокий”, “гнев, ярость, жестокость”¹²¹. Ср. также чеч., инг. эрнаг, аьрнаг (где -наг суффикс, обозначающий принадлежность) “возбужденный”.

“arta -> ard - одно из важнейших религиозных понятий иранского мира “божество”, “олицетворение света, правды”, др.-перс. arta - авест. asa-, ос. ard “клятва”, первоначально “божество, которым клянутся”¹²².

Представляется возможной связь ос. ard с нах. арда, эрта, элда, элта, йерда, йорда - различные варианты слова со значением “божество (языческое)”, “святилище”¹²³.

“агуа - “ариец”, “арийский” - al[y]a, др. перс. агиа; авест. аиуа; “агуана” - “арийский”, “ариец” —> alyana —> allan (alan)¹²⁴.

Толкование значения агуа, агуана В.И. Абаев в своем “словаре” не дает. Правда, в самом начале данного труда, в сноске, высказывается предположение, что древние иранцы и индийцы называли себя агуа “арийцами”, то есть “детьми неба” (от корня аг “небо”)¹²⁵. Однако это объяснение вероятно вызывало серьезные сомнения и у самого В.И. Абаева, так как он все же не решился включить его в “скифский словарь”. Среди “различных, часто взаимоисключающих” толкований значения агуа специалистам по индоиранской проблеме наиболее убедительной представляется интерпретация П.Тиме, по которой агуа связывается по происхождению с agi, обозначавшем в ведийскую эпоху “чужак, пришелец, иноземец”.¹²⁶ Исходя из этого, предполагается, что “ведийское агуа первоначально должно было означать “имеющий отношение к пришельцам”, “благосклонный к пришельцам”, а агуа (арий) - “гостеприимный” (в противоположность нечестивым варварам), а также “хозяин, человек благородного происхождения, свободный”, “благородный, свободный человек”¹²⁷.

Данное толкование также представляется нам в достаточной степени противоречивым и сомнительным. В первую очередь вызывает сомнение сама возможность такого кардинального изменения значения одного и того же слова, в одних и тех же (в данном случае индоиранских) языках - “чужак, пришелец, иноземец”, в “хозяин, человек благородного происхождения, свободный”, “благородный, свободный человек”. Как уже было нами отмечено выше, по сформулированному В.А. Никоновым “закону ряда” “названия не возникают в одиночку, они соотнесены друг с другом, они стоят как бы в ряду названий, коротком, это пара названий, или более длинном”¹²⁸. Следовательно, слово *agī*, в основе которого лежит понятие “чужой” в индоиранских языках (если *agī* действительно индоиранское слово) должно было изначально возникнуть с другим (соотнесенным с ним) словом, в основе которого лежало понятие “свой”, т.е. *agī* “чужой” не могло возникнуть (и существовать) в одиночку, без слова с понятием “свой” или наоборот. Если в индоиранских языках было слово (а оно должно было быть) в основе которого лежало понятие “свой”, то не ясно: во-первых, почему оно не стало основой для самоназвания индоиранцев; во-вторых, почему в основу самоназвания индоиранцев легло понятие “чужой”; в-третьих, почему это понятие “чужой”, лежавшее в основе слова *agī* “должно было” измениться на (ещё одно!?) понятие “свой”.

Кроме того, если *agya* (из *agī*) действительно исконно индоиранское слово, ставшее основой самоназвания индоиранских племен, то получается, что изначально они сами себя называли (и считали) “чужаками, пришельцами, иноземцами”, что, на наш взгляд, лишено какой-либо логики и представляется крайне сомнительным. Не менее сомнительным представляется и объяснение “самоназвания” индоиранских племен (“ведийское *agya*”) - “имеющий отношение к пришельцам”, “благосклонный к пришельцам”, так как в таком случае “ведийское *agya*” также не могло быть самоназванием индоиранцев (которые, в сущности, сами и являлись пришельцами), а должно было, судя по контексту, относиться к местному, аборигенному, не индоиранскому населению (“благосклонному к пришельцам”) той территории (или территорий), куда индоиранцы “пришли” (Сев. Индия, Центральная и Передняя Азия).

Таким образом, приведенная выше интерпретация термина *agya* (из *agī* “чужак, пришелец, иноземец”) может, на наш взгляд, иметь место, если при этом учитывать, что *agī* (*agya*) не исконно индоиранское слово. Скорее всего в этом случае (*agya* из *agī* “чужак, пришелец, иноземец”), оно идет из языка (или языков) древнего, до индоиранского населения Сев. Индии и шире - Передней и Центральной Азии, для которого индоиранцы и были “чужаки, пришельцы, иноземцы”. Позднее индоиранцы могли заимствовать *agī* (*agya*) как самоназвание у покоренных ими племен, но вложив в него новый смысл - “хозяин, человек благородного происхождения, свободный”, “благородный, свободный человек”.

Следует отметить, что *agī* “чужак, пришелец, иноземец” сближается с чеч., инг. *ar*, ара, арие “место, пространство снаружи, вне чего-либо”, “территория, неограниченная какими-либо границами”, “неограниченное пространство”, “чужая территория”. Ср. ара *naḥ* (-ра - окончание исходного падежа, *naḥ* - “люди”, “народ”) - “люди (народ) места (территории, пространства) снаружи, вне чего-либо”, “чужие”, “посторонние”, “иноземцы”, “пришельцы”¹²⁹.

Исследования 1980-90-х гг., в результате которых выявляются факты, свидетельствующие о генетической связи древнего населения Северной Индии, Ирана,

Афганистана, Средней Азии, Северо-Западного Китая с носителями северокавказских (в том числе и нахских) языков, а также - связи последних с индоевропейскими языками, позволяет предположить, что это соответствие не случайно¹³⁰. Вместе с тем, чеч., инг. аре, арие имеет и значение “равнина”, “степь”¹³¹ (Ср. также лак. ар “равнина”¹³²). В таком случае агуа должно было означать “равнинные”, “степные” или “равнинники”, “степняки”.

“as “сарматское племя”, “асы”, “яссы”, “осетины”, ос. Asi (перенесено на балкарцев)”¹³³.

Из осетинского и других иранских языков не объясняется. Правда, В.И. Абаев, ссылаясь на Фасмера, осторожно замечает, что этот термин восходит “может быть к авест. asi “быстрый”.¹³⁴ В основе современного названия “осетины” лежит груз. этнический термин оси, овси. Сами осетины этим термином (Аси) обозначают балкарцев. Встречается в хакас. ас “рот, устье реки”, в хант. ас “река, большая река, большая протока”, в эст. ас “влажный луг”, в венг. асо “долина, низменность”¹³⁵.

Вместе с тем, “в нахских языках аса “полоса ровной земли”, вероятно, вначале “долина”. В устойчивом словосочетании эсира мох - “степной ветер” это вайнахское эсира состоит из окончания исходного падежа -ра и того же -ас-, обнаруживая в нем и бывшее значение “степь”. За аса надо видеть древнее нарицательное слово со значением “река”, “долина”, общая для древних языков Евразии”¹³⁶. Ср. также нах. ас “родник, источник”¹³⁷.

“da “давать”; ос. doedtun, авест. dadami “я даю”¹³⁸.

“Восстанавливается” из авест. dadami “я даю” (?) и ос. doedtun (значение не дается). Ср. чеч., инг. дала, бала, вала, йала “давать, дать” с показателями грамматических классов¹³⁹.

“da “устанавливать”, “создавать”, “творить”, др.-инд. dha-, авест. da-”¹⁴⁰.

“Основа da “восстанавливается” из др.инд. dha-, авест. da-. В ос. нет.

Соответствует нахскому глаголу дан (ван, йан, бан) “делать” с классным показателем д-, чеч., инг. дан, ван, бан, йан¹⁴¹.

“danu “река”, авест. danu “река”, ос. don “вода”, “река”.

“Скифское” слово danu “река” (“малоупотребительное в других иранских языках”) “восстанавливается” из авест. danu, ос. don, которые возводятся, вместе с др.инд. danu “сочающаяся жидкость”, “капля” к и.-е. danu “течь”¹⁴².

Предлагаемое объяснение “скифской основы” danu “река” в свете новых данных представляется односторонним и неубедительным. “Дело в том, что корень dan/dun в значении “низ, впадина, русло, вода, влага” представлен во многих языках, в том числе и славянских, семитских и нахских, ср. араб. д-н-у “низ, низина, низкий”, данийа “быть низким”, ...дунйа “низкий, низший, земной”, егип. даниуна, хеттск. аданаванай “народ Аданы, народ моря”, др.греч. данайой “данайцы, греки-мореплаватели”..., мифический ДАНАЙ - “бог источников, персонифицированный образ влаги”, 50 дочерей Даная -

Данаиды - это образ рек и водоёмов, Данаид - бочка - бездонный сосуд... Сюда же, ...сл. дно, донья, бездонный, бездна..., др.англ. denn “нора”, deny “долина”, нем. denne “углубление, долина”, скандинавск. Danir “датчане, даны, жители низменности” и т.д.”143.

Особого внимания заслуживает и нахский материал: нахский глагол дан (ван, йан, бан), совр. чеч. дан (ван, йан, бан) “идти, двигаться, течь” с классным показателем д- (ср. и.-е. danu “течь”), от глагола дан “течь” - дана “текущая”; чеч. тIуьна (диал. тIуна, тIона, тIони), инг. тIин “влажный, мокрый, сырой” восходит к тIана —> дана (оглушение д- дало чеченские названия рек Таьнга, Жима Тана - жима “малая, маленькая”), ср. чеч. диал. тIано “сырость”, “влажность”, “влага”144.

“dar “держать”, “владеть”, “носить (о платье)”, авест. dar-, ос. darun”145.

“Восстанавливается” из авест. dar- (кстати, авест. dar- имеет только значение “держать”) и ос. darun. Встречается и в других и.-е. языках: перс. dar-, бел. darag, арм. dar-, пар. der- “иметь”, “держать”; ягн. dog-, парф. dar-, пехл. dar-, авест. dar- “держать”; др.инд. dhar- “держать”; сл. държ; русское “держать” и др.146

Совпадает с нахским причастием, имеющим четыре варианта, обусловленных категорией грамматического класса: дар, вар, бар, йар “имеющий, сущий, являющийся”. “Образуется это причастие от вспомогательного глагола ва, йа, да, ба “есть, имеется”147. Сюда же нахская масдаро-причастная форма дар, вар, бар, йар “делающий” и название действия по глаголу “делать”148.

“darana ср. ос. doeroen kaenun “сокрушать”, “громить”, др.инд. dar- (drnati) “рвать”, “раздирать”, русск. деру, драть”149.

Др.инд. dar-, ос. doeroen, русск. деру, драть, а также и.-е. der “колоть””, “раскалывать”, “сдирать шкуру” соответствуют нахскому классному глаголу даран (варан, баран, йаран) “резать, кромсать, кроить” с классным показателем д-, также как и.-е. bher “резать”, авест. бар “резать” связаны с нахской формой баран “резать, кромсать, кроить” с классным показателем б-.150

“hunura “способность”, “дар”, авест. hunura”151.

В ос. нет. Соответствует чеч., инг. хьунара “способность”, “талант”.

“kana “конопля”, ос. goen id; более старая форма сохранилась в koettag “холст”, “полотно” (из koentag, ср. tag “нить”); ср. также сванское (из осетинского?) kap “конопля”152.

В других, в том числе и иранских, языках не отмечено. Чеч., инг. кан “колос”, канаш, кенаш “колосья”, вероятно, из пранахского ган-//клан- “разветвление, почка (растения)”153. Объяснение kaettag “холст”, “полотно” из koentag представляется искусственным (tag “нить” - см. ниже). Ср. чеч., инг. гат, гатаг, гатиг, “холст”, “полотно”, “полотенце”. Вероятнее ос. goen из кавказских языков, в частности, из сванского kap (а не наоборот).

“karsa “резкий”(?), “строгий”(?), ос. karz, авест. kŕŕsa- “худой”, др.инд. krsa-”154.

Основа *karsa* “резкий, строгий” “восстанавливается” из ос. *karz*. Однако предполагаемая связь ос. *karz* в указанных значениях с авест. *kŕr̥sa*, др.инд. *kṛsa* “худой”, “тощий” “представляется неубедительной на фоне связей его с вайнахским *karzax* “буйный”, “необузданный”. Осетинское *karz* “скорее всего нахское наследие в осетинском”¹⁵⁵.

“os- “жена”, “женщина”, ос. *osoe*, *us* к др.инд. *yosit*?”¹⁵⁶

“Скифское *os* “восстанавливается из ос. *osoe*, *us* “женщина”. В иранских языках неизвестно. Возводится (предположительно) к др.инд. *yosit*.

Вместе с тем не исключена связь ос. *osoe*, *us* с чеч., инг. *sie*, *stie* “самка”, “женщина”, су-, сту-, уст- “жена” (в сложн. словах: су(н)нана, сту(н)нана, устнана “теща” - букв. су(н)-, сту(н)-, уст- “жены” + нана “мать”; су(н)да, сту(н)да, устда “тесть” - букв. су(н)-, сту(н)-, уст- “жены” + да “отец”), *siessa* “жена” - букв. “самка”, “женщина” + *sa* “человек”. Ср. также чеч., инг. *osad*, *uosad* - “немужественный”, “немужчина”.

“*porata* “река”, ос. *ford* “большая река”, “море”:

...”река Прут по скифски” (Геродот)... судя по осетинскому *ford*, получило нарицательное значение “большой реки”, в скифский язык попало, возможно, из какого-то другого языка, так как падежных иранских соответствий не видно”¹⁵⁷.

“Скифская основа” *porata* “восстанавливается” из ос. *ford/furd* “большая река”, “море”, которое, по мнению В.И. Абаева, “безупречно соответствует старому названию реки Прут” - Пората. В иранских языках не отмечено.

Ос. *ford/furd*, вероятно, соответствует чеч. *xŏrd*, *xŭrd*, *xŏyrd* “море”. Возможность заимствования последнего из осетинского языка представляется сомнительной, т. к., судя по фольклору, легендам и преданиям, ос. *ford/furd* используется в основном значении “большая река”, а в значении “море” с незапамятных лет используется заимствованное из тюркских языков *denjiz* - чеч. *xŏrd* (*xŭrd*, *xŏyrd*) имеет только одно значение - “море”¹⁵⁸.

Что касается старого названия реки Прут - Пората, то объяснение его как “большая река” (или “широкая”¹⁵⁹) также вызывает определенные сомнения - река Прут не больше и не шире Дуная, Днестра, Днепра, Дона, поэтому характеристика “большая”, “широкая” именно для этой реки представляется спорной. Вместе с тем, “и.-е. *prut* “фыркать, прыскать”, герман. *frut* “пениться, шипеть” (швед. *frudo* “пена волны”, англ. *froth* “пена, пениться, кипеть” и т. д.) ...слав. *prudъ* “поток, напор, быстрое течение” ...дает... основания с достаточной долей вероятности предполагать, что река Прут получила свое название по стремительному, быстрому течению. Не случайно её название в греческом было передано как *пюретес* “лихорадка, горячка”¹⁶⁰.

“*saka* “олень”, ос. *sag* “олень” собств. “ветвисторогий”, “сохатый”, от *saka* “ветвь, сук”; ср. др.инд. *sakha*- “сук”, перс. *sax* “сук”, “рог”, лит. *saka* “сук”, “ветвь”, “олений рог”, латыш. *sakas* “вилы”, русск. *соха*, *сохатый* (олень), ср. ос. *sagoj*ное “вилы” при *sag*

“олень”; отсюда тотемическое племенное название сака “скиф”, “принадлежащий к тотему оленя”¹⁶¹.

“Скифская основа” сака “олень” “восстанавливается” из ос.sag “олень” (на основании которого предполагается, что название среднеазиатских кочевников сака означало “олень” или принадлежащий к тотему “олень”, “сохатый”)¹⁶². Из “восстановленного” таким образом “скифского” слова сака “олень”, “восстанавливается” (и предполагается “существование”) др.иран. сака “ветвь, сук”¹⁶³, к которому, в свою очередь, возводится ос.sag “олень”, из которого и “восстанавливается” “скифская основа” сака “олень”...!? Предлагаемое В.И. Абаевым толкование происхождения и значения “скифского” сака представляется нам в достаточной мере запутанным и сомнительным, т.к.: во-первых, ни в одном из индо-иранских языков ос. sag (как и “скифское” сака) в значении “олень” не встречается; во-вторых, в индо-иранских языках не отмечена форма сака “ветвь, сук”; в-третьих, ни в одном из приведенных В.И. Абаевым языков (как впрочем и в других индоевропейских языках) понятие “сук”, ветвь” не лежит в основе названия оленя: ср. лит. сака “сук”, “ветвь”, “олений рог” - но elnus, alnis “олень”, “лось” (кстати, русск. нарицательное название лося, реже оленя - “сохатый” восходит к русск. “соха”, а не к русск. “сук”).

В этой связи представляется ошибочным и предположение В.И. Абаева, что ос. sag “олень” исконно “иранское слово, усвоенное отсюда в языки чеченской группы: чечен. saj, ингуш. sej, тушин (бацб. - Р.А.) sag (?)”, а также каб. sl̥ṭh, абхаз. са (а-са) “олень”¹⁶⁴. Тем более, что чеч. сай (диал. саг), инг. сей, бацб. саг “олень” связано с нах. саг “олень”, “человек”, “мужчина”¹⁶⁵ (в основе которого лежит нах., чеч., инг., са “свет”, “душа”, “живое”, “животное”, “человек”¹⁶⁶) и очевидно имеет в нахских языках древние корни, возможно (ср. каб. sl̥ṭh, абхаз. са, а-са “олень”), восходящие к прасеверокавказской языковой общности.

“sir - “танцевать (плавно)”, “идти иноходью (о лошади)”, ос. sirun, serun”¹⁶⁷.

“Скифское” sir “восстанавливается” из ос. sirun, serun. В иранских языках не встречается. Ср. чеч., инг. шиера, шара “гладкий”, “скользящий”, шиерша, шарша “скользить”, “идти плавно”.

“sugda - “чистый”, “святой”, ос. sugdoeg, из sukta, suhta прош. прич. от suc - “жечь”, собств. “очищенный огнем”.¹⁶⁸

В иранских языках не отмечено. Ср. чеч., инг. суй “искра”, цIе “огонь”, цIена, цIина “чистый”, цIанда, цIада “очистить”, цIийдан “очистить огнем”, “кипятить”, “варить”, адыг. сы “гореть”, баск. су “огонь”, суцка “огненный”¹⁶⁹.

“така - “быстрый”, “сильный” (от корня tak - “течь”), авест. така-, ос. тоех “быстрый”, “стремительный”, “сильный”, ос. тоехун “лететь”¹⁷⁰.

Ср. чеч., инг. така “поток воды во время дождя”, тIах - эквивалент быстроты, ловкости, стремительности “така “нить”, “ткань”, “одежда” ос. tag id”¹⁷¹.

В иранских языках не отмечено. Ср. чеч., инг. тай “нить”, “нитка”, тега, тага “шить”, тегун, тогун “шов”

“tanu - “тело”, авест. tanu id, ос. toen “нижняя часть живота”¹⁷².

Ср. чеч., инг. toen мужск. пол. орган.

“tap - “греть”, авест. tap-, ос. tavun”¹⁷³.

Ср. чеч., инг. туов, тав “жар”, туовха, тавха “жаровня” “yava - “просо”, др.инд. yava - “ячмень”, авест. yava “ячмень”, ос. joew “просо”¹⁷⁴.

Ср. чеч. Iav “просо (очищенное)”, “икра (рыбья)”.

Выше мы привели далеко не полный перечень “скифских слов основ”, толкование происхождения которых вызывают сомнения. К таковым, по нашему мнению, относятся и такие “основ”, как: amau “строить”, andan “сталь”, arga “освящать религией”, “благославлять”, od “душа”, pada “след”, “потомство”, rapaka “доска”, san(a) “вино”, sauka “огонь”, sava “утро”, vac “слово” и др.¹⁷⁵

Полученные “результаты в разборе скифских имен и названий нельзя, разумеется, считать окончательными”, но и они, как считает В.И. Абаев, создают достаточную базу “для перехода... к опытам систематизации лексических и грамматических фактов”. При этом он признает, что эти опыты “так же мало претендуют на название “скифской грамматики”, как наш лексический перечень на название “скифской грамматики”¹⁷⁶.

В заключении данного раздела (Скифо-аланские этюды: Скифский язык) В.И. Абаев совершенно справедливо констатирует: “Наш очерк некоторых явлений скифской речи весьма далек от того, чтобы его можно было назвать описанием языка. Он дает не более полное представление о всей системе скифской речи, чем несколько уцелевших обломков от разных частей тела могут дать о действительном строении и физиономии древней статуи. Достаточно сказать, что из нашего описания почти полностью выпадает такой фундаментальный раздел грамматики, как морфология. Ограниченность и специфичность материала - почти исключительно собственные имена - полное отсутствие фразеологии, ставит исследователя в тесные рамки. А дефектность передачи вносит во многие предполагаемые разъяснения элемент неуверенности и гадательности”¹⁷⁷. При этом, как было нами отмечено, В.И. Абаев неоднократно подчеркивает, что далеко не все эти имена получили разъяснения из иранских языков. Достаточно ясно и четко этот факт еще раз признается им ниже (в заметке “Термин “скиф”): “... значительная часть “варварских” имен и названий из Северного Причерноморья скифо-сарматской эпохи средствами иранских языков разъяснена быть не может. К числу таких терминов относится и термин “скиф”; “Прослеживая изменения в составе “варварских” слов и названий от Геродота до II-III вв. н.э. можно констатировать, что иранский элемент усиливался постепенно, достигнув максимума к первым векам нашей эры. Не случайно, что у самого раннего автора, Геродота, мы находим наибольший процент терминов и слов, не имеющих удовлетворительного иранского объяснения”¹⁷⁸. Несмотря на эти факты (полученные самим же В.И. Абаевым в результате своих же капитальных исследований “скифо-сармато-аланского языка”), он делает довольно категоричный вывод об исключительной ираноязычности “скифо-сармато-алан” и генетической связи их только с ирано-язычными предками осетин: “... в каждом разделе нашего очерка - в лексике, фонетике, словообразовании - мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколеблены

никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский (сарматский, аланский - Р.А.) язык, как иранский язык, обладающий чертами своеобразной и хорошо выраженной индивидуальности. Из всех известных иранских языков он ближе всего к осетинскому. Эта близость настолько ярка и отмечена такими чертами преемственности, что скифский (в том числе сарматский, аланский - Р.А.) и осетинский языки могут рассматриваться как две ступени развития одного и того же языка”¹⁷⁹. Этот тезис он последовательно отстаивает и в более поздних своих работах¹⁸⁰.

Однако весь в совокупности материал, рассмотренный В.И. Абаевым, в том числе и полученная им “некоторая сумма положительных данных” - даже если не учитывать, что они имеют определенный элемент дискуссионности, признаваемый и самим В.И. Абаевым (“элемент неуверенности и гадательности”); даже если считать их вслед за В.И. Абаевым, “твердыми и бесспорными” - оснований для такой категоричности, по нашему мнению, не дают. Вместе с тем, полученные им “положительные данные” позволяют с достаточной долей уверенности предполагать, что определенная часть населения Причерноморья и Северного Кавказа, известного древним авторам под именем алан (скифов, сарматов) была ираноязычной. Это было в свое время отмечено специалистами: “вместо более или менее ограниченных по территории и частью разобщенных племен скифов и сарматов ираноязычной группы в Причерноморье, автор (В.И. Абаев - Р.А.) создает грандиозную скифо-сарматскую народность, предков осетин, включая сюда любое племя, получившее у греков одно из этих имен; их историю он отождествляет с историей древних осетин, ищет корни осетинского этноса в этой истории, т. е. впадает в ряд явных преувеличений”¹⁸¹. Специалистами также было обращено внимание и на игнорирование В.И. Абаевым комплексного метода при решении проблемы этногенеза осетин, в частности, аланской проблемы¹⁸².

В 1959 году выходит в свет специальная работа по истории средневековой Алании З.Н. Ванеева. В которой рассматривается ряд вопросов: социально-экономическая структура Алании, христианство и просвещение у алан, этническое содержание племенного названия “аланы” и др. Автор полагает, что под этническим названием “аланы” скрывались только пришлые ирано-язычные племена - предки осетин¹⁸³.

Узкоэтнический характер термина “аланы” и аланской культуры отвергал известный археолог, профессор Е.И. Крупнов. Он писал: “Если для археологических культур степной и лесостепной полосы такие признаки как курганные, ямные, катакомбные погребения или погребения в срубках и т.д. и могут являться устойчивыми признаками, характеризующими определенную культуру определенной эпохи, то в условиях Кавказа эти признаки, как правило, теряют свою устойчивость и исключительность... На примерах способов погребения эпохи раннего Средневековья как нельзя лучше убеждаешься в том, что на Кавказе и особенно в горной его части такие признаки, как погребение в каменных ящиках и других, ранее казавшиеся устойчивыми, позволяющие характеризовать собою определенные комплексы памятников, в действительности не являются таковыми”¹⁸⁴. В более поздней, обобщающей работе, характеризуя памятники аланской культуры Северного Кавказа, Е.И. Крупнов пишет: “В подавляющем большинстве - это могильники, состоящие из довольно разнообразных типов погребальных сооружений: индивидуальных или семейных катакомбных, подземных коллективных склепов, просто грунтовых захоронений и наконец случайных вещей.”¹⁸⁵ Вместе с тем собственно алан Е.И. Крупнов считает этноязыковыми иранцами¹⁸⁶.

Вопросу об этнической принадлежности катакомбных погребений уделяет внимание Л.Г. Нечаева в своей специальной статье “Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе”. Из огромного количества “сарматских” памятников (“преимущественно могильников”) легче всего, по мнению Л.Г. Нечаевой, определить аланские: “Расчленение сарматских памятников по племенам действительно целесообразней начинать с выделения именно аланских древностей, поскольку аланы, которых считают предками осетин, - единственное из ирано-язычных племен, уцелевшее как самостоятельное этническое объединение до наших дней. Поэтому в отношении алан можно проследить ретроспективным путем всю историю погребального обряда - от позднесредневековых могильных памятников (в отношении которых наиболее ясно, что они принадлежат осетинам) через погребения раннесредневековые до памятников сарматского времени”¹⁸⁷. Таковыми, как считает Л.Г. Нечаева, являются раннесредневековые подземные и позднесредневековые наземные склеповые погребальные сооружения, построенные ирано-язычными “аланами” - предками осетин, переселившимися в горы, где им “пришлось воспроизводить катакомбы в камне”¹⁸⁸. При этом никак не объясняется широкое распространение подземных и наземных склепов в это время за пределами Осетии, в том числе на территории Чечни и Ингушетии. Как видно, принадлежность катакомбных погребений ирано-язычным кочевникам - сармато-аланам доказывается на основе сугубо местных, кавказских погребальных сооружений - наземных склепов!? Доказанная таким образом принадлежность катакомбных погребальных сооружений кочевым сармато-аланским племенам принята большинством археологов.

Целый ряд отдельных статей и монографических работ посвятил аланской проблеме В.А. Кузнецов. В первой своей монографии “Аланские племена Северного Кавказа”, изданной в 1962 г., он приходит к выводу, что “аланская культура Северного Кавказа не могла быть единой” и термин “алан”, “введенный в историографию греко-римскими писателями как собирательное наименование ряда племен, обитавших на Северном Кавказе, требуют раскрытия его этнического содержания, что можно сделать в первую очередь археологическим путем”. “Опыт изучения истории и культуры северокавказских алан, - как справедливо заключает В.А. Кузнецов, - показывает, что без дальнейшей разработки аланской проблемы невозможно создать полноценной научной истории современных осетин, вайнахских народов, карачаевцев и балкарцев”. В то же время собственно алан и асов он считает этноязыковыми иранцами, предками осетин: “историческая Алания состояла из двух этнически однородных племен - асов на территории Карачая и Балкарии и алан на территории Северной Осетии и отчасти Чечено-Ингушетии”¹⁸⁹.

В ареал аланской культуры В.А. Кузнецов включает территорию от Кубани до Аргуна, в том числе и горные районы Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, где распространены каменные ящики, склепы, скальные захоронения, но не включает горную зону Чечено-Ингушетии (за исключением западной части Джейрахского ущелья, где выявлены несколько катакомбных могильников), на территории которой также имеют распространение могильники из каменных ящиков, склепов, скальных захоронений.

Аланскую культуру он подразделяет на три локальных варианта - западный, центральный, восточный. В последний, вместе с памятниками предгорной (катакомбы)

и горной (каменные ящики, склепы, скальные захоронения) зон Северной Осетии, включена и часть Джейрахского ущелья и предгорная зона Чечено-Ингушетии до реки Аргун. Позднее, в специальной статье “Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв.” он разделяет аланскую культуру на горную и предгорную зоны. Предгорная зона делится на два локальных варианта - западный (от Кубани до Баксана) и восточный (от Баксана до Аргуна), а горная зона (опять-таки за исключением горной зоны Чечено-Ингушетии) выделяется в единый “горнокавказский” локальный вариант аланской культуры¹⁹⁰.

Более четко и определенно изложены взгляды В.А. Кузнецова на этническое содержание термина “алан”, аланскую культуру Северного Кавказа и, в целом, на аланскую проблему в последующих работах, в первую очередь, в монографиях “Алания в X-XIII вв.” и “Очерки истории алан”: “В.Ф. Миллером была окончательно установлена генетическая связь между средневековыми аланами и современными осетинами”;

“Границы и историческая территория Алании тесно связаны с расселением ирано-язычных сарматских племен... Наиболее надежным и достоверным критерием для суждения об аланах являются их катакомбные могильники, характерные для этих сарматских племен и совершенно не присущие местному кавказскому субстратному этносу”;

“Предгорные равнины Центрального Предкавказья были заняты ирано-язычными аланами... Это был единый этнический массив... От Пятигорья до Аргуна простиралась территория восточных алан - предков современных восточных осетин-иронцев”¹⁹¹;

“Трудами многих ученых твердо установлено ираноязычие алан и их прямые генетические связи с иранскими (по языку) племенами сарматов... появление алан на исторической арене не означало появление качественно нового населения и смены одного этноса другим. Скорее всего, позднесарматские племена в I-м веке нашей эры слились в одно или несколько крупных этнополитических объединений, покрытых общими для всех иранцев Юго-Востока Европы этническим наименованием “аланы”. Этнической основой алан Северного Кавказа, в таком случае, стали аорсы и сираки, с включением в их среду среднеазиатских-массагетских элементов, а затем и местных кавказских. Именно такое понимание происхождения и этнического содержания термина “аланы” следует иметь в виду при нашем дальнейшем изложении... история алан - часть кардинальной проблемы древнего иранства на территории нашей страны, его исторической роли. Но если многие ираноязычные народы древности давно ушли в небытие, аланы вопреки всему сумели выстоять. Они по сей день сохранили живую этническую традицию в лице современных осетин, говорящих на аланском (хотя и несколько трансформировавшемся) языке”;

“... история, алан является начальным этапом истории осетин, формировавшихся и развивавшихся на почве Кавказа”;

Аланы - это “объединение всех или почти всех родственных по языку и культуре позднесарматских (ираноязычных - Р.А.) племен под общим названием”¹⁹².

В 1966 г. вышла работа Ю.С. Гаглойти “Аланы и вопросы этногенеза осетин”, в которой, на основании анализа сведений письменных источников (греческих,

латинских, византийских и т.д.), автор рассматривает такие вопросы, “как время и условия появления алан на Северном Кавказе, место алан среди скифо-сарматских племен, конкретное этническое содержание термина “аланы”, соотношение между аланами и осами-ясами-асами”¹⁹³. Автор считает, что этнической основой северокавказских алан явились ирано-язычные сираки и аорсы, и на основании того, что во II в. до н.э. они частично локализируются на Северном Кавказе, делает вывод о существовании в это время аланского этнического элемента в этом районе¹⁹⁴. Под аланами автор подразумевает только ираноязычных предков осетин¹⁹⁵.

Традиционная трактовка алан, как этноязыковых иранцев и памятников “аланской культуры” (в том числе и катакомбный обряд погребений), как принадлежавших мигрировавшим на Северный Кавказ носителям иранских языков, дается в монографических работах и специальных статьях по раннесредневековой истории Северного Кавказа большинства ученых-кавказоведов - В.Б. Ковалевской¹⁹⁶, Е.П. Алексеевой¹⁹⁷, Т.М. Минаевой¹⁹⁸, М.Г. Волковой¹⁹⁹, А.В. Гадло²⁰⁰ и др.

Вместе с тем, некоторыми специалистами берется под сомнение поддерживаемая многими археологами точка зрения о том, что катакомбный обряд погребения был занесен на Кавказ ираноязычными кочевниками. Так, по мнению М.П. Абрамовой, придерживающейся традиционных взглядов по аланской проблеме, “катакомбный обряд погребения был знаком местным племенам Северного Кавказа, в том числе и тем из них, которые жили в Центральном Предкавказье еще до появления здесь сарматских племен”²⁰¹. Отвергая точку зрения о том, что появление катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе связано с массовым притоком на эту территорию ираноязычных племен где-то на рубеже нашей эры, М.П. Абрамова считает, что “катакомбный обряд погребений не может служить критерием при выделении ираноязычных этнических группировок на Кавказе”²⁰². К такому же выводу пришла и М.Г. Мошкова, в своей специальной статье “К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе”: “все археологические материалы с территории первоначального расселения савромато-сарматов говорят о том, что невозможно увязать между собой два господствующих в науке положения - с одной стороны, отнесение алан к кругу ираноязычных сармато-массагетских племен и, с другой, - привнесении аланами или какими-то другими сарматскими племенами I в. до н.э. (внутри которых вызревал аланский союз, как пишет В.Б. Виноградов) катакомбного способа погребения на Северный Кавказ”²⁰³.

Аланы только как ирано-язычные племена трактуются и В.Б. Виноградовым. В своей книге “Сарматы Северо-Восточного Кавказа” он отмечает, что разделяет массагето-сарматскую теорию происхождения алан. “Вместе с тем, - пишет он, - с нею вполне согласуется возможность длительного пребывания алан внутри поволжско-приуральско-закаспийских племенных союзов до выхода их на историческую арену в качестве самостоятельной силы. В Северном Прикаспии на территории аорской конфедерации оформилось и окрепло аланское объединение, сокрушившее в I в. н.э. сираков на Северо-Восточном Кавказе. Аланы и принесли сюда катакомбный обряд погребения”²⁰⁴. Однако эта концепция вызывает сомнения и возражения²⁰⁵.

Эти же взгляды по аланской проблеме обнаруживает и Х.М. Мамаев. Считая алан пришлыми ираноязычными племенами, он противопоставляет их вайнахам и связывает

с ними все бытовые и погребальные (катакомбы) памятники раннего средневековья предгорной зоны Чечено-Ингушетии²⁰⁶.

Подобной точки зрения придерживался в свое время и М.Х. Багаев²⁰⁷. Позже в статье “Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье”, М.Х. Багаев уже ставит вопрос о необходимости выявления этнической принадлежности бытовых памятников раннего средневековья равнинной Чечено-Ингушетии. Автор пишет, что на равнинной территории Чечено-Ингушетии открыто большое количество (“более 11 десятков”) бытовых памятников (городищ, поселений) раннего средневековья²⁰⁸. Отмечая, что этнический состав этих поселений до сих пор не известен, М.Х. Багаев берет под сомнение утвердившееся в научной литературе мнение о принадлежности их только ираноязычным племенам. “Для такого вывода, - пишет автор, - имеющихся археологических данных недостаточно”²⁰⁹. В своей работе М.Х. Багаев ставит вопрос о том, что “древние следы чеченцев и ингушей надо искать среди алан и через алан”²¹⁰.

В конце 1970-х и в 1980-е гг. выходит ряд статей Я.С. Вагапова, посвященных изучению остатков “аланского языка с учетом данных нахских языков”²¹¹. Существенное место этому вопросу Я.С. Вагапов уделяет в своей монографической работе “Вайнахи и сарматы”, в которой “делается попытка сбора, систематизации и анализа того слоя “сарматского” языка, который, - по мнению автора, - является нахским по происхождению”. На основании подробного анализа более 300 этнонимов, топонимов и антропонимов он приходит к следующему выводу: “Исходя из всей совокупности рассмотренных в этой работе языковых фактов, можно заключить, что доля местного северокавказского населения среди сарматов была значительной, а среди сирахов и алан нахоязычное население составляло основной костяк. Естественно, не исключается наличие в аланском племенном союзе с самого начала иранского компонента, а позже и тюркского”²¹².

Такова в самом кратком изложении историография исследуемой темы, в которой мы попытались обобщить основные работы по аланской проблеме, а также работы, прямо или косвенно освещающие памятники “аланской культуры” территории Чечено-Ингушетии. При этом несколько больше внимания и места мы уделили работам, в которых, по мнению ряда исследователей, окончательно установлена исключительная ираноязычность алан (В.Ф. Миллер, В.И. Аббаев). Однако работы В.Ф. Миллера и В.И. Аббаева основания для таких утверждений, на наш взгляд, не дают. В целом, надо отметить, что аланской проблеме посвящено огромное число научных исследований. В то же время, многие вопросы (этническое содержание термина “алан”, истоки и этническая принадлежность катакомбного обряда погребения и “аланской культуры” в целом) остаются дискуссионными до сих пор²¹³.

Многими археологами декларируется тезис о собирательном характере термина “алан”, о смешанном этническом составе населения, оставившего памятники “аланской культуры”; вместе с тем, при этнической интерпретации ими археологических памятников “аланской культуры”, термин “алан” становится синонимом одних лишь пришлых ираноязычных кочевников.

Наличие ирано-язычного элемента (в числе других этнических элементов) в составе населения Причерноморья и Северного Кавказа, именуемого в письменных источниках “аланами”, не вызывает каких-либо сомнений. Однако, серьезные сомнения вызывают

у нас укоренившиеся в научной литературе недостаточно обоснованные, тенденциозные толкования места и роли “алан” в истории Северного Кавказа и особенно Чечено-Ингушетии, выраженные в безоговорочном отождествлении их исключительно с прикочевавшими на Кавказ ираноязычными предками осетин. Эти и некоторые другие вопросы аланской проблемы на наш взгляд нуждаются в более веской аргументации. В связи с чем разработка этногенетических критериев применительно к “аланской культуре” Северного Кавказа (в первую очередь, Чечено-Ингушетии) представляется чрезвычайно актуальной и крайне необходимой. При этом необходимо строго учитывать комплексный характер проблемы этногенеза, так как только “комплексный подход способен уберечь от неоправданных выводов, односторонности, которые могут быть продиктованы исследователю материалами каждой дисциплины в отдельности”²¹⁴.

В историко-этнической интерпретации как археологических памятников (особенно “катакомб”), так и письменных источников, историки, касающиеся этой проблемы, с самого начала оказываются под большим влиянием исследований иранистов (особенно К. Мюлленгоффа, М. Фасмера, В.Ф. Миллера и В.И. Абаева), в которых остатки языка алан интерпретируются с привлечением данных только иранских языков. При этом результатам такого подхода к проблеме придается решающее значение. Об этом можно судить по такому высказыванию В.И. Абаева: “Можно сказать без преувеличения, все, что мы знаем в настоящее время о происхождении осетин и об их древнейшей истории, основано на 9/10 на данных языка”²¹⁵. В то же время он же отмечает, что “лингвистические доказательства не играли решающей роли для установления тождества осетин и алан. Прямые исторические свидетельства были достаточно красноречивы”²¹⁶. Эта ситуация, при которой проблема иранства алан в среде лингвистов считается решенной на основе исторических данных, а историки находятся под решающим впечатлением исследований лингвистов, не повышает атмосферу высокой требовательности к анализу самих источников, относящихся к проблеме.

Между тем известно, что осетины как этнос формировались на кавказском субстрате. И если учесть возможные неточности в интерпретации письменных источников и отдельных лингвистических данных историческая наука не располагает достаточными данными для решения вопроса о том, какого из предков осетин - ираноязычных пришельцев или местный субстратный слой населения предгорной зоны Северного Кавказа, древние источники называют аланами, осами, овсами - в пользу одних лишь ираноязычных пришельцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

I Алан В.И. Абаев считает частью сарматов.

II Выявленный в последние годы большой пласт северокавказско-индоевропейских лексических сходжений, охватывающих все сферы жизнедеятельности древних людей (скотоводство, земледелие, металлургия, орудия и производственные процессы, предметы производства, а также названия диких животных и растений и т. д.), как считает С.А. Старостин, является “результатом заимствования”, а, “в качестве заимствующей” стороны выступал протоиндоевропейский”. При этом: “контакты должны были осуществляться до распада общеиндоевропейского единства”, а “ПСК

(протосеверокавказский - Р.А.) диалект, из которого осуществлялись заимствования в ПИЕ (протоиндоевропейский - Р.А.) по-видимому, уже несколько отличался от исходного общесеверокавказского языка” (Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы. С. 152, 153). Вместе с тем, по мнению Я.С. Вагапова и А.Д. Вагапова, весь комплекс выявленных лексических соответствий позволяет говорить о генетическом родстве индоевропейских и северокавказских (в первую очередь, нахских) языков: “Сравнительно-историческое изучение индоевропейской и нахской лексики в отраслевом плане обнаруживает е%о сходство. Так, имеет общее происхождение более пятидесяти названий частей тела, среди которых такие понятия названий частей тела, среди которых такие понятия, как “голова”, “рог”, “глаз”, “рот, уста”, “губа”, “челюсть”, “зуб, клык”, “подбородок”, “борода, усы”, “шея”, “грива, волосы головы”, “коса”, “спина, бок”, “ребро”, “плечо”, “локоть”, “рука”, “кисть”, “палец”, “кулак”, “нога”, “колено”, “голень”, “икра ноги”, “живот”, “чрево”, “почка”, “зад, тыл”, “волос, шерсть”, “шкура, кожа” и др. Сходство индоевропейской и нахской лексики не ограничивается родством названий частей тела и распространяется практически на всю лексику, включая термины родства, аппелятивы, названия природных явлений, основные группы глаголов, прилагательных, местоимений, отмечаются также общности в морфологическом инвентаре. Все это позволяет прийти к выводу о генетическом родстве индоевропейских и нахских языков” (Вагапов А.Д. К вопросу о генетическом родстве индоевропейских и нахских языков//Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С.106-107); “Не исключена возможность, что развитие исследований в данном направлении с привлечением данных всех северокавказских и индоевропейских языков даст возможность представить точнее картину связей индоевропейских и северокавказских языков. Пока же складывается представление, что индоевропейский язык в своем исходном состоянии представлял собой одну из ветвей единой семьи языков северокавказского типа на определенном этапе их развития. Вероятно, уже в ту эпоху нахские, дагестанские и абхазо-адыгские языки успели разойтись между собой не в меньшей степени, чем, скажем, нахские с протоиндоевропейскими. Такая постановка вопроса поддерживается не только набором классных показателей в нахских и их совпадений с окаменелыми показателями индоевропейских, но и особой близостью между собой нахско-индоевропейских лексических особенностей” (Вагапов Я.С. Индоевропейско-нахские лексические общности с классными показателями в их составе. Грозный, 1994. С.30-31).

III Следует отметить, что полногласие характерная особенность чеченского и ингушского языка.

IV Сами “основные словарные формы”, выставленные в “словаре”, тем более “извлеченные” из разъясненных вышеуказанным образом (“Женубийца”, “Шестиглавый”, “Безголовый”, “Раб” и т.д.) терминов, также в достаточной мере гипотетичны и не бесспорны, что видно и из разъяснения В.И.Абаева: “Мы нашли наиболее целесообразным выставить в качестве исходных нормализованные древнеиранские формы с учетом особенностей скифской группы. Иными словами, мы выставляем формы, которые, как мы думаем, совпали бы с древнейшими скифскими, если бы последние до нас дошли” (Абаев В.И. Осетинский язык... С.151). Таким образом, - “скифские слова-основы” устанавливаются “сравнительным путем”, опираясь на осетинский-иранский и древнеиранские языки, а затем, “с учетом особенностей скифской группы”, для них устанавливаются “нормализованные древнеиранские формы”!?

1. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // ЗРАО. Т. IX. Вып.
2. 1857. С.371-405. 2. Ханыков Н.В., Савельев П.С. Древности, найденные на Кавказе // ЗРАО. Т. IX. Вып. 1. 1857. С.50-60.
3. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.28.
4. Антонович В.Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. // У АС. Протоколы Подготовительного комитета. Тифлис, 1879.
5. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. Тифлис, 1900.
6. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // МАК. Вып.1. 1888. С.1-42.
7. ОАК за 1890 год. (Из отчета В.И. Долбежева об археологических поисках в Терской области). СПб, 1893. С.87-96.
8. ОАК за 1904 год. СПб, 1907. С.229.
9. Гребенец А.П. Древнейшие могильники в Ассиновском ущелье // Газ. "Терские ведомости". Владикавказ, 1914, №54-56; Он же. По Алханчуртской и Сунженской долинам // Газ. "Терские ведомости". Владикавказ, 1914. №58-60.
10. Баев Гаппо. Предисловие к берлинскому изданию "Поэмы об Алгузе" // Поэма об Алгузе. М., 1993. С.16
11. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Ч. III. М.-Л., 1949. С. 37.
12. Potocki J.Histoire primitive des peuples de la Russie. SPb., 1802. PP. 73, 86 - 89.
13. Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle - Berlin, 1812 - 1814. B. I. S. 77; B. II. S. 577.
14. Берже А. Этнографическое обозрение Кавказа // Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге в 1876 г. Т. I. С.294-326
15. V. de Sant-Martin. Etudes ethnographiques et historiques sur Les peuples nomades qui se sont succede au nord du Caucase dans Les six premier siecles de notre ere. Les Alains. Paris, 1850. P. 140.
16. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. I-III. М. 1881-1887.
17. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III. С.24, 25, 75.

18. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М. 1887 г. С.79, 133; Он же. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП. 1886, Октябрь. С.232-283.
19. Колобова К.М. К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций. М.-Л., 1933. С. 416, 429, 433.
20. Абаев В.И. Осетинский фольклор. Ч. III. М.-Л., 1949 г. С. 201.
21. Миллер В.Ф. Осетинские ... С.41, 74, 101.
22. Миллер В.Ф. Осетинские ... С.41.
23. Миллер В.Ф. Осетинские ... С.44.
24. Миллер В.Ф. Осетинские ... С.45.
25. Миллер В.Ф. Осетинские ... С.47.
26. Миллер В.Ф. Осетинские ... С.87.
27. Миллер В.Ф. Осетинские ... С.118.
28. Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // ВВ. Т. V. Вып. I. СПб. 1898; Он же. Аланское послание епископа Феодора // ЗИООИД. Т. XXI. Одесса, 1898.
29. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей//ЧИОНЛ. Кн. XIII. Киев, 1899. С.2, 3.
30. Спицин А.А. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП, новая серия. Ч. XIX. 1909, январь. С.72.
31. Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Изв. Императорской АН. VI серия. Т.15. Петроград, 1916. С.1395.
32. Деген-Ковалевский Б.Е. Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // ИГАИМК. Вып. 110. М.-Л., 1935.
33. Яковлев Н.Ф. Ингуши. М., 1925; Он же. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.
34. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936. Грозный, 1938. 35. Северо-Кавказская I экспедиция // КСИИМК. Вып. 1. 1939. С.27-29.
36. Крупнов Е.И. Археологические памятники в Ассинском ущелье // Тр. ГИМ. Вып. XII. М., 1941. С.187.
37. Семенов Л.П. Археологические разведки Ассинского ущелья//КСИИМК. Вып. XVI. 1952. С.117-118; Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи//Тр. ГИМ. Вып. XVII. М., 1947. С.39.

38. Март Н.Я. Ossetica - Japhetica // Изв. Российской Академии наук. VI серия. Т. XII. 1918. С.2071; Он же. Племенной состав населения Кавказа // Тр. комиссии по изучению племенного состава населения России. Вып. 3. Пг., 1920; Он же. Кавказские племенные названия и местные параллели // Тр. комиссии по изучению племенного состава населения России. Вып.5. Пг., 1922; Он же. Термин скиф. Пг., 1922; Он же. Скифский язык. Л., 1926; Он же. От шумеров и хеттов к палеоазиатам // ДАН. 1926, ноябрь-декабрь; Он же. Новый среднеазиатский язык и его числительные (в освещении яфетической теории) // ДАН. 1926, ноябрь-декабрь.

39. Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926. С.17-18.

40. Кокиев Г.К. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Газ. "Социалистическая Кабардино-Балкария." №28-30, 1941.

41. Готье Ю.В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // ИГАИМК. Т. V. Л., 1927. С.65.

42. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. 1939. №4. С.42.

43. Деген-Ковалевский Б.Е. Аланы до гуннского нашествия // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. III-IV. М.-Л., 1939. С.42.

44. Крупнов Е.И. Археологические памятники... С.39.

45. Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф. канд. дисс. Л., 1956.

46. Минаева Т.М. Археологические разведки в долине р. Сунжи // Сб. тр. Ставропольского пед. института. Вып. XIII. Ставрополь, 1958.

47. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Он же. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.

48. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА, 1962. №106.

49. Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965.

50. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; Он же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

51. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Рукопись канд. дисс. М., 1970. Хранится в архиве ИА АН СССР.

52. Мамаев Х.М. Аллероевский катакомбный могильник // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973. С.16; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО 1973 г. М., 1974. С. 101; Виноградов В.Б., Петренко В.А. Раскопки у с. Мартан-Чу //

АО 1976 года. М., 1977. С.91; Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Разведки в Чечено-Ингушетии // АО 1976 года. М., 1977. С. 96; Виноградов В.Б. Культовые места аланского Алхан-Калинского городища // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 86; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979; и др. 53. Мацулевич Л.А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. №VI-VII. 1947. С. 128-140. 54. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Ч. I-III. М.-Л., 1949. 55. Абаев В.И. Осетинский язык... Ч. III. С.14; Алиев Играр. Очерк истории Атропатены. Баку, 1989. С.125.

56. Абаев В.И. Осетинский язык... С.103.

57. Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М., 1985; Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985; Он же. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988; Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990; Он же. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996; Он же. Индоевропейско-нахские лексические общности с классными показателями в их составе. Грозный, 1994; Вагапов А.Д. Славяно-нахские лексические параллели. Грозный, 1991 г.; Он же. К вопросу о генетическом родстве индоевропейских и нахских языков // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996; Он же. Индоевропейско-нахские глагольные сходства // Тезисы докладов I международного симпозиума кавказоведов. Тбилиси, 1991; Он же. Индоевропейские и нахские языки. Грозный, 1992; Он же. К происхождению гидронимов Причерноморья с корнем ДОН // Альманах "Чеченец" №5. Грозный, 1997; Он же. Термины родства в индоевропейских и нахских языках // Тезисы докладов девятого международного коллоквиума Европейского общества кавказоведов. Махачкала, 1998; Он же. К вопросу о пранахском консонантизме // Тезисы докладов научной конференции. Грозный, 1998; Он же. Сходные элементы в структуре основы индоевропейских и нахских языков // Актуальные проблемы адыгской филологии. Тезисы докладов региональной научной конференции. Майкоп, 1999; Он же. Происхождение чеченцев с точки зрения языкознания // Нохчийн филологин проблемаш. Джохар, 1999.

58. Абаев В.И. Осетинский язык... С.103, 106.

59. Абаев В.И. Осетинский язык... С.76.

60. Абаев В.И. Осетинский язык... С.105-106, 119.

61. Абаев В.И. Осетинский язык... С.45, 79, 105, 247.

62. Абаев В.И. Осетинский язык... С.526, 527.

63. Абаев В.И. Осетинский язык... С.108.

64. Абаев В.И. Осетинский язык... С.108.
65. Абаев В.И. Осетинский язык... С.108.
66. Абаев В.И. Осетинский язык... С.41, 248.
67. Абаев В.И. Осетинский язык... С.42.
68. Абаев В.И. Осетинский язык... С.43, 257.
69. Абаев В.И. Осетинский язык... С.259.
70. Абаев В.И. Осетинский язык... С.43, 250, 260-270.
71. Абаев В.И. Осетинский язык... С.43-44.
72. Абаев В.И. Осетинский язык... С.248, 249.
73. Абаев В.И. Осетинский язык... С.41.
74. Абаев В.И. Осетинский язык... С.149.
75. Абаев В.И. Осетинский язык... С.36-37.
76. Абаев В.И. Осетинский язык... С.147.
77. Абаев В.И. Осетинский язык... С.37.
78. Абаев В.И. Осетинский язык... С.36.
79. Абаев В.И. Осетинский язык... С.147.
80. Абаев В.И. Осетинский язык... С.197.
81. Абаев В.И. Осетинский язык... С.147.
82. Абаев В.И. Осетинский язык... С.148.
83. Абаев В.И. Осетинский язык... С.150.
84. Абаев В.И. Осетинский язык... С.150.
85. Абаев В.И. Осетинский язык... С.151.
86. Абаев В.И. Осетинский язык... С.39, 40, 42, 151, 152, 161, 173.
87. Абаев В.И. Осетинский язык... С.202.
88. Абаев В.И. Осетинский язык... С.153

89. Абаев В.И. Осетинский язык... С.37-49.
90. Абаев В.И. Осетинский язык... С.150.
91. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С.15
92. Вагапов Я.С. Вайнахи и ... С.11.
93. Абаев В.И. Осетинский язык... С.195.
94. Абаев В.И. Осетинский язык... С.151.
95. Абаев В.И. Осетинский язык... С.200.
96. Абаев В.И. Осетинский язык... С.151, 152
97. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.83
98. Абаев В.И. Осетинский язык... С.153, 156
99. Абаев В.И. Осетинский язык... С.246
100. Абаев В.И. Осетинский язык... С.245
101. Абаев В.И. Осетинский язык... С.153.
102. Абаев В.И. Осетинский язык... С.342.
103. Абаев В.И. Осетинский язык... С.341, 343.
104. Абаев В.И. Осетинский язык... С.345.
105. Абаев В.И. Осетинский язык... С.343, 345.
106. Абаев В.И. Осетинский язык... С.338-339
107. Абаев В.И. Осетинский язык... С.339-342.
108. Абаев В.И. Осетинский язык... С.343.
109. Абаев В.И. Осетинский язык... С.343.
110. Абаев В.И. Осетинский язык... С.154.
111. Абаев В.И. Осетинский язык... С.199.
112. Абаев В.И. Осетинский язык... С.106.
113. Абаев В.И. Осетинский язык... С.153, 190.

114. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.56; Вагапов А.Д. К происхождению гидронимов Причерноморья...
115. Абаев В.И. Осетинский язык... С.34.
116. Абаев В.И. Осетинский язык... С.154.
117. Вагапов Я.С. Проблема происхождения...
- С.179. 118. Абаев В.И. Осетинский язык...
- С.154. 119. Вагапов Я.С. Вайнахи и...
- С.113; Он же. Проблема происхождения...
- С.181; Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С.387.
120. Абаев В.И. Осетинский язык... С.155.
121. Вагапов Я.С. Проблема происхождения... С. 178-179.
122. Абаев В.И. Осетинский язык... С.155.
123. Вагапов Я.С. Вайнахи и ... С.53.
124. Абаев В.И. Осетинский язык... С.156
125. Абаев В.И. Осетинский язык... С.17.Сн.1.
126. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985. С.130.
127. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия... С.130; Абаев В.И. Из истории слов // Вестник языкознания. 1958, №2. С.114.
128. Никонов В.А. Введение в топонимику. С.38.
129. Мадиев А.Г. Чечено-русский словарь. М., 1961. С.41.
130. Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы. М., 1978. С.10; Пейрос И.И. Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С.321-322; Хить Г.Л., Долинова Н.А. Расовая дифференциация человечества. М., 1990. С.194; Старостин С.А. Культурная лексика... С.89; Он же. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы. С.152-154; Вагапов Я.С. Проблема происхождения... С.174-182; Он же. Индоевропейско-нахские лексические общности... С.30-31; Вагапов А.Д. К вопросу о генетическом родстве индоевропейских и нахских языков. С.87-106; Он же. Индоевропейские и нахские языки. Грозный, 1992; и др.
131. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.19.

132. Николаев С.Л. Северокавказские заимствования... С.61.
133. Абаев В.И. Осетинский язык... С.157.
134. Абаев В.И. Осетинский язык... С.157.
135. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С.58.
136. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.21.
137. Вагапов А.Д. К вопросу о генетическом... С.102.
138. Абаев В.И. Осетинский язык... С.161.
139. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.76.
140. Абаев В.И. Осетинский язык... С.161.
141. Вагапов Я.С. Проблема происхождения... С.180-181.
142. Абаев В.И. Осетинский язык... С.162; Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985. С.85.
143. Вагапов А.Д. К происхождению...
144. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.56.
145. Абаев В.И. Осетинский язык... С.163.
146. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.І М.-Л., 1958. С.346-347.
147. Вагапов Я.С. Вайнахи и ... С.111.
148. Вагапов Я.С. Проблема происхождения... С.178.
149. Абаев В.И. Осетинский язык... С.163.
150. Вагапов Я.С. Проблема происхождения... С.178.
151. Абаев В.И. Осетинский язык... С.168.
152. Абаев В.И. Осетинский язык... С.170.
153. Вагапов А.Д. К вопросу о генетическом... С.105.
154. Абаев В.И. Осетинский язык... С.170.
155. Вагапов Я.С. Вайнахи и ... С.82.

156. Абаев В.И. Осетинский язык... С.174, 391.
157. Абаев В.И. Осетинский язык... С.177.
158. Абаев В.И. Осетинский язык... С.47; Вагапов А.Д. К происхождению гидронимов...
159. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985. С.87.
160. Вагапов А.Д. К происхождению гидронимов...
161. Абаев В.И. Осетинский язык... С.179.
162. Абаев В.И. Осетинский язык... С.37, 49, 198.
163. Абаев В.И. Осетинский язык... С.179. Сн. 1.
164. Абаев В.И. Осетинский язык... С.49, 105, 312, 318.
165. Вагапов А.Д. Происхождение чеченцев... С.7.
166. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.97; Он же. Проблема происхождения... С.160.
167. Абаев В.И. Осетинский язык... С.182.
168. Абаев В.И. Осетинский язык... С.183.
169. Шемирзов Х.М. Методика определения архаичных элементов культуры и этногенеза нахских народов // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С.79.
170. Абаев В.И. Осетинский язык... С.184.
171. Абаев В.И. Осетинский язык... С.184.
172. Абаев В.И. Осетинский язык... С.184.
173. Абаев В.И. Осетинский язык... С.184.
174. Абаев В.И. Осетинский язык... С.190.
175. Абаев В.И. Осетинский язык... С.153, 154,
174, 175, 180, 181, 185, 338-347.
176. Абаев В.И. Осетинский язык... С.202.
177. Абаев В.И. Осетинский язык... С.239.
178. Абаев В.И. Осетинский язык... С.243, 244.

179. Абаев В.И. Осетинский язык... С.243.

180. Абаев В.И. Об аланском субстрате в этногенезе балкарцев и карачаевцев // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960; Он же. Дохристианская религия алан // Доклад на XXV Международном Конгрессе востоковедов. М., 1966; Он же. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967; и др.

181. Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. Л., 1952. С.41.

182. Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии в этнографических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С.54-55.

183. Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959. С.41.

184. Крупнов Е.И. Галиатский могильник, как источник по истории алан // ВДИ. 1938, №- 2/3/. С.113-114; Он же. Из итогов археологических работ // Изв. СО НИИ. Дзауджикау, 1940. С.132.

185. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека... С.38.

186. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С.398.

187. Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С.151.

188. Нечаева Л.Г. Об этнической... С.154; Она же. Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин // Тезисы докладов годичной научной сессии. Май 1967 г. Л., 1968. С.67-69.

189. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С.11, 123-131, 133,

190. 190. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // СА. №2. 1973; Он же. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975.

191. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С.5, 10, 14.

192. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С.5-6, 7-69.

193. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. С. 8.

194. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин... С.100.

195. Гаглойти Ю.С. Аланы... С.100.

196. Ковалевская В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI-IX вв. // МИА. №114. 1963; Она же. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981; Она же. Кавказ и Аланы. М., 1984; и др.
197. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971; Она же. Этнические связи сармат и ранних алан с местными племенами Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976.
198. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
199. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
200. Гадлю А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
201. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА, №I. 1978. С.81.
202. Абрамова М.П. К вопросу... С.82.
203. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Межвузовский сборник. Изд-во Саратовского ун-та, 1983. С.28-29.
204. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С.106; Он же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время; Он же. Культовые места аланского Алхан-Калинского городища... С.86-89.
205. Мацулевич Л.А. Аланская... С.128, 137, 140; Абрамова М.П. Некоторые вопросы аланской культуры Северного Кавказа // Тезисы VI Крупновских чтений. М., 1976; Она же. К вопросу о катакомбных и склеповых сооружениях юга Восточной Европы // Тезисы VIII Крупновских чтений. Нальчик, 1978; и др.
206. Мамаев Х.М. Алхан-Калинское “кострище”//Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.34-37; Он же. Население плоскостной зоны Северного Притеречья в эпоху раннего средневековья. (Материальная культура по данным погребальных памятников). Автореф. канд. дисс. М., 1985.
207. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Автореф. канд. дисс. М., 1970.
208. Багаев М.Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С.51.
209. Багаев М.Х. Некоторые черты... С.52.
210. Багаев М.Х. Гипотезы о происхождении чеченцев и ингушей // VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978. С.44.

211. Вагапов Я.С. Аланы, албаны // Альманах “Аргун”, №2. 1977. С. 50-54 (на чеченском языке); Он же. Случайность? Вряд ли // Газ. “Комсомольское племя”. Грозный, 1977. 7 декабря; Он же. Кем был Иордан // Газ. “Комсомольское племя”. Грозный, 1977, 28 апреля; Он же. Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем - А // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980; Он же. Лингвистические данные о местонахождении аланских городов МаIас и Деяков // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.
212. Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990. С.9, 110.
213. Виноградов В.Б. Историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный, 1980. С.19-26.
214. Левин М.Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник // СЭ. №I. 1961. С.27. 215. Абаев В.И. Осетинский язык ... С.11.
216. Абаев В.И. Осетинский язык... С.41.

ГЛАВА II.

СВЕДЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ОБ АЛАНАХ

1. Античные греко-латинские источники

Этноним “аланы” впервые появляется в латинских письменных источниках в середине I в. н.э. в произведениях знаменитого философа и поэта Луция Аннея Сенеки (последние годы I в. до н.э. - 65 г. н.э.), Гая Плиния Секунда (23 - 79 гг. н.э.) и поэта Марка Аннея Лукана (39 - 65 гг. н.э.). Л. Анней Сенека (“Вестник”. 627-631) упоминает алан в следующем контексте: “Что это за страна? Аргос и Спарта, получившие по жребию благочестивых братьев, и Коринф, стоящий у заливов двух морей, или здесь Истр, представляющий пути к бегству диким аланам (выд. нами - Р.А.), или покрытая вечным снегом Гирканская земля, или всюду блуждающие скифы?”¹ Цитируемый отрывок не содержит какой-либо конкретной географической информации. В ответ на свой же риторический вопрос (“Что это за страна?”), Л. Анней Сенека перечисляет бессистемно, без какой-либо связи между собой, современные ему географические названия областей, городов, реки, отстоящих друг от друга, зачастую на значительном расстоянии, и тут же вслед за ними приводит этнический термин в вовсе не соответствующем, на наш взгляд, с цитируемым отрывком контексте (“Что это за страна?...всюду блуждающие скифы?”). Не исключено, что термин “аланы” у Л. Аннея Сенеки в данный контекст мог попасть случайно. Из цитируемого отрывка с уверенностью можно сделать лишь один вывод, что этнический термин “аланы” был известен во времена Л. Аннея Сенеки. Другой определенной информации об аланах цитируемый отрывок не содержит.

В связи с Дунаем называет алан и Г. Плиний Секунд (“Естественная история”. Книга IV. 80): “[к северу] от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы (Sarmatae) или по-гречески савроматы, и из их [числа] гамаксобии, или аорсы, то неблагодарные, рабского происхождения скифы, или троглодиты, затем аланы и роксоланы”². Если Л. Анней Сенека упоминает алан в довольно расплывчатом

географическом контексте, то Г. Плиний Секунд называет их в перечне племен, которые локализируются другими античными авторами, в том числе и впервые их упоминающими, несколько восточнее между Борисфеном и Танаисом, у Меотиды и на Северном Кавказе³. Судя по цитируемому отрывку, можно предположить, что эти племена, в том числе и аланы, постепенно продвигаются в “прибрежные местности” к северу от Истра и последовательно сменяют друг друга, т.е. аланы появились здесь в результате миграции. При этом Г.Плиний Секунд не дает каких-либо сведений о восточных границах этих “прибрежных местностей” (под которыми вероятно подразумевается побережье Черного моря не только Придунавья), что позволяет на наш взгляд включить в число последних и северокавказское побережье. Тем более, что в этом время (I в. н.э.) оно соединялось с Крымом (рис.3; 4; 5; 6; 7).

М. Анней Лукан (“О гражданской войне десять книг”. VIII, 215-225) помещает алан (в “речи Помпея к Дейотору”) на Кавказе, в районе “Каспийских запоров”: “если я в то время, как стремился к Каспийским запорам и преследовал суровых и вечно воинственных аланов, предоставил вам, парфяне, широко разбегаться...”⁴. В связи с событиями на Кавказе называет алан и Гай Валерий Флакк Сетин Бальб (“Аргонавтики восемь книг”. VI, 33-167), эпический поэт, живший во 2-ой половине I в. н.э. “Анавсий уже раньше ставший врагом за то, что Медея была обещана в жены албанскому тирану выслал пылких аланов, [за которыми] вскоре последовал [и] сам, и свирепых гениохов”⁵.

Наиболее ранние и более подробные сведения об аланах в греко-язычных источниках имеются в сочинении Иосифа Флавия (род. ок. 37 г. н.э.) “О войне иудейской” (VII, 7, 4), где он сообщает об их походе в Мидию в 72 г. н.э.: “В это время, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканов, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, [аланы] напав огромной массой на ничего не подозревающих мидян, стали опустошать, многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо и царствующий в этой стране Пакор, убежав от страха в неприступные места, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотней талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, производя грабеж с большою лёгкостью и без сопротивления, [они] дошли до Армении, всё опустошая. Царем Армении был Тиредат, который, выйдя к ним навстречу, и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; именно, некто издала набросил ему на шею аркан и готовился [уже] притянуть его, если бы он не успел убежать, перерубив мечом веревку. Аланы, ещё более рассвирепевшие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств”. Аланы, как считает Иосиф Флавий, “есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера”⁶.

Как видно, Иосиф Флавий - единственный из авторов I в. н.э., который конкретно указывает место обитания алан - “вокруг Танаиса и Меотийского озера”. Следовательно, есть веские основания думать, что аланы занимали в это время (I в. н.э.) часть равнинной зоны Северного Кавказа, примыкавшей с востока к “Меотийскому озеру”, то есть И.Флавий прямо говорит о том, что аланы жили на части равнинной зоны Северного Кавказа. Это, однако, нельзя понимать в том смысле, что территория их расселения была ограничена только прибрежными районами. И.Флавий, видимо, не знал или не уточнил восточных границ расселения алан. Но у него же есть косвенные сведения, позволяющие предполагать, что территория их расселения не ограничивалась

только частью северокавказской равнины, примыкающей к “Меотийскому озеру”, но и, возможно, простиралась до северных предгорий “Большого Кавказского хребта у Дарьяльского ущелья и дальше на восток”⁷. Так, аланам для проникновения в Мидию оказалось достаточным вступить в переговоры только с царем гирканов (Иберии)⁸. Какие-либо иные препятствия на пути от Азова (“Меотийского озера”) до Дарьяла в лице других народов не названы.

Кроме того, И.Флавий ничего не говорит и о далеком переходе алан от “Танаиса и Меотийского озера” до Дарьяльского прохода, что свидетельствует, по-видимому, о расселении алан (или племен, именуемых аланами) вплоть до северных предгорий Кавказа⁹. В пользу этого как будто бы свидетельствует и то, что античная традиция помещает истоки Танаиса и в Кавказских горах (Рис.7). Кроме того, царь гирканов вряд ли бы поверил и открыл проход в свою страну воинственному и многочисленному войску “незнакомых” аланов (“кочевников”), пришедших на Кавказ “с целью грабежа” с далекой Меотиды и Танаиса. Только длительное знакомство, добрососедские отношения и, возможно, этногенетические связи между “аланами” и “гирканами”, по нашему мнению, могли быть гарантией “царю гирканов” в том, что аланы не нападут на его страну, воспользовавшись столь удобной возможностью. И если И.Флавий сообщает лишь о том, что царь гирканов открыл аланам доступ в Закавказье, то армянские источники (вероятно, описывая это же событие) свидетельствуют, что аланы, горцы и иберы выступили в этом походе как союзники, а древнегрузинская летопись “Картлис Цховреба” считает инициатором этого набега иберийского царя¹⁰.

В.Н. Гамрекели в свое время отмечал, что “упоминание алан Луканом в связи с походом Помпея в Закавказье и упоминание алан Валерием Фланком в поэме “Аргонавтика” в связи с именем Медеи есть отчасти результат смещения имен албанов и алан”¹¹. Следует признать, что это вполне возможно. В таком случае приходится думать, что Лукан и Валерий Флакк “тем самым подтвердили, что в их время на Кавказе по соседству друг с другом жили этнические группы с созвучными названиями “алан” и “албан”¹². Вместе с тем, как считает языковед Я.С. Вагапов, названия алан и албан не только созвучны, но и близки по смыслу и означают на нахских языках “жители равнины, равнинного места, долины, низины, побережья реки”¹³. В связи с этим уместно напомнить слова академика Н.Я. Марра о том, что “вопрос об аланах Кавказского хребта тесно связан с судьбой аланов-албанов Закавказья, требующий также особого рассмотрения”¹⁴. Кроме того, предложенное Я.С. Вагаповым объяснение значения термина “алан” в определенной степени согласуется, на наш взгляд, с локализацией алан И.Флавием. как было отмечено, из иранских языков этот термин не получил удовлетворительного объяснения.

Как мы видим, сведения Марка Аннея Лукана, Гая Валерия Флакка Сетина Бальба, Иосифа Флавия дают определенные основания для локализации алан на Северном Кавказе с I в. н.э., то есть со времени первого упоминания их в письменных источниках¹⁵. В то же время Луций Анней Сенека упоминает этнический термин “аланы” в связи с Дунаем. Однако по контексту трудно судить, появился ли термин “аланы” здесь как название местного населения, т.е. имеет местное происхождение, или он привнесен в результате передвижения сюда новых этнических групп, или упоминание нового термина “аланы” является результатом вольного переноса его с Кавказа из-за слабого знания этнической карты, как Кавказа, так и Северного Причерноморья. И то и другое, на наш взгляд, можно предположить в равной степени, не отрицая в то же время их спорности. Гай Плиний Секунд свидетельствует, судя по контексту, о приходе алан в “прибрежные местности” к северу от Дуная. Вместе с тем

необходимо отметить, что в письменных источниках нет даже намека на приход алан откуда-либо на Северный Кавказ.

Существует мнение, что аланы пришли на Северный Кавказ с Северного Прикаспия- Нижнего Поволжья и Приуралья. Однако оно не подтверждается известными на сегодня древними письменными источниками. Как верно отметил А.С. Скрипкин, последние не дают никакого повода для размещения алан в Северном Прикаспии¹⁶.

В китайском источнике конца II - начала III в. н.э. упоминается название местности “Аланья” в Приаралье: “Владение Яньцай переименовалось в Аланья”¹⁷. На основании этого сообщения в исторической литературе высказана мысль о том, что “область Яньцай-Аланья между Аралом и Каспием” является исходной территорией алан, откуда они пришли на Северный Кавказ¹⁸. Однако указанное упоминание, кстати, единственное, не может само по себе, служить достаточным основанием для предположения какой-либо связи этнического термина северокавказских “алан” с топонимическим термином “Аланья” в Средней Азии. Тем более, о приходе алан на Кавказ именно из указанной области¹⁹. Как явствует из текста, область Яньцай была переименована в Аланья во II - начале III в. н.э. (в период правления младшей династии Хань), в то время как античные западные источники локализуют алан на Северном Кавказе с I в. н.э. Кроме того, само переименование (Яньцай в Аланья) не связано с этноязыковыми иранцами, а вероятно было результатом усиления здесь тюркского элемента. Об этом косвенно свидетельствует распространение на указанной территории с конца I - начала II вв. н.э. деформированных черепов и увеличения примеси монголоидности²⁰. И, наконец, в древних письменных источниках не прослеживается вероятность миграции населения данной местности на Кавказ в этот период. В связи с этим приходится думать, что название приаральской степи Аланья обязано тюркским языкам (а не иранским), в которых алан значит “ровная, открытая местность”, “поле, долина, равнина”²¹.

О кавказских аланах, видимо, пишет и известный писатель второй половины I в. - первой половины II в. н.э. Гай Светоний Транквил (“Жизнеописание Цезарей”. VIII), который сообщает, что “парфянский царь Вологес просил помощи против аланов”²². Армянские источники, которые содержат более подробные сведения о походах алан и горцев во второй половине I в. н.э. в Закавказье, подтверждают, что в этих походах участвовали аланы, обитавшие на Северном Кавказе по соседству с горами и иберами²³.

Этноним “аланы” встречается и у писателей “Истории Августов” - сборника жизнеописаний римских императоров, охватывающих 117-284 гг. Так, Юлий Капитолин (“Марк Антонин Философ”. 22) называет алан среди племен, участвующих в так называемой I Маркоманской войне, длившейся перерывами с 166 по 175 гг. н.э. на Дунайской границе Римской империи²⁴. В остальных случаях писатели “Истории Августов” ограничиваются лишь упоминанием имени алан, в контексте не позволяющем судить о месте их обитания²⁵.

Авторы IV - первой половины VI в. н.э. также называют термин “аланы” в связи с Северным Причерноморьем. Децим Магн Авзоний (первая половина IV в. н.э.) сообщает, что “гет в союзе с аланами тревожил набегами Истр” (“V. Моление предназначенного консула накануне январских календ, при вступлении в должность”. 29-32)²⁶. Евсевий Иероним (“Письмо 60. К Гелиодру”. 16; “Письмо 122. К Агерухии”.

16) называет алан среди племен, обитавших в Причерноморье²⁷. В этих же районах знают алан и Секст Аврелий Виктор (“Сокращение”. XLVII), Руфий Фест Авиен (“Описание земного круга”. 435-361), Павлин Пеллейский (“Благодарственная молитва”. 343-400), Павел Оросий (“Историй против язычников 7 книг”. Книга VII. 37, 3), Присциан (“Землеописание”. 228-312)²⁸. Упоминаемые Сальвианом (“О правлении божием 8 книг”. VII, 64), Флавием Вегетием Ренатом (“Краткий очерк военного дела”. I, 20) и Квинтом Аврелием Меммием Симмахом (“Отрывок из “Истории”) аланы, судя по контексту, тоже обитают в Причерноморье²⁹. Клавдий Клавдиан (“На Руфина книга I”. 308-331) упоминает алан вокруг Меотиды³⁰, а Юлий Валерий (“Деяния Александра Македонского”. I, 2) упоминает алан вместе с иберами, серами, скифами и другими племенами³¹. Необходимо заметить, что названные выше авторы ограничиваются обычно лишь упоминанием термина алан, ничего не сообщая об их локализации.

Епископ Амвросий (“Объяснение Евангелия от Луки”. Книга X. XXI, 9; “Письма. Письмо 24-е: Амвросий императору Валентину”. 8), упоминая алан среди племен Северного Причерноморья и Галлии³², вместе с тем сообщает о походе в Мидию и Армению (в 72 г. н.э.) алан, населяющих “скифский Танаис и пограничные с ним места и Меотидские болота”, “которые сдерживались, вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами, непроходимостью местности внутри страны и запором железной двери, которую воздвиг великий Александр на отвесном хребте горы Тавра”. По их просьбе “тирканский” царь, “который начальствовал над этой местностью”, открыл ворота и они подвергли Мидию и Армению опустошительному набегу (“Объяснения Евангелия от Луки”. Книга V. I)³³. Возможно, что эти сведения Амвросий заимствовал у Иосифа Флавия.

Под Тавром, в данном случае, Амвросий подразумевает Кавказский хребет, который античные авторы нередко отождествляли с Тавром или считали его продолжением³⁴. “Тирканией” (“Тирканский царь”) в греко-латинских источниках нередко называлась Иберия (древняя Грузия) от армянского названия Иберии - Виркан³⁵. “Запором железной двери” Амвросий называет Дарьяльский проход. Это объясняется тем, что античные авторы перенесли легенду об Александре Македонском на Кавказ, и терминами “Александровы запоры”, “Каспийские ворота”, “Александровы ворота”, первоначально прилагавшимися к горным проходам Сирдара и Фируз-кух, расположенным юго-восточнее современного Тегерана, они иногда обозначали Дербентский и Дарьяльский проходы³⁶.

Как видно, на Мидию и Армению сделали набег северокавказские аланы, обитавшие по соседству с Иберией, которая была их военным союзником и пропустила через Дарьяльский проход³⁷. Правда, Амвросий не дает каких-либо указаний о юго-восточных границах расселения алан, однако в то же время он ничего не говорит и о далеком переходе алан с Меотиды и Танаиса до Дарьяля. Кроме того, армянские историки, как было отмечено выше, описывая это событие, достаточно ясно локализуют алан в предгорьях Северного Кавказа³⁸. О локализации алан на Северном Кавказе по соседству с иберами и албанами свидетельствует и Фемистий (“Речи. XXXIV. К обвинявшим в принятии должности”. VIII, стр. 33): “Римские полководцы проходили Каспийские ворота, выгоняли аланов из Армении и устанавливали границы иберам и албанам³⁹.

Интересные сведения об аланах сообщает в своей “Истории” римский историк IV в. н.э. Аммиан Марцеллин. Описание племен и этнических групп Северного Кавказа Ам.

Марцеллин начинает с западной оконечности Кавказского хребта. Здесь он называет ахейцев, живущих “на вершинах гор, покрытых вечным снегом”, и керкетов, “которые живут рядом с ними” (“Книга XXII”. 8, 20”)40.

“В тылу от них, - пишет далее Ам. Марцеллин, - живут обитатели Киммерийского Боспора, где есть милетские города и как бы мать их всех - Пантикопей [через который] протекает река Гипанис (perstringit Hypanis), изобилующая и собственными водами и впадающими извне [т.е. притоками]. На значительном расстоянии оттуда вокруг Танаиса обитают амазонки” (“Книга XXII”. 8, 20)41. Судя по контексту, здесь идет речь о территории к западу от керкетов-милетских городах Таманского и Корченского полуостровов, низовий Днепра и Южного Буга и самом современном Южном Буге, в устье которого находился город Ольвия, основанный милетцами в VI в. до н.э.42

Вставка В.В. Латышева “через который” представляется нам неверной, так как слова Ам. Марцеллина - “в тылу от них”, вероятно, относится не только к обитателям Киммерийского Боспора и милетским городам, но и к реке Гипанис, то есть Киммерийский Боспор, милетские города и река Гипанис находились к западу от керкетов (Рис.8). Кроме того, Гипанис (Кубань) никак не мог протекать “через” Пантикапей, так как последний находился на Керченском полуострове, где кстати нет и реки, о которой можно сказать: “изобилующая и собственными водами и впадающими извне”. В связи с этим, отождествление В.В. Латышевым реки Гипанис с Кубанью представляется неубедительным43. Тем более, что Кубань в своем нижнем течении протекала через северные рубежи территории керкетов. Такое понимание цитируемого отрывка, как будто бы подтверждается и последующим сообщением Ам. Марцеллина (“Книга XII”. 8, 27): “На значительном расстоянии оттуда вокруг Танаиса обитают амазонки, простирающиеся вплоть до Каспийского моря. Река Танаис, получая начало между Кавказскими скалами, течет извилистыми дугами и, отделяя Азию от Европы, теряется в Меотийском болоте... За Танаисом на широком пространстве живут савроматы, по земле которых текут непресыхающие реки Марабий (Marabius), Ромбит (Rombitus), Теофаний (Theophanius) и Тоттордан” (выд. нами. - Р.А.)44.

Как видно, древнее название Дона-Танаис, Ам. Марцеллин переносит на одну из северокавказских рек. Помпоний Мела (I в. н.э.) также считал, что Танаис течет с “Рифейской горы”, которая отождествлялась им с Кавказскими горами45. По мнению В.В.Латышева Ам.Марцеллин называет Танаисом современный Маныч. Однако с этим трудно согласиться, так как Маныч берет начало на довольно большом расстоянии от “Кавказских скал” - на Кумо-Манычской впадине (между Ставропольской возвышенностью и Сальско-Манычской грядой) и о нем уж никак нельзя сказать, что он “получая начало между Кавказскими скалами, течет извилистыми дугами”. Вероятнее всего, под названием Танаис здесь подразумевается Егорлык - приток Маныча, который берет начало на горе Стрижамент (в 20-25 км от русла Кубани), “течет извилистыми дугами” и, через Маныч и Дон, “теряется в Меотийском болоте”II. Если вслед за В.В. Латышевым предположить, что Гипанис - Кубань, то цитируемое выше свидетельство Ам. Марцеллина теряет всякий смысл - Танаис, который “получает начало в Кавказских скалах”, никак не может находиться “на значительном расстоянии” от Гипаниса (Кубани), истоки которого, в таком случае, должны находиться в Кавказских горах, то есть в тех же “Кавказских скалах”. Кроме того, реки Марабий, Ромбит, Теофаний, Тоттордан, текущие, по свидетельству Ам. Марцеллина, за Танаисом мы в этом случае (Гипанис=Кубань) должны искать к северо-западу от устья Дона - в Северном Приазовье. Однако исследователями они отождествляются с реками

Восточного Приазовья (Кагальник, Бейсуг и др.), впадающими в Азовское море между Кубанью и Доном⁴⁶. амазонки, судя по цитируемому отрывку, обитали к северо-востоку и востоку от керкетов - на Ставропольской возвышенности ("вокруг Танаиса") и до Каспийского моря (Рис.8).

О локализации алан Ам. Марцеллин сообщает: "Истр со множеством (*abundans* Hister) притоков течет мимо [земли] савроматов, простирающейся до реки Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор" ("Книга XXXI". 2, 13)⁴⁷. В другом месте он уточняет: "близ поселения амазонок живут аланы, обращенные к востоку и рассеянные между многочисленными и обширными племенами; [их владения приближаются] к азиатским землям и простираются, как я узнал, до самой реки Ганга, пересекающей индийские земли и впадающей в южное море" ("Книга XXXI". 2, 13)⁴⁸. Если сведения Ам. Марцеллина о распространении алан вплоть до реки Ганга более чем сомнительны, то локализация алан на Северном Кавказе не вызывает сомнений. В связи с Кавказом в цитируемой работе аланы упоминаются еще несколько раз⁴⁹. Вместе с тем Ам. Марцеллин знает алан (европейские аланы) и в Северном Причерноморье ("Книга XXII". 8, 42)⁵⁰.

Алан, обитавших на Северном Кавказе, Ам. Марцеллин генетически связывает с албанами и массагетами Закавказья. Он сообщает, что Гней Помпей, пройдя земли "албан и массагетов, которых мы теперь называем аланами, разбил и это племя и увидел Каспийские озера..." ("Книга XXIII". 5, 16),⁵¹ и подчеркивает далее, что аланы это прежние массагеты ("Книга XXXI". 2, 12)⁵². Греческий автор второй половины II в. - первой половины III в. н.э. Дион Кассий Коккейиан в своей "Римской Истории" генетически связывал с массагетами албан ("4.Известия о дальнейших событиях". Ер., LXIX, 15): "албанов, по происхождению массагетов" (выд. нами. - Р.А.)⁵³. Однако с этим не соглашается В.В. Латышев, который пишет в комментарии к Диону Кассию, что "своим предполагаемым происхождением от массагетов, неподтверждаемым другими авторами, албаны обязаны, может быть, лишь тому, что и то, и другое племя локализуется у реки Аракса. При этом Аракс массагетов - Сыр-Дарья (Яксарт других древних авторов) смешивается с кавказским Араксом⁵⁴. В связи с тем, что массагеты, как он считает, не обитали в Закавказье, то аланы, разбитые, по словам Ам. Марцеллина, Помпеем, должны связываться только с албанами⁵⁵.

Соглашаясь с В.В. Латышевым в том, что аланы должны связываться с албанами, считаем необходимым отметить, что упоминание массагетов в Закавказье вряд ли является результатом смешения Аракса с Сыр-Дарьей (Яксартом). Так, Геродот сообщает в своей "Истории", что массагеты живут "за рекою Араксом"⁵⁶. Далее он уточняет: "Река же Аракс течет из земли матиенов"; "река же Аракс берет начало в матиенских горах"; "река Аракс, текущая на восток"⁵⁷. Эти сведения дополняет Гай Юлий Солин (перв. полов. III в. н.э.) в своем "Сборнике достопримечательностей" (XV, 18): "Аракс берет начало на небольшом расстоянии от истоков Ефрата и затем течет в Каспийское море"⁵⁸. Вероятно, что Ам. Марцеллин в данном конкретном случае называет массагетами-мазкутов (маскутов) армянских авторов, обитавших у Каспийского моря, южнее Дербента, которые были этнически близки албанам⁵⁹. Следовательно, можно полагать, что Ам. Марцеллин называет аланами родственные албанам кавказские племена. В связи с этим необходимо отметить, что албаны в языковом отношении и этнически, как и народы Дагестана, находятся в родстве с вайнахами.

О происхождении племенного названия “алан” Ам. Марцеллин (“Книга XXXI”. 2, 13) сообщает, что аланы получили свое название от гор, но не указывают от каких⁶⁰. Так как в приведенных выше сведениях речь идет об аланах, локализуемых на Северном Кавказе и обитавших в Закавказье албанах и массагетах (мазкутах-маскутах), правомерно предположить, что под горами, от которых аланы получили свое название подразумеваются Кавказские горы. Так, Ю.Кулаковский в свое время, опираясь на сведения Ам. Марцеллина, отметил: “Аланы связаны с горами, но не с севера, а с юга, а именно: с Кавказским хребтом”⁶¹. Это, на наш взгляд, подтверждается и свидетельством Гая Соллия Аполлинария Сидония (430-480 гг.) о том, что аланы рождены на Кавказе (“Письма”. IV, 1, 4): “... рожденным на Кавказе аланам”⁶². В связи с вышесказанным привлекает внимание свидетельство, содержащееся в “Схолиях к Лукану” (“Разные схолии”. Книга VIII. 223) о том, что аланы “племя”, названное от реки Алана⁶³. Река “Алана” (“Алонта” у Клавдия Птолемея или “Аландон” в “Армянской географии”) обычно отождествляется с Тереком, что так же подтверждает, на наш взгляд, кавказское происхождение алан и их племенного названия⁶⁴. Необходимо отметить, что в чечено-ингушских языках одно из названий реки али/алие в косвенных падежах приобретает так называемое наращение “н”: алание, алние, олана и т.д.⁶⁵

Об этническом содержании термина “алан” Ам. Марцеллин сообщает, что аланы “мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности”. “Разделение ... по обеим частям света, - пишет далее Ам. Марцеллин, - аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства, однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами...” (“Книга XXXI”. 2, 13; 2, 17)⁶⁶. Думается, что такая характеристика алан не противоречит объяснению значения термина “аланы” из нахских языков - “жители равнины, равнинного места, долины, низины, побережья реки”, “равнинники”, “степняки”. Косвенным подтверждением объяснения термина “аланы” - “жители равнины”, может, на наш взгляд, являться и указание Ам. Марцеллина, что аланы получили свое название от гор, так как населением гор, горцами, воспринимается население равнины в первую очередь как “жители равнины”, “равнинники”. Вместе с тем, по мнению Я.С. Вагапова, “установив убедительно или предположительно, что этноним создан на одном определенном языке, нельзя спешить с выводом о том, что и поименованный им этнос был носителем именно этого языка”⁶⁷.

Из сведений, сообщаемых Ам. Марцеллином об аланах, можно, на наш взгляд, заключить, что термин “аланы” возник не как название или самоназвание определенного этноса, а как общее собирательное название для всего (возможно, неродственного, разноразличного) населения Предкавказских степных равнин. Позднее, в результате миграции какой-то части населения из степных равнин Предкавказья (а также, в результате вольного использования этого термина некоторыми древними авторами), термин “аланы” получил более широкое распространение: в первую очередь, в степных районах Северного Причерноморья до Дуная (Истра). Среди племен, мигрировавших в Крым и Северное Причерноморье очевидно были и выходцы с Кавказа, в том числе и нахскоязычные. Возможное присутствие здесь кавказского этноязыкового элемента (в частности, северо-восточнокавказского) в исследуемое время и предшествующие периоды отмечена специалистами⁶⁸.

Ю.С. Гаглойти считает, что по Ам. Марцеллину, “появление этнонима “аланы” было связано, прежде всего, с объединением этнически родственных племен”, подразумевая под последними лишь ираноязычные племена. Но такая определенность родства и языковой близости из сообщения Ам. Марцеллина не вытекает. Более того, как совершенно верно отметил В.Ф. Миллер: “Из этого рассказа Аммиана Марцеллина об аланах видно, что для него название аланов - понятие географическое и что оно обнимает целую группу народов, живущих за Танаисом на границе Азии и Европы в кочевом быту”⁶⁹.

Таким образом, устанавливается, что греко-латинские письменные источники убедительно локализуют алан на Северном Кавказе с I в. н.э., когда этноним “аланы” впервые появляется в произведениях античных авторов. Как совершенно справедливо отметила В.Б. Ковалевская, “из двенадцати античных авторов, которые в разных контекстах и на разных территориях упоминают этноним “аланы” для догуннского времени “лишь трое говорят об аланах только в связи с событиями на Истре, трое связывают их с Северным Причерноморьем (одновременно зная их на Кавказе) и девять или локализуют их на Кавказе, или же рассказывают об их походах через горные проходы в Закавказье”⁷⁰.

Появление термина “аланы” на Северном Кавказе, как уже отмечалось исследователями, античные источники не связывают с переселением на Северный Кавказ каких-либо племен. Более того, они последовательно и достаточно убедительно свидетельствуют о местном, кавказском происхождении алан и их племенного названия. Это само по себе уже позволяет предположить этническую близость определенной части алан с кавказскими племенами (в частности вайнахами), не отрицая при этом, что этноним “аланы” мог распространяться и на другие неродственные им племена, обитавшие в степных районах Предкавказья и Северного Причерноморья (иранские, тюркские).

2. Византийские и западноевропейские источники.

Интересные сведения об аланах сообщают авторы эпохи раннего средневековья. Так, византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский, описывая войны Византии с Персией, сообщает, что аланы занимают страну, которая “простирается от Кавказа до Каспийских ворот”⁷¹. Далее он уточняет, что на западе аланы граничат с племенами абасков, брухов и зихов⁷², т.е. аланы обитают к востоку от адыго-абхазских племен. Восточную границу расселения алан Прокопий указывает довольно туманно - “Каспийские ворота”. В научной литературе “Каспийские ворота” Прокопия Кесарийского связывают то с Дарьялом⁷³, то с Дербентским проходом⁷⁴.

Ю.С. Гаглойти, отождествляя “Каспийские ворота” с Дарьялом, считает, что Прокопий не распространяет имя алан на северокавказские народы, то есть на западе Прокопий противопоставляет аланам адыгские племена, а на востоке аланы жили лишь до Дарьяла и в связи с этим имя алан не могло распространяться на вайнахские племена, которые жили за Дарьялом. III Аланами Прокопий называет, как считает Ю.С. Гаглойти, только ираноязычных предков осетин⁷⁵. Для подтверждения своего вывода Ю.С. Гаглойти приводит свидетельство того же Прокопия о том, что “Каспийскими воротами” владел в период персидско-римских войн унн (гунн) Амбазук⁷⁶. Ссылаясь на то, что в “Картлис Цховреба” встречается это же имя в форме Анбазук, как имя

овсского предводителя, Ю.С. Гаглойти, вслед за В.Ф. Миллером объясняет его из осетинского “равноплечий”⁷⁷. Это свидетельствует, как считает Ю.С. Гаглойти, о том, что: Амбазук был аланом, то есть этноним унн (гунн) у Прокопия в данном случае является собирательным и распространяется вообще на все обитавшие, на Северном Кавказе племена, в том числе и алан, а этноним “аланы” применяется в узкоэтническом смысле для обозначения только ираноязычных племен; под “Каспийскими воротами” Прокопий подразумевает Дарьял, так как Дарьялом мог владеть только “алан” Амбазук⁷⁸.

Однако с этим трудно согласиться. Во-первых, судя по контексту (страна алан простирается от Кавказа до “Каспийских ворот”), Прокопий называет Кавказом не весь Кавказский хребет, а какую-то его часть. Вероятно, в данном случае он, следуя традициям древних источников, обозначает именем Кавказ центральную часть Большого Кавказа - между Эльбрусом и Казбеком - Дарьялом⁷⁹. В связи с этим “Каспийские ворота” нельзя, на наш взгляд, отождествлять с Дарьялом. Иначе сообщение Прокопия теряет всякий смысл. Тем более, что далее он сам сообщает сведения для локализации “Каспийских ворот”: отроги Кавказских гор, обращенные к юго-востоку, “достигают до тех самых проходов, которыми живущие там племена гуннов проходят в землю персов и римлян: один из этих проходов называется Тзур, а другой носит название “Каспийских ворот”⁸⁰. Судя по контексту (отроги Кавказских гор “достигают до тех самых проходов”), эти проходы находятся в юго-восточной оконечности отрогов Кавказских гор, и расположены, вероятно, недалеко друг от друга. О Дарьяльском (в отличие от Дербентского) проходе вряд ли можно сказать, что отроги Кавказских гор, обращенные к юго-востоку, “достигают до...”, так как он расположен в центральной части Главного Кавказского хребта - на значительном расстоянии от Дербента. Эти обстоятельства заставляют, на наш взгляд, усомниться в том, что под “Каспийскими воротами” Прокопий подразумевает Дарьял, а собственно “Каспийские ворота” (Дербентский проход) называет “Тзур”. В приведенном отрывке, скорее всего, речь идет о Дербентском проходе (“Каспийские ворота”) и воротах Чора (“Тзор”) на реке Самур⁸¹, расположенных не на большом расстоянии друг от друга на юго-восточной оконечности Кавказского хребта, через которые, кстати, и можно было попасть непосредственно (в отличие от Дарьяла) в “землю персов”. Как нам представляется, у Прокопия нет каких-либо сведений для локализации алан только к западу от Дарьяла. Вместе с тем восточные письменные источники и материалы археологических раскопок убедительно свидетельствуют, что аланы обитали и к востоку от Дарьяла на территории современной Чечено-Ингушетии вплоть до Дагестана, а отчасти и на территории Дагестана⁸².

Во-вторых, если этноним унн (гунн) у Прокопия является собирательным, то не ясно, на основании чего Ю.С. Гаглойти объявляет термин “аланы” узкоэтническим и связывает его исключительно с ираноязычными племенами. Во всяком случае, у Прокопия нет сведений для этого. Перевод имени Амбазук (Анбазук) на осетинском языке “равноплечий”, даже если признать его правильным, отнюдь не является доказательством того, что аланами назывались только ираноязычные племена. Ведь Амбазук назван унном, а не аланом.

Кроме того, необходимо отметить, что осетинское объяснение имени Амбазук не является общепринятым. На наш взгляд, Я.С. Вагапов прав, когда отмечает, что его интерпретация у иранистов - как “равноплечий” пользуется неоправданно широким признанием. “Исследователей почему-то не смущает то обстоятельство, что имен типа:

двурукий, двуногий, двуглавый, равноплечий не бывает, но широко распространены имена типа русских: Косой, Кривошеев, Хромой, Безрукий, Беспалый и т.д.”. Имя Анбазук (Амбазук) Я.С. Вагапов объясняет из вайнахских языков: а /н/ - приставка. Базук - личное имя. Имя Базукъ образовано от нахского нарицательного слова база - “тис” и кь /о/ - сын. “В начальной приставке а/н/ - мы видим омертвевший и сросшийся с именем артикль определенности”. В связи с этим можно привести и такие нахские параллели: Абата-Бата, от бат - “морда”, Анга-Га, от га - “отросток”, Амада-Мада, от мада - “мягкий” и т.д. Вместе с тем, при объяснении древних личных имен, значение которых неизвестно, следует учитывать, как считает Я.С. Вагапов, что: “По личному имени очень трудно судить об этнической принадлежности его носителя”; “личные имена, несут меньшую информацию о языке соответствующего населения”⁸³.

Из всего сказанного видно, что сведения Прокопия Кесарийского, вопреки мнению Ю.С. Гаглойти, не позволяют связать алан только с этноязыковыми иранцами и противопоставить их этнически вайнахским племенам. Даже при помощи единичного в данном случае языкового факта (имя Анбазук). Более того, как совершенно справедливо отметил в свое время В.Ф. Миллер, “Прокопий, как и другие писатели, распространяет имя аланов вообще на северокавказские народы”⁸⁴.

Современник Прокопия - Агафий (VI в.), описывая те же события, называет западных соседей алан - апсилиев, лазов, мисимян, не сообщая при этом никаких сведений о племенах, граничавших с аланами на востоке⁸⁵.

В своих сочинениях Менандр Византиец (VI в.)⁸⁶, Феофелакт Симокатта (VI в.)⁸⁷, Феофан Византиец (VIII-IX вв.)⁸⁸, Генесий (IX в.)⁸⁹, Никифор Вриений (X-XI вв.)⁹⁰, также ограничиваются лишь упоминанием алан на Северном Кавказе и не дают сведений для уточнения их локализации и этнической принадлежности. Они не называют другие племена, обитавшие по соседству с ними, кроме племен, граничащих с аланами на западе. Сведения названных авторов не позволяют считать термин “аланы” узкоэтническим, подразумевая под ним только ираноязычные племена и этнически противопоставлять алан вайнахам, как это делает Ю.С. Гаглойти⁹¹.

Упоминание термина “аланы” само по себе еще не является свидетельством того, что им не охвачены разные племена, в том числе и предки вайнахов. И если Никифор Вриений пишет, что язык алан “варварский”, то не понятно, почему мы должны думать, что он называет “варварским” только иранский язык. Даже если имя одного из алан - Арабат, упоминаемое Никифором Вриением, объясняется из осетинского языка как “родич”⁹². Объяснение некоторых аланских имен из осетинского языка не является, на наш взгляд, свидетельством исключительной ираноязычности алан. Кстати, это имя может объясняться и из вайнахских языков: ара - (совр. эри) “самец” и батIа-бада (современное бIотIа) “силач, богатырь”, что также не может само по себе служить свидетельством исключительной нахоязычности алан. Кроме того, для византийцев, в том числе и для Никифора Вриения, все окружающие их племена были “варварскими” и языки их тоже были “варварскими” (в том числе и иранский). Если Никифор Вриений и назвал аланский язык варварским, то из этого вовсе не следует, что все аланы говорили на одном языке, и именно на иранском. Для такого вывода Никифор Вриений не дает никакого повода.^{IV}

Интересные сведения об аланах сообщает епископ Феодор в своем “Аланском послании”, написанном в 1-ой половине XIII в.⁹³ Феодор провел некоторое время

среди алан, обитавших на Черноморском побережье, по-видимому, на не большом расстоянии от Боспора (Керчи)⁹⁴. О происхождении алан он пишет: “племя это рассеяно и простирается от Кавказских гор до Иверии, древний предел их родины (выд. нами - Р.А.); они возлюбили посылать некоторые многолюдные выселки, так что наполнили Скифию и Сарматия”⁹⁵. Свидетельство епископа Феодора тем для нас ценно и важно, что он, сам по происхождению алан, называет древним пределом родины алан ни Северное Причерноморье, Нижнее Поволжье или Приуралье, а Иберию - Кавказ. Можно полагать, что описываемые Феодором аланы выходцы с Кавказа, этнически родственные кавказским племенам. Еще в VI в. об этом свидетельствует анонимный византийский автор: “по соседству с городами верхней Иберии жили аланы, гунны и эмбы, страна аланов простирается, как полагают, до Кавказского хребта. Они (аланы. - Р.А.) тоже Иберы”⁹⁶. Эти свидетельства позволяют с достаточным на то основанием думать, что какая-то часть племен, именуемых аланами, была связана своим происхождением с Кавказом. Об исключительной ираноязычности алан, как мы видим, говорить не приходится. Вместе с тем, нельзя отрицать, что этноним “аланы” в разное время мог покрывать, совместно с кавказцами и иноязычные племена, обитавшие на северокавказской равнине (тюркоязычные, ирано-язычные). Возникший как общее название равнинного населения нахский географический термин “алан”, означающий “равнинный”, “низинный”, “затем в качестве этнонима мог употребляться и по отношению их горных соплеменников” и одновременно мог распространиться и на другие этнические неродственные, разноязычные племена⁹⁷. Последнему, видимо, способствовало и передвижение части населения под именем алан с Кавказа в Причерноморье, Приазовье, что подтверждается свидетельством епископа Феодора (“они возлюбили посылать некоторые многолюдные выселки, так что наполнили всю Скифию и Сарматия”).

Некоторые сведения об аланах сообщают западноевропейские авторы XIII-XV вв. Путешественник Плано Карпини, побывавший в 1245-1247 гг. на территории Северного Кавказа, захваченной татаро-монголами, среди покоренных ими племен упоминает племя “Аланы или Асы”, жившее по соседству с гумиками (локализуется на территории Дагестана), не называя при этом между аланами и гумиками население, которое можно было бы назвать вайнахским, но неаланским⁹⁸.

Более подробные сведения сообщает Гильом де Рубрук, направляющийся в 1253 г. к монголам через Кавказ: “К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, черкесы и аланы, или Аас, которые исповедуют христианскую веру, и все еще борются против татар”. На востоке с аланами граничат лесги (лезгины), которые также непокорены татарами⁹⁹.

Гильом де Рубрук и Плано Карпини называют аланами население части Северного Кавказа, заключенное между черкесами и дагестанскими племенами (гумики, лесги), естественно, в том числе и большую группу чечено-ингушских племен, обитавших на названной территории. На той же территории Северного Кавказа (как на равнине, так и в горах) помещает алан и итальянский путешественник Иосифат Барбаро (перв. пол. XV в.)¹⁰⁰.

Подробные сведения о племенах, населяющих Кавказ, в том числе и аланах, сообщает архиепископ Иоанн де Галонифонтибус в своем сочинении “Книга познания мира”, написанной в 1404 г. На побережье Черного моря, у подножия гор находится страна, называемая “Зикией иди Черкесией”. Черкесы делятся на белых и черных. Черные

черкесы живут в горах¹⁰¹. Видимо, здесь говорится о карачаевцах, которые именуются, как свидетельствует Н.Г. Волкова, карачеркасы (черные черкесы)¹⁰². На юге Черкесия граничит с Абхазией, а на востоке от Абхазии, “по направлению к Грузии, лежит страна, называемая Мингрелией”. К востоку от Мингрелии находится Грузия, “страна обширной протяженности”. По-соседству с Грузией, в горах, живут двалы, аланы, ассы (Assi). К востоку от Грузии, на территории Дагестана, Иоанн де Галонифонтибус называет племена гумиков, аваров, казикумухов, даргинцев, лакцев, лезгин¹⁰³.

Как мы видим, на территории Северного Кавказа, от Черкесии на западе и до дагестанских племен на востоке, Иоанн де Галонифонтибус называет двалов, алан и ассов. Известно, что родственные вайнахам двалы обитали в горах Центрального Кавказа, к западу от р. Терек в верхнем его течении¹⁰⁴. Население остальной части указанной выше территории, в том числе и Чечено-Ингушетии, Иоанн де Галонифонтибус называет ассамы и аланами (assi et alani).

Византийские и западноевропейские авторы достаточно четко локализуют алан на Кавказе, на территории, граничащей на западе с черкесами, на юге с Грузией и Мингрелией, на востоке с Дагестаном и называют эту территорию древним пределом родины алан. При этом они не подразделяют алан на какие-либо племена. Все население названного региона в частности вайнахи, известно античным и средневековым авторам только под общим названием “аланы”¹⁰⁵. В связи с этим вызывает недоумение вывод Ю.С. Гаглойти о том, что по своему этническому содержанию племенное название аланы не распространилось на вайнахов¹⁰⁶. Ни в византийских, ни в западноевропейских источниках вообще нет сведений для этнического противопоставления алан чечено-ингушским племенам древности и раннего средневековья, как нет и сведений, позволяющих считать термин “аланы” узкоэтническим.

Синхронные событиям о которых повествуют, эти источники не могли бы не отметить вайнахские племена, если бы они обитали между “аланами” и дагестанскими народностями. Не могли же они дать обет молчания о вайнахах и так единодушно его соблюдать. Вайнахи образуют наиболее крупный массив этнически и языково близкородственного, можно сказать, этнически единого населения на той территории, которая называлась в древности и в средние века “Аланией”. Не может быть сомнения, что термины “Алания” и “аланы (асы)” средневековых западных источников относились и к ним.

3. Восточные источники.

Ценные сведения об аланах содержатся в восточных письменных источниках. Так, в сасанидских надписях III в. н.э., в частности в надписи Картира на “Каабе Зороастра”, в описании границ Ираншахра, Алания помещена рядом с Арменией, Грузией и Аланскими воротами¹⁰⁷, то есть аланы отмечены в центральной части Северного Кавказа, в районе Дарьяльского прохода.

Подробные сведения о географическом положении народов и племен Кавказа содержит сирийская хроника 50-60 гг. VI в. н.э., в основе которой лежит переведенная с греческого “История” Захарии Митиленского, по имени которого стала называться и сирийская анонимная компиляция¹⁰⁸. Об аланах хроника сообщает следующее: “За

воротами (Каспийскими. - Р.А.) живут бургары, со [своим] языком, народ языческий и варварский, у них есть города, и аланы, у них пять городов. Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости. Ауангур, народ, живущий в палатках, аугар, сабир, бургар, куртагар, авар, хазар, дирмар, сиургур, баграсик, кулас, абдел, афталит, эти тринадцать народов, живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием” (выд. нами. - Р.А.)¹⁰⁹. Ю.С. Гаглойти, как отмечалось, отождествляя “Каспийские ворота” с Дарьялом, пытается локализовать алан только к западу от Дарьяла¹¹⁰. Однако сведения хроники не дают для этого никакого повода. Так, перед цитируемым отрывком автор хроники дает описание земель в Закавказье - Армении, Гурзан (Грузии), Аран, (Албании), Систан и Базгун. О последней он сообщает: “Базгун земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, которые [находятся] в пределах гуннских. За воротами живут бургары...”¹¹¹ Судя по контексту (“до Каспийских ворот и моря”), “Каспийские ворота” связаны с морем. В свое время Н.В. Пигулевская совершенно верно отметила, что под “Каспийскими воротами” в хронике подразумевается не Дарьял, а Дербентский проход, расположенный на берегу Каспийского моря, “так как в тексте отнюдь нет противоположения “от” и “до”¹¹². Кроме того, земля Базгун не могла простирается от Дарьяла до Каспийского моря, так как в этом случае необходимо допустить, что земля Базгун включала в себя земли Аран (Албании) и Гурзан (Грузии) - в северных пределах которой и находится Дарьяльский проход. Однако для этого нет никаких оснований. Не дает для этого оснований и Захария Ритор, который дает описание Аран (Албании), Гурзан (Грузии) и Базгун как отдельных самостоятельных, независимых друг от друга образований. Земля Базгун в описании Захарии Ритора расположена на побережье Каспийского моря (Рис.8). Локализация Базгун (Базакан арм. авторов) Сирийской хроникой на берегу Каспийского моря, к югу от Дербентского прохода, подтверждается и армянскими источниками, которые помещают Базакан (Базгун) между Албанией и Каспийским морем¹¹³.

Как видно, в сирийской хронике нет сведений для локализации алан только на запад от Дарьяла и выделения на Северном Кавказе “чистых” алан - этноязыковых иранцев, этнически отличающихся от местных аборигенов, в частности вайнахов¹¹⁴. Тем более, что автор хроники тут же уточняет: “Из пределов Даду (аланы. - Р.А.) живут в горах, у них есть крепости”. Если же, следуя предположению Н.В. Пигулевской, с которым согласен Ю.С. Гаглойти, отождествлять “Даду” с Дагестаном¹¹⁵, то ограничение Алании с востока Дарьяльским проходом лишается всякого основания.

Вместе с тем представляется возможной связь термина “Даду” с чеченским словом “дада” - отец, хозяин, владелец, которое в фольклоре употребляется в значении - “господин”, “вождь”, “отец”. Сравните современное вайнахское слово Дайн мохк, что буквально означает “отцов земля”, “Отечество”. Сравните также название чеченского селения Дади-Юрт - буквально “село Дады” и название аланского города Деяков “двор Дады”¹¹⁶.

Не трудно заметить, что сообщения Захарии Ритора не исключают возможность вхождения в состав аланского племенного союза вайнахского населения к востоку от Дарьяла как предгорного, так и горного. И утверждение Ю.С. Гаглойти о том, что у автора хроники под аланами подразумеваются только этноязыковые иранцы и “нет даже намек на собирательный характер имени алан”¹¹⁷ представляется неуместным, так как Захария Ритор прямо называет аланами и население Чечено-Ингушетии. У Захарии Ритора нет каких-либо данных, которые позволили бы как-то этнически

противопоставить алан предкам вайнахов, тогдашнему населению Чечено-Ингушетии.

Среди племен, населявших Северный Кавказ, упоминает алан и арабский историк IX в. Якуби, описывая военные столкновения между хазарами и арабами в 20-х годах VIII в.¹¹⁸ Отмечая на территории Дагестана целый ряд мелких политических образований - страну лакзов, Маскат, Табарсаран, замок, в котором находится “царь престола”, Туманшах, Зирикиран, Хамзин и др.,¹¹⁹ к западу от Дагестана Якуби называет только алан и не упоминает здесь какие-либо неаланские племена или политические образования, которые можно было бы признать, хотя бы предположительно, предками вайнахов. Из этого логично заключить, что название аланы в его употреблении распространялось и на средневековые чечено-ингушские племена. Несомненно, что если бы вайнахи не покрывались этим термином, то Якуби, назвавший целый ряд мелких племен Дагестана, как-то назвал бы и нахский, сравнительно очень крупный, этнический массив.

Арабский географ Ибн-ал-Факих (903 г.) также сообщает некоторые сведения об аланах. Он ясно указывает, что аланы на востоке граничат с дагестанскими племенами: “царство Сахиб-ас-Серира (территория современной Аварии. - Р.А.) между Алланами и Баб-ул-Абвабом (Дербент. - Р.А.)”¹²⁰, обозначая тем самым объективно именем аланы и нахские племена. Перед этим Ибн-ал-Факих упоминает название укрепления - “Дурзукия”, которое известно, в основном, в грузинских письменных источниках, как имя одного из нахских племен, обитавшего в горах по соседству с горногрузинскими племенами¹²¹. Он сообщает, что Хосрой I Ануширван (VI в.), вместе с рядом городов и укреплений: Баб-ул-Абваб, Абваб-Шакка и Абваб-Дуданию, Баб-Аллан и Баб-Самсахи и другими, “выстроил Дурзукию, представлявшую из себя 12 ворот”¹²². Ю.С. Гаглойти из этого делает вывод, что Ибн-ал-Факих противопоставляет алан вайнахам. Однако это не так. Ибн-ал-факих, как и Баладзори (умер в 892 г.), называет “Дурзукией” лишь укрепление, расположенное в горной Чечено-Ингушетии по-соседству с Грузией. Границу же алан Ибн-ал-факих, как впрочем и другие арабские авторы, распространяет вплоть до царства “Серир” (Дагестана),¹²³ то есть население современной Чечено-Ингушетии, в том числе и “Дурзукии”, Ибн-ал-факих называет аланами. Возможно, термин “Дурзукия” введен под влиянием грузинских письменных источников, в которых обычно даются наименования пограничных с Грузией нахских племен, часто переносимых ими и на всех нахов, в том числе и тех, что живут в глубине страны и известных северным их соседям под другими именами.

Ибн-Хордадбех (умер в 912-913 гг.) называет царство “Алан” вместе с политическими образованиями на территории Дагестана: “За Бабом (Дербент. - Р.А.) находятся царства Сувар, ал-Лакз, Аллан, Филан и Маскат, царство Сахиб-ас-Серира и город Семендер”¹²⁴. Ибн-Хордадбех ничего не сообщает о расположении Алании, однако по контексту можно предположить, что она непосредственно граничила с перечисленными царствами, находившимися на территории Дагестана.

На Северном Кавказе помещают алан и арабские географы Ал-Истархи (930 г.) и Ибн-Хаукаль (пис. в 977-978 гг.), связывая последних с горами Кабк (Кавказский хребет): “с севера (от “Армении, Аррана и Азербайджана” - Р.А.) - Алланы и горы Кабк”. На востоке от “Армении, Аррана и Азербайджана” находится “Хазарское море” (Каспийское море)¹²⁵. Между аланами и Каспийским морем, по Кавказскому хребту, Ал-Истархи помещает только страну Серир (на территории Дагестана), а известный арабский географ первой четверти XIII в. Якут называет еще мелкие дагестанские

племена табасеранцев, лакзов и “страну Филан”¹²⁶.

Названные авторы, как нам представляется, также называют аланами и население Чечено-Ингушетии. Во всяком случае они не приводят сведений для этнического противопоставления алан нахским племенам, западным соседям Дагестана (Серира).

Подробные сведения о локализации алан сообщает известный арабский географ Ибн-Русте в своей “Книга драгоценных камней”, написанной около 903 года. “Выйдя с левой стороны владений царя Серир, - пишет Ибн-Русте, - идешь в течение трех дней по горам и лугам и, наконец, приходишь к царю Алланов” (выд. нами. - Р.А.). Сам царь Алланов христианин, а большая часть жителей царства его кяфиры и поклоняются идолам. Потом ты проходишь, десятидневный путь через реки и леса, пока не достигнешь крепости Баб-ал-Лан. Она находится на вершине горы, а под горою дорога, и вокруг крепости высокие горы”¹²⁷.

Как мы видим, Ибн-Русте называет аланами население территории современной Чечено-Ингушетии: от “владений царя Серир” (горный Дагестан) до крепости “Баб-ал-Лан” (Дарьяльское ущелье), при этом он не называет на этой территории племен, которые можно бы противопоставить аланам, и могли бы быть приняты за вайнахов. “Царь Алланов” также находился на территории Чечено-Ингушетии на расстоянии трех дней пути от “владений царя Серир”. Мнение о том, что столица “алан” арабских источников находилась на территории Чечни было высказано в свое время и Н.А.Карауловым: “судя по расстояниям от этого города до Сарира и от этого города до Баб-Аллан (Дарьял) можно предположить, что он находился на Чеченской плоскости в нынешней терской области”. К такому же выводу пришли позднее В.Ф.Минорский и В.А.Кузнецов. В связи с этим заслуживает внимания локализация В.Б. Виноградовым столицы алан в районе г. Грозного, на раннесредневековом Алхан-Калинском городище¹²⁸.

З.Н. Ванеев, пытаясь противопоставить алан вайнахам, предполагает, что аланы не граничили с “царством Серир” - между ними находилась территория, по которой пролегал трехдневный путь от “владений царя Серир” к “царю Алланов”. Именно на этой территории, по мнению З.Н. Ванеева, и обитали вайнахи¹²⁹. С этим соглашается Ю.С. Гаглойти, В.А. Кузнецов¹³⁰. Это предположение косвенно основано на том, что указанная территория находилась между аланами и царством Серир. Однако, не говоря уж о том, что сама по себе попытка поместить большую группу вайнахских племен, с глубокой древности обитавших на территории от Дагестана до Дарьяла на небольшой территории юго-восточной Чечни, ничем не оправдана, необходимо отметить, что письменные источники, к которым обращаются З.Н. Ванеев, Ю.С. Гаглойти и В.А. Кузнецов не дают для этого никаких оснований. Ведь Ибн-Русте ясно указывает, что от “владений царя Серир” “царь Аллан” находится на расстоянии трехдневного пути. “Царь Аллан”, а не граница его владений. Не вызывает сомнений, что территория алан граничила с “владениями царя Серир”. Нет же оснований думать, что все арабские авторы, дающие названия дагестанских племен, в том числе и тех, которые были намного малочисленнее вайнахов, как бы по какому-то сговору, на что мы обращаем внимание в который раз, умалчивают о предках вайнахов, которые якобы противостояли этническим “аланам” и обитали между Дагестаном и “Аланией”.

В связи с этим представляют интерес и сведения арабского автора XI в. Ал-Бекри, который пишет, что “... налево от крепости царя Серир есть дорога, ведущая

путешественников по горам и лугам после трех дней в страну царя аланов” (выд. нами. - Р.А.)¹³¹. Если сопоставить сведения Ибн-Русте и Ал-Бекри, то видно, что ни о какой территории, на которой пытаются поместить вайнахские племена З.Н. Ванеев, Ю.С. Гаглойти и В.А. Кузнецов, между владениями “царя аланов” и “царя Серира” не может быть и речи. Территория алан непосредственно граничила с владениями “царя Серира” и столицы Алании и Серира находились на расстоянии трехдневного пути от нее и шестидневного - друг от друга. И еще раз скажем, если вайнахские племена не покрывались термином “аланы”, то как же они назывались, почему об этом так упорно молчат все источники?

В последнее время на территории юго-восточной Чечни, вплоть до границы с Дагестаном, в результате археологических раскопок открыты новые катакомбные могильники, которые в научной литературе связывают с аланами¹³². Согласуясь с показаниями арабских авторов, эти археологические памятники свидетельствуют о том, что между Сериром (Дагестаном) и Аланией не остается территории, по которой надо добираться в течение 3-х дней от Серира до Алании.

Об аланах Ибн-Русте сообщает, что они “делятся на четыре племени”. Почет и власть принадлежат племени “Дахсас”, а царь Аланов называется “багаир”¹³³. Ю.С. Гаглойти отмечает, что о четырех аланских племенах трудно сказать, кем они конкретно были¹³⁴. Все же в связи с этим свидетельством Ибн-Русте, невозможно обойти молчанием тот факт, что осетины и вайнахи обнаруживают именно четыре основных подразделения: дигорцы, иронцы, ингуши, чеченцы. Не это ли деление лежит в основе указанного сообщения Ибн-Русте? Что касается “Дахсас”, то иранисты находят возможным “исправить” его на “Рухсас” - “Рухс ас” и перевести из осетинского как “светлые асы”. Я.С. Вагапов предлагает объяснение “Дахсас” из нахских языков: “Поскольку арабская буква “д” от “н” в начале слова в X в. отличалась только точкой над соответствующим буквенным знаком, которая ставилась нерегулярно, полагаю, что дахсас Ибн Руста можно читать как нахсас. В таком виде этот этноним состоит из вайнахских слов нах “люди, народ” и сас - древнее название чеченцев, употреблявшееся в формах сасан, шашан, а с аффрикатизацией согласных - чачан, чечен, цацан”¹³⁵.

Арабский географ середины X в. Масуди в своей работе “Луга золота и рудники драгоценных камней”, ясно указывает, что аланы на востоке непосредственно граничат с царством Серир: “Царство алланов граничит с царством Серир” (выд. нами. - Р.А.)¹³⁶. Кроме царства Серир на территории Дагестана он отмечает царство “Гумик” и “Зерекеран”¹³⁷.

Между царем алан и царем Серира, как отмечает Масуди, “был заключен договор и они взаимно отдали друг за друга своих сестер”¹³⁸. Союзнические отношения между аланами и царством Серир подтверждает и анонимный арабский историк X в., который сообщает об их совместном вторжении в Ширван в 1032 г.¹³⁹

О царстве аланов Масуди сообщает: “Цари его носят титул Керкандадж, подобно тому, как цари Серира носят титул Филаншах. Столица страны называется Маас, что значит “благочестие”¹⁴⁰. Абу-эль-Кассим, о котором будет сказано ниже, дает титул царей алан в форме - “Каркандадж”.

Вс. Миллер в свое время отмечал: “Но с другой стороны едва-ли с “оссами” (ираноязычными предками современных осетин - Р.А.) можно отождествлять тех

аланов, о которых Масуди сообщает, что их царство граничит с Сериром (Дагестаном), что их цари носят титул Керкандадж, что столица их страны Маас и что царь аланский породнился (во время Масуди) с царем Серира”¹⁴¹.

В связи с вышесказанным, по мнению Я.С.Ваганова, “Керкандадж - Каркандадж” может быть искаженное в нечетком восприятии нах. халкъа/н/ дада “народа отец”, “вождь”, “владелец”. Вместе с тем, на наш взгляд, представляется возможной связь первой части этого титула и с нах.(диал.) морк //муорк “страна”. “Керкандадж-Каркандадж”=Меркан дада //Маркан дада “страны отец”, “страны вождь”, “страны владелец”. Ср.совр. чеч. Мехкан да // Махкан да (дада) с тем же значением. Название столицы алан Маъас - MaIac допускает тройное разъяснение:

1. От личного имени MaIac (MaIaz) могло быть образовано название типа MaIac/ан/ - гIала. Последнее слово (гIала - кхала) должно было подвергнуться переводу “город MaIac”.

2. MaIa - по-вайнахски “рог”. Если город находился на каком-нибудь возвышении он мог получить и такое название по выступающему, возвышенному месту (са - обычный топоформант с лексическим значением “уголок, место”).

3. MaIa - это еще и “храбрый”, “мужественный”. Отсюда столица Алании, как место нахождения войска могла быть названа и “храброе, мужественное место”. Со вторым топоформантом - та одноименное с MaIac топонимическое название сохранилось в Чечено-Ингушетии донныне. В верховьях реки Аргун находится местность MИайста // MaIаста, где сохранились развалины древних башенных поселений¹⁴².

Территория алан на западе, как свидетельствует Масуди, простирается до адыго-абхазских племен: “По соседству с аланами между Кабхом (Кавказские горы. - Р.А.) и Румским морем (Черное море. - Р.А.)¹⁴³ находится племя по имени Кешак (адыгские племена. - Р.А.). Рядом со страной аланов живут абхазы”¹⁴⁴. Масуди, как и Ибн-Русте и другие арабские авторы, называет население Чечено-Ингушетии аланами и не приводит никаких сведений для их этнического противопоставления.

Интересные сведения об аланах сообщает арабский автор X в. Абу-аль-Кассим. На востоке от алан он называет политические образования на территории Дагестана: “княжество Хайдак”, “горную страну Серир”, “Зиргеран” и к северу от Серира горную страну Гумик, которая находится в мире с аланами. Из страны Гумик можно пройти в страну алан, “которая является очень обработанной. Население Алании столь многочисленно, что когда начинает кричать один петух, то все остальные вплоть до пределов страны начинают ему вторить. Царь алан носит наследственный титул Каркандадж (выд. нами. - Р.А.); столица его называется Маас. У царя есть также загородные дома. Армия состоит из тридцати тысяч конников”. На западе соседями алан Абу-эль-Кассим называет “кашаков”: “своими соседями, на западе, аланы имеют кашаков”.

Свидетельство Абу-аль-Кассима, что титул царя алан “Каркандадж” был наследственным, в определенной мере, на наш взгляд, подтверждает интерпретацию его - “народа отец - владелец” (или “страны отец-владец”), если учесть свидетельство Абу-аль-Кассима о том, что царь Серира носит наследственный титул “Филан-шаха и владельца Серира. т.е. трона” (выд. нами. - Р.А.)¹⁴⁵. Можно с уверенностью полагать,

что Абу-аль-Кассим также называет аланами вайнахские племена.

Анонимное персидское географическое сочинение X в. Худуд-ал-Алам сообщает, что на востоке аланы граничат с царством Серир, а на западе с касакми (кашаками), живущими на побережье Черного моря (море Гурз), рассматривая территорию их обитания как часть “страны алан на берегу моря Гурз”. Алания характеризуется как гористая и пересеченная “местность с хорошими природными условиями”. “Царь алан является христианином. Там же имеется 1000 больших деревень. Между аланами, как христиане, так и идолопоклонники. Часть из них является горцами, а часть живет на равнине”. На территории Алании имеется город Хайлан, “где находится армия царя” и Дар-и-Алан - “город, расположенный подобно крепости на вершине горы”¹⁴⁶. По мнению Я.С.Вагапова название города “Хайлан” - может быть диалектным (горным) вариантом нахского - хала - буквально “к сторожевому месту”, лексически “сторожевое место”. Звуковые расхождения типа - ай//а; ав//а характерны для вайнахских диалектов.

В Худуд-ал-Алам, как и в других восточных письменных источниках, аланами называется все население, обитавшее на рассматриваемой территории - как равнинное, так и горное.

Как мы видим, в восточных письменных источниках нет никаких сведений для этнического противопоставления алан вайнахам. Упоминание Ибн-ал-Факихом и Баладзори крепости (укрепления) “Дурзукия”, как отмечено выше, не дает для этого никакого повода. Четко отличая алан на западе от адыго-абхазских племен и на востоке от народностей Дагестана (хотя трудно отрицать, что временами имя “алан” могло распространяться и на какую-то часть названных племен) и не выделяя никаких других этнических названий, восточные письменные источники аланами называют и население Чечено-Ингушетии - предков чеченцев и ингушей. К такому пониманию сведений арабских источников пришел в свое время и В.Ф. Миллер: “у арабов аланами называются не только народности на западном Кавказе, но и воинственные племена Дагестана и вообще северо-восточного Кавказа, может быть, предки некоторых нынешних народцев Дагестана и Чечни”; “Таким образом, арабския, как и западныя, свидетельства об аланах только отчасти касаются оссов (ираноязычных предков осетин - Р.А.), а частью могут относиться к другим племенам северного Кавказа”¹⁴⁷. Позднесредневековые осетины и вайнахи в восточных (арабских) источниках объединены под одним названием, что свидетельствует о том, что и кавказский субстрат в осетинском языке и нахского происхождения топонимические названия на территории Северной Осетии¹⁴⁸, и этническая и языковая близость исторических предков осетин - двалов, - вайнахам¹⁴⁹ отражает тесное сплетение судеб предков вайнахов и осетин, сложность и запутанность этнических процессов на территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии в древности и в средние века.

4. Армянские письменные источники.

Подробные сведения о древних племенах и этнических группах, населявших Северный Кавказ в раннем средневековье, в том числе и об аланах, содержат армянские письменные источники.

Имя “алан” впервые упоминается в армянских источниках в связи с событиями 70-х годов I в. н.э. “Около этого времени, - сообщает древнеармянский историк Моисей Хоренский, - аланы, соединившись с горцами и привлекая на свою сторону половину

Иберии, огромными массами рассеялись по нашей стране”¹⁵⁰.

Из этого сообщения логично заключить, что аланы обитают на Северном Кавказе по соседству с горцами и являются военными союзниками иберов. Это не мешает предположить и особую этническую близость горцев Кавказа и алан, так как, судя по цитируемому отрывку, аланы отличаются от горцев лишь по географическому, ландшафтному признаку: аланы (“равнинники”, “жители равнин”), соединившись с горцами (“жителями гор”)..., “огромными массами рассеялись по нашей стране”¹⁵¹. Вместе с тем, Моисей Хоренский, как и другие армянские историки, ничего не говорит о приходе алан на Северный Кавказ.

Далее, рассказывая о вторжении алан в Армению в 307-314 гг. в царствование Хосрова II, Моисей Хоренский пишет, “что жители северной части Кавказа, подстрекаемые в особенности просьбами Санатрука, по тайному приказанию Шапуха, царя Парсийского, соединяются и делают нападение на центр нашего отечества массою около двадцати тысяч человек”¹⁵². Жителей северной части Кавказа М. Хоренский не подразделяет на племена.

Более подробные сведения об этом событии имеются у другого армянского историка Фавстоса Бузанда, который сообщает, что “при Хосрове II Катаке, сыне Трдата, царе армянском маскуты (маскуты или массагеты) напали на Армению. Санесан - царь маскутов - собрал войска гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егерсванов и несметное множество других кочевых племен...”¹⁵³. Здесь обращает на себя внимание то, что Фавстос Бузанд, перечисляя ряд кавказских племен и отмечая вместе с ними гуннов, не называет алан. Однако далее, описывая генеральное сражение между армянскими и вторгшимися войсками, Фавстос Бузанд сообщает, что армяне “набросились, били, громили войска аланов и маскутов, и гуннов, и других племен...”¹⁵⁴. Возможно, что какая-то группа из названных в первом отрывке этнонимов была названиями племен или племенных групп аланов. Поэтому во втором отрывке они могли выступить под более общим наименованием - “аланы”. Эти сообщения древнеармянского автора не дают никакой возможности для этнического противопоставления алан местным, кавказским племенам, ни Фавстос Бузанд, ни Моисей Хоренский не приводят в своих работах ни одного факта, который с большей или меньшей уверенностью мог бы позволить провести это противопоставление.

В работах армянских историков Степаноса Таронского¹⁵⁵ и Моисея Каганкатваци¹⁵⁶ так же имеются сведения о вторжении северокавказских племен в Армению, которые, впрочем, ничем существенно не дополняют цитируемые выше сведения Фавстоса Бузанда и Моисея Хоренского.

Названные древнеармянские историки не приводят в своих работах данные о локализации племен Северного Кавказа, в том числе и алан, об их этнических взаимоотношениях. В этом плане больший интерес представляет “Армянская География” VII в. н.э., которая отражает более глубокое знание ее автором раннесредневековой этнической карты Северного Кавказа. О локализации племен Азиатской Сарматии “Армянская География” сообщает: “Народы в Сарматии распределены следующим образом, начиная с запада и направляясь к востоку. Во-первых, 15/ народ Агванов (не Албан), 16/ Аштигор на юге. С ними вместе живут, 17/ Хебуры, 18/ Кутеты, 19/ Аргвелы, 20/ Мардуйлы и 21/ Такуйры. За 22/ Дигорами в

области Ардоз Кавказских гор живут, 23/ Аланы, откуда течет река Армна, которая, направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем”¹⁵⁷.

В более позднем, уточненном переводе С.Т. Еремяна этот отрывок звучит несколько иначе: “племя аланов Аш-Дигор и к югу живущие вместе Хебуры и Кудеты и Аргуелы, т.е. Маргуелы и Скюмы, т.е. Такуеры...”¹⁵⁸, и далее как у П.К. Патканова. Как видно, этот перевод существенно отличается от перевода П.К. Патканова: если у П.К. Патканова “агваны (аланы)” и “Аштигоры” - различные народы, то в переводе С.Т. Еремяна “Аш-Дигор” - народ “аланов (агванов)”. В армянских письменных источниках обычно не только албаны Закавказья, но и северокавказские аланы обозначаются термином “агваны”. В определенной мере это связано и с переходом -л в -г в заимствованных словах в древнеармянском языке¹⁵⁹.

Термин “Аштигор”, “Аш-Дигор” вполне правомерно, на наш взгляд, отождествляется с дигорами¹⁶⁰. Вместе с тем остается дискуссионным вопрос об отношении слова “аш” в термине “Аштигор”, “Аш-Дигор” к дигорам и аланам¹⁶¹. по мнению Я.С. Вагапова, которое нам представляется наиболее приемлемым, нахское слово “-а” - “равнина”, “равнинный” во множественном числе может принять и форму “аш” (ш - окончание множественного числа)^{VI}. “Эта же форма “аш” в значении “поляны” закрепилось в многочисленных топонимах Чечено-Ингушетии. “Аштигор”, следовательно, может означать “равнинные дигоры”¹⁶². Следует также отметить чеч. аса - “полоса (узкая часть какого-либо пространства)”¹⁶³. “Кроме того, в нахских языках аса “полоса ровной земли”, вероятно, изначально означало “долина”¹⁶⁴. В таком случае “Аштигоры”, “Аш-Дигоры”, возможно, противопоставляются автором “Географии” дигорам по характеру ландшафта и места жительства: в первом случае он говорит только о дигорах, живущих в предгорьях, далее - о дигорах, обитавших в горах или о дигорах в целом (и горных, и равнинных).^{VI}

Аланы, как свидетельствует автор “Географии”, живут за дигорами в области “Ардоз Кавказских гор... откуда течет река Армна, которая, направляясь на север, и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем”.^{VIII} Вероятно .здесь ид%от речь о предгорной равнине, которую Ю.С. Гаглойти вслед за В.Ф. Миллером, исходя из близости имени “Ардоз” к осетинскому названию поляны, отождествляет только с Владикавказской равниной - восточной частью современной Северной Осетии¹⁶⁵. Однако близость названия области “Ардоз” к осетинскому слову ардоз, ардуз “поляна” вряд ли может быть основанием для ограничения е%о только Владикавказской равниной. К тому же ос.ардоз, ардуз “поляна” этимологии из иранских языков не поддается. По мнению лингвиста Я.С. Вагапова, ардоз (в армянских источниках ардоз, артаз) - нахское слово элемент кавказского субстрата в осетинском языке, и состоит из таких частей, как: ар “поле”, даза, доза “предел, граница”, так что выражение “в области Ардоз, Артаз” надо понимать - “в пределах равнины”, “на границах с равниной”.^{IX}

В тексте “Армянской Географии” также нет сведений, позволяющих ограничить область “Ардоз Кавказских гор” только предгорной территорией современной Северной Осетии. За аланами - ардозцами “в тех же горах”, т.е. на юге и юго-востоке”, автор “Географии” помещает следующие племена: “Дачаны, Двалы, Цехойки, Пурки, Цанарки, в земле которых находятся ворота Аланские и еще другие ворота Кцекен, названные по имени народа. За ними Дуци, и Хужи, Кисты-людоеды, Цховаты, Гудамакары, Дурцки, Дидои, Леки, Тапатараны, Агутоканы, Хеноки, Шигпы, Чигбы,

Пуики”¹⁶⁶.

Судя по контексту, здесь перечисляются названия племен, обитавших в горах (“В тех же горах за ардозцами...”). Многие из них отождествляются специалистами с горногрузинскими, вайнахскими, дагестанскими этническими группами южных и северных склонов кавказских гор. Вместе с тем в предгорной зоне на восток от “области Ардоз” автор не называет каких-либо ориентиров, позволяющих ограничить упомянутую область в пределах Владикавказской равнины. Кроме того, более 200 археологических памятников (городища, поселения, катакомбные могильники, выявленных на территории Чечено-Ингушетии, которые специалисты связывают с аланами, на наш взгляд также противоречит этому выводу. В связи со сказанным представляется возможным заключить, что “область Ардоз” включала в себя и Чеченскую наклонную равнину (Рис.9). К такому выводу пришел в свое время и А.В. Гадлю, по мнению которого областью “Ардоз” могла называться вся северокавказская плоскость (включая всю предгорную зону Чечено-Ингушетии)¹⁶⁷. По мнению Ю.С. Гоглойти, упоминание в “Армянской Географии” вайнахских племен кистов, дурцков, нахчаматьянов является свидетельством этнического отличия последних от алан. Однако, на наш взгляд, их можно этнически противопоставить аланам не в большей степени, чем дигорцев (Аш-Дигоры, Аштигоры, Дигоры).

Как видно, для этнического противопоставления алан местным (вайнахским) племенам армянские письменные источники (как и рассмотренные выше античные, византийские, восточные) не дают никаких оснований, никакого повода.

5. Грузинские письменные источники.

Особое значение для уяснения некоторых вопросов исследуемой проблемы имеют сведения, содержащиеся в своде средневековых грузинских хроник XI в. “Картлис Цховреба” (“Житие Картли”), в первую очередь в его ранней части¹⁶⁸.

Твердую основу для научного изучения “Картлис Цховреба” заложили труды В.Ф. Миллера, К.С. Кекелидзе, П. Ингороква, С.Г. Каухчишвили, Г.А. Меликишвили, З.В. Анчабадзе и др.¹⁶⁹ Определенную работу над “Картлис Цховреба” в связи с изучением исторического прошлого народов Северного Кавказа проделали Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов, А.И. Шавхелишвили, Ю.С. Гаглойти, Г.Д. Тогошвили и др.¹⁷⁰

Источниками для хроники Л. Мровели явились более древние грузинские литературные памятники, как “Мокцевай Картлисай” (Обращение Картли), составленные не позже середины X в., так и недошедшие до нас¹⁷¹. “Кроме того, - древнегрузинский автор (или его источники) наряду с письменными данными широко пользовался устными преданиями и мифологическими сюжетами, по-своему преломляя в них действительные события прошлого”¹⁷². Использованы в хронике Я. Мровели и сведения древнегреческих, византийских, персидских, древнеармянских источников¹⁷³. Так, сведения Леонти Мровели о заселении Кавказа потомками Ноя и борьбе таргамасианов под руководством Гаоса с Небротом опираются на армянские источники, в частности на “Историю Армении” Моисея Хоренского¹⁷⁴. Вместе с тем некоторые сведения армянских авторов о народах Северного Кавказа, видимо, заимствованы из несохранившихся грузинских источников или получены при посредстве последних.

Сведения о народах, населявших в древности Северный Кавказ, Л. Мровели дает зачастую лишь при описании происходивших здесь событий, имевших какое-либо отношение к Грузии. Несмотря на это, хроника Л.Мровели является ценным источником для освещения истории взаимоотношений народов Северного Кавказа - далеких предков современных адыгов, карачаевцев, балкарцев, осетин, дагестанцев и вайнахов. Л. Мровели, талантливый грузинский историк, впервые предложивший концепцию “единого происхождения, ближайшего родства народов Кавказа”¹⁷⁵.

Начинается хроника с библейского мотива заселения Кавказа потомками Ноя. Как сообщает Л. Мровели, все кавказские народы родственны между собой и происходят от одного предка - Таргамоса, правнука библейского Ноя. У Таргамоса было восемь сыновей, которые стали этнархами этих народов: Гаос - армян, Картлос - восточных грузин, Бардос и Мовакан - албанцев, Эгрос - западных грузин, Лек - дагестанцев, Эрос - эров, Кавкас - кавкасианов, нахских племен¹⁷⁶.

Таргамос разделил “земли и племена свои между восемью этими героями”. Шестерым он дал земли к югу от Кавказского хребта, Лекану и Кавкасу, которым здесь не досталось земли, дал земли на Северном Кавказе и эти земли “не только не были уделом Таргамоса, но не было и жителей к северу от Кавказа до Великой реки (Волга. - Р.А.), что впадает в море Дарубандское (Каспийское море. - Р.А.)”. Лекан получил земли от Каспийского моря до реки Ломека и на севере до устья “Великой реки”, Кавкас - “от реки Ломека до рубежей Кавказа на западе”¹⁷⁷. Из приведенного отрывка видно, что Лекан и Кавкас, по мнению Л.Мровели, появились на Северном Кавказе в результате переселения с юга. Это свидетельство, основанное на древних библейских преданиях, перекликается с мнением ученых о возможном первичном расселении далеких предков нахо-дагестанских племен - носителей прасеверовостокавказских языков с юга на север¹⁷⁸. Кроме того, уделы Лекана и Кавкаса, как видно из текста, включали вместе с северными склонами Главного Кавказского хребта и примыкавшей к ним предгорной зоны, определенную часть равнинной (степной) зоны Северного Кавказа, на которой они представлены первыми поселенцами.

Границу между уделами Лекана и Кавкаса автор “Картлис Цховреба” проводит по реке Ломека, которая обычно отождествляется с Тереком¹⁷⁹. Гидроним Ломека, очевидно, нахское слово “Ломехи”, которое в буквальном переводе означает “горная вода (река)”. Такое территориальное разграничение уделов Лекана (предка дагестанских племен) и Кавкаса (предка нахских племен) может быть основано на каких-то более древних представлениях древнегрузинской исторической традиции. Вместе с тем возможно, что в данном случае название Ломека относится не к Тереку, а к Аргуну, истоки которого находятся на относительно небольшом расстоянии от истоков Терека. В пользу этого как будто бы говорит и то, что далее в тексте “Картлис Цховреба” Дарьяльский проход назван “воротами Арагвскими”, а не “Ломекскими”¹⁸⁰. Во всяком случае, имеющиеся сегодня данные не позволяют провести эту границу к западу от Аргуна - не говоря уже о Тереке¹⁸¹. Известно, что в I тыс. до н.э. на Центральном и Северо-Восточном Кавказе господствовали две археологические культуры, отражающие, видимо, зоны бытования различных родо-племенных групп - Кобанская и Каякентско-Харачойская. Граница между ними также проходила несколько восточнее р. Аргун¹⁸².

Имя Кавкас, по мнению В.М. Гамрикели, возникло как “производное от географического названия топонима... Кавказ, которым обозначалась центральная часть

Большого Кавказа: между Эльбрусом и Казбеком, или шире - между Эльбрусом и р. Аргун¹⁸³.

После описания войны таргамосиан с Небротом и описания Картли, Л. Мровели впервые упоминает термин “хазары” и сообщает о военных столкновениях Таргомосиан с хазарами и походе последних в Закавказье: “В ту пору усилились хазары и начали войну с племенами леков и кавкасов. Таргамосианы в то время пребывали в мире и любви. Над сыновьями Кавкаса был владыкой Дурдзук, сын Тирета”. Таргамосианы, объединившись, “покоряли пределы Хазарети и, воздвигнув города на ее подступах, возвратились... Вслед за этим хазары избрали себе царя” и под его предводительством прошли через Дербентские ворота и опустошили “все города Арарата, Масиса и Севера”. Освоили хазары “оба пути, как-то: Морские ворота Дарубанди (Дербент. - Р.А.) и ворота Арагвские, которые суть Дариала (Дарьял. - Р.А.)... Стали частыми походы хазар, увод людей в плен, и никто не мог им противостоять. Отныне стали все Таргамосианы данниками хазар...”¹⁸⁴

Л.М. Меликсет-Бек считает, что ядром этого повествования является нашествие хазар в Албанию, Армению и Грузию в VII - VIII вв. н.э.¹⁸⁵ Наличие этнонима “хазар” в “Картлис Цховреба” Г.А. Меликишвили также склонен считать наследием эпохи расцвета Хазарского каганата¹⁸⁶. По мнению Г.В. Цулая: “Имея смутные представления об истории Кавказа до “походов Александра”, Мровели (или его источники) переместил это событие в доэллинистическую эпоху”¹⁸⁷. Вместе с тем, в исторической литературе описываемое Л. Мровели нашествие “хазар” обычно отождествляется с нашествием скифских племен в VII - VI вв. до н.э. в Мидию. Основоположником этого тезиса был Ю. Клапрот, который уверен, что хазары грузинской хроники: “Это скифы греков, которые наводнили Переднюю Азию под предводительством Мадиеса в 633 г. до Р.Х.”¹⁸⁸. Однако это утверждение вызывает у нас большие сомнения. Маловероятно полагать, что походы скифов в Мидию, которые происходили за 16-17 веков до составления “Картлис Цховреба”, могли оставаться в памяти народа. В связи с этим хотелось бы напомнить слова Н.Я. Марра о том, что надо быть “особенно осторожным с тем, в каком смысле местные племена, в числе их именно картвелы, впоследствии отложившиеся в грузинах-картвелах или составившие их основу, употребляли народно-этнические термины как “хазар”¹⁸⁹.

Далее Л. Мровели пишет: “В первый же свой поход хазарский царь перевалил горы Кавказа и полонил народы, ... Был у него сын по имени Уобос, которому дал пленников Сомхити и Картли. Дал ему часть страны Кавкаса, к западу от реки Ломека до западных пределов гор. И поселился Уобос. Потомками его являются овсы. Это и есть Овсети, что были частью [удела] Кавкаса. Дурдзук же, что был самым знаменитым среди сынов Кавкаса, ушел и расположился в горной теснине, которой и дал имя свое Дурдзукети и стал данником хазарского царя.

Тогда же отдал хазарский царь своему двоюродному брату удел Лекана от моря Дарубандского на востоке до реки Ломеки, к тому же дал ему пленников из Рани и Мовакани. И устроился он в уделе Лекана. Хозоних, что был самым знаменитым в роду Лекана, ушел в горную теснину, воздвиг там город и дал ему свое имя - Хозонихети”¹⁹⁰.

Обычно этот вырванный из контекста и, кстати, вольно интерпретируемый отрывок используется как свидетельство того, что овсы “не являлись изначальными жителями, а

появились в результате оседания в центральной части Предкавказья ираноязычных скифов и сарматов, фигурирующих в источнике под именем “хазар”¹⁹¹. Однако, кроме разных толкований этнонимов “овс/ас/” и “алан”, в основном неубедительных, нет каких-либо доказательств наличия в это время в предгорной зоне Центрального Предкавказья и на территории северных склонов гор сколько-нибудь значительного контингента ираноязычного населения. Не дает оснований для этого и “Картлис Цховреба”.

Из цитируемого выше отрывка (“это и есть Овсети, что была частью [удела] Кавкаса”) можно, на наш взгляд, заключить, что Овсети ещё до “появления” “хазар” называлась какая-то часть страны (удела) Кавкаса. Можно также предположить, что речь здесь идет о предгорной равнине, так как, судя по тексту, удел Кавкаса разделяется параллельно Кавказскому хребту: “к западу от реки Ломека до западных пределов гор”. Это подтверждает и последующее свидетельство грузинской хроники: “Дурдзук же, что был самым знаменитым среди сынов Кавкаса, ушел и расположился в горной теснине”. Предположение о том, что “Овсети” предгорная равнина и то, что она именовалась “Овсети” ещё до появления “хазар”, подтверждается и свидетельством царевича Вахушти: “Кавказос овладел страной от границ Лекана вплоть до Понтского моря вместе с северной от горы равниной, и через это стали называться гора - Кавказосом, а равнина - Оси”¹⁹². Таким образом, можно заключить, что страна Кавкаса (Кавказоса) подразделялась по географическому, ландшафтному признаку на собственно горы и примыкающую к ним предгорную равнину, которые именовались соответственно - Кавкас (Кавказос) и Оси (Овсети), ещё до появления “хазар” и деления удела Кавкаса на Дурдзукети и Овсети. Из сказанного также, очевидно, следует, что географическое название Оси, Овсети идет из кавказских языков. В пользу этого предположения говорит и то, что из иранских языков оно не этимологизируется. Заслуживает, на наш взгляд, внимание объяснение этого названия, предложенное Я.С. Вагаповым на основе нахского аса “полоса (узкая часть какого-либо пространства)”, “полоса ровной земли”, “долина”, “равнина”, “долина реки”. Замечание царевича Вахушти (“равнина осетин нарицательного названия старого местного кавказского населения, как, например, название македонцев-греков позже перешло к славянскому этносу. Поэтому надо считаться с возможностью того, что не все исторические сведения об осах, асах могут быть связаны с ираноязычными предками осетин. Наиболее древние из этих сведений могут относиться к доиранскому местному населению, определенная часть которого, как субстрат, стала составной частью современного ираноязычного этноса осетин.

Сопоставление сведений “Картлис Цховреба” и армянских источников о соответствующих событиях на Кавказе показывает, что термин “овсы” грузинской хроники соответствует термину “аланы” армянских источников. Этот факт считается “стержнем аргументации”, “доказательств тождества осетин с аланами”²⁰². Свое мнение о тождестве овсов и осетин мы высказали выше. Что же касается вопроса о тождестве овсов с аланами, то представляется необходимым прежде всего несколько подробнее остановиться на мнении В.Ф. Миллера по этому вопросу, так как в научной литературе принято считать, что В.Ф. Миллером окончательно доказано, “что под названием овсов (осетин), асов, ...алан скрывался один и тот же народ”²⁰³.

“Прежде, чем воспользоваться историческими известиями о кавказских аланах, - пишет В.Ф. Миллер, - считаем нужным ещё раз пересмотреть вопрос об отношении аланов к осам, для того, чтоб уяснить, следует-ли прямо отождествлять овсов с аланами

или же только допустить возможность того, что название аланов, как географическое имя, обнимало в числе других народов, и предков нынешних осетин (овсов - Р.А.)”²⁰⁴. В результате анализа исторических сведений об аланах он приходит к следующим выводам:

“имя аланы было официальным, установившимся у византийцев, названием для осетин (овсов - Р.А.), как, впрочем, и вообще для северокавказских народов... Обозначение северных кавказских народов, а в том числе и асов, ясов (осетин), именем аланов встречается и у западных средневековых писателей”;

“Прокопий, как и другие писатели, распространяет имя аланов вообще на северокавказские народы; однако в тех аланах, которые соседят с суннитами, и живут близко от абасгов и зихов, можно с достаточной вероятностью видеть оссов”;

“Подобно тому, как у Прокопия название аланов прилагается ко всем северокавказским народам, ...так и у арабов аланами называются не только народности на западном Кавказе, но и воинственные племена Дагестана и вообще северо-восточного Кавказа, может быть, предки некоторых нынешних народцев Дагестана и Чечни... Все эти арабские свидетельства позволяют видеть в ... части аланов предков нынешних осетин... Но с другой стороны едва-ли с оссами можно отождествлять тех аланов, о которых Масуди сообщает, что их царство граничит с Сериром (Дагестаном), что их цари носят титул Керкандадж, что столица их страны называется Маас, и что царь аланский породнился (во времена Масуди) с царем Серира”;

“Таким образом, арабские, как и западные, свидетельства об аланах только отчасти касаются оссов, а частью могут относиться к другим племенам северного Кавказа”²⁰⁵.

Как мы видим, В.Ф. Миллер достаточно однозначно и последовательно отождествляет овсов только с определенной частью алан. С этим его выводом трудно не согласиться. Анализ письменных источников показывает, что термин “аланы” имел более широкое значение (как в географическом, так и в этническом аспектах), чем термин “овсы”: термином “аланы” покрывалось население (вероятно, далеко неоднородное, разноречное) обширных степных равнин Северного Кавказа и Северного Причерноморья, основная часть которого, очевидно, находилась в кочевом быту, в то время, как термином “овсы” обозначается оседло-земледельческое население части Предкавказских равнин - относительно узкой полосы равнинной зоны Предкавказья (примыкающей к предгорной зоне) и собственно предгорной зоны Центрального Предкавказья. Соотношение терминов “овсы” и “аланы” видится нам, как соотношение части и целого - термин “аланы” распространяется и на население предгорной зоны, именуемое в грузинской хронике “овсами”, в то время как термин “овсы” не “выходит” за границы предгорной зоны.

Вместе с тем, необходимо еще раз отметить, что для В.Ф. Миллера термин “овсы” грузинской хроники - имя одних лишь ираноязычных предков современных осетин, в связи с чем выявляемые им тождества овсов с определенной частью алан, В.Ф. Миллер считает определяющим фактором ираноязычности этой части алан. Таким образом, на основании отождествления этнического содержания термина “овсы” “Картлис Цховреба” и названия современных осетин определяется ираноязычие овсов, а на основании тождества овсов с частью алан, определяется ираноязычность этой (отождествляемой) части алан. Ираноязычность части древнего северокавказского (и

северопричерноморского) населения, именуемого древними авторами “аланами”, у нас не вызывает каких-либо сомнений. Однако эта, на первый взгляд, не лишенная логичности концепция, представляется нам в достаточной мере дискуссионной, так как приведенные выше сведения грузинской хроники не дают, как нам представляется, оснований для отождествления овсов только с ираноязычными предками осетин и в этой связи овсы не могут, по всей вероятности, служить “определителем” ираноязычия отождествляемой с ними части алан. Не говоря уже обо всех аланах в целом.

Цитируемые выше сведения “Картлис Цховреба” о событиях, происходивших в бывшем “уделе Кавкаса”, не дают, на наш взгляд, достаточных оснований предполагать и этногенетическую связь овсов с “хазарами”. Как было выше отмечено, овсы своим происхождением определенно связываются автором грузинской хроники с частью бывшего “удела Кавкаса” - предгорной равниной (“Овсети”). Более того, по нашему мнению, в цитируемом отрывке вообще не наблюдается какой-либо прямой связи “хазар” (“хазарского царя”) с овсами. Это как будто бы видно и из самой последовательности и взаимосвязанности излагаемой в этом отрывке информации: “В первый же свой поход хазарский царь перевалил горы Кавказа и полонил народы... (1 - Р.А.) Был у него сын Уобос, которому (2 - Р.А.) дал пленников Сомхети и Картли. (3 - Р.А.) Дал ему часть страны Кавкаса, ... (4 - Р.А.) И поселился Уобос. (5 - Р.А.) Потомками его являются овсы. (6 - Р.А.) Это и есть Овсети, ...”. Как мы видим, “хазары”, в лице “хазарского царя”, напрямую “связываются” с “Уобосом”, с “пленниками из Сомхети и Картли”, с “частью страны Кавкаса” - в то же время “овсы” “связываются” напрямую только с “Уобосом” и только после того, как он поселился на части “страны Кавкаса”. Видеть в этом повествовании свидетельство о каких-то кардинальных этнических изменениях на описываемой территории нам представляется (учитывая, к тому же, что в “Картлис Цховреба” больше ни разу не упоминается какая-либо связь “овсов” ни с сыном “царя хазар”, ни с самим “царем хазар”, ни, тем более, с “хазарами”, в то время как, например, о связи “дурдзуков” с “Кавкасом”, в лице “кавказианов” говорится неоднократно) в достаточной степени проблематичным.

Вместе с тем, из цитируемого отрывка очевидна какая-то связь “хазар” с событиями, происходившими на части бывшей “страны Кавкаса” в целом.^{ХІ} Для уяснения характера этой связи, вероятно, нужно определить, перефразируя цитируемые выше слова Н.Я. Марра: “в каком смысле” в данном контексте Л.Мровели употребляет этнический термин “хазар”? По нашему мнению, из всего изложенного выше можно предположить, что термин “хазар” в данном случае выступает не как название определенного конкретного этноса, а как нарицательное название всего населения (не подразделяя его по этническому признаку) Предкавказской равнины в целом²⁰⁶. Косвенную связь “овсов” с “хазарами” (через посредство “Уобоса”) можно, в таком случае, объяснить тем, что “овсы” являются географической частью этого населения, то есть эта связь носит, скорее, не этнический, а географический характер.*

В свое время В.Н. Гамрекели совершенно справедливо указывал на необходимость исследования проблемы взаимоотношений населения гор и плоскости и подчеркивал важность естественно-географической среды как этногенетического фактора²⁰⁷. Однако разработка этой проблемы в северокавказской историографии, к сожалению, оставляет желать лучшего. Незаслуженно игнорируется естественно-географический фактор и при анализе сведений “Картлис Цховреба” о племенах Северного Кавказа и их взаимоотношениях, что приводит обычно к упрощенной трактовке цитируемого отрывка²⁰⁸.

Некоторый свет на описываемые в “Картлис Цховреба” события в “уделе Кавкаса” могут пролить, на наш взгляд, описанные в “Введении” к данной работе природно-климатические изменения, происшедшие в раннем Средневековье на Северном Кавказе. В VI в. до н.э. - IV в. н.э., во время Уллучайской трансгрессии, в Восточной Европе устанавливается климат, отличающийся большей увлажненностью и мягкостью, чем в современную эпоху. Уровень Каспия в это время достигает отметки - 23м, то есть на 3-4 м выше современного²⁰⁹. В связи с этим происходят существенные изменения на Предкавказской равнине, где в настоящее время распространены ландшафты сухих типчаково-полынных степей и полупустынь. Здесь распространяется растительность злаково-разнотравных степных формаций с участками лесных сообществ в поймах рек. Это определило очевидно переход части оседлого населения предгорной зоны, занимавшегося земледелием и придомным скотоводством к подвижно-скотоводческому хозяйству, которое в этих условиях являлось наиболее эффективной формой жизнедеятельности человека того времени. В силу этого, на протяжении всего периода названной трансгрессии происходит, вероятно, отток части населения предгорной зоны в равнинную зону Северного Кавказа. Во взаимоотношениях населения предгорной и предгорной зон в это время доминирует скорее всего последнее. Однако ситуация кардинально меняется в IV-XIII вв. н.э. в период Дербентской регрессии. В это время уровень Каспия понижается до отметки -34 м, то есть на 7-8 м ниже современного, в результате чего северная часть Каспия иссушается²¹⁰. В равнинной зоне Северного Кавказа (в первую очередь, Центрального Предкавказья и Северо-Восточного Кавказа) распространяются сухие, с разреженным растительным покровом типчаково-полынные степные и полупустынные формации. Это приводит к оттоку населения равнинной зоны в предгорную зону, в первую очередь, той части этого населения, которая была генетически связана с населением горной и предгорной зон. Вместе с ним в предгорную зону, возможно, проникают и отдельные иноязычные (ираноязычные, тюркоязычные) элементы. Однако последние нам представляются не в виде чистых этноязыковых образований, а в виде смешанных с отдельными иноязычными группами (за время длительного пребывания в подвижно-скотоводческом быту в равнинной зоне) групп населения, связанных своим происхождением с предгорной зоной. Эти миграционные процессы приводят к значительному росту народонаселения предгорной зоны, в результате чего, в конечном итоге, происходят существенные изменения в общественном укладе жителей предгорной и горной зон Северного Кавказа. Горные районы перестают быть ведущими. Ведущая роль во взаимоотношениях жителей гор и предгорной зоны постепенно переходит с началом периода Дербентской регрессии к населению предгорной зоны, в результате чего нарицательное название последнего - "овсы", "оси" получает более широкое распространение и известность. Видимо, именно эти события и лежат в основе событий, описываемых Леонти Мровели в цитируемом выше отрывке.

В свое время в исторической литературе была высказана мысль о том, что сообщение Л. Мровели о поселении на территории удела Кавкаса пленников из Картли и Сомхити является, якобы свидетельством появления здесь ираноязычных племен - предков осетин. Так, Ю. Клапорт, ссылаясь на сообщение Дидора Сицилийского (I в. до н.э.) о переселении скифскими царями савроматов с территории Мидии на р. Танаис (Дон)²¹¹, пишет: “Эта мидийская колония и является, по-видимому, той, которая, согласно данным грузинских хроник, была образована жителями Картель - Сомхети, приведенными сюда хазарами”²¹². При этом ничего не говорится о “пленниках из Рани и Мовакани”, а ведь они тоже были “приведенными сюда хазарами”. Кроме того,

мнение о родстве савроматов (сарматов, скифов, алан) с мидийцами противоречит классификации иранских языков в современной лингвистике - мидийский относится к юго-западной группе иранских языков, а осетинский и “скифо-сарматский (и аланский)” включен в северо-восточную²¹³. Вместе с тем, далеко не бесспорно и мнение о том, что территорию Мидии в древности населяли только ираноязычные племена. Так, историк И. Алиев справедливо отметил: “Пытаясь оправдать иранизм мидян, часто апеллируют к сармато-мидийскому родству... Но факт родства мидян и сарматов сам по себе едва ли может свидетельствовать об иранизме мидян, и, прежде всего потому, что иранство всех сарматов находится под большим вопросом”²¹⁴.

Территория Мидии находилась между Арменией и Сузианой (Турецким и Персидским Курдистаном)²¹⁵, по соседству с Урарту и Ассирией. Здесь, как известно, существовали ареалы носителей хуррито-урартских языков, родственных нах-дагестанским²¹⁶. Академик Г.А. Меликишвили пишет: “В древности адыгейско-чечено-лезгинские племена были распространены не только к северу от Главного Кавказского хребта, но, по-видимому, и к югу от него, в Закавказье и еще южнее. Характерно, что уже в древневосточных источниках (хеттские, ассирийские и урартийские надписи) на территории к югу от Закавказья мы встречаем ряд названий, обнаруживающих поразительную близость к названиям, засвидетельствованным позднее в адыгейско-чечено-лезгинской среде”. Название области “Цупа”-/ни/” - Цопа/ни/, упоминаемой в урартийских источниках, находившейся на левом берегу Евфрата, в его верховьях, Г.А. Меликишвили отождествляет с названием “одного из северокавказских (чеченских) племен “цов”²¹⁷. Кроме того, по соседству с Ассирией и Урарту, по Г.А. Меликишвили, находилась область Наири или Нахриа. Для исследователей происхождение этого названия осталось неясным. Однако “не исключена связь этого названия с нахским словом нах “люди” + топонимический суффикс “-ри”, так что семантически Нахриа в переводе с нахского означало бы “Страна нахов (людей)”. Название же Мидия (Мада) также связывается с нахским словом мат “местность”, “место”, “язык”, “этнос”. Слово это в значении “страна” представлено в разных языках Передней Азии. Кроме того, у вайнахов бытуют и личные имена Мада, Мида, МитIа, которые вряд ли случайно созвучны с различными вариантами названия страны Мидия, а также с сарматскими этнонимами савромат, сармат, харимат и т.д.”²¹⁸

Автор работы “О доисторическом языке Закавказья” также указывает на родство “чеченцев” (нахских племен) с “матинанами” (мидийцами), жившими в области, находящейся к югу и западу от оз. Урмия, а также в долинах Аракса, Сакамене и в области р. Галиса²¹⁹. О пребывании на этой территории предков “чеченцев” (самоназв. - нахчуо) свидетельствуют, по мнению автора, название деревни Нахичевань, находящейся в Кагызманском округе Карсской области; известное по письменным источникам название области Нахчери в Армении; “название города Нахчаван, который тоже населяли мидийцы”²²⁰. Для подтверждения своего вывода, автор приводит и целый ряд фактов нахских языков в топонимике названных районов²²¹. Установление господства иранцев в Мидии и в соседних государствах, где обитали хуррито-урартские племена, должно было способствовать оттоку оттуда, прежде всего неиранского элемента. Кроме того, против закавказского происхождения ираноязычных предков осетин, как выше было отмечено, говорит и тот факт, что осетинский язык относится к группе североиранских языков.

Проникновение в местную кавказскую среду отдельных иноязычных элементов, в

частности ираноязычного, вероятно. Однако каких-либо сведений, позволяющих говорить о приходе и оседании в предгорной части “удела Кавказа” значительной группы ираноязычных скифо-сарматских племен, сменивших якобы здесь кавкасианов, в “Картлис Цховреба” нет. В связи с этим попытки использовать “Картлис Цховреба” для доказательства ираноязычности населения северных предгорий Кавказа уже в VII - I вв. до н.э. лишены, на наш взгляд, основания. Подобное понимание содержания сведений Л. Мровели об этнической принадлежности населения Северного Кавказа, в частности “Овсети”, подтверждается и археологически, о чем подробнее будет сказано в соответствующей главе работы. Здесь мы ограничимся ссылкой на мнение археологов по этому вопросу: “после спада губительных последствий волны скифских походов VII века кобанское население на плоскости не только повсеместно сохраняется, но и резко возрастает в ряде районов”²²²; “... данных, подтверждающих массовую иранизацию центральных районов Северного Кавказа, в скифо-сарматское время нет”²²³; “... никакого массового проникновения скифов, а затем сарматов (ираноязычных племен. - Р.А.) до начала н.э. в эти места не было”²²⁴. Показательно, что такой взгляд поддерживается антропологами: антропологический материал скифо-сарматского времени на Северном Кавказе “не свидетельствует не о какой миграции северного типа, присутствие которого часто хотят видеть везде, где появляются настоящие или предполагаемые индоевропейцы”²²⁵; “применительно к Центральному Кавказу антропологические данные дают основание для отрицания миграции с севера...”²²⁶.

Необходимо также отметить, что в источниках генеалогической таблицы Л. Мровели сарматы, савроматы и аланы (овсы) соответствуют “кавказианам”²²⁷. Это положение обычно берется под сомнение на основании господствующей в исторической литературе концепции, согласно которой скифы, сарматы, савроматы и аланы (овсы) якобы были исключительно пришлыми на Кавказ ираноязычными племенами²²⁸. Вместе с тем, исследователями отмечается и то, что древние авторы называют скифами, сарматами племена самой разной этнической принадлежности. Академик И.А. Джавахишвили в свое время высказал и обосновал мысль о том, что под “сарматами”, наряду с ираноязычными племенами, древние авторы подразумевали и принадлежавшие к иберийско-кавказской языковой группе северокавказские племена, в том числе и нахские²²⁹. Родственные грузинам “северокавказские адыгейско-чеченско-лезгинские племена, ... также подразумевались под собирательным названием “скифов”, “киммерийцев” и “сарматов”, - отмечал академик Г.А. Меликишвили²³⁰. Северокавказские племена в древности обитали на обширной территории Северного Кавказа и термины “скифы” и “сарматы” обозначали как жившие на этой территории ираноязычные племена, “так и население, говорившее на иберийско-кавказских языках”²³¹. Кроме того, “наличие солидного кавказского этнического субстрата (чтобы не сказать больше) у сарматских племен”, отмечал и Г.А. Ломтатидзе²³².

Наиболее ценные и подробные сведения о сарматах содержатся в “Географии” Страбона (около 18 г. н.э.), который опирался на исторические и географические знания предшествующих веков и обобщал их²³³. Термин “сарматы” Страбон употребляет как собирательное географическое название, преимущественно равнинного населения. Так, он пишет: “слова поэта так же служат доказательством того же самого, потому что он соединил с мисийцами доителей кобылиц, млекоедов и абиев, которые не кто иные, как живущие в кибитках скифы и сарматы”; “первую часть, начиная с северных стран, обращенных к океану, населяют некоторые скифы, кочующие и живущие в повозках; ближе их - сарматы, тоже скифское племя, аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор, одни из них кочуют, другие живут в

шатрах и занимаются земледелием”; “Кавказ представляет собой горный хребет, лежащий над обоими морями, Понтийским и Каспийским, и перегораживающий перешеек, разделяющий эти моря. К югу он отделяет Албанию и Иберию, а к северу - Сарматские равнины”; “Кавказский хребет окружает с севера два моря, Каспий и Понт, отделяя сарматов и меотов от иберов и албанов”²³⁴.

Сарматами Страбон называет и население Кавказа, граничащее на юге, по Кавказскому хребту, с Иберией и Албанией. Более конкретно он говорит об этом при описании Диоскуриады: “Сюда (в Диоскуриаду. - Р.А.) сходятся, говорят, семьдесят народностей, а, по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, ... даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношение вследствие самолюбия и дикости. Большая часть их принадлежит к сарматскому племени, и все они называются Кавказцами”²³⁵.

Может показаться, что Страбон называет разноплеменное население Кавказа кавказцами не по этническим признакам, а по месту жительства, считая, что пришлые кочевые племена составляют большинство населения Кавказа. Однако далее он еще более ясно указывает на то, что горцы Кавказа тоже являются сарматами, скифами или родственными им племенами: “Равнину (Иберии. - Р.А.) населяют те из иберов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по мидийски, а горную часть занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве и в родстве; впрочем, они занимаются и земледелием, и в случае какой-нибудь тревоги, набирают много десятков тысяч воинов, как из своей среды, так и из тех народов (скифов и сарматов. - Р.А.)”²³⁶.

Как мы видим, Страбон достаточно ясно характеризует население Кавказских гор, как: живущее по обычаям скифов и сарматов; их соседей и родственников; их военных союзников.

На основании всего вышеизложенного представляется возможным заключить, что в “Картлис Цховреба” термин “овс” появляется как нарицательное (неэтническое) название всего населения предгорной зоны Центрального Кавказа, в том числе и Чечено-Ингушетии. Кроме того, из последующего повествования “Картлис Цховреба” видно, что овсы, с первого их упоминания в тексте, выступают вместе с леками и кавкасианами (дурдзуками) - ближайшими союзниками и родственниками картлийцев²³⁷. Наконец, в цитированных отрывках “Картлис Цховреба” нет совершенно никаких сведений, позволяющих, как было уже отмечено, считать термин “овс” названием какого-либо конкретного этноса и этнически противопоставить овсов дурдзукам так же, как и леков - дидойцам.

За собственно ираноязычными осетинами нарицательный географический термин “овсы” постепенно закрепился, вероятно, значительно позже. Еще в “Географии” царевича Вахушти (XVIII в.) этот термин не имеет четкой этнической определенности. Так, наряду с собственно осетинскими этнографическими группами (“Тагаури”, “Куртаули”, “Валагири”, “Дигори” - “Баделидзе” и др.) он, “как превосходнейших из овсов”, называет “Басиани” - балкарцев, а в “Описание современной Овсети или (жителей) внутреннего Кавказа” включает, кроме “Басиани” (Балкарии), - “Кистети”, “Дзурдзукети”, “Глигви”, то есть вайнахские общества²³⁸. Не имеет четкой этнической определенности этот термин и в кабардинских адатах, приложенных к “Истории

Адыгейского народа” кабардинского просветителя XIX в. Шора Ногмова: “в перечислении горских народностей, находящихся в зависимости от кабардинцев, упоминаются горские татары разных обществ, причем они называются осетинами. Так, мы читаем в §27: Чегемцы и урусбиевские осетины...; хуламцы, безенги - осетины...; карачаевцы - осетины”²³⁹. На основании этого В.Ф. Миллер предполагает, “что общее название осетин было сохранено кабардинцами за новым смешавшимся с осетинами пришлым татарским населением... Такой же факт сохранения древнего названия за новым населением представляет..., и самое название балкарцев Аси, под которым их знают дигорцы”²⁴⁰. С этим выводом, по нашему мнению, можно было бы согласиться, если бы термин “осетины” был бы самоназванием осетинского народа. Однако осетинам этот термин как собственное имя неизвестен - осетины знают его, что неоднократно отмечает и сам В.Ф. Миллер, как название балкарцев: “Осетины называют... балкарцев... асами (Асиаг - балкарец, Аси - страна ими занятая)”²⁴¹. Очевидно, что этот термин был сохранен за “пришлым татарским населением” не только и не столько кабардинцами, сколько самими ираноязычными осетинами, то есть грузинская историческая традиция сохранила это древнее нарицательное географическое название местного аборигенного населения предгорной зоны за новым смешавшимся с последним пришлым ираноязычным (и отчасти тюркоязычным) населением, а сами ираноязычные осетины - за тюркоязычными балкарцами. Окончательно за современными осетинами закрепили русские, перенявшие его у грузин (и, возможно, у кабардинцев).

В специальной литературе бытует мнение, что пришлое ираноязычное население (“аланы - овсы”) уже с V-VI вв. н.э. обитает не только в предгорной зоне, но и в горах Центрального Предкавказья (от Приэльбрусья до Дарьяла), куда оно переместилось якобы в результате нашествия гуннов. Это мнение подкрепляется, в сущности, единственным аргументом - данными Прокопия Кесарийского (VI в. н.э.), так как археологические материалы, как признают сами специалисты, этот тезис не подтверждают²⁴². Однако, на наш взгляд, для локализации ираноязычного населения в горах одни лишь данные Прокопия (рассмотренные нами выше) явно недостаточны - тем более, что в пользу этого они ничего не дают. Достаточно определенные данные о времени появления ираноязычного населения (овсов - осетин) в горах имеются в грузинских источниках, но они почему-то обойдены молчанием. Складывается довольно-таки странная, на наш взгляд, ситуация - именно грузинские источники послужили в свое время стержневой основой для доминирующей в настоящее время в научной литературе теории об иранской осетино-алано-сармато-скифской этноязыковой общности, но при решении вопроса о времени появления ираноязычных предков осетин в горах грузинские источники игнорируются!?

Об интересующих нас событиях в “Географии” царевича Вахушти имеются следующие данные:

“После опустошения Овсети и вступлении их [овсов] внутрь Кавказа стали называться - Овсетия Черкезией или Кабардо, а находящиеся в горах Кавказа по имени вступивших сюда [овсов] - Овсетией; ибо и теперь знатнейших из них называют осами, а прочих незнатных опять двалами”;

“Язык у них древне-двальский и ныне говорят на собственно осском, ибо язык черкезов другой”;

“Во время же походов Чингизовых хаканов, особенно же Батыя и Орхана, разорились и опустошились города и строения их и царство овсов превратилось в мтаварство - княжество и овсы стали убегать внутрь Кавказа, а большая часть их страны превратилась в пустыню, какова и ныне Черкесия. И, кроме того, после прибытия Тамерлана и взятия Константинополя [турками] стали теснить овсов - с той стороны Крымские ханы, а с этой [со стороны ГрузииXII] татарские кочевники-магометане, и они [овсы] вступили в Кавказ и покорили племена кавказцев, кои суть двальцы; и с тех пор Овсетия стала называться Черкесией или Кабарди”²⁴³.

Как видно из приведенных отрывков, в них идет речь об овсах (осах), которые обитали в предгорной зоне к западу от Дарьяла. Язык их, как свидетельствует Вахушти, отличается от языка населения горной зоны - двалов (родственных нахским племенам) и от языка своих западных соседей - черкесов. Вероятно, что под овсами (осами) в данном контексте подразумевается ираноязычное (и возможно тюркоязычное) население указанной выше территории. Перемещение овсов (осов) из предгорной зоны в горную, по свидетельству Вахушти, происходит в XIII - нач. XV вв. и связано оно с нашествием татаро-монголов и войск ТамерланаXIII. Именно после указанных событий: население гор стало “говорить” “на собственно осском” языке; горы стали называться “Овсетией”; предгорная зона - “Овсети стала называться Черкесией или Кабарди”. Таким образом, можно заключить, что ираноязычное население появляется в горах Центрального Предкавказья (к западу от Дарьяла) в XIII - нач. XV вв. При этом не исключается возможность инфильтрации отдельных ираноязычных групп в среду горного “двальского” населения и до XIII в. Вместе с тем, мы не видим каких-либо оснований считать, что процесс иранизации населения горной зоны Северной Осетии был завершён в XV в. В пользу этого как будто бы свидетельствуют и осетинские предания, записанные этнографами в разное время в горах Осетии. По этим преданиям, до XVI-XVII вв. в Куртатинском, Даргавском и Санибском ущельях Северной Осетии жили вайнахские племена²⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

I С этим заключением не согласилась в свое время М.П.Абрамова. В своей рецензии на нашу работу (1986 г.) на отметила: "В этой связи необходимо отметить излишнюю категоричность выводов (Р.Д.Арсанукаева-Р.А.). Так я не могу согласиться с тем, что греко-латинские авторы локализовали алан с I в. н.э. на Северном Кавказе". Однако позднее, в своих научных публикациях М.П.Абрамова уверенно локализует алан с I в.н.э. на Северном Кавказе-при этом не только на Северокавказской равнине, но и в предгорной зоне Центрального Предкавказья (район Кисловодска)!? См.: Абрамова М.П. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами //Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г.Махачкала, 1996. С.29: Её же. Некоторые итоги изучения раннего периода алан на Северном Кавказе// Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Краткие содержания докладов Международной научной сессии. Тбилиси, 1997 г.с.55.

II Название "Меотийское болото" (как и этнические термины "савроматы" и "амазонки", являющиеся явными анахронизмами для IV н.э.) А.М.Марцеллин очевидно "позаимствовал" из более древних источников, т.к. в IV в.н.э.Азовское море вероятно уже достигло (или почти достигло) своего современного уровня, в отличие от предшествовавшего времени, когда оно представляло собой мелководное озеро с

заболоченными берегами и название "болото" действительно могло в определенной степени ему соответствовать (рис.3;5).

III Недавно мнение Ю.С. Гаглойти о том, что аланы по Прокопию локализуются только к западу от Дарьяла, было поддержано М.П. Абрамовой: “по данным Прокопия, аланы жили на территории от “пределов Кавказа” (Приэльбрусье) до Дарьяла” (Абрамова М.П. Некоторые итоги изучения раннего периода алан на Северном Кавказе. С.56).

IV Письменное свидетельство о языке “алан” приводит византийский писатель XII в. Иоан Цец в своей “Теогонии”, сохранившейся в рукописном списке XV в. Формула приветствия, записанная греческими буквами на “аланском” языке должна, по греческому переводу самого Цеца, означать: “Добрый день, господин мой. повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?” Некоторым словам и фразам этого (на наш взгляд, довольно странного) приветствия, специалистами подобраны соответствия из осетинского языка. Так, “*taraggas*” сопоставляется с осетинским “*da bon xorz*” - “добрый день” (букв. “твой день добрый”). При этом, как мы видим, заменяется шесть букв из восьми, а греческая буква “g” (“r”) читается двояко - в одном случае “н”, в другом - “х”. В то же время в слове “*kordin*” букву “n” (“h”) предполагается читать как “g” (“r”). Кроме того, иранское происхождение некоторых осетинских слов (*kinzoe*, *oefsinoe*, *xsin* и т.д.), привлекаемых для сопоставления, представляется в достаточной степени сомнительным. Но, несмотря на эти (а также и другие, в том числе и признаваемые В.И. Абаевым) неясности, приведенный Иоаном Цецем текст дает, на наш взгляд, основания предположить, что среди населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа в XII в. были этноязыковые группы (или образования), близкие по языку современным осетинам, в формировании которых участвовал (наряду с другими) и иранский этноязыковый элемент. Вместе с тем, как нам представляется, этот текст вряд ли может служить основанием думать, что все “аланы” в XII в. (тем более, с I в. н.э.) говорили именно на этом языке (не говоря уже об исключительном этноязыковом иранстве всех “алан”). (См. Абаев В.И. Осетинский язык... С.254-259).

В связи со сказанным, представляют несомненный интерес и сведения готского историка VI в. Иордана (Иордан. *Getica*. О происхождении и деяниях готы. Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. М., 1960). Они были проанализированы в свое время языковедом Я.С. Вагаповым. В сочинении Иордана “*Getica*” в параграфах 265 и 266 “содержатся интересные сведения о самом авторе и его окружении. В то же время исследователей в этом отрывке озадачивали: 1) “нелепое” (по определению Е.Ч. Скржинской) “слово” Алановийямутис; 2) умолчание Иорданом имени своего отца при указании имени своего деда; 3) указание этнической принадлежности всех лиц, названных здесь поименно при отсутствии этих сведений о самом авторе; 4) необъяснимые ни из иранских, ни из германских языков имена База и Пари”.

Имя База употребительно у вайнахов и производно от дендронима база “ель”, “тис-нежной”.

“Имя деда Иордана Пари напрашивается на сравнение с вайнахскими именами Пхъара, Пхъари, Пхъариш/Пхъариж, от которых образованы и фамилии Паров, Парижев, все они образованы от вайнахского слова *phar* “мастер”, “ремесленник”,

“кузнец”. Вариант с исходом на -и имеет ласкательно-величальный оттенок, ш/ж в последнем варианте - окончания мн.ч.

Имя отца Иордана исследователи не заметили в составе “нелепого слова” Алановиймутис. Имя его Мута или Мути. Оно тоже достаточно широко распространено у вайнахов. Образовано, скорее всего, от нарицательного слова mut “сок”. Muthis patris mei genitor Paria (“Мути, отца моего родитель Пари”) - так должно читаться это место, чтобы было обнаружено имя отца автора.

Но и при отделении имени Мути загадочное alanoiuuа остается...

В этом отрывке мы видим вайнахскую фразу alano wu a.

Алануо - имя существительное в форме именительного падежа в ед.ч., как и гIалмакхо “калмык”, гIебартуо “кабардинец”, черкасуо “черкес”... Второе слово ву (в диалектах - ви - Р.А.) - глагол-связка “есть (он)” в форме ед.ч. мужского класса...

Далее следует местоимение а “он, этот”, представленное в горных диалектах; ...

Таким образом, в полном соответствии с контекстом эта фраза сообщает, что дед Иордана был аланом, что отца его звали Мути” (См. Вагапов Я.С. Об одной вайнахской фразе в сочинении готского историка VI в. Иордана//Вопросы вайнахского синтаксиса. Грозный, 1981. С.79-86; Он же. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990. С.99-101).

Приведенный материал дает, на наш взгляд, не меньшие чем в предыдущем случае основания предположить, что среди населения Северного Причерноморья и Центральной Европы, именуемого древними авторами “аланами”, в VI в. присутствовал и вайнахский (нахский) этноязыковый элемент.

V. В.А. Кузнецов для подтверждения этого тезиса приводит цитируемый выше отрывок Ибн-Русте, в котором фраза “к царю Алланов” заменена фразой “в царство Алланов”. Однако, перевод этого отрывка Н.А. Карауловым и сам арабский текст этого отрывка, приведенный им в своей книге, никаких оснований для такого прочтения этой фразы не дают. VI Ср. также форму аьрш (арш) “поляны”, закрепившуюся в названии селения Аьршти (Аршти), где аьрш (арш) “поляны” с топоформантом -ти приобретает буквальное значение “к полянам”. Ср. также название этнографической группы чеченцев аьрштхой (совр. орстхой) “жители полян”, “жители долин”, “равнинники”.

VI. Этнический термин “дигор”, самоназвание части осетин, В.И. Абаев считает кавказским по происхождению, и связывает с самоназванием черкесов “адиг, адиге” (См. Абаев В.И. Осетинский язык... С.105). Объяснение значения этого термина он не дает. Вместе с тем, нам представляется заманчивой связь термина “дигор” с нах. дукъ, дикъ, дакъ “хребет (горный)”, “седловина, вершина хребта”. Ср. назв. местности в горной Чечне Дукъар (где -р(а) - топоформант, представляющий собой окончание одного из местных падежей), а также название этнографической группы дукъарой - букв. “хребта жители”, “хребтов жители”.

VIII По мнению В.Ф. Миллера, под Армной следует понимать левый приток р. Терек “Ардон”, который мог быть принимаем за главную реку” (См. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. С.108). Однако, на наш взгляд, под Армной скорее следует видеть

правый приток р. Терек - Армхи (где хи "вода"), название которой, как видно, созвучно с названием "Армна". Истоки Армхи находятся в горах Ингушетии (на границе с Грузией - Хевсуретией) и впадает он в Терек значительно выше места впадения в Терек Ардона. Последняя часть цитируемого отрывка, как считает В.Ф. Миллер, "основана на недоразумении", так как "в действительности нет реки, вытекающей из кавказских гор и соединяющейся с Волгой". С этим трудно согласиться, так как это свидетельство автора "Географии" основано на факте, вероятно, действительно имевшем место в сер. I тыс. н.э. Как было отмечено в "Введении" к данной работе, в IV-XIII вв. н.э., в период Дербентской регрессии, уровень Каспия понижается до отметки -34 м, что на 7-8 м ниже современного. В результате этого северная часть Каспия иссушается. Береговая линия в районе о. Чечень поворачивает к востоку и соединяется с п-овом Мангышлак. Устья Терека и Волги в это время находятся на незначительном расстоянии друг от друга, а в пик регрессии Терек впадает в Волгу (См. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменения режима Каспийского моря... С.17).

IX На наш взгляд, заслуживает внимания и нах. урд "участок обрабатываемой земли, пашня, поле", "надел земли", которая во мн. ч. принимает форму ардаш (урдаш, ардуош) "пашни, поля".

X Если вопрос о тождестве овсов и осетин для В.Ф. Миллера, как мы выше отметили, не существовал, то этому вопросу (тождества овсов с аланами) он уделяет серьезное внимание.

XI Как и к аналогичным событиям в "уделе Лекана", в результате которых последний так же разделился на горную ("Хозонихети") и равнинную части. В последней были поселены "пленники из Рани и Мовакани", то есть, те же "таргомсианы". Однако это не привело, как видно из "Картлис Цховреба" к появлению здесь нового этнического термина.

XII Эта вставка переводчика представляется нам несколько сомнительной, т.к. судя по контексту здесь скорее идет сопоставление по линии запад-восток (а не запад-юг): "... с той стороны (с запада-Р.А.) Крымские татары, а с этой (с востока, со стороны Предкавказских степей-Р.А.) Татарские кочевники ..."

XIII Кстати, в составе войска Тамерлана достаточно широко были представлены иранские племена Средней Азии и Афганистана. Учитывая отмечаемую специалистами особую близость осетинского-иранского языка, из "живых" иранских языков, именно с языками Припамирья (шугнанский, ваханский и др.), ягнобским и афганским вполне закономерно, по нашему мнению, напрашивается предположение, что определенная часть иранской лексики в осетинском языке могла появиться не в "скифо-сарматский" период, а в конце XIV -нач. XV вв. - в период нашествия войска Тамерлана.

1. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949, №1. С.266.

2. ВДИ. 1949, №2. С.278

3. ВДИ. 1947, М 4. С.225; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.

С.70.

4. ВДИ. 1949, №2. С.325.
5. ВДИ. 1949, №2. С.344.
6. ВДИ. 1947, №. 4. С.277.
7. Левиатов В.Н. Азербайджан с V в. до н.э. по III в. н.э. // ИАН Азербайджанской ССР, 1950. №1. С.86.
8. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 345.
9. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 9-10, 13; Виноградов В.Б. Аланы в Европе // Вопросы истории, 1974, №8.
10. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С.33.
11. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I - XV вв. н.э. Тбилиси, 1961. С.63.
12. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С.163.
13. Вагапов Я.С. Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем -А... С.74-79.; Он же. Вайнахи и сарматы. С.16-17; Он же. Проблема происхождения нахского этноса... С.162.
14. Марр Н.Я. История передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа... С.1400.
15. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С.84-85; и др.
16. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия во II-I вв. (некоторые проблемы исследования) // СА. №. 2, 1982. С.54.
17. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Кн. II. М.-Л., 1951. С.229.
18. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С.117; Он же. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С.60 - 61; Гаглойти Ю.С. Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. С.79-80; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. С.106, 144.
19. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия... С.46.
20. Мацулевич Л.А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. VI - VII. 1947. С.143-144.
21. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. С. 134 - 135.

22. ВДИ. 1949. №3. С.228.
23. Моисей Хоренский. История Армении. Пер. Н.О. Эмина. М., 1893. С. 98.
24. ВДИ. 1949, №3. С.257.
25. ВДИ. 1949, №3. С.259 - 260, 266, 268.
26. ВДИ. 1949, №3. С.275.
27. ВДИ. 1949, №4. С.228.
28. ВДИ. 1949, №. 3. С.279; ВДИ, 1949, №4. С.239, 262, 274, 300.
29. ВДИ. 1949, №4. С.277 - 278, 294.
30. ВДИ, 1949, №4. С.253.
31. ВДИ. 1949, №3. С.268.
32. ВДИ. 1949, №4. С.233, 235.
33. ВДИ. 1949, №4. С.234.
34. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин... С.76 - 77.
35. Гаглойти Ю.С. Аланы... С.75; Патканов К.П. Армянская география VII в. н.э. СПб., 1877. С.39-49.
36. Ельницкий Л.А. Северочерноморские заметки // ВДИ. 1950, №1. С. 194; Гаглойти Ю.С. Аланы... С.78; и др.
37. Меликишвили Г.А. К истории... С.78; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959. С.126;
38. Гаглойти Ю.С. Аланы... С.82; Виноградов В.Б. Сарматы... С.169-170.
39. Моисей Хоренский. История... С. 98. ВДИ. 1948, №3. С.264.
40. ВДИ. 1949, №. 3. С.286-287.
41. ВДИ. 1949, №. 3. С.287.
42. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С.10.
43. ВДИ. 1949, №3. С.287, сн. 4.
44. ВДИ. 1949, №3. С.287.
45. Помпоний Мела. "Землеописание". Книга I (115) // ВДИ, 1949. №1. С. 276. Сн. 5.

46. ВДИ. 1949, №3. С.287. Сн. 9 - 12.
47. ВДИ. 1949, №3. С.303.
48. ВДИ. 1949, №3. С.304.
49. ВДИ. 1949, №3. С.287, 289, 291.
50. ВДИ. 1949, №3. С.290.
51. ВДИ. 1949, №3. С.291.
52. ВДИ. 1949, №3. С.303.
53. ВДИ. 1948, №2. С.277.
54. ВДИ. 1948, №2. С.277, сн. 1.
55. ВДИ. 1949, №3. С.291, сн. 5.
56. ВДИ. 1947, №2. С.251-252; Геродот. История. Л., 1972. С.75. I, 201.
57. ВДИ. 1947, №2. С.252; Геродот. История. С.75. I, 202, С.196. IV, 40.
58. ВДИ. 1949, №3. С.243.
59. Туманян Э.Г. Об армяно-аланских историко-лингвистических связях // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-оравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С.54. Сн. 21; Тревер К.В. Очерки по истории... С.193-194.
60. ВДИ. 1949, №3. С.303.
61. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических византийских писателей. Киев, 1899. С.14.
62. ВДИ. 1949, №4. С.287.
63. ВДИ. 1949, №2. С.334.
64. ВДИ. 1948, №2. С.246. Сн. 3; Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой М. Хоренскому // ЖМНП, март, 1883. С.30; Еремян С.Т. Армения по "Ашхарацуйц". Ереван, 1963, карта (на армян. языке).
65. Вагапов Я.С. Некоторые нахские топонимы... С.74-79; Он же. Вайнахи и... С.17; Он же. Проблемы происхождения нахского... С.162.
66. ВДИ. 1949, №3. С. 303-304.

67. Вагапов Я.С. Некоторые нахские... С.74, 80; Он же. Вайнахи и... С.17.
68. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи... С.42-43; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С.221; Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII-I веках до н.э. М., 1952. С.15; Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971. С.40; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977. С.190; Козенкова В.И. Контакты населения карпато-дунайского мира и Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы - раннего железа//Симпозиум Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. Предварительные материалы. Тезисы докладов. М., 1980. С.34; и др.
69. Гаглойти Ю.С. Указ.соч. С.86; Миллер В.Ф.Осетинские этюды. С.51
70. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 84-85.
71. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод Кондратьева. М., 1950. С.381.
72. Прокопий из Кесарии. Война с готами. С.383.
73. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. С.45; Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, С.140, при. 1; Каухчишвили С. Георгика. Т.П. Тбилиси, 1934. С. 43-45; и др.
74. Федоров Я.А. К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана // СЭ. №1. 1961. С.108; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа... С.34-35; и др.
75. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. С. 139-140.
76. Прокопий Кесарийский. История войны римлян с персами. Перевод Сп. Дестуниса. СПб, 1861. С.46-47.
77. Миллер В.Ф. Осетинские... С.25; Гаглойти Ю.С. Аланы... С.141.
78. Гаглойти Ю.С. Аланы... С.141.
79. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I - XV вв. С.22.
80. Прокопий из Кесарии. Война с готами... С.382.
81. Еремян С.Т. Армения по "Ашхарацуиц". Карта.
82. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.34-35; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С.63-82; и др.
83. Вагапов Я.С. О языке зеленчукской надписи // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980. С.III.

84. Миллер В.Ф. Указ.соч. С.44.
85. Агафий. О царствовании Юстиниана. М.-Л., 1953. С.87.
86. Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой. СПб, 1860. С. 321 - 322.
87. Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С.82.
88. Феофан Византиец. Летопись. Перевод с греческого В.И. Оболенского и Ф.А. Терковского // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских”. Кн. 1. СПб, 1887. С.286-289.
89. Куник А. О записке готского топарха. СПб, 1874. С.132-133.
90. Никифор Вриений. Исторические записки. Перевод с греческого В.Н. Карпова. СПб, 1858. С.51-52.
91. Гаглойти Ю.С. Аланы... С.143, 146, 150.
92. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор... С.42.
93. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора “Аланское послание” //ЗИООИД. Одесса, 1998, с.12.
94. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора... С.13.
95. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора... С. 17.
96. Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1890. С.56.
97. Вагапов Я.С. Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем -А. С.73 - 74.
98. Джовани дель Плано Карпини. “История монголов”. Гильом де Руб-рук. “Путешествие в восточные страны”. Ред. вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М., 1957. С.57.
99. Джовани дель Плано Карпини. История монголов... С.111.
100. Иософат Барбаро. Путешествие в Тану. Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. 1. СПб, 1836. С.6, 45.
101. Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980. С.16-17.
102. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 98-99.
103. Иоанн де Галонифонтибус. Сведения... С.13-25.

104. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I - XV вв. С.35.
105. Миллер В.Ф. С.53.
106. Гаглойти Ю.С. Этногенез осетин по данным письменных источников. С.827.
107. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. С.9-13.
108. Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939. №1 (6). С.107.
109. Пигулевокая Н.В. Сирийский источник... С.114.
110. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. С.129.
111. Пигулевская Н.В. Сирийский источник... С.114.
112. Пигулевская Н.В. Сирийский... С. 109.
113. Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1962. См. карта “Армения в эпоху Месропа-Маштоца 360-440 гг.”. Сост. С.Т. Еремян.
114. Гаглойти Ю.С. Аланы... С.129
115. Пигулевская Н.В. Сирийский... С.110; Гаглойти Ю.С. Аланы... С.122.
116. Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов Маъас и Деяков // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С.18-23.
117. Гаглойти Ю.С. Аланы... С.129.
118. Якуби. История. Перевод П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Т. IV. Баку, 1927. С.6-7.
119. Якуби. История... С.7.
120. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербайджане // СМОМПК. Вып. 31. Тифлис, 1902. С.23.
121. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Перевод с древне-грузинского, предисловие и комментарии. Г.В. Цулая. М., 1973. С.52-53. Комм. 57.
122. Караулов Н.А. Сведения... С.15.
123. Караулов Н.А. Сведения... С.23. Кроме “царства Серир” Ибн-ал-Факих называет на территории Дагестана “царство Лакзов”, “царство Филан”, “царство Маскат”, “Табасеран” (С.11).
124. Караулов Н.А. Сведения... // СМОМПК. Вып. 32. Тифлис, 1903. С.17.

125. Караулов Н.А. Сведения... // СМОМПК. Вып. 29. Тифлис, 1901. С.4; Он же. Сведения... // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908. С.81
126. Караулов Н.А. Сведения... // СМОМПК. Вып. 29. С.11, 17.
127. Караулов Н.А.Сведения ... // СМОМПК. Вып. 32. С.50-51.
128. Караулов Н.А.Сведения... //СМОМПК. Вып.38. с.73.Прим.101; Минорский В.Ф.История Ширвана и Дербенда.М., 1963 с.107; Кузнецов В.А.Алания в X-XIII вв. С.154; Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970. С.68 - 90; Он же. Аланы в Европе// ВИ. М., 1974. №8. С.120.
129. Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959. С.31.
130. Гаглойти Ю.С. Аланы... С.131, 136; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. С.144.
131. Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб, 1878. С.64.
132. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии... С.63-82; и др.
133. Караулов Н.А. Сведения... // Вып. 32. С.51.
134. Гаглойти Ю.С. Аланы... С.132. 135. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л., 1958. С.79-80; Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.108
136. Караулов Н.А. Сведения... Вып. 38. С.53.
137. Караулов Н.А. Сведения... Вып. 38. С.52.
138. Караулов Н.А. Сведения... Вып. 38. С.54.
139. Миноранский В.Ф. История Ширвана и Дербенда, С.54.
140. Караулов Н.А. Сведения... Вып. 38. С.53.
141. Миллер В.Ф. Осетинские этюды... С.46.
142. Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов МаIас и Дедяков... С. 16-18; Он же. Вайнахи и... С.108..
143. Караулов Н.А. Сведения... Вып. 38. С.54.
144. Караулов Н.А. Сведения... Вып. 38.
145. D,ohsson. Des peuples du Caucase et des payson nord de La mer Noire et de Lamer Caspienne dans Le dixieme siecle. Paris, 1828. PP. 19, 21-23.

146. Hudud al-Alem. A Regions of the World. Expl. And transl. By V. Minorsky. London, 1937. PP. 161, 445.

147. Миллер В.Ф. Осетинские... С.45, 47.

148. Чокаев К.З. Суффиксальное образование топонимических названий в вайнахских языках // Сб. статей, Грозный, 1964. С.58-63; Цагаева А.Д. Из топонимики и гидронимики западной Осетии // Изв. СО НИИ. Т. 22. Вып. I. Орджоникидзе, 1960; Она же. Материалы по топонимике и гидронимике Осетии // Изв. СОНИИ. Т. 23. Вып. 1. Орджоникидзе, 1962; и др.

149. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I - XV вв. н.э. С.145.

150. Моисей Хоренский. История Армении. Перевод Н.О. Эмина. М., 1983. С.98.

151. Вагапов Я.С. Некоторые нахские... С.74.

152. Моисей Хоренский. История... С.149.

153. Фавстос Бузанд. История Армении. Ереван, 1953. С.15.

154. Фавстос Бузанд. История... С.16.

155. Степанос Таронский. История Армении. Перевод Н.О. Эмина. М., 1864. С.45.

156. Моисей Кагакатвацци. История агван. Перевод К. Патканова, СПб, 1861. С.22.

157. Патканов П.К. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП, март, 1883. С.30.

158. Гаглов Ю.С. Сведения “Армянской географии УП в.” об аланах // Изв. СОНИИ. Т. XXXV. История. Орджоникидзе, 1966. С.187; Армянские источники об аланах. Вып. III. Ереван, 1985. С.9.

159. Патканов К.П. Ванские надписи и значение их для истории Перед ней Азии. СПб, 1881. С.116.

160. Гаглов Ю.С. Сведения “Армянской географии VII в.”. С. 188-189.

161. Гаглов Ю.С. Сведения... С.188; Вансеев З.Н. Средневековая Алания... С. 12; Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986. С.79; и др.

162. Вагапов Я.С. Некоторые нахские... С.75.

163. Мациев а.Г. Чеченско-русский словарь. С.49.

164. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.21.

165. Гаглоев Ю.С. Сведения... С.189; Миллер В.Ф. Осетинские этюды... С.107.
166. Патканов К.П. Из нового списка Географии... С.30.
167. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. Изд. ЛГУ, 1979. С.165, 173.
168. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Перевод с древне-грузинского, предисловие и комментарии Г.В.Цулая. М., 1979.
169. Мровели Леонти. Жизнь... С.9-12.
170. Крупнов. Средневековая Ингушетия. М., 1971; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963; Виноградов В.Б. Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // АЭС. Т. 1. Грозный, 1966; Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1964; Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин; Тогошвили Г.Д. Леонти Мровели о происхождении осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
171. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С.47; Цулая Г.В. Предисловие // Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей... С.10.
172. Цулая Г.В. Предисловие... С.11.
173. Цулая Г.В. Предисловие... С.13; Ковалевская В.Б. Скифы, Мидия и Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Вестник АН Груз. ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. №3, 1975. С.63; и др.
174. Меликишвили Г.А. К истории... С.34.
175. Ломтатидзе Г.А. Выступление на заключительном заседании сессии по археологии Дагестана в мае 1959 // МАД. Т. II. Махачкала, 1961. С.294; Ковалевская В.Б. Скифы... С.63.
176. Мровели Леонти. Жизнь... С.21; Тогошвили Г.Д. Леонти Мровели... С. 243; Меликишвили Г.А. К истории... С.294-295; Гамрекелли В.Н. Двалы и Двалетия в I - XV вв. н.э. С.28; и др.
177. Мровели Леонти. Жизнь... С.21-22.
178. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ, №4. 1939. С.45-48; Дьяконов И.М. История Мидии. М.-Л., 1956. С.62, 97; Алиев Играр. История Мидии. Баку, 1960. С.62, 63, 66, 71; Меликишвили Г.А. К истории... С.120; Он же. Возникновение хеттского царства // ВДИ. №1, 1965. С. 23; Дьяконов И.М. Хуррито-урартский и восточнокавказский языки // Древний Восток. Ереван, 1978; Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. С.204; Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде. С.94; и др.

179. Тогошвили Г.Д. Леонти Мровели... С.244; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа... С.136; и др.
180. Мровели Леонти. Жизнь... С.25.
181. Виноградов В.Б. Сарматы... С.244; Гамрекели В.Н. Двалы... С.22; и др.
182. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 137- 99; Виноградов В.Б. Сарматы... С.137; и др.
183. Гамрекели В.Н. Двалы... С.22.
184. Мровели Леонти. Жизнь... С.25.
185. Меликсет-Бек. Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. Л., 1960. С.11.
186. Меликишвили Г.А. К истории... С.35.
187. Цулая Г.В. Комментарии. //Мровели Леонти. Жизнь... С.51, комм. 56.
188. Миллер В.Ф. Осетинские этюды... С.15-21; Ковалевская В.Б. Скифы... С. 62; Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, 1967. С.175; и др.
189. Марр Н.Я. По поводу русского слова “сало” в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в.: К вопросу о древнерусско-кавказских отношениях // Тексты и разыскания по кавказской филологии. Т. 1. Л., 1925. С.103-104.
190. Мровели Леонти. Жизнь... С.25.
191. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза... С.Т81; Тогошвили Г.Д. Леонти Мровели... С.244; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа... С.138, 140.
192. Вахушти Царевич. География Грузии. Тифлис, 1904. С.136.
193. Вагапов Я.С. Некоторые... С.76; Он же. Вайнахи и... С.21.
194. Меликишвили Г.А. К истории... С.34; Гамрекели В.Н. Двалы... С.22.
195. Цулая В.Г. Комментарии... Комм. 56, 6 - 64. С.52, 55.
196. Шавхелишвили А.И. К истории... С.122.
197. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов. Т. IV. 1930. С.705; Гаглойти Ю.С. Аланы и... С.182; Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства... С.84-86; и др.
198. Гониашвили Т.Б. Специфика языковых связей нахской группы с иносистемным

осетинским // Материалы пятой региональной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С.65; Русско-осетинский словарь. Сост. В.И. Абаев. М., 1950. С.429.

199. Меликишвили Г.А. К истории... С.121.
200. Абаев В.И. Осетинский язык... С.45, 157; Волкова Н.Г. Этнонимы и... С.107.
201. Осетины глазами... С.175-176; Миллер В.Ф. Осетинские... С.15.
202. Абаев В.И. Осетинский язык... С.248.
203. Абаев В.И. Осетинский язык... С.41, 248; Кузнецов В.А. Алания в X-XII вв. С.5; и др.
204. Миллер В.Ф. Осетинские... С.39-40.
205. Миллер В.Ф. Осетинские... С.41, 44, 45, 46, 47.
206. Меликишвили Г.А. К истории... С.34; Гамрекели В.П. Двалы и... С.22
207. Гамрекели В.Н. Выступление на научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С.263.
208. Пиотровский Б.С. Скифы в Закавказье // Уч. зап. ЛГУ. №13. Серия исторических наук. 1949. С. 188; Алексеева Е.П. Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа // Уч. зап. ЛГУ... С.241-242.
209. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря... С.17.
210. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря... С.17.
211. Диодор Сицилийский. Библиотека. II, 43, 6 // ВДИ. №4. 1947. С. 251.
212. Осетины глазами русских и... С.175.
213. Абаев В.И. Осетинский язык... С.14; Грамматика осетинского языка. Т.1. Орджоникидзе, 1963. С.12.
214. Алиев И. История Мидии. Баку, 1960. С.101.
215. ВДИ. №1, 1947. С. 252. Примеч. 3.
216. БСЭ, изд-е 3-е. Т. 28. 1978. С.425.
217. Меликишвили Г.А. К истории. С.120.
218. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.15; Он же. Проблема происхождения... С.159-168.

219. К.М.Т(уманов). О древнем языке Закавказья. Тифлис, 1913. С.10-12.
220. К.М.Т(уманов). О древнем... С.18, 26-27.
221. К.М.Т(уманов). О древнем... С.29-35.
222. Виноградов В.Б. Сарматы... С.290.
223. Абрамова М.П. Выступление на научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин // Происхождение осетинского народа. С.294.
224. Алексеева Е.П. Выступление на научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин // Происхождение осетинского народа. С.257.
225. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948. С. 175.
226. Алексеев В.П. Заключительное слово на научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин // Происхождение осетинского народа. С. 323.
227. Кекелидзе К.С. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI века Леонтия Мровели // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. III. Тбилиси, 1955. С. 98.
228. Цулая Г.В. Комментарии. С. 43 - 44, комм. 7; и др.
229. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. №4. 1939. С.42-48.
230. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С.120.
231. Меликишвили Г.А. К истории... С.221.
232. Ломтатидзе Г.А. Некрополь II века н.э. в Клдееи. Тбилиси, 1957. С.203-204.
233. Болтунова А.И. Описание Иберии в "Географии" Страбона // ВДИ. №4, 1947.
234. Латышев В.В. Известия... // ВДИ. №4, 1947. С.193, 209, 215, 246.
235. Латышев В.В. Известия... // ВДИ. №4, 1947. С.215.
236. Латышев В.В. Известия... //ВДИ №4 1947. С.213.
237. Мровели Леонти. Жизнь... С.26, 29-30, 33-35, 37.
238. Вахушти Царевич. География Грузии. Тифлис, 1904. С.138, 141, 142, 150, 152.
239. Миллер В.Ф. Осетинские... С.10.
240. Миллер В.Ф. Осетинские... С.10-11.

241. Миллер В.Ф. Осетинские... С.7-11.

242. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. С.84; Абрамова М.П. Некоторые итоги изучения раннего периода алан... С.55-56; и др.

243. Вахушти Царевич. География... С.138, 141, 153.

244. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный, 1963. С.27; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-нач. XX века. М., 1974. С.142-144.

ГЛАВА III.

ПАМЯТНИКИ АЛАНСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

1. Бытовые памятники.

На территории современной Чечено-Ингушетии в настоящее время известно 150 бытовых памятников I - XIII вв. Это определенно свидетельствует о большой плотности населения здесь в исследуемое время. Об этом говорит и арабский географ X в. н.э. Масуди при описании Алании, под которой он подразумевает и территорию Чечено-Ингушетии: “царство аланов граничит с царством Серир” и “представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов”¹. Кстати, картографирование бытовых памятников известных на исследуемой территории показывает, что они действительно располагаются на незначительном расстоянии друг от друга.

Следует отметить, что бытовые памятники Чечено-Ингушетии, к сожалению, почти не изучены (частичные стационарные археологические раскопки производились лишь на Алхан-Калинском городище). Исследование их представляется крайне важным и необходимым для выявления особенностей быта и хозяйства населения данной территории, характера их взаимоотношений с населением гор, а также народами, обитавшими по соседству с ними.

При характеристике бытовых памятников мы пользовались в основном опубликованными материалами Л.П. Семенова, А.П. Круглова, Е.И. Крупнова, Т.М. Минаевой, В.И. Марковина, В.Б. Виноградова, М.Х. Багаева, Х.М. Мамаева.

а) Городища

Поскольку единственно стационарно исследованным из бытовых памятников Чечено-Ингушетии I тыс. н.э. является Алхан-Калинское городище, то обзор мы начнем с него.

1. Алхан-Калинское городище - одно из крупнейших в Центральном Предкавказье, расположено в 4 км. к западу от сел. Алхан-Кала на высоком левом берегу реки Сунжи. Оно занимает территорию более одного километра в длину и обнесено глубокими рвами. Наружную ограду городища составлял ров, глубиной 9 м с довольно крутыми

склонами. Вдоль внутреннего края рва идет вал, на котором еще в прошлом веке были заметны остатки мощной каменной стены². Внутри площади городища на расстоянии 135 м от первого идет второй ров, глубиной до 2,5 м. Оба рва с двух сторон доходят до 20-метрового обрыва над поймой Сунжи. Внутри второго рва, на самом берегу Сунжи находится незначительный участок центральной части городища - цитадель, отделенная от основной его площади рвом округлой в плане формы. В результате того, что Сунжа часто меняла свое русло, часть памятника была еще в древности отделена от ее основной территории.

Впервые городище было обследовано А.И. Бобринским в 1888 году и в дальнейшем неоднократно описывалось исследователями (в 1936 году А.П. Кругловым, в 1938 - Г.В. Подгаецким, в 1945 - Т.М. Минаевой и Н.И. Штанько). Стационарные археологические работы на нем проводили: А.П. Круглов в 1936 году, Г.В. Подгаецкий - в 1938 году, В.Б. Виноградов - в 1965 - 1968 гг³. Вся вскрытая площадь (не включая раскопки Г.В. Подгаецкого) составляет 802 м²: А.П. Кругловым вскрыто 8 м², В.Б. Виноградовым 794 м², не считая площадь шурфа на валу⁴. Все раскопы носили разведочный характер. Так, В.Б. Виноградовым было заложено 11 раскопов и все на разных участках памятника. Только раскоп 1 1968 года был продолжением раскопа 1 1967 г. Несмотря на то, что такая система раскопок затрудняет получение целостной картины памятника, раскопочный материал позволяет осветить некоторые стороны хозяйственной жизни обитателей предгорной зоны Чечено-Ингушетии. Особый интерес представляют открытые здесь остатки турлучных жилищ. Обнаружена также булыжная мостовая шириной около 3 м, проходящая между ними. Кроме того, расчищены места пяти капищ, где найдено 153 целых курильниц стаканообразной формы. Всего в раскопках В.Б. Виноградова найдено 24520 предметов. Городище было обитаемо в VII - IV вв. до н.э. и в I - XIII вв. н.э. (Рис. 10, 1; 15, 1-5, 7; 29, 1)5

2. Вознесенское городище. Располагается в 1,5 км к северо-западу от станицы Вознесенской, на северном склоне Терского хребта. Городище состоит из трех частей и достигает 220 м в длину и 70 м в ширину. Собранный здесь подъемный материал, представляет керамические находки эпохи раннего средневековья (Рис. 10, 2; 19, 12-16)6.

3. Братское городище. Находится на четвертой террасе р. Терек на западной окраине сел. Братское (чеч. Ногай-Мирза-Юрт). Городище представляет собой значительный комплекс оборонительных сооружений. Центральная часть укрепления, примыкающая к краю террасы, расположена на холме продолговатой формы. С трех сторон она окружена широким рвом, а с четвертой, северной, ограничена обрывом к реке. С южной и восточной сторон к центральному укреплению примыкает второе укрепление, окруженное широким рвом. В юго-восточной части холма прослеживается въезд, перед которым находятся два небольших холма округлой формы, окруженные также рвами. Длина всего укрепления около 300 м, в том числе длина центральной части городища - 140 м. По обе стороны городища прослеживаются остатки древнего поселения. Общая протяженность участка, занятого городищем и поселением, превышает 1 км (Рис. 10, 3)7.

4. Гвардейское 1-е городище. Расположено к югу-востоку от сел. Гвардейское (чеч. Али-Юрт) в том месте, где третья терраса Терека примыкает к четвертой. Укрепление слегка возвышается над окружающей местностью в виде продолговатого холма, окруженного рвом. С северной стороны городище размыто Тереком. Толщина

культурного слоя 1,5 м. Длина укрепленной части городища около 40 м. Часть подъемного материала относится к раннесредневековому периоду. (Рис. 10, 4)8

5. Гвардейское 2-е городище. Расположено в 3 км от первого городища. Укреплено двумя рвами. Часть керамического материала датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 5)9.

6. Знаменское 4-е городище. Обнаружено близ сел. Знаменское (чеч. Ч|улга-Юрт) на высоком берегу Терека. Исследовано М.П. Севастьяновым, который собрал здесь подъемный материал, относящийся и к раннему средневековью (Рис. 10, 6)10.

7. Знаменское 5-е городище. Расположено рядом с описанным. Исследовано М.П. Севастьяновым. Подъемный материал с обоих городищ идентичен (Рис. 10, 7)11.

8. Терское городище. Находится недалеко от хутора Терского на берегу Терека. Среди собранной здесь разновременной керамики есть фрагменты, характерные для эпохи раннего средневековья (Рис. 10, 8)12.

9. Верхне-Наурское 1-е городище. Расположено в 2 км к востоку от сел. Верхний Наур, на краю третьей террасы р. Терек. Большая часть городища разрушена рекой. Со стороны террасы городище укреплено широким, сильно заплывшим рвом глубиной 1,65 м. Площадка городища (32 x 8 м) возвышается на 13,7 м над террасой. Часть подъемного материала датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 9)13.

10. Верхне-Наурское 2-е городище. Находится на той же террасе в 250 м к северо-западу от первого городища. Оно также сильно разрушено водой. Осталась лишь небольшая площадка длиной 21 м и шириной до 11 м. От террасы площадка отделена широким, заплывшим рвом, глубиной около 3-х м. Над руслом Терека площадка городища возвышается на 17,5 м, а над второй террасой на 12,5 м. Часть подъемного материала датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 10)14.

11. Верхне-Наурское 3-е городище. Обнаружено в 1,5 км к северо-востоку от 1-го городища на третьей террасе р. Терек. Почти полностью размыто рекой. Сохранившаяся часть городища (7 м x 3 м) окружена широким (15 м) сильно заплывшим рвом (0,76 м). Высота укрепления над уровнем второй террасы 11,5 м. Часть подъемного материала датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 11)15.

12. Мундар-Юртовское 1-ое городище. Находится к западу от современного кладбища сел. Мундар-Юрт. Укрепление имеет вид небольшого холма неправильной овальной формы, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Расположено на мысе третьей террасы. С юго-восточной стороны холм укреплен широким рвом. Длина укрепленной части по верхней площадке холма - 18 м. Высота холма над второй террасой 10,1 м, глубина рва около 1,85 м. (Рис. 10, 12)16

13. Мундар-Юртовское 2-е городище. Обнаружено на расстоянии одного километра к юго-западу от первого. Имеет форму холма длиной 17 м, примыкающего с одной стороны к обрыву 3-й террасы. С противоположной стороны окружено заплывшим рвом глубиной около 0,95 м. (Рис. 10, 13)17

14. Шеды-Юртовское городище. Обнаружено на правом берегу реки Терек в 500 м к

востоку от сел. Шеды-Юрт. Городище укреплено рвами и валами (Рис. 10, 14)18.

15. Правобережное 1-е городище. Открыто М.П. Севостьяновым в 1949 году на правом высоком берегу р. Терек в 6 -6,5 км к юго-востоку от сел. Правобережное. Длина более 200 м, ширина - 85 м. С запада городище укреплено рвом, примыкающим к северной части к обрыву долины р. Терек. С южной стороны городища сохранился вал с разрывом в середине (въезд!?). С востока городище примыкает к крутому склону глубокой балки. По подъемному материалу (фрагменты сероглиняной керамики) датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 15)19.

16. Правобережное 2-е городище. Открыто М.П. Севостьяновым в 1949 году в 3 км к юго-востоку от с. Правобережное (в 3 км к западу от первого). Городище расположено на правом высоком берегу р. Терек. Протяженность городища с запада на восток 60 м, с севера на юг - 42 м. С запада и юга прослеживается ров шириною 15 - 22 м при глубине 3 м. С востока городище ограничено глубокой балкой, с севера - крутым обрывом долины р. Терек. По керамике датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 16; 13)20.

17. Горячеисточненское 1-е городище. Расположено на нескольких возвышенностях с крутыми склонами, на северо-западной окраине станицы Горячеисточненской. Протяженность городища с севера на юг около 700 м, а с востока на запад - около 300 м. Городище укреплено рвами и валами (Рис. 10, 17)21.

18. Горячеисточненское 2-е городище. Расположено в 1,5 км от первого на восточной окраине станицы. Укреплено двумя рвами глубиной около 8 м. По размерам городище меньше описанного выше (Рис. 10, 18)22.

19. Виноградненское городище. Выявлено в 3-х км от сел. Виноградное на берегу р. Терек, на естественно укрепленной возвышенности. Дополнительно укреплено рвами и валами (Рис. 10, 19)23.

20. Брагунское 2-е городище. Находится у сел. Брагуны, недалеко от места впадения р. Сунжи в Терек. Здесь собран обильный раннесредневековый материал (Рис. 10, 20)24.

21. Брагунское 3-е городище. Расположено недалеко от второго. Здесь собрано большое число фрагментов раннесредневековой керамики (Рис. 10, 21)25.

22. Ильинское 1-е городище. Открыто Г.В. Подгаецким к востоку от станицы Ильинской (бывш. чеч. аул Бас-г|ала), на западном мысу балки, прорезающей высокий левый берег р. Сунжи. Южная сторона ограничена высоким, крутым берегом. С севера и запада городище окружено большим рвом шириной соответственно - 85 м и 110 м и глубиной - 9 м и 7 м. С северо-востока городище имеет форму треугольника со сторонами - 45 м, 40 м, 22,5 м. (Рис. 10, 22)26

23. Ильинское 2-е городище. Находится на юго-западной окраине станицы на левом берегу р. Сунжи. Укреплено целой системой рвов и валов. Городище существовало в скифо-сарматское время и в раннее средневековье (Рис. 10, 23)27.

24. Петропавловское 1-е городище. Находится на левом берегу р. Сунжи в 3 км. к востоку от станицы Петропавловской (бывш. чеч. аул Чур-Torle). Городище укреплено

мощными рвами и валами. Датируется раннескифским и сарматским периодами и ранним средневековьем (Рис. 10, 24)28.

25. Петропавловское 2-е городище. Расположено на левом берегу р. Сунжи в 2,5 - 3 км к западу от станицы. Открыто в 1938 г. Г.В. Подгаецким. С юга городище ограничено естественным береговым склоном в пойму Сунжи. С севера городище укреплено широким рвом (глубина около 5 - 6 м), огибающим городище с востока и запада (Рис. 10, 25)29.

26. Закан-Юртовское 1-е городище. Расположено на западной окраине сел. Закан-Юрт, на высоком мысу левого берега р. Сунжи. Главная часть городища представляет собой площадку (46 м x 100 м) которая значительно выше примыкающей к ней основной площади городища. Она отделяется от последней глубоким рвом (4 м) с крутым подъемом на площадку; с западной стороны ров имеет перемычку, служившую, по всей видимости, проходом в главную часть городища. От этого рва по линии В-3 идет ров и вал через весь мыс вплоть до противоположного обрыва над поймой (Рис. 10, 26)30.

27. Закан-Юртовское 2-е городище. Находится на небольшом мысу высокого левого берега Сунжи в шести километрах к западу от Закан-Юрта. С восточной и западной стороны оно ограничено оврагами, прорезывающими высокий берег перпендикулярно пойме реки. С севера городище ограничено глубоким рвом (8,4 м), соединяющим вершины оврагов. По внутренней стороне рва идет вал. Площадь городища вытянута вдоль берега на 140 м и имеет ширину до 90 м. (Рис. 10, 27)31

28. Самашкинское 1-ое городище. Открыто "на крутом (левом - Р.А.) берегу над поймой Сунжи, в 2 км к востоку от станицы Самашкинской (чеч. сел. Самашки. - Р.А.). Площадь городища заметно возвышается над окружающей равниной. С восточной и западной сторон памятник окаймлен оврагами. С северной стороны овраги соединены искусственным рвом неправильной вытянутой формы. По внутренней стороне рва - вал. Размеры обнесенной рвом площади по линии С-Ю - 60 м, по линии В-З - 100 м. Мощность культурного слоя 0,7 м. В центре этой площади неглубоким рвом выделен участок квадратной формы, длина сторон которого 13 м." (Рис. 10, 28)32.

29. Самашкинское 2-е городище. Находится в 1,5 км к западу от сел. Самашки на левом берегу, на первой надпойменной террасе. Занимает ровную местность. С северной стороны оно отделено рвом, дугообразно окаймляющим площадь городища с восточного до западного конца. Длина площади городища с востока на запад 675 м., с юга на север - 325 м. По площади это самое большое из известных городищ после Алхан-Калинского. В наиболее высокой центральной части и на этом городище выделен небольшой четырехугольный участок, обнесенный неглубоким рвом. Подъемный материал состоит из кусков горелой шпильной обмазки со следами турлучного строения, обломков от глиняных средневековых мисок, типичных для всех вышеописанных городищ (Рис. 10, 29)33.

30. Серноводское 1-е городище. Расположено на левом берегу р. Сунжи к северо-западу от сел. Серноводск (бывш. чеч. аул Эна-хишка), на древней надпойменной террасе, между двумя оврагами. Укреплено рвами, имеет цитадель. Площадь цитадели более тысячи квадратных метров (Рис. 10, 30)34.

31. Серноводское 2-е городище. В 1938 году Г.В. Подгаецким исследовано городище, расположенное у сел. Серноводск на левом высоком берегу р. Сунжи. Подъемный материал относится к раннему средневековью (Рис. 10, 31)35.

32. Орджоникидзевское городище. К востоку от станицы Орджоникидзевской (бывш. чеч. аул Дибир-Юрт), на расстоянии 1 км., на левом высоком берегу р. Сунжи расположено городище, занимающее мыс, отделенный от основного массива с восточной и западной сторон оврагами, а с северной - двумя рвами. На городище имеется цитадель (Рис. 10, 32)36.

33. Троицкое городище. В 1 км от станицы Троицкой (бывш. чеч. аул Обарг-Юрт), на высоком берегу р. Сунжи, расположено городище с цитаделью. Оно размещается между двумя оврагами и укреплено рвами. Первый ров глубиной 11 м с очень крутыми склонами, отделяет наиболее высокую и меньшую по площади часть и соединяет два упомянутых выше оврага. Второй ров находится на расстоянии 335 м от первого и тоже соединяет овраги. Подъемный материал представлен фрагментами средневековой керамики (Рис. 10, 33)37.

34. Карабулакское городище. Находится на левом высоком берегу р. Сунжи восточнее поселка Карабулак (Рис. 10, 34)38.

35. Барсукинское городище. Находится у сел. Барсуки, на левом берегу р. Сунжи (Рис. 10, 35)39.

36. Пседахское городище. Расположено у сел. Пседах. Открыто в 1975 году. Подъемный материал датирован ранним средневековьем (Рис. 10, 36)40.

37. Нижнеачалукское городище. Зафиксировано М.П. Севостьяновым в 1964 году на отроге Сунженского хребта, в 2-х км. юго-восточнее сел. Нижние Ачалуки (Рис. 10, 37)41.

38. Среднеачалукское городище. Выявлено в 1964 году М.П. Севостьяновым на отроге Оунженского хребта, на юго-восточной окраине сел. Средние Ачалуки (Рис. 10, 38; 14)42.

39. Али-Юртовское 1-е городище. Находится на восточной окраине сел. Али-Юрт. Состоит из объединенных 4-х укрепленных частей, которые в разрезе смотрятся как ступени лестницы. Цитадель городища местным населением называется Мурад-Боарц (курган Мурада). Длина цитадели более 150 м, ширина 60 - 70 м, а общая длина городища около 250 м. (Рис. 10, 39; 22; 23, 15)43

40. Али-Юртовское 2-е городище. Расположено рядом с первым (Рис. 10, 40)44.

41. Али-Юртовское 3-е городище. Так же находится у сел. Али-Юрт рядом с двумя первыми (Рис. 10, 41)45.

42. Галашкинское городище. Расположено на одном из отрогов Черных гор над сел. Галашки. По подъемному материалу датируется второй пол. эпохи раннего средневековья - концом раннего средневековья (Рис. 10, 42)46.

43. Сурхахинское 1-е городище. Находится в 3-х км. к юго-западу от сел. Сурхахи. Представляет из себя комплекс трех укрепленных участков, отделенных друг от друга рвами. Городище окружено рвом, глубиной до 10 - 15 м. Имеются валы (Рис. 10, 43)47.

44. Сурхахинское 2-е городище. Расположено недалеко от первого, у пруда Эрц-Эли. Городище состоит из четырех частей, которые соединены между собой глубокими оборонительными рвами. Оно вытянуто с юго-востока на северо-запад почти на 1,5 км. С западной стороны городища идет естественная глубокая балка, а с востока искусственный овраг - ров. Высота цитадели около 15 м. (Рис. 10, 44)48

45. Сурхахинское 3-е городище. Расположено в 3-х км. к западу от сел. Сурхахи, в пределах прямой видимости со стороны Али-Юртовского 1-го и Сурхахинского 1-го городищ. Представляет собой несколько различных по размеру и конфигурации холмов, некогда окруженных широким и глубоким рвом. Основная часть собранной здесь керамики, судя по фактуре теста и другим технологическим данным, относится к раннему средневековью (Рис. 10, 45)49.

46. Экажевское 1-е городище. Расположено у сел. Экажево на высоком холме с плоской вершиной, который окружают рвы и валы. В литературе известно под названием Ачим-Барц (холм Ачима) (Рис. 10, 46)50.

47. Экажевское 2-е городище. Расположено в 700 м. юго-восточнее 1-го городища, на вершине невысокой, плоской гряды (Рис. 10, 47; 20, 1-3)51.

48. Гази-Юртовское 1-е городище. Находится у сел. Гази-Юрт, на правом берегу р. Сунжи (Рис. 10, 48)52.

49. Гази-Юртовское 2-е городище. Находится на правом берегу р. Сунжи в 1 км. западнее сел. Гази-Юрт (Рис. 10, 49)53.

50. Яндырское 1-е городище. В 1938 г. Г.В. Подгаецкий осмотрел и описал городище, расположенное у с. Яндырка: "Перед селением (Яндырка. - Р.А.), закрывая с севера его центральную часть против ущелья реки Большая Яндырка, находится возвышенность Бур-Борц (Боур-Борц), в виде гряды небольших всхолмлений, тянущейся с ЗЗЮ на СВВ... Склоны укрепления высотой около 6 - 7 м и очень крутые и ровные, окружены двумя террасами, расположенными одна над другой на высоте около 3 - 4 м и переходящими друг в друга подобной горной дороге. С северо-восточной и юго-западной сторон укрепление имело выходы, где террасы сближаются и понижаются для удобства проезда, а края поверхности укрепления также понижаются". Диаметр поверхности укрепления 50 м. (Рис. 10, 50)54

51. Яндырское 2-е городище. Расположено в 2 км. западнее сел. Яндырка. Городище занимает вершину труднодоступной возвышенности (Рис. 10, 51)55.

52. Шаами-Юртовское городище. Расположено на правом берегу р. Ассы в 2-х км севернее сел. Шаами-Юрт. Укреплено рвами и валами (Рис. 10, 52)56.

53. Шалажинское городище. Находится в 200 м к юго-востоку от сел. Шалажи. В настоящее время большая часть его разрушена в результате смыва и обвала. Городище окружено широким и глубоким рвом (ширина от 15 до 30 м, глубина от 10 до 12 м). По

склонам рва и на поверхности городища встречается в значительном количестве подъемный материал в виде фрагментов средневековой керамики и костей домашних животных. В 1958 году Р.М. Мунчаев, для установления мощности культурного слоя и определения его характера заложил в С-З углу городища, прямо над обрывом, разведочный раскоп площадью 1 x 1 м. В результате была установлена однослойность городища. Обнаруженная в шурфе керамика совершенно аналогична керамике, найденной по склонам рва городища и представлена фрагментами преимущественно сероглиняных сосудов довольно хорошего обжига, сделанных на гончарном круге. На основании этого материала Р.М. Мунчаев датирует памятник X в. н.э. В 1990 г. на территории городища был найден детьми “клад” из 9-ти “куфических” монет-дирхемов VII - VIII вв. Четыре монеты были сохранены и переданы автору, для сдачи в фонды Чечено-Ингушского музея, жителям с. Шалажи А.М. Салгиреевым (в то время студент истфака ЧИГУ). Одна из монет была уже пробита детьми нашедшими этот “клад”. (Рис. 10, 53; 29,4)57.

54. Мартан-Чуйское 1-е городище. Расположено на окраине сел. Мартан-Чу (Рис. 10, 54)58.

55. Мартан-Чуйское 2-е городище. Расположено в 1 км. к западу от с. Мартан-Чу на склоне горы Лечи-Корт (Рис. 10, 55; 19, 1-11; 21, 1-9; 25, 1-10)59.

56. Комсомольское городище. Находится на западной окраине сел. Комсомольское (СаIади-кIотар)Урус-Мартановского района. Открыто в 1959 году. Раннесредневековая керамика, собранная здесь, хранится в фондах Чечено-Ингушского краеведческого музея (Рис. 10, 56)60.

57. Нижне-Гойтское городище. Расположено на р. Гойта в районе сел. Гойты. Подъемный раннесредневековый материал хранится в краеведческом музее (Рис. 10, 57)61.

58. Чернореченское 1-е городище. Находится на восточной окраине сел. Алды. Собранный на памятнике керамика относится к раннему средневековью (Рис. 10, 58)62.

59. Чернореченское 2-е городище. Открыто на западной окраине сел. Алды. Городище аналогично первому и датируется тем же временем (Рис. 10, 59)63.

60. Ханкальское 1-е городище. Расположено на юго-восточной окраине г. Грозного, на вершине отрога с очень крутыми и довольно большими склонами. Памятник имеет двойной ряд рвов глубиной до 6 м. Между рвами насыпаны высокие валы. Цитадель городища окружена рвом глубиной до 8 м. В 1962 году В.Б. Виноградов заложил здесь небольшой шурф, в результате которого найдена керамика скифского времени и раннего средневековья (Рис. 10, 60)64.

61. Ханкальское 2-е городище. Находится в 400 м юго-восточнее первого, на гребне параллельного отрога. Вокруг городища проходит ров. Подъемный материал аналогичен находкам с территории первого городища (Рис. 10, 61)65.

62. Бердыкельское 1-е городище. Расположено на левом берегу реки Аргун на северной окраине сел. Бердыкель. Городище укреплено рвами (Рис. 10, 62)66.

63. Бердыкельское 2-е городище. Находится рядом с первым городище (Рис. 10, 63)67.
64. Сюиль-Кортовское городище. Выявлено в 1970 году М.П. Севостьяновым на юго-западном склоне горы Сюиль-Корт, около 2-х км. южнее сел. Пригородное (Рис. 10, 64)68. 65. Чечен-Аульское 1-е городище. Открыто М.П. Севостьяновым в 1949 году на склоне горы Сюиль-Корт, в 1,8 км. северо-западнее сел. Чечен-Аул. По подъемному материалу датировано скифским временем и ранним средневековьем (Рис. 10, 65)69.

66. Чечен-Аульское 2-е городище. Открыто М.П. Севостьяновым в 1970 году в 2-х км. северо-восточнее сел. Чечен-Аула. Относится к раннему средневековью (Рис. 10, 66)70.

67. Гойт-Кортское 1-е городище. Находится на горе Гойт-Корт на правом берегу р. Аргун. По подъемному материалу датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 67)71.

68. Гойт-Кортское 2-е городище. Открыто на горе Койт-Корт в 1977 году (Рис. 10, 68)72.

69. Гойт-Кортское 3-е городище. Открыто также в 1977 году на горе Гойт-Корт (Рис. 10, 69)73.

70. Белгатоевское городище. Выявлено в 1970 году М.П. Севостьяновым в 4-х км. севернее сел. Белгатой (Рис. 10, 70)74.

71. Герменчукское городище. Расположено на правом берегу реки Джалка на северо-восточной окраине сел. Герменчук, на высоком холме с крутыми склонами. Высота холма 9 - 10 м. Его плоская вершина имеет размеры - 87 x 55 м. М.Х. Багаевым был заложен разведочный раскоп (2 x 2 м) в центре городища, в результате которого была установлена мощность культурного слоя на данном участке более 1,5 м. Найденная керамика, характерная для городищ и поселений Северного Кавказа, позволила датировать памятник IX -X вв. н.э. (Рис. 10, 71)75

72. Майртупское городище. Выявлено в 1970 году М.П. Севостьяновым на правом берегу р. Гумс в 4 км к северо-востоку от сел. Майртуп (Рис. 10, 72)76.

73. Гудермесское 1-е городище. Находится на южных окраинах города Гудермес, на склоне Новогрозненского (Гудермесского) хребта. На памятнике собран большой раннесредневековый керамический материал (Рис. 10, 73)77.

74. Гудермесское 2-е городище. Расположено также на окраине Гудермеса. Найденная здесь керамика как по фактуре, так по форме и орнаменту сосудов похожа на Алхан-Калинскую (Рис. 10, 74)78.

75. Гудермесское 3-е городище. Открыто на южной окраине города, на возвышенности Гумс-Корт в 1977 году. Имеет сложную фортификационную систему. Керамический материал датирует городище серединой I тысячелетия до н.э. - эпохой раннего средневековья (Рис. 10, 75)79.

76. Гудермесское 4-е городище. Находится в 2 - 2,5 км к северу-востоку от г. Гудермес, на правом, высоком берегу Сунжи. Большая часть памятника разрушена при строительстве очистных сооружений Биохимзавода. В 1989 г. осмотрено автором. В северной и восточной части зафиксированы остатки вала. Собранный керамический

материал предварительно датируется: перв. пол.-середина I тыс. н.э. - XIV - XV вв. (Рис. 10, 76; 29, 2, 3).

77. Бачи-Юртовокое городище. Расположено на высоком холме, на правом берегу р. Мичик в 3-х км к С-В от сел. Бачи-Юрт. Площадь плоской вершины холма 75м x 17м. Высота холма 8 м. На склонах отмечено большое количество фрагментов керамики и костей животных. Городище открыто в 1958 году Р.М. Мунчаевым, который для выяснения мощности и характера культурного слоя заложил в центральной его части, разведочный шурф площадью 1,2м (С-Ю) x 1,0м (В-З). В результате этого было выяснено, что толщина культурного слоя городища составляет 1,6 м. По характеру керамики и некоторым наблюдениям, в культурно-хронологическом отношении этот памятник представляется двухслойным. Верхний слой Р.М. Мунчаев датирует ранним средневековьем, нижний - предскифским и скифским временем (Рис. 10, 77)80.

78. Центоровское городище. Расположено на западной окраине с. Центорой, слева от дороги Бачи-Юрт - Центорой. Оно занимает возвышенную платформу (Лекхч-Корт), ограниченную с севера крутыми склонами, с юга - высоким берегом р. Мичик. Материал, собранный здесь, свидетельствует о двух эпохах обитания памятника - скифского и раннего средневековья - (Рис. 10, 78; 21, 1-9; 25, 1-10)81.

79. Аллероевское городище. Расположено у сел. Аллерой на за росшей лесом возвышенности. Датировано по подъемному материалу (керамика) V - XII вв. н.э. (Рис. 10, 79)82

80. Ахкинчу-Барзоевское городище. Открыто в 1977 году в окрестностях сел. Ахкинчу-Барзой на вершине холма. Найденный здесь подъемный материал (фрагменты керамики) свидетельствует о жизни городища с середины I тыс. до н.э. до первой половины I тыс. н.э. (Рис. 10, 80; 15, 8)83

81. Галайтинское городище. Расположено на северо-западной окраине сел. Галайты, у мощного обрыва к р. Аксай, на правом ее берегу. Восточная часть памятника возвышается на 50 - 70 м. Здесь, вероятно, была цитадель (150 x 80 x 70 м). От нее сохранились только отдельные камни, из которых, видимо, была выложена оборонительная стена. Керамика, собранная с поверхности городища, относится к раннему средневековью (черноглиняные черепки со стоящими или сильно перегнутыми венчиками, край которых часто украшен косыми вдавлениями; обломки чернолощенных мисок с венчиком загнутым внутрь; фрагменты крупных ручек овального сечения с врезами на внешней стороне (Рис. 10, 81)84.

б) поселения

Поселения, в отличие от городищ, не имеют оборонительных сооружений, однако почти все они расположены на естественно укрепленных местах, удобных для защиты.

1. Алхан-Калинское поселение. Расположено на юго-восточной окраине Алхан-Калинского городища. Подъемный материал, собранный здесь, идентичен материалу городища (Рис. 11, 1)85.

2. Братское поселение. Находится на высоком берегу реки Терек рядом с Братским городищем (Рис. 11, 2)86.

3. Гвардейское 1-е поселение. Находятся на юго-западной окраине сел. Гвардейское, за оборонительным валом Гвардейского городища (Рис. 11, 3)87.

4. Верхне-Наурское 1-е поселение. Расположено вокруг одноименного ему городища (Рис. 11, 4)88.

5. Верхне-Наурское 2-е поселение. Находится по обе стороны от Верхне-Наурского 2-го городища (Рис. 11, 5)89.

6. Мундар-Юртовское 1-е поселение. Расположено по обе стороны от Мундар-Юртовского 2-го городища (Рис. 11, 6)90.

7. Мундар-Юртовское 2-е поселение. Расположено на второй террасе р. Терек и примыкает к одноименному городищу (Рис. 11, 7)91.

8. Ильинское поселение. Расположено на юго-западной окраине станицы Ильинский (левый берег р. Сунжи). Открыто М.П. Севостьяновым (Рис. 11, 8)92.

9. Первомайское поселение. Находится на западной окраине станицы Первомайской (Рис. 11, 9)93.

10. Закан-Юртовское 1-е поселение. Находится на высоком левом берегу р. Сунжи, между Закан-Юртовским первым и вторым городищами (Рис. 11, 10)94.

11. Закан-Юртовское 2-е поселение. Расположено рядом с первым поселением (Рис. 11, 11)95.

12. Самашкинское 1-е поселение. Примыкает к Самашкинскому первому городищу (Рис. 11, 12)96.

13. Самашкинское 2-е поселение. Находится на левом берегу р. Сунжи, в 1,5 км к западу от второго Самашкинского городища (Рис. 11, 13)97.

14. Ачалукское поселение. Находится у с. Ачалуки. Судя по керамике, памятник двуслойный (Рис. 11, 14) 98.

15. Пседахское поселение. Обнаружено в 5 км к юго-западу от сел. Пседах. Здесь собрана керамика конца I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э. (Рис. 11, 14)99

16. Паметское поселение. Расположено у сел. Памет на холме. При разведочном раскопе были найдены фрагменты чернолощенной и красноватой керамики, характерной для бытовых памятников раннего средневековья. Е.И. Крупнов датировал поселение VI - X вв. (Рис. 11, 16)100

17. Цеча-Ахкинское поселение. Открыто в верховьях р. Фортанги, на ее правом берегу (Рис. 11, 17)101.

18. Мужичинское поселение. Расположено на левом берегу р. Ассы, в 2 км северо-восточнее сел. Мужичи. Памятник двуслойный. Судя по керамике, относится к

скифскому и средневековому времени (Рис. 11, 18)102.

19. Гази-Юртовское поселение. Находится на правом берегу р. Сунжи в 1 км. западнее сел. Гази-Юрт, рядом с Гази-Юртовским 2-м городищем (Рис. 11, 19)103.

20. Алхастинское поселение. Открыто на территории современного кладбища, на окраине сел. Алхасты. По мнению Е.И. Крупнова, керамика, собранная здесь, относится к VI - X вв. н.э. (Рис. 11, 20)104

21. Бамутское 2-е поселение. Находится южнее с. Бамут на левом берегу р. Фортанги. Открыто в 1947 году М.П. Севостьяновым (Рис. 11, 21)105.

22. Шалажинское 1-е поселение. Открыто на левом берегу р. Шалажа, в 4-х км севернее одноименного ему селения (Рис. 11, 22)106.

23. Шалажинское 2-е поселение. Примыкает к рву Шалажинского городища. Собраный нами в 1990 г. подъемный материал из фрагментов керамики датируется первой пол. I тыс. н.э. - X - XII вв. и, частично, XIII-XVI вв. (Рис. 11, 23)

24. Куларинское поселение. Находятся близ сел. Кулары, на правом берегу р. Сунжи. Датируется I - IV вв. н.э. (Рис. 11, 24)107

25. Рошни-Чуйское поселение. Расположено на левом берегу р. Рошни, к юго-западу от сел. Рошни-Чу (Рис. 11, 25)108.

26. Урус-Мартановское поселение. Обнаружено на левом берегу р. Мартан, южнее сел. Урус-Мартан (Рис. 11, 26)109.

27. Мартан-Чуйское 1-е поселение. Открыто у сел. Мартан-Чу (Рис. 11, 27)110.

28. Мартан-Чуйское 2-е поселение. Расположено вокруг второго Мартан-Чуйского городища (Рис. 11, 28)111.

29. Мартан-Чуйское 3-е поселение. Открыто в окрестностях с. Мартан-Чу. Памятник двуслойный - нижний слой относится к I тыс. до н.э., верхний - к I тыс. н.э. (Рис. 11, 29; 23, 1-14)112

30. Мартан-Чуйское 4-е поселение. Находится у сел. Мартан-Чу. Подъемный материал идентичен найденному на территории третьего поселения (Рис. 11, 30)113.

31. Мартанское поселение. Обнаружено на правом берегу р. Мартан между селениями Мартан-Чу и Урус-Мартан (Рис. 11, 31)114.

32. Алхан-Юртовское поселение. Расположено на северо-восточной окраине сел. Алхан-Юрт, на правом берегу р. Сунжи. Поселение двуслойное (Рис. 11, 32)115.

33. Чернореченское поселение. Расположено на окраине поселка Черноречье (входит в черту г. Грозного) (Рис. 11, 33)116.

34. Южно-Грозненское поселение. Находится на южной окраине г. Грозного.

Керамика, собранная здесь, аналогична раннесредневековой керамике Центрального Предкавказья (Рис. 11, 34)¹¹⁷.

35-37. Сюир-Кортовские 1-е, 2-е, 3-е поселения. Открыты на склоне горы Сюир-Корт, к юго-востоку от г. Грозного (Рис. 11, 35-37)¹¹⁸.

38. Комсомольское поселение. Расположено у селения Берды-кель на юго-восточной окраине г. Грозного на склоне горы Сюир-Корт. Здесь собраны фрагменты сероглиняных сосудов с вертикальным линейным лощением и фрагменты с волнистым орнаментом (Рис. 11, 38)¹¹⁹.

39. Чечен-Аульское поселение. Обнаружено на левом берегу реки Аргун у сел. Чечен-Аул (Рис. 11, 39)¹²⁰.

40. Алхазуровское поселение. Расположено на южной окраине сел. Алхазурово, на высоком берегу р. Ингилик. Подъемный материал дает богатую коллекцию сероглиняной и красноглиняной керамики со всеми орнаментами средневековья. В довоенные годы, при проведении водопровода, здесь были найдены огромные сосуды “хумы” (10 шт.), стоящие цепочкой. Поселение существовало с IX в.н. и до недавнего времени. По документам XIX в. и преданиям старожилов, на месте поселения был большой чеченский аул Ингилик. “Есть веские основания связывать этот аул с поселением и видеть в них город Индили, не раз упоминаемый в русских источниках XVI - XVII веков” (Рис. 11, 40)¹²¹.

41. Чишкинское поселение. Обнаружено А.П. Кругловым на высоком левом берегу р. Аргун к северу от сел. Чишки, у входа в Аргунское ущелье (Рис. 11, 41)¹²².

42. Дачу-Барзойское поселение. Находится в ущелье р. Чанты-Аргун у сел. Дачу-Барзой (Рис. 11, 42)¹²³.

43. Дуба-Юртовское 1-е поселение. Открыто на южном склоне Гесильбийского холма у сел. Дуба-Юрт. Подъемный материал (керамика) синхронен расположенному рядом катакомбному могильнику VIII - IX вв. н.э. (Рис. 11, 43)¹²⁴

44. Дуба-Юртовское 2-е поселение. Обнаружено на южной окраине сел. Дуба-Юрт в 1966 году М.Х. Багаевым. Собрана большая коллекция красноглиняной и сероглиняной керамики (Рис. 11, 44)¹²⁵.

45. Чир-Юртовское поселение. Открыто автором в 1989 году. Расположено в 1 - 1,5 км южнее поселка Чир-Юрт на гребне лесистого отрога Черных гор. В 200 м. к западу от него расположен могильник из катакомбных погребальных сооружений VII - IX вв. н.э. (Рис. 11, 45).

46. Измаил-Юртовское поселение. Расположено на правом берегу р. Аргун недалеко от сел. Мескер-Юрт. В 1947 году профессор Бунак собрал здесь керамический материал, в котором встречаются фрагменты сероглиняных сосудов, характерных для эпохи раннего средневековья (Рис. 11, 46)¹²⁶.

47. Герменчукское поселение. Находятся с юго-восточной стороны Герменчукского городища. Подъемный материал обоих памятников идентичен (Рис. 11, 47)¹²⁷.

48. Курчалоевское 2-е поселение. Находится на высоком холме у реки, недалеко от сел. Курчалой (Рис. 11, 48)128.

49. Курчалоевское 3-е поселение. Находится у реки Теллинг, на вершине холма. Двуслойно (Рис. 11, 49)129.

50. Майртупское поселение. Расположено на западной окраине сел. Майртуп. Открыто в 1966 году М.Х. Багаевым (Рис. 11, 50)130.

51. Бачи-Юртовское поселение. Обнаружено между селениями Бачи-Юрт и Центарой на левом берегу р. Мичик. Памятник вытянут вдоль реки более чем на 2.000 м. (Рис. 11, 51)131.

52. Центаройское поселение. Расположено в 1 км. от сел. Центарой, слева от дороги Бачи-Юрт - Центарой (Рис. 11, 52)132.

53. Исти-Суйское поселение. Расположено в 4 км к западу от сел. Исти-Су на северном склоне Качкалыковского хребта (Рис. 11, 53)133.

54. Ишхой-Юртовское поселение. Находится к югу от сел. Ишхой-Юрт, на высоком левом берегу р. Аксай у дороги в сел. Мескеты (Рис. 11, 54)134.

55. Ахкинчу-Барзойское 1-е поселение. Обнаружено на высоком левом берегу р. Гумс, против сел. Ахкинчу-Барзой. Открыто в 1967 году В.Б. Виноградовым (Рис. 11, 55)135.

56-59. Ахкинчу-Барзойские 2-е, 3-е, 4-е, 5-е поселения. Открыты в окрестностях сел. Ахкинчу-Барзой в 1973 году. Датируются V - XIII вв. н.э. (Рис. 11, 56-59)136

60. Ялхой-Мохское поселение. Открыто В.Б. Виноградовым в 1965 году в окрестностях сел. Ялхой-Мохк. Поселение существовало в XI - XIII вв. н.э. (Рис. 11, 60)137

61. Курен-Бенойское поселение. Расположено в 1 км к северо-востоку от сел. Курен-Беной на самой возвышенной части, проходящей здесь гряды (Рис. 11, 61)138.

62. Балан-Суйское поселение. Расположено на левом берегу реки Яман-Су у сел. Балан-Су. В.И. Марковин, открывший этот памятник, заложил здесь разведочный раскоп 19 м² и прокопал на глубину 1 м. Находки встречены почти по всей глубине раскопа. На основании собранного материала В.И. Марковин отнес поселение к X - XII вв. н.э. (Рис. 11, 62)139

63. Аллероевское 3-е поселение. Находится на 2-м км к юго-востоку от сел. Аллерой, на склоне горы (Рис. 11, 63)140. 64. Ножай-Юртовское 1-е поселение. Открыто в 1967 году В.Б. Виноградовым на окраине сел. Ножай-Юрт (Рис. 11, 64)141.

65. Ножай-Юртовское 2-е поселение. Выявлено В.Б. Виноградовым у сел. Ножай-Юрт в 1969 году (Рис. 11, 65)142.

66. Ножай-Юртовское 3-е поселение. Находится у сел. Ножай-Юрт, на левом берегу

р. Яман-Су (Рис. 11, 66) 143.

67. Бельтинское поселение. Открыто в 1 км к северо-западу от сел. Бельты на левом высоком берегу р. Гумс. Памятник двуслойный - I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. (Рис. 11, 67) 144.

68. Харачойское поселение. Расположено на юго-восточной окраине сел. Харачой на восточном склоне "Башенного мыса". Подъемный материал (фрагменты сероглиняной керамики) характерен для эпохи раннего средневековья (Рис. 11, 68; 21, 10; 24; 1-3; 25, 11, 12) 145.

69. Сержень-Юртовское поселение. Находится у сел. Сержень-Юрт на правом берегу р. Хулхулау (Рис. 11, 69) 146.

70. Шалинское поселение. Расположено на окраине сел. Шали. Подъемный материал (фрагменты керамики) относятся к раннему средневековью (Рис. 11; 70; 20; 6-8).

В общей сложности на территории Чечни и Ингушетии нами учтено 151 бытовых (81 городище и 70 поселений) памятников на которых выявлен материал, датируемый, I - XIII вв. н.э. Их действительное количество, вероятно, значительно больше, так как специальные целенаправленные работы по их выявлению на территории Чечено-Ингушетии (особенно в горной зоне) не проводились. В основном все они датированы по характерным особенностям подъемного материала (керамика). При этом учтены и те памятники, с которых происходят даже единичные находки, относящиеся к исследуемому времени. Частичные стационарные раскопки проводились лишь на одном Алхан-Калинском городище. Немногим более десятка городищ (Бачи-Юртовское, Ханкальское, Герменчукское, Шалажинское и др.) и поселений (Алхазуровское, Дачу-Барзойское, Балан-Суйское и др.) датировано по материалам разведочных раскопок. Таким образом, приходится с сожалением признать, что ни один бытовой памятник края археологически полностью не изучен. Это не позволяет выяснить узкую хронологию памятников, динамику их развития, время появления искусственных оборонительных сооружений на конкретном городище и количественное соотношение укрепленных городищ и неукрепленных поселений в определенные хронологические периоды. Однако, несмотря на слабую изученность бытовых памятников, весь комплекс факторов все же позволяет на наш взгляд, рассмотреть некоторые вопросы этноисторической ситуации на территории Чечни и Ингушетии в исследуемое время, предложить свое понимание их. В определенной степени наша задача облегчается тем, что попытки интерпретировать эти памятники специалистами уже предпринимались¹⁴⁷.

Картографирование бытовых памятников показывает их неравномерное расположение на территории края. Так, по правому берегу р. Терек находится 26 (17,22 %) памятников, между Терским и Сунженским хребтами - 6 (3,97 %), к югу от Сунженского хребта известно - 119 (78,8 %) из них: по левому берегу р. Сунжи - 21 (13,9 %); к югу от р. Сунжи - 98 (64,9 %). Последние распределяются следующим образом: на Чеченской предгорной наклонной равнине - 68 (45 %); в горной зоне - 30 (19,86 %). Относительная малочисленность бытовых памятников в горной зоне объясняется, в первую очередь, крайне слабой изученностью этой территории, а также тем, что они часто перекрывались более поздними поселениями. Как мы видим,

известные на сегодня бытовые памятники в большинстве своем находятся в предгорной зоне. Относительно небольшая часть бытовых памятников, известных в горной зоне, в основном, находятся в Черных горах, то есть в зоне стыка гор с предгорной зоной. Как правило, бытовые памятники расположены по берегам рек на естественно укрепленных местах. Причем абсолютное большинство их (119) сосредоточено к югу от Сунженского хребта, на территории, защищенной с севера (со стороны Предкавказских степных равнин) естественными преградами - р. Терек, Терским и Сунженским хребтами. Такое расположение бытовых памятников трудно объяснить иначе, как явным тяготением местного населения предгорной зоны исследуемого времени к лесистым предгорьям, ближе к горам, которые являлись для него тылом. Это подтверждается и соотношением городищ и поселений по линии С-Ю.

Так, к северу от Терского хребта, по правому берегу р. Терек находится 20 городищ (76,9 %) и 6 поселений (23,1 %). По левому берегу р. Сунжи - 15 городищ (71,4 %) и 6 поселений (28,6 %). К югу от р. Сунжи - 43 городища (43,9 %) и 55 поселений (56,1 %). Из них 31 городище (70,45 %) и 13 поселений (29,55 %) расположены на территории шириной до 15 км, примыкающей к р. Сунже с юга по всему ее течению. Непосредственно в предгорьях и, отчасти, в горах - 12 городищ (22,22 %) и 42 поселение (77,78 %). Как видно, по мере приближения к горам количество укрепленных городищ заметно сокращается. Вместе с тем резко возрастает число неукрепленных поселений. Логично заключить, что здесь не было необходимости в укрепленных городищах.

Более того, картографирование укрепленных городищ позволяет выявить строгую закономерность в их расположении, которая свидетельствует о преднамеренном укреплении предгорной Чеченской наклонной равнины с севера. При этом выделяется несколько систем укреплений. Передовая линия укреплений состоит из 15 городищ (Рис. 10, 3-16, 19), протянувшихся цепью по правому берегу р. Терек и двух Брагунских (Рис. 10, 20, 21) городищ (находящихся на левом берегу р. Сунжи, недалеко от ее впадения в р. Терек). Эту цепь как бы дополняют Вознесенское (Рис. 10, 2) и два Горячеисточненских (Рис. 10, 17, 18) городища, находящиеся на северных склонах Терского хребта и прикрывающих древние перевальные дороги и скотопрогонные пути с севера вглубь исследуемой территории. Такие же функции, вероятно, выполняли Пседахское городище (Рис. 10, 36), закрывавшее вход в Алхан-Чуртскую долину с запада и два Ачалукских городища (Рис. 10, 37, 38), расположенных на Сунженском хребте и прикрывавших проход на Чеченскую равнину с северо-запада. Вторая, основная линия укреплений состоит из 15 городищ, которые тянутся цепью по левому, высокому берегу р. Сунжи (Рис. 10, 1, 22-35). С востока к ним примыкают четыре Гудермесских городища (Рис. 10; 73-76), расположенных на правом берегу р. Сунжи и на склонах Новогрозненского хребта, "прикрывавших" проход на Чеченскую равнину с северо-востока - между Брагунским и Гудермесским хребтами. На западе эту цепь продолжает группа из 13 городищ, находящихся на правом берегу р. Сунжи и Ассинском отроге Черных гор, которые защищают Чеченскую равнину с запада (Рис. 10, 39-51). Еще одна группа из 9 городищ примыкает к этой цепи в районе г. Грозного, где находился один из важнейших проходов на Чеченскую равнину - Ханкальский (Рис. 10, 58-66). О большой значимости этого прохода для древнего аборигенного населения Чеченской равнины свидетельствуют и данные топонимики. Так, сама местность носит название Ханкала (Хен кхаьлла) "Охранное поселение", "Сторожевое поселение". Вершины хребтов, являющихся продолжением Грозненского отрога Сунженского хребта получили названия Хен-корт - "Сторожевая вершина" и Сур-Корт (совр. Сюйра-

Корт) - “Вершина войска”, а проход между хребтами - “Шина Суьйра юкъ” - “Между двумя войсками”¹⁴⁸.

Такая строгая система расположения укрепленных городищ на территории Чечено-Ингушетии в I тыс. н.э. заставляет думать, что для населения предгорной зоны существовала явная угроза не с юга, со стороны гор¹⁴⁹, а с севера, со стороны Предкавказских степей. Об этом косвенно свидетельствует и то, что из 15 поселений, расположенных к северу от р. Сунжи, 14 примыкают непосредственно к городищам и отделены от них только рвами (Рис. 11, 1-8, 10-15). В то время, как большинство поселений к югу от р. Сунжи не зависит от городищ. Как видно, Е.И. Крупнов был прав, когда связывал укрепление поселений рвами и валами с увеличившейся опасностью нападения кочевников, а также с заметно усилившимся процессом социально-экономической дифференциации местного населения¹⁵⁰.

Действительно, зная многочисленность и подвижность кочевого скотоводческого населения степей постоянное стремление последнего к расширению своих пастбищ, трудно представить мирное сосуществование пришлых кочевников и местного оседлого населения, в хозяйстве которого скотоводство так же занимало важное место, хотя оно было не кочевым, а яйлажным (отгонным), с использованием пастбищ как в горах и в узких речных долинах предгорной зоны, так и в степных районах Терско-Кумской низменности. Именно здесь, в степных районах Терско-Кумской низменности, вероятно, сталкивались интересы пришлых кочевников и местных аборигенов.

Существует мнение, что вся предгорная зона края вплоть до гор якобы была населена прикочевывавшими сюда кочевниками - ирано-язычными “аланами”, захватившими эту территорию у местного населения, и перешедшими к оседлому быту¹⁵¹. Естественно, что в таком случае пришлые кочевники должны были бы укрепить захваченную ими предгорную равнину с юга, со стороны гор “цепью мощных городищ”, направленных против враждебных горцев. Однако, как мы видим, этого здесь никак не наблюдается. Расположение укрепленных городищ свидетельствует, что “фронтальной”, чужой стороной для местного оседлого населения была степь, а горы для них были тылом. Трудно объяснить это иначе, как свидетельство этнического родства и военного союза жителей предгорной зоны с горцами. И этот вывод согласуется с данными письменных источников о культурном, родственном и военном союзе горцев с населением предгорной зоны Северного Кавказа¹⁵².

Вместе с тем известно, что для кочевников была характерна ярко выраженная антипатия к укрепленным поселениям, прочному жилищу и оседлому образу жизни¹⁵³. В связи с этим, трудно представить себе массовый переход пришлых иноязычных кочевых скотоводческих племен к оседлому образу жизни в совершенно чуждой им естественно-географической и этноязыковой среде - в предгорной лесной зоне. Тем более, что последняя, в силу естественной ограниченности пастбищ, вряд ли могла представлять для них экономический интерес.

Кроме того, более 40 из учтенных нами бытовых памятников многослойны, например: городища - Алхан-Калинское, Орджоникидзевское, Троицкое, Братское, Верхне-Наурские - 1, 2, 3, Шеда-Юртовское, Горячеисточненские - 1, 2, Ильинское и др.; поселения - Пседахское, Ачалукское, Мужичинское, Курчалоевское - 3, Бельтинское и др. Они содержат материалы трех периодов - скифского, сарматского и раннего средневековья, что, вероятно, является показателем преемственности местного

аборигенного населения¹⁵⁴.

На Алхан-Калинском городище выявлены остатки разрушившихся каркасных (турлучных) построек в виде глинобитного пола и многочисленных кусков обмазки со следами турлука. Аналогичные им куски обмазки обнаружены и на других бытовых памятниках края. Как удалось установить по остаткам глинобитного пола, жилые постройки обычно были четырехугольные в плане, реже - овальные¹⁵⁵. Такие турлучные жилые постройки известны на Северном Кавказе, в частности на территории Чечено-Ингушетии с III тыс. до н.э.¹⁵⁶ и, как видно, имеют глубокие местные традиции. Кстати, круглые в плане турлучные жилые строения составляли “одну из характерных особенностей куро-аракской культуры”¹⁵⁷. Сравнительно недавно в исторической литературе была высказана мысль о том, что такие постройки Алхан-Калинского городища оставлены пришлыми ираноязычными кочевниками, заимствовавшими якобы у местного населения элементы турлучной техники, но сохранившими “специфическую форму юрты”¹⁵⁸. Однако этот тезис представляется неубедительным, так как круглоплановое турлучное жилище на Кавказе уходит своими корнями в глубочайшую древность и “отнюдь не связано с кочевым бытом”¹⁵⁹. Вместе с тем отмечено, что для ираноязычных кочевников круглая в плане юрта не была характерной¹⁶⁰.

Основой хозяйства оседлого населения предгорной зоны Чечено-Ингушетии в исследуемое время являлось земледелие. Е.И. Крупнов в свое время отметил довольно высокое развитие земледелия у местного населения еще в предшествующий период (I тыс. до н.э.): “именно в Чечне нами получены самые убедительные подтверждения роли плужного земледелия у кобанских племен (по обилию зернотерок, зерен пшеницы двух сортов и находкам даже железных серпов совершенной работы)”¹⁶¹. О достаточно высокой роли земледелия в хозяйстве местного населения в исследуемое время свидетельствуют многочисленные находки на бытовых памятниках фрагментов зернотерок и жерновов обычных для средневековья и имеющих широко известные формы. На Алхан-Калинском городище (и на других бытовых памятниках края) были найдены зерна проса и пшеницы. Здесь же было открыто большое количество хозяйственных ям, часть которых использовалась как хранилище для зерна¹⁶².

Важную роль в хозяйстве населения предгорной зоны Чечено-Ингушетии играло и скотоводство. Еще с III тыс. до н.э. на Кавказе постепенно складывается отгонный или “яйлажный” тип животноводства (с использованием пастбищ в горах, в узких речных долинах предгорной зоны и к северу от р. Терек - в степных районах), который сохранился до наших дней. Причем, важное место в животноводстве принадлежало овцеводству¹⁶³. Кости домашних животных найдены почти на всех известных бытовых памятниках. О значении скотоводства в хозяйстве местного населения можно судить по обилию костей животных, найденных на Алхан-Калинском городище. Только за 1965-1968 гг. здесь было собрано 7266 костных остатков разных животных. Судя по ним, первое место занимал мелкий рогатый скот. За ним следовали крупный рогатый скот, свинья и лошадь¹⁶⁴. Если сравнить эти данные с материалами I тыс. до н.э. (первое место занимала свинья, второе и третье - крупный и мелкий рогатый скот, четвертое - лошадь¹⁶⁵), видно, что в раннем средневековье в составе стада домашних животных возрастает роль мелкого и крупного рогатого скота. Лошадь, как и прежде, занимает в нем далеко не ведущее место. Это свидетельствует, в определенной мере о преемственности традиций в развитии скотоводства оседлого населения, т.е. оно, очевидно, в отличие от кочевых племен, не употребляло в пищу конину и кобылье

молоко и использовало лошадь только как транспортное животное.

Определенное место в хозяйстве, судя по находкам костных остатков диких животных и рыб, занимала охота (дикий кабан, олень, косуля, лисица и пр.) и рыболовство.

Наиболее массовым на бытовых памятниках Чечни и Ингушетии является фрагментированный керамический материал. Только на Алхан-Калинском городище найдено около 17 тысяч фрагментов. Это позволяет говорить об интенсивном развитии в раннем средневековье гончарного производства на исследуемой территории. Кроме того, об этом свидетельствуют довольно часто выявляемые на раннесредневековых городищах и поселениях остатки гончарных печей. Керамический материал с бытовых памятников достаточно подробно рассмотрен специалистами в связи с чем (а также из-за ограниченности объема данной работы) мы ограничимся самой общей его характеристикой¹⁶⁶.

В количественном отношении на бытовых памятниках Чечено-Ингушетии чаще всего встречаются небольшие горшки с резко отогнутым венчиком. Они обычно имеют яйцевидную форму, но есть и цилиндрической. Изготовлены они из серой глины с большой примесью песка и шамота. Округлый или кососрезанный край венчика обычно украшен косыми насечками. Тулово горшков украшалось сплошным врезным орнаментом в виде 1 - 3 рядов желобков. Почти все они изготовлены на гончарном круге. Поверхностные цвета горшков разнообразны (черный, серый, бурый, коричневый, красный, охристый) и характерны для всей раннесредневековой керамики Чечено-Ингушетии (Рис. 15-18; 20; 21; 23; 24)¹⁶⁷.

Часто встречаются изящные кувшины с высоким вытянутым, иногда прямым, а чаще всего расширяющимся кверху горлом, заканчивающимся, как правило, округлым венчиком. Горло и тулово иногда украшались врезными линиями и валиком. Нередки случаи вертикального лощения. Довольно часто встречаются кувшины с носиком-сливом. Обычно кувшины имеют ручки, прикрепленные одним концом к стенке горла, другим к плечу. Иногда ручка обеими концами крепилась на тулове сосуда. Ручки обычно орнаментированы: пистоновидными налечами по бокам имитирующими глаза; налечами в виде рогов горного барана; поперечными налечами - валиками, врезными вертикально-наклонными насечками; врезными крестообразными насечками в верхней части и др. В разрезе ручки обычно имеют круг, овал, квадрат (Рис. 15; 18; 20-24)¹⁶⁸.

Много лощенных мисок с загнутым внутрь или выгнутым наружу бортиком, изготовленных из серой глины с примесью мелкого песка и толченых ракушек. Они часто украшены сплошным линейным орнаментом вокруг тулова или края сосуда (Рис. 16; 19; 25)¹⁶⁹.

Часто встречаются кружки, изготовленные из хорошо отмученного теста на гончарном круге. Это, как правило, серого цвета небольшие сосуды с приземистым туловом, которое немного сужаясь переходит в горло. Кружки снабжены ручками (овальными или круглыми в разрезе), которые обычно прикреплены одним концом к тулову, а другим к горлу и имеют разные размеры и формы, но чаще всего встречаются зооморфные (Рис. 15; 17)¹⁷⁰.

Довольно часто встречаются большие пифосовидные сосуды (хумы) для хранения

сыпучих и жидких продуктов. Они имеют тулово яйцевидной формы, которое часто украшено вертикальным или горизонтальным острореберным валиком. Их массивные венчики круто отогнуты. Изготовлены они на гончарном круге из серой глины с примесью песка¹⁷¹. Большое число хумов, закопанных в землю, было выявлено на Гудермесском 4-ом городище. Во время строительных работ в 1989 г. здесь было разбито, по словам рабочих, более 50 хумов. Часть из них была нами собрана. (Рис. 29, 2, 3).

Все приведенные выше типы сосудов встречаются на всех бытовых памятниках края, как на равнине, так и в горах. При этом следует отметить, что рядом с бытовыми памятниками горной зоны выявлены в основном могильники из каменных ящиков, каменных гробниц-погребальных сооружений, местное происхождение которых не вызывает у специалистов каких-либо сомнений (Центароевское и Галайтинское городища; Харачайское, Бельтинское, Балан-Суйское и др. поселения). Кроме того, керамика городищ и поселений Чечено-Ингушетии имеет большое сходство (по ассортименту, орнаментации и фактуре сосудов) с керамикой бытовых памятников Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Дагестана. Гончарное производство от Карачаево-Черкесии до Чечено-Ингушетии имеет ряд специфических черт характерных только для данного региона: характер обжига (серый цвет в изломе и на поверхности), лощение (черное, сплошное, полосчатое, ромбическое, из заштрихованных треугольников и т.д.) пропорции сосудов, расположение ручки и т.д.¹⁷² Вместе с тем, бытовая керамика восточного варианта “аланской культуры” (Чечня, Ингушетия, Северная Осетия) имеет и некоторые особенности, отделяющие ее от керамики городищ и поселений западного варианта (Прикубанье, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария). Так, для восточного варианта более характерны миски, тарные пифосы с острореберным наличным валиком (вертикальным или горизонтальным), горшки с круто отогнутыми венчиками, украшенными косыми насечками, зубчатым штампом, кувшины с вертикальными или перекрещивающимися лощеными полосами¹⁷³. Ручки на сосудах восточного варианта обычно расположены на тулове; на сосудах западного варианта они начинаются на горле и часто непосредственно от венчика. На бытовых памятниках западного варианта встречается большое количество фрагментов керамики светлых тонов: серо-голубых, разных оттенков охры, розовых или охристо-розовых, оранжевых, серо-красных, коричнево-красных. Для восточного варианта такое разнообразие светлых оттенков не характерно. Цвет керамики восточного варианта преимущественно черно-серый. Кроме того, отмечены локальные особенности и в керамике восточного варианта. Так, на городищах и поселениях Чечено-Ингушетии довольно часто встречаются сосуды с выступающим поддоном¹⁷⁴.

В целом бытовая керамика представляет специфический, довольно выразительный и устойчивый комплекс. Существует мнение, что ее можно считать “явлением синкретическим, впитавшим в себя две культурные традиции: сарматскую и кавказскую”¹⁷⁵. Думается, что правильность этой гипотезы может быть уточнена дальнейшими стационарными раскопками бытовых памятников края. Местные кавказские черты керамики Центрального Предкавказья, в частности, Чечено-Ингушетии, как однозначно считают специалисты, очевидны. Они представлены черноглиняными сосудами с яйцевидными налечами и двойными биноклевидными сосудами, имеющими прототипы еще в кобанской культуре, сосудами с зооморфными ручками, также имеющими местное кавказское происхождение, орнаментацией сосудов и т.д. То есть, именно керамика демонстрирует местные корни “раннесредневековой

материальной культуры Центрального Предкавказья”, в том числе и Чечено-Ингушетии, именуемой аланской¹⁷⁶. Как видно, с “кавказскими культурными традициями” все как будто бы ясно.

Что же касается “сарматских культурных традиций”, то они представляются достаточно дискуссионными. Так, сарматским элементом в бытовой керамике края принято считать сероглиняные миски¹⁷⁷. Однако следует отметить, что миски известны на Северном Кавказе, в том числе и в Чечено-Ингушетии, с III - II тыс. до н.э.¹⁷⁸ Особенно часто миски встречаются в памятниках куро-аракской культуры Дагестана, где они составляют значительную часть керамики¹⁷⁹. Довольно часто миски встречаются в исконно местных памятниках позднекобанской культуры и сарматской (III в., до н.э. - IV в. н.э.) эпохи (склепы, каменные ящики и т.д.)¹⁸⁰. Так, в Луговом могильнике (VI - V вв. до н.э.) 53 погребения из 91 содержали миски¹⁸¹. По фактуре теста, характеру обжига они входят в круг посуды, представляющей собой продукт местного производства. Попытки связать происхождение мисок Центрального Предкавказья с ираноязычным этносом, только по их внешнему сходству с мисками Нижнего Поволжья, представляются неубедительными¹⁸². И дело здесь не только в том, что миски, как один из многих типов бытовой керамики сами по себе, без учета всего керамического комплекса, ни в коей мере не могут служить эталоном при определении иранской этнической принадлежности раннесредневековых бытовых памятников Северного Кавказа, в том числе и Чечено-Ингушетии. Как отметил сарматолог К.Ф. Смирнов, миски в Нижнем Поволжье и Северном Причерноморье “явно не местного происхождения, а получили свое распространение благодаря тесным экономическим связям с различными районами Северного Кавказа”¹⁸³.

В статье, опубликованной в 1967 г., В.А. Кузнецов высказал мнение, что сарматским элементом бытовых памятников Центрального Предкавказья являются глиняные стаканообразные курильницы (Рис.29,1), связанные якобы с иранским культом огня и солнца¹⁸⁴. Эти курильницы являются, по мнению В.А. Кузнецова “индикатором” собственно ираноязычных племен. Имеются в виду лепные курильницы - “стаканы” (обычно серого цвета) цилиндрической формы без дна. Вместо горловины специально сделанное отверстие. Как правило, внешняя поверхность гладкая, а внутренняя ребристая. Высота их колеблется от 4,5 - 5,5 см до 20 - 22 см. Чаще всего встречаются “стаканы” высотой 7 - 8 см. Н.М. Егоров в свое время предположил, что они служили курильницами для культовых целей¹⁸⁵. В последующем это мнение было поддержано рядом археологов¹⁸⁶. В.А. Кузнецов собрал и систематизировал все известные в то время находки стаканообразных курильниц (97 экз. в 22 пунктах) в Центральном Предкавказье и сделал попытку генетически связать их с курильницами прохоровского этапа сарматской культуры Нижнего Поволжья, а на основании этого установить и этногенетическую связь населения названных регионов¹⁸⁷. Эта попытка привела к неоправданно широкому историческим выводам¹⁸⁸. Однако считать ее убедительной не представляется возможным. В процессе попытки установления генетической и типологической связи курильниц Нижнего Поволжья и стаканообразных курильниц Северного Кавказа В.А. Кузнецов сам осознает “некоторые” неясности: “1) сарматские курильницы встречаются только в погребениях, тогда как аланские курильницы в погребениях не встречаются никогда и характерны для поселений (выд. нами - Р.А.); 2) наличие хронологического разрыва с III - IV по VIII в. (хотя он может объясняться недостатком материала); 3) неясны причины перемещения отверстий со стенок сарматских курильниц на дно аланских (хотя в некоторых случаях сарматские курильницы имели отверстие и в донной части)”¹⁸⁹. Думается, что перечисленных

“неясностей” вполне достаточно, чтобы взять под сомнение тезис о “сарматском” происхождении раннесредневековых культовых сосудов Северного Кавказа. Кроме того, курильницы Нижнего Поволжья - это в полном смысле слова стаканы, имеющие дно и приспособленные для многократного перенесения с одного места на другое вместе с содержимым¹⁹⁰. Наличие на некоторых из них отверстий сбоку нисколько не увеличивает их сходства, вопреки мнению В.А. Кузнецова, со стаканообразными курильницами Северного Кавказа. Вопрос тут не в “перемещении” отверстий, а в их назначении. Отверстиям сделанным сбоку у края сарматских курильниц дано вполне убедительное объяснение: “В это отверстие, вероятно, вставляли деревянную или костяную палочку-рукоятку, служившую для переноса зажженной курильницы, когда ее стенки накалялись”¹⁹¹. На аланских курильницах отверстия предназначались для тяги¹⁹². Следует также отметить и наличие значительного территориального разрыва между курильницами Нижнего Поволжья и Центрального Предкавказья. Как мы видим, типологическое сходство сарматских и аланских курильниц не идет дальше цилиндрической формы и их культового характера. Более того, они несут совершенно разную культовую нагрузку (сарматские встречаются только в погребениях, аланские только на бытовых памятниках), что вероятнее всего является свидетельством разных их функций в религиозном обряде и представлениях населения этих двух регионов. Все вышесказанное не позволяет, на наш взгляд, считать стаканообразные курильницы “индикатором” собственно ираноязычных племен и связывать их именно с “сарматским” культом огня и солнца¹⁹³. Кроме того, сама по себе попытка выделения этноса (ираноязычного) на основе отдельно взятых элементов культуры (в данном случае по некоторым типам керамики), которые не могут отражать каких-либо этно-культурных реалий, представляется неправомерной. Каких-либо других “сарматских элементов” в бытовой керамике, кроме названных, специалистам не удалось пока выявить.

Что же касается культа солнца и огня, то он был распространен не только у иранских народов. Это признает и сам В.А.Кузнецов: “Кавказский культ огня и солнца был не менее древним и мощным чем у иранцев”; “культ солнца-отголосок культа принесения лошадей в жертву солнцу сохранился в этнографии осетин и вайнахов вплоть до нового времени”. На Кавказе культ солнца и огня имеет древние местные традиции, уходящие своими корнями вглубь эпохи бронзы и был одним из важнейших в идеологических представлениях древних кавказцев (наличие в погребениях угля и охры - атрибутов культа огня; обнесение могил кромехами связанное с солярными представлениями и т.д.)¹⁹⁴. Важное место занимал культ солнца и огня и в идеологических, религиозных представлениях нахских племен. Почитание солнца было столь велико, что один из чеченских тейпов (этнографических групп), обитавший в верховьях Аргуна, получил имя - “маълхи” (дети оолнца, солнечные), а сама местность - “Малхиста” (край солнца). Склеповые погребальные сооружения чеченцы и ингуши называют “малх каш” (солнечная могила). Кроме того, о почитании оолнца и огня свидетельствует традиция сооружения кладбищ на освещенных солнцем сухих возвышенностях, которая родилась у горцев Кавказа давно и отмечена, например, в Чечено-Ингушетии повсеместно. Большое значение, которое придавали вайнахские племена огню, солнцу подтверждают и данные нахского языка и фольклора. Так, в нахских сказках и преданиях герои-богатыри во время битвы обычно произносят заклинание: “Малх соьгахьа бу!” - Солнце на моей стороне!¹⁹⁵ До наших дней сохранилась чеченская поговорка - “Кха дагахь а малх тоьла, цӀа дагахь а цӀе тоьла”, что в переводе на русский язык означает: хоть пашня горит, пусть светит солнце, хоть дом горит пусть будет огонь. Для чеченца нет большего проклятья, чем выражение: “ЦӀе хала шун”, - огня да

не будет у вас. Предмет, очищенный огнем считается идеалом чистоты. Отсюда выражение: “Царца литтина” - огнем очищенный. Имя общенахского божества чеч. “Цу” (инг. “Цув”; бацб. “Цов”) вероятно имеет общий корень со словом чеч. “цIе” (инг. “цIа”) - огонь. Этот корень имеет широкое распространение в нахских языках. С ним связаны слова: чеч. “цIа” (инг. “цIа”) - дом, “цIе” (инг. “цIе”, бацб. “цIеге”) - красный, чеч. “цIена” (инг. “цIина”) - чистый, новый и др.196

Таким образом, известный нам археологический материал бытовых памятников I тыс. н.э. предгорной и горной зон Чечено-Ингушетии не дает никаких оснований, никакого повода для выделения на этой территории, якобы доминировавшего здесь, крупного этнического массива пришлых (под именем “алан”) завоевателей - ираноязычных племен. В известном на сегодня археологическом материале бытовых памятников специалистам не удалось пока выявить ни одного элемента, который можно было бы с определенной долей уверенности связать с последними. Проникновение отдельных иноязычных (ираноязычных) элементов на предгорную территорию Чечено-Ингушетии в определенные периоды эпохи раннего средневековья возможно, но наличный археологический материал бытовых памятников в подтверждение этого ничего не дает. Вероятно, если оно и имело место, то было незначительным, так как не привело к сколько-нибудь заметной иранизации местного населения - предков современных чеченцев и ингушей.

1. Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. Перевод Н. Караулова // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 53 - 54.
2. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966. С. 113; Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 71.
3. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С. 113; Виноградов В.Б. Через хребты веков. С. 71 - 90.
4. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИИЯЛ. Т. I. Грозный, 1938. С. 10 - 12; Багаев М.Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С. 53.
5. Виноградов В.Б. Культовые места аланского Алхан-Калинского городища // Пятое Кругловские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 86-87; Багаев М.Х. Некоторые черты... С. 53; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С. 113.
6. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1974 году // ЧИРКМ. Без номера. С.30.
7. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.8.

8. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.8.
9. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С. 124.
10. ЧИРКМ. Инв. №1744.
11. ЧИРКМ. Инв. №1744.
12. ЧИРКМ. Инв. №1753.
13. Круглов А.П. Археологические раскопки... С. 5-6.
14. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.6.
15. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.6.
16. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.7.
17. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.7.
18. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.120.
19. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
20. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
21. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.120.
22. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.121.
23. Петренко В.А. Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО - 1977. М., 1978. С. 136.
24. ЧИРКМ. Инв. №468.
25. ЧИРКМ. Инв. №473.
26. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Рук.канд.дис. М., 1970. С.57-58.
27. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.122.
28. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.121-122.
29. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С. 57.
30. Минаева Т.М. Археологические разведки в долине реки Сунжа // Сб. тр.

Ставропольского ГПИ. Вып. 13. Ставрополь, 1958. С.418-419.

31. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.420-421.

32. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.421-422.

33. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.422.

34. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.423-424, 428 - 430.

35. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С. 48.

36. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.424-425.

37. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.418-419; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.55.

38. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.55.

39. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С.46-47.

40. Виноградов В.Б., Мамаев М.Х. Исследование раннесредневековых памятников Чечено-Ингушетии // АО - 1975. М., 1976. С.117.

41. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).

42. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).

43. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С.65.

44. Виноградов В.Б., Мамаев М.Х. Исследование раннесредневековых... С.116.

45. Виноградов В.Б., Мамаев М.Х. Исследование раннесредневековых... С.116.

46. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках... С. 35-36.

47. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С.64.

48. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.64.

49. Мамаев Х.М. Отчет о работах предгорно-плоскостной археологической экспедиции в Чечено-Ингушетии в 1976 г. // ЧИРКМ. НФМ - 331. С. 7.

50. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963. С.11.

51. Мамаев Х.М. Отчет о работах... С.4.

52. Виноградов В.Б., Мамаев М.Х. Исследование раннесредневековых... С.116.
53. Мамаев Х.М. Отчет о работах... С.8.
54. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С. 47-48.
55. Мамаев Х.М. Отчет о работах... С. 2-3.
56. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках... С. 35 - 36.
57. Мунчаев Р.М. Полный отчет и СКАЭ 1958 года//ЧИРКМ. Н.В. №8676. С.119-121; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.60; Арсанукаев Р.Д. Полный научный отчет экспедиции ЧИГОМ и АГИАПМЗ 1990 года. Грозный, 1991//Институт археологии АН СССР.
58. Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Разведки в Чечено-Ингушетии // АО - 1976. М., 1977. С.92.
59. Виноградов В.Б., Петренко В.А. Раскопки у с. Мартан-Чу // АО - 1976. М., 1977. С.92.
60. ЧИРКМ. Инв. №1789.
61. ЧИРКМ. Инв. №795.
62. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.114.
63. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.114.
64. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.116-118.
65. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.119.
66. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.112.
67. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.112.
68. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
69. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
70. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
71. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.67.

72. Петренко В.А. Раскопки и разведки... С.136.ЧИРКМ.
73. Петренко В.А. Раскопки и разведки... С.136.
74. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 году М.П. Севостьяновым).
75. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.50-51.
76. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 году М.П. Севостьяновым).
77. ЧИРКМ. Инв. №474.
78. ЧИРКМ. Инв. №467.
79. Петренко В.А. Раскопки и разведки... С.136.
80. Мунчаев Р.М. Полный научный отчет СКАЭ... С.159-162.
81. Марковин В.И. Полный научный отчет СКАЭ 1963 года // ЧИРКМ. НВ №8680. С.41-42.
82. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках... С.41-42.
83. Петренко В.А. Раскопки и разведки... С.137.
84. Марковин В.И. Полный научный отчет СКАЭ 1961 года // ЧИРКМ. ОС №4906. С.37-38.
85. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.68.
86. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.8.
87. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.8-9.
88. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.5-6.
89. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.6.
90. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.7.
91. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.7.
92. ЧИРКМ. Инв. №1748.
93. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.115.
94. Минаева Т.М. Археологические разведки... С. 419.

95. Минаева Т.М. Археологические разведки... С. 419-420.
96. Минаева Т.М. Археологические разведки... С. 421.
97. Минаева Т.М. Археологические разведки... С. 422-423.
98. ЧИРКМ. Инв. №1794.
99. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.25.
100. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ. Вып. 18. М., 1974. С.38.
101. Умаров С.Ц. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии // АО - 1969. М., 1970. С.125-126.
102. Марковин В.И., Кузнецов В.А. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 г. // Изв. ЧИРКМ. Вып. 10. Грозный, 1961. С.95.
103. Мамаев Х.М. Отчет о работах... С.3.
104. Крупнов Е.И. Археологические памятники... С.38.
105. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.59.
106. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.65.
107. Петренко В.А., Дударев С.Л. Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии // АО - 1975. М., 1976. С.143.
108. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.65.
109. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.66.
110. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых... С.116.
111. Виноградов В.Б., Савенко С.Л. Исследования в низовьях р. Мартан // АО - 1977. М., 1978. С.112.
112. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.116.
113. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.116.
114. Виноградов В.Б., Савенко С.Л. Исследования... С.112.
115. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.65.
116. Минаева Т.М. Археологические... С.427-428.

117. ЧИРКМ. Инв. №1772.
118. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С 117-118; Виноградов В.Б., Исламов А.А. Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IV. Вып. 1. Грозный. 1965. С.164-165.
119. ЧИРКМ. Инв. №792.
120. ЧИРКМ. Инв. №1772.
121. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.67-68.
122. Круглов А.П. Археологические... С.13.
123. Марковин В.И. Отчет СКАЭ ИИМК АН СССР и Грозненского краеведческого музея 1946 года // ЧИРКМ. НВ №8693. С.124-126.
124. Круглов А.П. Археологические... С.13; ЧИРКМ. Инв. №1774.
125. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.77.
126. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.73; ЧИРКМ. Инв. №1773.
127. ЧИРКМ. Инв. №№1807, 1787.
128. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.92.
129. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.92.
130. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.77.
131. Мунчаев Р.М. Полный научный отчет СКАЭ 1963 года // ЧИРКМ. НВ №8676. С.163.
132. Марковин В.И. Полный научный отчет СКАЭ 1958 года // ЧИРКМ. НВ №8660. С. 41-42.
133. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.107.
134. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.108.
135. Виноградов В.Б. Отчет о работе 4-го отряда СКАЭ 1965 года // ЧИРКМ. НВ №8701. С.5.
136. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО - 1973. М., 1974. С.101.
137. Виноградов В.Б. Отчет о работе 4-го отряда СКАЭ 1965 года // ЧИРКМ. (без номера). С.3.

138. Виноградов В.Б. Отчет... С.4.
139. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.105.
140. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.75.
141. Виноградов В.Б. Отчет о работе 1-го отряда СКАЭ 1967 года // ЧИРКМ. (без номера). С.42.
142. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.75.
143. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.75-76.
144. Ерзнукаева К.З. Работы в юго-восточной Чечне // АО - 1980. М., 1981. С.102.
145. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.96.
146. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С.125.
147. Виноградов В.Б. Сарматы... С.108-129; Багаев М.Х. Некоторые черты материальной культуры... С. 50 - 54; Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа; Он же Алания в X-XIII вв.; Он же. Аланская культура Центрального Кавказа...; и др.
148. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Т. 1. С.6.
149. Виноградов В.Б. Сарматы... С.124-125.
150. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.166-167.
151. Виноградов В.Б. Сарматы... С.125; и др.
152. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. №4. 1947. С.218; Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербайджане // СМОМПК. Вып. 32. Тифлис, 1902. С.50-51; и др.
153. Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX - XX вв. М., 1982. С.15-16; Аммиан Марцеллин. История // ВДИ. 1949. №3. С.302, 304.
154. Крупнов Е.И. Древняя история... С.152-165; Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.34-79; Виноградов В.Б. Сарматы. С. 111 - 118.
155. Багаев М.Х. Некоторые черты... С.53.
156. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С.345; Крупнов Е.И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946. С.24; Козенкова В.И. Исследования памятников раннего железного века у села Сержень-Юрт // КСИА. №112. М., 1967. С.82-89.
157. Мунчаев Р.М. Кавказ... С.345.

158. Мамаев Х.М. Назревшие вопросы хронологии и этнокультурной характеристики в раннесредневековой археологии Терско-Сунженского междуречья // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный, 1980. С.186.

159. Кобычев В.П. Поселения... С.17-18.

160. Кобычев В.П. Поселения... С.16.

161. Крупнов Е.И. Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР // АЭС. Ч. III. Грозный, 1969. С.15.

162. Гурина Н.Н., Крижевская Л.Я. Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г. // КСИИМК. Вып. 1. М.-Л., 1939. С. 27-29; Крупнов Е.И., Марковин В.И., Козенкова В.М., Мунчаев Р.М., Виноградов В.Б. Северокавказская экспедиция // АО - 1966. М., 1967. С.62.

163. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. С.83, 103-104; Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С.385.

164. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.262-263.

165. Крупнов Е.И. Древняя история и культура... С.15.

166. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.65; Каменцева А.С. Гончарная печь в селении Дуба-Юрт // КСИИМК. Вып. 74. М., 1959; Кузнецов В.А. Аланские племена...; Багаев М.Х. Раннесредневековая...; и др.

167. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.271.

168. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.271-272.

169. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.273.

170. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.273.

171. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.273.

172. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.86.

173. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V - VIII вв. С.28; Ковалевская В.Б. Северокавказские... С.86.

174. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.114.
175. Кузнецов В.А. Аланская культура... С. 27.
176. Крупнов Е.И. Древняя история... Табл. XVI, XVIII, IX, VIII; Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // ДЧИ. М., 1963. С. 119 - 121; Мунчаев Р.М. Луговой могильник // ДЧИ. С. 210; Кузнецов В.А. Аланская... С. 28; Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. №2. 1969. С. 64-84; Он же. К вопросу о связях населения Северного Кавказа Сарматского времени//СА №2. 1979. С.72; Кузнецов В.А. Аланские племена... С.108-114; Ковалевская В.Б. Кавказ и... С.131; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.83-84; и др.
177. Кузнецов В.А. Аланские... С.113; Он же. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С.48; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. С.87.
178. Крупнов Е.И. Древняя история... С. 194; Мунчаев Р.М. Кавказ... С.288 (рис. 65, 1-3). С. 359.
179. Мунчаев Р.М. Кавказ... С.187, 359.
180. Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С.96-97; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (юго-восточная Чечня) // АЭС. Т. III. С.37-55.
181. Мунчаев Р.М. Луговой могильник. С.144-200.
182. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.87.
183. Смирнов К.Ф. Сарматы Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э. - II в. н.э. (историко-археологический очерк) // СА. №3. 1974. С.35.
184. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы... С. 52 - 56.
185. Jegorov N.M. Gejass von Luck. ESA. V. Helsinki, 1950. P.49-51.
186. Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // УЗКНИИ. Т. IV. Нальчик, 1948. С.294; Минаева Т.М. Археологические разведки в долине реки Сунжи. С.418.
187. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы... С.49-58.
188. Виноградов В.Б. Культовые места Алхан-Калинского городища. С. 87 - 89; Мамаев Х.М. Алхан-Калинское "кострище" // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.57; и др.
189. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы... С.58.
190. Байбик В.Д., Виноградов В.Б., Гантимурова Т.М., Магомадов И.Д. Заметки о

древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С. 86-92.

191. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С.170.

192. Байбик В.Д., Виноградов В.Б., Гантимурова Т.М., Магомадов И.Д. Заметки... С.91.

193. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы... С.58; Он же. Аланский культ солнца и огня // Х Крупновские чтения по археологии Кавказа. М., 1980. С. 53-54; Мамаев Х.М. Алхан-Калинское... С.57.

194. Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Л., 1949. С.93; Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской // ДЧИ. М., 1963. С.9-49; Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // ДЧИ. М., 1963. С. 58-135; Мунчаев Р.М. Луговой могильник. С. 139 - 210; Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. 1961. №93. С.144; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильник сарматской эпохи... С.47; Хасиев С.А. О возможности интерпретации некоторых черт погребального обряда у древнейшего населения Северо-Восточного Кавказа // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976. С.48-49; Кривицкий В.В. О бронзовых поясных фигурных бляхах типа "Исти-Су" VI - V вв. до н.э. // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.20-23; Кузнецов В.А. Очерки истории... с.176,179; и др.

195. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // АЭС. Грозный, 1966. С.81; Виноградов В.Б. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1964 году // АЭС. Грозный, 1966. С.138.

196. Чокаев К.З. К вопросу о бытовании образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей // Известия ЧИНИИИЯЛ. 1972. С.106; Ошаев Х.Д. О словах цӀие и цхьа // Изв. Чеченского научного общества. Грозный, 1930; и др.

Могильник относится к VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 5)8

6. Верхний Алкун.

Катакомбный могильник расположен на холме близ с. Верхний Алкун, на правом берегу Ассы. Здесь исследованы два погребения с индивидуальным и парным захоронениями. В первой катакомбе скелет лежал скорченно на правом боку лицом к западу, на слое угля толщиной 1,5 - 2 см. Во второй катакомбе два скелета лежали, вытянуто на спине головами на юг. В погребениях найден богатый материал - серебряные и бронзовые серьги, бронзовые браслеты, пряжки, перстни, бубенцы, зеркало, стеклянные перстни, бусы, различные подвески и пронизки, железные нож и топорик, глиняные сосуды. Найдены также две арабские монеты (медная и серебряная) VIII в., которые позволили датировать могильник IX в. н.э. (Рис. 12, 6)9

7. Фуртоуг.

Катакомбный могильник находится на склоне горы Цели у с. Фуртоуг в Джейрахском

ущелье. В 1971 г. М.Х. Багаев исследовал одну катакомбу, в которой обнаружил один скелет, лежавший на правом боку с поджатыми в коленях ногами. Левая рука покоилась на поясе, а правая была согнута в локте так, что кисть руки находилась под черепом. Костяк лежал головой на северо-запад, напротив входа у северо-восточной стенки. Найденный инвентарь (бронзовые серьги, браслет, колокольчики, стеклянный сосуд и бусы, железный ножик) позволяет датировать погребение IX в. н.э. (Рис. 12, 7)¹⁰

8. Бейни.

На окраине с. Бейни в Джейрахском ущелье в 1962 г. Р.М. Мунчаев дообследовал разрушенное катакомбное захоронение. Датируется VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 8)¹¹

9. Али-Юрт. Могильник №1.

Катакомбный могильник занимает обрывистый берег небольшой речушки на южной окраине с. Али-Юрт, расположенного у подножий Черных гор. В 1970 - 1971 гг. здесь исследовано шесть катакомб - две из них (№№2 и 3) были почти полностью смыты. Две катакомбы содержали по одному костяку (№№1 и 6). В одной катакомбе (№4) находились кости двух погребенных. В двух могилах (№1 и 4) найдено по одному деформированному черепу. Причем в катакомбе №4 деформированный череп лежал в чернолощенной миске. Чернолощенная миска найдена и в погребении №1. Кроме того, в катакомбе №5 найдены бронзовая небольшая штампованная пряжка и наконечник пояса. Установить положение костяков не удалось. Могильник датирован V - VII вв. н.э. (Рис. 12, 9)¹²

10. Братское.

В 1963 году Р.М. Мунчаев раскопал пять курганов к западу от с. Братское на высокой террасе правого берега Терека. Под насыпями оказались ограбленные в древности катакомбы II - III вв. н.э. (Рис. 12, 10)¹³

11. Сюир-Корт.

На юго-восточной окраине г. Грозного, на возвышенности Сюир-Корт, в 800 м. северо-западнее раннесредневекового поселения в 1963 г. обнаружен катакомбный могильник. Дообследовано одно разрушенное погребение, в котором обнаружен один костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на север. Из сопровождавших покойника вещей сохранились сероглиняная гончарная миска и бронзовая пряжка, позволившие датировать захоронение серединой I тыс. н.э. (Рис. 12, 11)¹⁴

12. Дуба-Юрт. Могильник №1.

Расположен на южной окраине с. Дуба-Юрт, на западном склоне "Тесильбийского" холма, рядом с бывшим карьером. Летом 1936 г. А.П. Круглов раскопал здесь четыре катакомбы, которые содержали коллективные захоронения - катакомба №1 содержала три скелета, катакомба №2 - два, катакомба №3 - четыре, катакомба №4 - три скелета. Ориентировка погребений на могильнике различна, но внутри каждой катакомбы погребенные лежат одинаково (в катакомбе №1 - на юго-запад, №2 - с севера на юг, №3 - на восток). Во всех катакомбах скелеты лежали, вытянуто на спине, за исключением одного в катакомбе №1, который, видимо, лежал на правом боку. В катакомбе №4

положение скелетов не удалось установить. А.П. Круглов с большой скрупулезностью описал все находки, сделанные в указанных катакомбах, и датировал их VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 12)15

13. Дуба-Юрт. Могильник №2.

Находится к югу от первого, на склоне соседнего холма. Устройство катакомб аналогично вышеописанным. Раскопана одна катакомба, в которой найдены кости двух покойников. Положение костяков установить не удалось. Найденный погребальный материал сходен с таковым из катакомб первого могильника, что указывает на хронологическую близость обоих памятников и позволяет отнести их к VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 13)16

14. Мартан-Чу. Могильник №1.

Открыт в 1973 г. на окраине с. Мартан-Чу. В течение 1973-1980 годов здесь вскрыты 31 катакомба и одно подбойное погребение. Погребения в основном коллективные, ориентировка неустойчива, но преобладает западная и северо-западная. Господствующее положение погребенных вытянутое на спине, но встречается и скорченное. В погребениях зафиксированы подстилки из плоских галек и кусочков древесного угля, а также тканевые подстилки. Богатый погребальный материал (сабля в серебряной оправе, серебряные бляхи и бубенчики конского снаряжения, серебряные детали поясного набора, железные наконечники стрел и ножи, гончарные сосуды, серебряные и бронзовые кольца, перстни, браслеты и т.д.) датируется VIII-XI вв. н.э. (Рис. 12, 14)17

15. Мартан-Чу. Могильник №2.

Расположен в одном километре к западу от могильника №1 на склоне горы. В 1976-1977 годах раскопано 8 катакомб. Камеры овальные в плане, некоторые у дна имеют прямоугольную форму. Встречаются ниши. Катакомбы содержат от одного до четырех скелетов, лежащих вытянуто на спине, в основном с восточной ориентировкой. Могильник датируется V-VIII вв. н.э. (Рис. 12, 15)18

16. Мартан-Чу. Могильник №3.

Открыт в 1977 году. Исследована одна катакомба, в которой зафиксированы остатки двух костяков. Найденный инвентарь (железный нож, подвеска из многочастных синих бус и бронзовых пронизок, фрагменты бронзового витого из двух проволок браслета) позволяет датировать погребение VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 16)19

17. Исти-Су.

Катакомбный могильник открыт в 1972 году у селения Исти-Су. Лаз одной из катакомб с индивидуальным захоронением был заложен сырцовыми кирпичами. Костяк лежал, вытянуто на спине, головой на запад. Могильник датируется VII - VIII вв. н.э. (Рис. 12, 17)20

18. Аллерой.

Могильник расположен у с. Аллерой Шалинского района. Изучался в 1971, 1974 и 1976 годах. Раскопано 8 подкурганных катакомб, ограбленных в древности, которые содержат от 1 до 3 покойников. Ориентировка камер неустойчива. В пяти катакомбах обнаружены ниши. Представляет интерес детское погребение в грунтовой яме, оказавшееся под насыпью кургана №8 и синхронное основному погребению. Костяк лежал на спине, головой на юг. В погребении найдены сероглиняный гончарный сосуд (рядом лежала кость мелкого животного), височные кольцевидные подвески, бронзовая накладка-амулет, бронзовая ложновитая гривна, бусы, круглые плоские медальоны, бронзовая фигурка оленя, бронзовые браслеты, серебряный колокольчик, бронзовая застежка, височная подвеска с четырнадцатигранником, бронзовая подвеска с “глазком”, серебряная монета Хосроя II (590-627 гг.) с бронзовой петелькой. Могильник относится ко второй половине VII - началу VIII вв. н.э. (Рис. 12, 18)21

19. Ахкинчу-Барзой. Могильник №1.

Расположен у с. Ахкинчу-Барзой. Раскапывался в 1975-1976, 1978 годах. Катакомбы содержат одиночные захоронения с господствующей северной ориентировкой. Скелеты лежат вытянуто на спине. Могильник датируется VIII в. н.э. (Рис. 12, 19)22

20. Бердуты.

Катакомбный могильник открыт в 1978 г. у с. Бердуты. Вскрытые четыре погребения овальные и прямоугольные в плане. В камерах сохранились: остатки поясных наборов из серебра (пряжки, накладки, наконечники), железный наконечник копья, бусы, фрагменты керамики, обломок стеклянного сосуда. Открыты деформированные черепа. Могильник датируется VI - VII вв. н.э. (Рис. 12, 20)23

21. Комсомольское. Могильник №1.

Могильник находится на юго-западной окраине сел. Комсомольское (Сади-кЮтар) на склоне левого берега реки Гой (Рис. 12, 21). В 1980 году археологический отряд Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого под руководством доцента М.Х. Багаева, при участии автора, произвел частичные раскопки могильника. На территории могильника нами были заложены два раскопа.

Раскоп №1 размером 8 м x 8 м, разбитый на 4 квадрата, заложен почти на самой вершине склона. Раскопки велись послойно на глубину одного штыка лопаты. Входная яма катакомбы №1 была обнаружена в квадрате Б-2 на глубине 1,1 м от дневной поверхности. В ней нами было найдено железное тесло (Рис. 26, 1). Катакомба была ориентирована по линии В-3 и достигала глубины 3,5 м, имея две ступеньки. На глубине 3 м во входной яме в квадрате Б-1 была обнаружена поставленная вертикально каменная плита, которой было закрыто входное отверстие (лаз) в камеру. Последняя располагалась на 0,2 м ниже входной ямы. Пол камеры имел почти трапециевидную форму с немного вытянутыми наружу сторонами. Его размеры: длина передней - восточной стенки 2,2 м; южной - 1,65 м; западной - 1,7 м; северной - 1,76 м. Высота камеры 1,85 м. Свод имел куполообразную форму. Значительная часть потолка камеры обвалилась. Вход в камеру находился в восточной стенке камеры, т.е. со стороны склона. В катакомбе обнаружены 3 скелета, которые лежали, вытянуто на спине, головами на юг. Первый скелет (детский) лежал у западной стенки камеры. От него сохранились лишь ноги. От второго скелета (взрослого человека) так же сохранились

только ноги. В его изголовье, у южной стенки, зачищен глиняный сосуд с ручкой. Здесь же подобрано пряслице из раковины (Рис. 26, 2). Под бедренной костью обнаружены кости левой руки, на которых находился бронзовый браслет (Рис. 26, 3). Третий скелет, лежавший перед лазом, сохранился хорошо. При нем найдены следующие вещи: на тазовых костях 9 бляшек-накладок из серебряной фольги (Рис. 26, 17); стеклянные глазчатые бусы (Рис. 26, 10-14); бронзовый бубенчик (Рис. 26, 4); справа от таза - бронзовая цилиндрическая поделка (игольница?) длиной 7,5 см., украшенная вокруг желобками (Рис. 26, 9); на правой руке - бронзовый браслет круглого сечения (Рис. 26, 5); на черепе, чуть выше глазниц - два бронзовых бубенчика (Рис. 26, 6,7); около челюсти - серебряная серьга, из четырех шариков, подвешенных к ушному кольцу шарнирно (Рис. 26, 16); около плеч - две серебряные бляшки (Рис. 26, 17); около тазовых костей - астрагал (Рис. 26, 18) и бронзовый бубенчик (Рис. 26, 8); на тазовых костях - бронзовая пряжка (Рис. 26, 19). Под скелетами был зачищен слой органических остатков. Вероятно, пол камеры под скелетами был застлан кожей. Во входной яме встречались угли.

В квадрате А-1, на глубине 1,05 м был обнаружен глиняный одноручный кувшин с носиком-сливом (Рис. 45, 3). В нем оказались следующие вещи: два бронзовых бубенчика (Рис. 27, 1); плоское пряслице из известняка (Рис. 27, 2); пять перламутровых восьмигранных бусинок (Рис. 27, 3); перламутровая продолговатая бусинка с желобками вдоль (Рис. 27, 4); круглая бусинка из белого стекла (Рис. 27, 5); две круглые перламутровые бусинки (Рис. 27, 6); рифленная бусинка из голубой египетской пасты (Рис. 27, 7); пять продолговатых бусинок из белого стекла с желобками вдоль (Рис. 27, 8); круглая бусина из светло-синего перламутра с разноцветными глазками (Рис. 27, 9); две стеклянные глазчатые бусинки разных цветов - красный, зеленый, желтый (Рис. 27, 10) и другие стеклянные и пастовые бусы разных цветов и форм (Рис. 27, 11-35); бронзовая спираль (Рис. 27, 36); фрагменты от двух серебряных сережек (Рис. 27, 37-39).

Раскоп №2 был заложен в нескольких метрах к северу от раскопа №1. Его размеры - 4 м x 20 м. Он был разбит на квадраты в длину вниз по склону с запада на восток. Поскольку общая стратиграфия была известна, верхний слой, глубиной 1,3 м мы сняли бульдозером. Затем стали углубляться, копая послойно глубиной в один штык лопаты. Катакомба №2 была обнаружена в квадрате А-1, на глубине 2 м от дневной поверхности. Камера имела в плане округлую форму (диаметр - 2,2 м) и купольный свод (высота 1,75 м). Дно камеры находилось на 0,2 м ниже входной ямы. В погребении найдены кости от двух скелетов, разбросанных в юго-западной части камеры. Установить положение костяков не удалось. Пол камеры был обмазан жидкой глиной и покрыт какими-то органическими остатками, вероятно, от кожаной подстилки.

При зачистке дна камеры почти в центре были обнаружены следующие вещи: три четырехугольные штампованные из бронзовой пластины бляшки-накладки (Рис. 26, 20); две поясные накладки - "язычки" из серебряной пластины (Рис. 26, 21); две поясные накладки на бронзовой основе с тисненым орнаментом в виде солнца с отходящими от него лучами (Рис. 26, 22); две бронзовые (на кожаной основе) дугообразные поясные накладки с тисненым орнаментом (Рис. 26, 23); фрагмент бронзового кольца (Рис. 26, 24); глазчатая бусинка из голубого стекла (Рис. 26, 25); бусинка из цветного стекла (Рис. 26, 26); две бронзовые пуговицы (Рис. 26, 27); две бронзовые круглые бляшки из тонкого листа с двумя дырочками (Рис. 26, 28); фрагмент однолезвийного железного ножа (Рис. 26, 29); тройная бусинка из голубого стекла (Рис.

26, 30); двойная стеклянная бусинка с внутренней позолотой (Рис. 26, 31).

Хронологические рамки описанных вещевых комплексов определяются известными аналогами. Так, височные подвески в виде овальных колец, с шарнирно подвешенными к ним колонками из шариков, широко известны на Северном Кавказе и датируются VIII - IX вв.²⁴ Одноручные кувшины с носиком-сливом также встречаются в памятниках VIII - IX вв. Для VIII - IX вв. типичны и найденные здесь разнообразные бусы, браслеты, бубенчики, пряжки, штампованные бляшки²⁵. В связи с этим могильник предварительно датируется VIII - IX вв.

22. Комсомольское. Могильник №2.

Находится также на юго-западной окраине села на правом берегу реки Гой на склоне горы (Рис. 12, 22). Поверхность могильника испещрена ямами-провалами. В 1985 году, при строительстве дороги, было обнаружено катакомбное погребение. Местными жителями были собраны здесь и переданы в музей следующие вещи: треугольная бронзовая пряжка (Рис. 28, 2); бронзовый наконечник от пояса (Рис. 28, 3); бронзовый браслет круглого сечения с обрубленными концами (Рис. 28, 1); перстень из сплава бронзы и серебра с четырьмя боковыми головками (Рис. 28, 4); бронзовый перстень с небольшим плосковатым щитком (Рис. 28, 5); три крупные (прямоугольная, четырнадцатигранная и уплощенно круглая) гагатовые бусы (Рис. 28, 6-8); стеклянные и пастовые бусы разных цветов и форм (Рис. 28, 9-12); железный однолезвийный нож (Рис. 28, 13).

Датировка этого комплекса определяется широкими аналогами VIII - IX вв.²⁶

23. Грозный. Ветлечебница.

Находится на северо-восточной окраине г. Грозного, на территории ветлечебницы. В 1940 - 1950-е годы на этом месте находились частные сараи. В 1983 году при рытье котлована, под административное здание было частично разрушено (катакомбное?) погребение (Рис. 30, 1). На прилегающей территории заметны ямы-провалы. Погребение было дообследовано автором при участии зав. отделом природы Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея П.С. Анисимова. На глубине 1,8 м от дневной поверхности был расчищен женский костяк, лежавший вытянуто на спине головой на север с протянутыми вдоль туловища конечностями (Рис. 30, 2). На левой руке костяка обнаружен круглый в сечении бронзовый браслет с обрубленными концами, который по аналогиям датируется VI - IX вв (Рис. 27, 41)²⁷. На шейных позвонках найдена бронзовая подвеска с 14-гранником (Рис. 27, 42). Такие подвески были широко распространены на Северном Кавказе в V - VII вв.²⁸ В изголовье слева сохранились фрагменты серо-глиняного сосуда шаровидной формы с резко отогнутым венчиком, разбитого, вероятно, ковшом экскаватора. Вокруг тулова он украшен двумя врезными параллельными бороздками (Рис. 27, 40). Погребение датируется предварительно VI - VIII вв.

24. Али-Юрт. Могильник №2.

Неизвестный ранее грунтовый катакомбный могильник выявлен и визуально обследован нами совместно с младшим научным сотрудником сектора археологии Чечено-Ингушского научно-исследовательского института Д.Ю. Чахкиевым летом

1986 г. Могильник расположен на склоне одного из хребтов Черных гор в 1,5 км к востоку от с. Али-Юрт. На территории могильника (более 2 га) прослеживаются многочисленные ямы-провалы. Вещевой материал в разрушенной камере не обнаружен (Рис. 12, 24).

25. Шалажи. Могильник №1.

В 1970 годах в фонды музея поступили материалы из разрушенных погребений катакомбного могильника расположенного на западной окраине с. Шалажи (Рис. 12,25; 31,1).29

26. Шалажи. Могильник №2.

Катакомбный могильник расположен в 700 м к ЮВ от с. Шалажи, на правом высоком обрывистом берегу р. Валерик (лесистом склоне одного из отрогов Черных гор), в местности Австри-чу. Могильник, судя по многочисленным ямам-провалам, занимает площадь около 400 м в длину и до 100 - 150 м в ширину (Рис. 12,26; 31,2).

До нашего приезда (сентябрь 1990 г.) расчистка одной из ям-провалов (погр. №1) была начата местными школьниками. Они успели добраться до ниши в ЮЗ части погребения, в которой находился чурноглиняный кувшин и лопатка мелкого рогатого скота (овцы?) (Рис. 35, 38; 39, 26).

Погребение находится почти в центре (по линии СЮ) могильного поля в 4 м от края обрыва. Нами был заложен раскоп №1 размером 2м х 4м, разбитый на 8 квадратов (Рис. 32). Раскоп имеет небольшой уклон с ЮЗ на СЗ. СС-З стенка раскопа 0,53м, ЮЮ-В стенка раскопа - 0,44 м (Рис. 33, 34). Раскопки велись послойно на глубину одного штыка лопаты. Входная яма земляного склепа №1 была обнаружена на глубине 3,5 м от дневной поверхности. Ширина входной ямы - 0,66 - 060 м. Дно камеры (вырыто в плотном материковом грунте) располагалось на глубине 4,90 м (ЮЗ край раскопа). Камера ориентирована по линии ЮЗ- СВ, с отклонением к востоку. Пол камеры имел почти трапецевидную форму. Его размеры: ширина у "фасадной" стенки 1,20 м, ширина по линии ББ1 - 1,66 м длина по линии АА1 - 2,26 м (Рис. 35; 36; 37). Свод, разрушенный грабительским лазом, имел (судя по боковым стенкам) стрельчатую форму (Рис. 37; 38). Высота камеры, вероятно, была около 1,60 -1,70 м (Рис. 36; 37). Входное отверстие (лаз) округлой формы (0,56 х 0,58 м) находилось в СВ стенке, со стороны склона, на 0,40 м выше дна камеры. Длина лаза - 0,44 м. Со стороны входной ямы он закрыт каменной плитой, поставленной вертикально (Рис. 35; 36; 38). В противоположной (ЮЗ) стене камеры, на высоте - 0,68 м от дна имеется ниша: высота - 0,60 м, ширина - 1,20 м, глубина до 0,26 м (Рис. 35, 36, 37).

В камере обнаружены два скелета, которые лежали вытянуто на спине, головами на ЮЗ ногами к лазу (Рис. 35).

Первый скелет (женский) лежал у СЗ стенки камеры. Верхняя часть скелета смещена к стенке. Длина скелета около 1,65 м. Череп раздавлен. При нем найдены следующие вещи: под костями черепа - два колечка (височные подвески?) из тонкой, круглой в сечении бронзовой проволоки - Д - 1,2 см (Рис. 35; 39, 23, 24), фрагмент височной подвески(?) в виде петельки из тонкой, круглой в сечении золотой проволоки, с отогнутыми заостренными концами - высота по центру около 0,9 см (Рис. 35; 39, 25),

в области шейных позвонков найдена 21 бусинка - крупная глазчатая бусинка округлой формы из зеленой пасты (Рис. 39, 2), овальная бусинка из зеленой пасты (Рис. 39, 7), уплощенная рифленая бусинка из синего стекла (Рис. 39, 3), продолговатая бусинка из сердолика (Рис. 39,16), две двойные пастовые бусинки охристого цвета (Рис. 39,13,15), 15 округлых и продолговатых пастовых бусинок охристого цвета (Рис. 39, 4-6, 8-12, 14, 17-22), около изгиба левой руки - полая костяная поделка в виде овальной, сужающейся трубочки (у широкого края просверлены сквозные отверстия - друг против друга) длина 5,2 см (Рис. 35; 39, 1).

Второй (мужской) скелет, лежавший в центре камеры, сохранился хорошо. Длина его около 1,80 м. Вещей при нем не найдено. Судя по всему, погребение было ограблено еще в древности, через вертикальный грабительский лаз (Рис. 35;38).

Переданный нам кувшин изготовлен из хорошо отмученной глины, сформован на гончарном круге и пролощен. Поверхность его имеет черный цвет. Тулово кувшина грушевидной формы украшено двумя горизонтальными рядами вертикальных точечных насечек, ограниченных с двух сторон тонкими врезными линиями. Между ними, как бы соединяя их, по всему тулову идет зигзагообразный орнамент из 6-7 тонких врезных линий. В верхней части тулово резко сужается к горловине с растрюбистым венчиком. От носика слива венчик загнут вовнутрь. Горловина также украшена горизонтальным рядом вертикальных точечных насечек, ограниченных сверху тонкой врезной линией. Точечными насечками украшен и загнутый вовнутрь край венчика, с двух сторон от носика слива. Венчик и верхняя часть тулова сосуда соединены ручкой, полуовальной формы в сечении, в верхней части которой (в 12 см от венчика) выступает поперечный валик. Размеры: высота кувшина 30 см, (с носиком-сливом - 33 см), диаметр тулова - 21,2 см, диаметр дна - 11,4 см, диаметр венчика (в широкой части) - 11,5 см. (Рис.39,26).

По имеющимся датированным аналогам описанному кувшину, представляется возможным данное погребение предварительно датировать VII - VIII вв. н.э.30

27. Шалажи. Могильник №3. К Ю.-З. от могильника №2 и в 200 м к ЮЗ от Шалажинского городища, на правом высоком обрывистом берегу р. Шалажи, в результате обвала почти полностью разрушены два катакомбных погребения неизвестного ранее могильника. Под обрывом нами найдены разрозненные костные останки погребенных. Вещевой материал не зафиксирован. (Рис.12,27;31,3).

28. Цацан-Юрт. В начале октября 1990 г. в музей были переданы жителями с. Цацан-Юрт И.Дидишевым и А.Берсановым вещи из разрушенных погребений ранее неизвестного могильника. Разрушенные погребения были нами осмотрены. Могильник находится в 1,5-2 км к северу от с. Цацан-Юрт, на левом, высоком обрывистом берегу р. Хулхулау. В этом месте от реки отделился неглубокий "рукав", который проходит под левым берегом и через 400 - 500 м опять сливается с рекой. Могильник расположен между правым рукавом р. Хулхулау и небольшим каналом, проложенным (в этом месте в 150 - 200 м от берега) параллельно реке, к западу от канала сохранилось несколько курганов (Рис. 40). В результате обвала берега разрушено 5 земляных склепов (Рис. 41). Первыми об этом, как обычно, узнали дети, которые полностью "расчистили" погребение (костные останки погребенных лежали у основания обрыва).

Погребение №1 находилось на высоте около 1,50 м. От него сохранилась лишь

западная часть (в плане овальной формы). Ее размеры: ширина - около 1,10 м, высота 1,50 м, глубина 0,70 м.

Погребение №2 находится в 5,50 м (по изгибу обрыва) от погребения №1, на высоте 1,44 м. Камера в плане овальной формы: ширина (СЮ) 1,50 м, длина (ЗВ) 2 м. Свод купольный. Высота 1,20 м. В южной стене сохранился лаз (ширина 0,60 м, высота 0,55 м) округлой формы, заложный каменной плитой. Лаз находится на высоте 0,50 м от дна камеры, Размеры пролома в СВ части камеры 0,55 x 0,70 м.

Погребение №3 находится в 7,50 - 7,70 м к СЗ от погребения №2, на высоте 0,40 - 0,60 м. Сохранилась западная часть (в плане овальной формы) на глубину 1,50 м. Высота купольного свода - 1,10 м. В западной части, на длину 1,10 м идет полка высотой около 0,20 м, глубиной до 0,34 м. В южной стенке, на высоте 0,55 м от дна камеры находится лаз круглой формы (д-0,50 м), закрытый каменной плитой.

Погребение №4 расположено в 2,50 м от погребения №3, на высоте 1,70 м. В плане камера трапецевидной формы. Ширина камеры - 1,30 м., длина южной стенки 1,40 м, длина северной стенки (до пролома) 1,50 м. Высота прямоугольного свода камеры 1,54 м. Ширина пролома 0,70 м, высота 1,04 м. В южной стенке на высоте 0,60 м. от дна камеры, сохранился лаз округлой формы (0,60 на 0,60 м), закрытый каменной плитой.

Погребение №5 находится в 18,70 мм к СВ от погребения №4 на высоте около 2 м. Камера овальной формы в плане, вытянута с ЮВ на СЗ (2,30 м). Ширина камеры 0,90 м, пролом (около 1,10 x 0,75 м) находится в СЗ части погребения.

Автору был передан следующий комплекс вещей:

Два фрагмента бронзовой поделки, декорированных с одной стороны выпуклым геометрическим орнаментом. Размеры: первого - по горизонтали - 2,1 см, по вертикали - 1,4 см (Рис. 42, 1) и второго соответственно - 1,8 см, - 1,4 см. (Рис. 42, 2).

Металлическое зеркальце из белого сплава с центральным ушком и орнаментом из концентрических валиков по краю диска и вокруг ушка, с выпуклыми черточками в виде “лучей” между ними. Диаметр 4,7 см. (Рис. 42, 3).

Обломок лезвия железного ножа. Длина 4,20м. (Рис. 42, 4).

Бронзовая фигурная пряжка с овальной рамкой. Длина рамки (с язычком) 2,8 см, ширина 2,8 см. (Рис. 42, 5).

Бронзовая, уплощенная Ж-образная фигурная подвеска в виде обращенных друг к другу острыми концами бараньих рогов, с выступом в середине, высота 1,9 см, ширина 1,8 см. (Рис. 42, 6).

В состав этого комплекса входят семь сосудов.

Первый - сероглиняная миска с загнутым вовнутрь венчиком. Изготовлена на гончарном круге. Высота 5,7 см, диаметры: венчика - 11 см; дна - 6,8 см (Рис. 42, 7).

Второй - серо-глиняный лепной кувшин без ручки с раструбистым венчиком. Тулово

оформлено по окружности в верхней части (у основания горловины) круглыми насечками, ограниченными с обеих сторон горизонтальными врезными линиями (нижняя в двух местах раздваивается) ниже прочерчены еще две горизонтальные линии, еще ниже, в самом широком месте тулова, прочерчена одна горизонтальная линия. Поверхности кувшина (тулово и горловина) декорирована каннелюрами. Высота 14 см, диаметры: венчика - 8,4 см, тулова - 13, 8; дна - 10,4 см (Рис. 42, 8).

Третий серо-глиняный кувшин с ручкой изготовлен из хорошо отмученной глины и сформован на гончарном круге. Тулово шаровидной формы оформлено каннелюрами. Венчик кувшина загнут во внутрь острым ребром. Поверхность кувшина украшена тремя парами горизонтальных врезных линий с орнаментацией в виде оттисков 3-образного штампа между ними. 3-образными насечками украшен и загнутый вовнутрь венчик, с двух сторон от носика-слива. Ручка, овальная в сечении, прикреплена в верхней части горловины и верхней части тулова. С внешней стороны ручки по всей ее длине идет вмятина в виде желобка. Высота кувшина (с носиком-сливом) - 34 см, диаметры: венчика - 8,8 см; тулова - 24 см; дна 11,2 см (Рис. 42).

Четвертый серо-глиняный горшочек с шаровидным туловом и резко отогнутым наружу венчиком. Изготовлен на гончарном круге. Оформлен двумя двойными (спаренными) врезными горизонтальными линиями. Высота 9,2 см, диаметры: венчика - 7,8 см; тулова - 13,3 см; дна - 8,4 см. (Рис. 43, 1).

Пятый сосуд - серо-глиняная кружка с зооморфной ручкой (в виде фигурки собаки?) и раструбистым венчиком. Изготовлена на гончарном круге. Оформлена горизонтальными врезными линиями (вверху две параллельные линии, внизу - две спаренные). Высота ее 9,4 см, диаметры: венчика - 8 см; тулова - 11,4 см; дна - 6,4 см. (Рис. 48, 2).

Шестой серо-глиняный горшочек шаровидной формы с отогнутым венчиком. Сформован на гончарном круге. Украшен двумя спаренными горизонтальными линиями. Высота его 10,2 см, диаметры: венчика - 8,4 см; тулова-14 см; дна 8,8 см. (Рис. 43, 3).

Седьмой сосуд - черно-глиняный горшочек с шаровидным туловом. Изготовлен на гончарном круге. Венчик расширяется, как бы, двойным валиком. Тулово оформлено двумя спаренными горизонтальными врезными линиями. Высота горшочка - 6,5 см, диаметры: венчика - 6,3 см; тулова - 9,4 см, дна - 6,8 см (Рис.43,4).

Предварительно, по имеющимся аналогам комплекс находок из Цацан-Юртовского могильника можно отнести к V - VII вв. н.э. Вместе с тем, серо-глиняная кружка с зооморфной ручкой может относиться и к более раннему времени - I - IV вв. н.э.³¹

29. Чир-Юрт. Могильник №2. Расположен в 1 - 1,5 км к югу от поселка Чир-Юрт на лесистом гребне отрога Черных гор (Рис.12,29). В 1989 г. здесь был заложен карьер по добыче глины. В этом же году площадь могильника была визуалью нами осмотрена. По гребню и по пологим склонам отрога на протяжении более 250 м зафиксированы многочисленные ямы-провалы и несколько курганных насыпей (от 1 м до 1,5 - 2 м).

Площадь карьера, заложенного в центральной части могильника, вытянута по склону - 90-100 м х 10-30 м. В общей сложности, по словам рабочих карьера, к нашему приезду

было разрушено от 15 до 20 погребальных камер. Из вещевого материала нам были переданы 5 сосудов, найденных в разных погребениях.

Первый - миниатюрный серо-глиняный кувшинчик с воронковидным венчиком и зооморфной ручкой, овальной в сечении. Изготовлен из хорошо отмученной глины и сформован на гончарном круге. Тулово уплощенно-шаровидной формы украшено по кругу пятью сосочками. Ручка начинается от венчика и прикреплена к центру тулова. Высота кувшинчика - 6,4 см, высота горловины - 2,7 см, диаметры: венчика - 6 см; тулова - 7,3 см; дна - 3,3 см (Рис.44,1).

Второй - серо-глиняный кувшинчик с раструбистым венчиком и зооморфной ручкой, овальной в сечении. Изготовлен из хорошо отмученной глины на гончарном круге. Тулово уплощенно-шаровидной формы украшено тремя сосочками. Ручка начинается от венчика и прикреплена к верхней части тулова. Высота кувшинчика - 7,4 см, высота горловины - 2,8 см, диаметры: венчика - 6,6 см; тулова - 8,6 см; дна - 4,9 см (Рис.44,2).

Третий - светло-охристый глиняный кувшин с носиком-сливом и овальной в сечении ручкой. Изготовлен на гончарном круге. Тулово шаровидной формы. Ручка начинается от венчика и прикреплена к верхней части тулова. Горловина украшена с двух сторон (ближе к ручке) парными сосочками. Высота кувшина - 16,7 см, высота горловины - 5,1 см, диаметры: венчика - 9 см (с носиком-сливом - 10,1 см); тулова - 13,8 см; дна - 6,2 см (Рис.45,2).

Четвертый - светло-охристый глиняный кувшин без ручки с раструбистым венчиком. У основания горловины с одной стороны имеются два сосочка. Изготовлен из хорошо отмученной глины и сформован на гончарном круге. Тулово шаровидной формы. Высота кувшина - 12 см, высота горла - 4 см, диаметры: венчика - 9,3 см; тулова - 12 см; дна - 5,4 см (Рис.44,3).

Пятый - светло-охристый глиняный кувшин с носиком-сливом и ручкой, овальной в сечении. Венчик с обеих сторон от носика-слива резко отогнут наружу. Носик-слив украшен двумя сосочками - по одному с каждой стороны. Тулово шаровидной формы. Ручка начинается на горле и прикреплена к верхней части тулова. Высота кувшина - 11,5 см, высота горловины - 4 см, диаметры: венчика - 7,2 см (с носиком-сливом - 8,6 см); тулова - 10,8 см; дна - 6,5 см (Рис.45,1).

Первые два описанные кувшинчика являются хорошим хронологическим показателем. Они датируются соответственно V в. и VI-VIII вв.³² Остальные сосуды, судя по аналогам, встречаются и в более позднее время. Предварительно могильник нами датируется V-VIII вв.

Мы кратко описали и перечислили 29 катакомбных могильника, в том числе и те, что были обследованы нами. Однако известных катакомбных могильников исследуемой территории значительно больше. Все они освещены в специальной литературе, поэтому мы считаем возможным ограничиться указанием их местонахождения с ссылками на соответствующие литературные источники:

30. Алды³³; 31. Гвардейское³⁴; 32. Сурхахи³⁵; 33. Пседах³⁶; 34. На р. Мартанке³⁷; 35. Урус-Мартан (2 могильника)³⁸; 40. Гудермес³⁹; 41. Чир-Юрт (могильник №1)⁴⁰; 42 - 43. Джалка (2 могильника)⁴¹; 44. Шали⁴²; 45. Герменчук⁴³; 46. Майртуп⁴⁴; 47.

Ножай-Юрт⁴⁵; 48. Ушкалой⁴⁶; 49. Грозный - Ханкала⁴⁷; 50. Грозный - Тыртова роща⁴⁸; 51. Яндырка⁴⁹; 52. Грозный - железнодорожная больница⁵⁰; 53. Грозный - Черноречье⁵¹; 54. Экажево. Мог. №152; 55. Насыр-Корт⁵³; 56. Джейрах⁵⁴ (Рис.12,30-56).

На территории Чечено-Ингушетии, таким образом, известно на сегодняшний день 56 катакомбных могильника, которые датируются со II-III вв. до XIII - XIV вв. н.э. (в это число мы не включили могильники из “скальных катакомб”). Для сравнения отметим, что всего на территории Центрального Предкавказья, входящей в ареал “аланской” культуры, не считая территорию Чечено-Ингушетии, известно 76 катакомбных могильников⁵⁵. В это число включаются и могильники из скальных захоронений (“скальные катакомбы”), которых только в Кисловодской котловине насчитывается 12.⁵⁶ Как видно, из общего числа учтенных могильников “аланской” культуры более 42% находится на территории Чечено-Ингушетии. Действительное их количество (учитывая, что у каждого поселения (городища) должен быть могильник), вероятно, больше. Еще совсем недавно здесь было известно лишь около десятка катакомбных могильников, расположенных, в основном, к западу от р. Аргун⁵⁷. Однако в результате археологических исследований, проведенных в 1970-80-е годы, были выявлены новые катакомбные могильники к востоку от Аргуна - Исти-Су, Аллерой, Майртуп, Бердуты, и др. Это значительно расширило их топографию вплоть до Дагестана и внесло существенные коррективы в определение восточных границ аланской культуры. Почти все перечисленные нами могильники в какой-то степени исследованы, а добытый при этом материал разработан и интерпретирован⁵⁸. Вместе с тем следует отметить, что ни один из них не раскопан полностью.

Картографирование катакомбных могильников показывает, что почти все они расположены в предгорной зоне края и, отчасти, в горах. Из них 9 могильников находятся на Терско-Сунженской возвышенности: 2 - на правом берегу Терека, на северных склонах Терского хребта; 2 - между Терским и Сунженским хребтами у с. Пседах; 5 - на левом берегу Сунжи, к югу от Сунженского хребта. К югу от Сунжи, на примыкающей к горам Чеченской наклонной равнине известно 33 могильника. В горах, в основном в зоне стыка с предгорьями расположено 14 могильников. Как мы видим, география катакомбных могильников края показывает явное тяготение их к лесистым предгорьям. В степных районах северокавказской равнины, к северу от очерченного ареала, катакомбные могильники неизвестны. Такое расположение катакомбных могильников характерно и для других районов Северного Кавказа, входивших в ареал “аланской” культуры.

Вместе с тем в предгорной зоне отмечены и могильники из погребальных сооружений, характерных для горной зоны. Это подземные и полуподземные склепы и каменные ящики VIII - XIV вв. у с. Мужичи, каменные ящики VIII - IX вв. у с. Верхний Даттых, могильник из подземных склепов у с. Бамут и др.⁵⁹ Выявлены здесь и три погребения в грунтовых ямах: два одиночных погребения внутри Алхан-Калинского городища и детское погребение на катакомбном могильнике VII - нач. VIII вв. у с. Аллерой⁶⁰. Малочисленность их, возможно, объясняется недостаточной изученностью указанной территории.

По характеру наземного сооружения катакомбы исследуемой территории подразделяются на грунтовые (подавляющее большинство) и подкурганные. Последние эпизодически встречаются на всем протяжении I тыс. н.э. и на всей предгорной

территории края - Братское (II - III вв.); Алхан-Кала (III - V вв.); Аллерой (VII - VIII вв.); Алхасты, мог. 2 (VIII - IX вв.) и др. Подкурганные захоронения равнинной степной зоны, где безраздельно господствовали племена, находившиеся в кочевом быту, вероятно, принадлежат кочевникам. При этом, вопреки сложившейся в научной литературе традиции, мы не вкладываем в понятие "кочевники" этнический смысл. Вне степи в данном случае в предгорной зоне Северного Кавказа, население которой вело оседлый образ жизни, такого определенного вывода сделать нельзя. Обычай сооружения кургана над могилами имеет у оседлого населения Кавказа древние традиции. Он был широко распространен в предгорной зоне Северного Кавказа и в Закавказье с эпохи ранней бронзы⁶¹. В последнее время в предгорной зоне Северного Кавказа (Северная Осетия) и на территории Грузии выявлены подкурганные захоронения, относящиеся к концу IV тыс. до н.э. Это вносит дополнительный и существенный элемент дискуссионности в распространенную в специальной литературе традицию связывать истоки курганных захоронений только с равнинной степной зоной Восточной Европы и позволяет по-новому взглянуть на проблему происхождения курганных захоронений на Кавказе⁶². Кроме того, курган, как деталь наземного оформления могилы, является всего лишь одним из элементов погребального обряда и не может служить (сам по себе) этническим признаком. Скорее всего, курганы в исследуемое время связаны с идеологическими представлениями местного населения. Отмеченные выше различия погребений по характеру наземных сооружений (наличие или отсутствие кургана), определяется, очевидно, некоторыми своеобразиями в религиозных представлениях населения, оставившего их.

Погребальные камеры обычно имеют в плане овальную форму и купольный (чаще) или стрельчатый свод. Вместе с тем встречаются камеры, которые имеют в плане круглую, подквадратную, подтреугольную формы (Верхн. Алкун, погр. №2; Мартан-Чу, мог. №2, погр. №8; Исти-Су, погр. №1). В одной из стен камер, довольно часто, имеются небольшие ниши (в 17% катакомб IV - VIII вв.). Входная яма (дромос) расположена обычно под прямым углом к камере. Входное отверстие (лаз) чаще всего заложено каменной плитой, но встречаются - сырцовые кирпичи, дерево, глина и жернова⁶³.

Практически около половины захоронений в катакомбах (до VIII в.) индивидуальны. Парные захоронения встречаются реже, но так же имеют значительное распространение. Количество коллективных (3 и более) захоронений невелико. Существенные изменения в количественном составе погребенных происходит в X - XII вв.: сокращается число индивидуальных захоронений - возрастает количество парных и коллективных.

Большинство погребенных (из числа зафиксированных) покоилось, вытянуто на спине и при этом:

- а) конечности протянуты вдоль туловища (в большинстве случаев);
- б) левая (правая) рука протянута вдоль туловища, а кисть правой руки (левой) лежит на тазовых костях;
- в) руки сложены на животе крестообразно;
- г) скрещены ноги в коленях;

д) ноги слегка подогнуты⁶⁴.

Вместе с тем отмечены случаи, когда костяк лежит скорченно или вытянуто на боку - Алхасте, мог. 2; Алкун; Фуртоуг; Мартан-Чу, мог. 1, погр. №23.

Встречаются могилы, сочетающие останки совместно положенных погребенных в вытянутом на спине, скорченном, вытянутом на боку положениях - Дуба-Юрт, мог. 1, погр. №1; Мартан-Чу, мог. 1, погр. №№22, 23, 28, 31.⁶⁵

Ориентировка погребенных, даже в пределах одного отрезка времени и одного могильника, особой стабильностью не отличается. Однако в общем преобладает широтное направление - запад и северо-запад.⁶⁶

Отмечены случаи сдвигания костей ранее погребенных для очередного захоронения - Мартан-Чу, мог. 1, погр. №№1, 2, 18, 20, 23; Аллерой, погр. 1 и др.⁶⁷

Часто в могилах встречаются древесные угли как в засыпке, так и в виде скоплений у головы, ног, тазовых костей. Иногда под покойником прослеживается угольная подстилка. В некоторых катакомбах она довольно значительна и образует сплошной слой под костяком - Мартан-Чу, Мог. 1, погр. №№10, 13, 15; Верхний Алкун⁶⁸.

Часто встречаются в катакомбах и остатки заупокойной пищи в виде костей крупного и мелкого рогатого скота. Иногда встречаются черепа или целые скелеты баранов. Отмечены случаи конских захоронений⁶⁹.

Почти во всех погребениях обнаружен разнообразный инвентарь - керамика, оружие, украшения и т.п.

Отмеченные детали погребального обряда находят широкие аналогии не только в катакомбных могильниках Северного Кавказа, но и в некрополях горной зоны из каменных ящиков, грунтовых ям, подземных и полуподземных склепов, которые (как однозначно признается специалистами) являются исконно местными погребальными сооружениями и имеют древние местные истоки, что несовместимо с попытками их использования как этнического признака миграции североиранцев на эту территорию.

Господство индивидуальных захоронений является одной из устойчивых черт некрополей из каменных ящиков и грунтовых ям с эпохи бронзы и до позднего средневековья⁷⁰. Вместе с тем в каменных склепах, которые, как и катакомбы, служили коллективными усыпальницами, парные и коллективные захоронения имели довольно значительное распространение уже с эпохи бронзы. Так, в Гатын-Калинском могильнике II тыс. до н.э. в 5 склепах из 12 исследованных обнаружено от 2 до 12 скелетов, т.е. парные и коллективные погребения составляют 41,5 %⁷¹. В эпоху раннего средневековья число парных и коллективных захоронений в склепах постепенно увеличиваются и к концу I тыс. н.э. становится господствующим⁷². Интересно, что увеличение числа парных и коллективных захоронений на рубеже раннего и позднего средневековья отмечено и для некоторых некрополей из каменных ящиков. Так, в Борзойском могильнике из каменных ящиков XIII - XIV вв. из 19 погребений, в которых были найдены останки усопших, 8 (42,1 % от общего числа) содержали два и более костяков. В одном из них были обнаружены останки 19

человек⁷³.

Вытянутое положение костяков фиксируется на Северном Кавказе, включая и территорию Чечено-Ингушетии, с последней четверти III тыс. до н.э. и широко практикуется на Северном Кавказе, как в предгорной зоне, так и в горах (в том числе и в высокогорной зоне Чечено-Ингушетии) со II тыс. до н.э.⁷⁴ Чаще всего оно встречается в камерных погребальных сооружениях, каменных гробницах-склепах, ямах, перекрытых камнем или деревом, каменных ящиках⁷⁵. Примечательно, что именно для вытянутых костяков характерна широтная (запад-восток) ориентация⁷⁶. Как видно, вытянутую позу костяков и характерную для нее широтную ориентацию, нет никаких оснований, связывать с влиянием иноязычных кочевников Предкавказской равнины скифо-сарматского времени⁷⁷, так как процесс “выпрямления” костяков и установления широтной ориентации начался на Кавказе значительно раньше и имеет местные истоки. В раннем средневековье вытянутая поза костяка и широтная ориентация преобладают во всех типах погребальных сооружений⁷⁸.

В специальной литературе была высказана мысль, что такие детали как положение кисти руки на таз, перекрещенные ноги являются характерной чертой погребального обряда сарматских (ираноязычных) племен и свидетельствуют о проникновении последних в предгорные районы Северного Кавказа⁷⁹. Однако указанные детали погребального обряда находят широкие аналогии в исконно местных погребальных сооружениях не только I тыс. н.э.⁸⁰, но и II тыс. до н.э.⁸¹ Как видно, на Кавказе они имеют древние традиции. В.Б. Ковалевская совершенно правильно отметила, что при рассмотрении погребальных памятников Северного Кавказа, такие детали как перекрещенные ноги, положение кисти руки на таз нельзя считать признаком сарматского (иранского) влияния⁸².

Характернейшей чертой погребального обряда древних кавказцев, как и у многих других земледельческо-скотоводческих племен, по крайней мере, с I-ой пол. III тыс. до н.э. и до позднего средневековья, является, и наличие в могилах древесных углей⁸³ и заупокойной пищи в виде остатков костей крупного и мелкого рогатого скота⁸⁴. Иногда в погребениях находят черепа или целые скелеты баранов⁸⁵.

Находят аналогии в местных погребальных сооружениях раннего средневековья и предшествовавших эпох (II - I тыс. до н.э.) и другие элементы погребального обряда в катакомбах - положение покойника на боку; сочетание вытянутой и скорченной позы костяков в одном погребении; сдвигание останков ранее погребенного при очередном захоронении; глиняная или угольная подстилка под костяки; конские захоронения (черепа, кости ног или целые скелеты)⁸⁶. Существует мнение, что конские захоронения или конская сбруя в могилах являются этническим признаком ираноязычных кочевников⁸⁷. С этим трудно согласиться. И дело тут не только в том, что указанные детали сами по себе не могут служить этническим показателем. Обряд захоронения с конем был известен у кавказцев задолго до появления в степных районах Северного Кавказа ираноязычных кочевников⁸⁸. Как установлено, уже в конце III тыс. до н.э. населению Кавказа была знакома домашняя лошадь. Об этом свидетельствуют находки костей и глиняных фигурок домашней лошади на поселениях Куро-Аракской и Майкопской культур и изображение лошади на одном из серебряных сосудов, обнаруженных в Майкопском кургане⁸⁹. Найденные в погребальных памятниках Майкопской культуры, в частности Чечено-Ингушетии, бронзовые псалии свидетельствуют, что с конца III тыс. до н.э. лошадь на Кавказе использовалась для

верховой езды. Кстати, за пределами Северного Кавказа столь древние бронзовые псалии неизвестны⁹⁰. Как считает Р.М. Мунчаев, домашних лошадей на Северном Кавказе в III - II тыс. до н.э. было мало и владели ими, вероятно, “богатые семьи, представители родо-племенной знати”⁹¹. Однако, учитывая довольно слабую изученность памятников этого времени (особенно на территории Чечни и Ингушетии) такой вывод представляется довольно поспешным. С развитием на Кавказе отгонного (яйлажного) скотоводства роль лошади, как транспортного животного, в хозяйстве оседлого населения предгорной зоны значительно возрастает, но занимает в нем, в отличие от хозяйства собственно кочевого населения Предкавказских степей или кочевников Средней Азии, употреблявших конину и кобылье молоко в пищу, далеко не ведущее место⁹². Как видно, традиция коневодства на Северном Кавказе прослеживается непрерывно с эпохи ранней бронзы. Возможно, на его развитие и оказывали определенное влияние кочевое население Предкавказской равнины. Однако появление сбруи и захоронений коней в могилах местного оседлого населения предгорной зоны Северного Кавказа могло быть связано не с этническими передвижениями, а в первую очередь, с существенным возрастанием роли лошади в хозяйстве (особенно в подвижно-скотоводческом-отгонном, яйлажном) и внутренним социальным развитием общества. Кроме того, детали конской сбруи относятся к разряду самых подвижных элементов в археологической культуре и при выявлении этнической принадлежности памятника они могут иметь лишь значения как признаки, дополняющие погребальный обряд.

Широкие аналогии в местных погребальных сооружениях (склепы, каменные ящики и т.д.) I тыс. н.э. и предшествующих эпох имеет и разнообразный инвентарь катакомбных могильников.

Среди деталей, составляющих погребальный обряд, одним из ведущих этнических показателей является керамика. “Наряду с этим керамика является хорошим хронологическим показателем”⁹³. Раннесредневековая керамика центральных районов Северного Кавказа имеет ряд черт, специфических только для нее: характер обжига (серый цвет в изломе и на поверхности), лощения (черное, блестящее, полосчатое, из заштрихованных треугольников, ромбическое и т.д.), пропорция сосудов, место расположения ручки, зооморфные ручки и т.д. В разных районах она имеет лишь отдельные локальные особенности. Так, на сосудах восточного варианта аланской культуры (Северная Осетия, Чечено-Ингушетия) преобладают ручки на тулове; на сосудах западного варианта ручка “всегда начинается на горле и часто непосредственно от венчика”. Вместе с тем в разных типах погребений (катакомбы, подземные и полуподземные склепы, каменные ящики, грунтовые ямы) на одной территории (в данном случае Чечено-Ингушетия), как в предгорной, так и в горной зонах, керамика идентична⁹⁴. Анализ керамического материала аланской культуры показывает “преемственность в гончарной традиции от кобанской культуры к аланской, то есть именно керамика демонстрирует местные корни раннесредневековой аланской культуры” (Рис. 15-25; 27; 30; 39; 42-45)⁹⁵.

Местные кавказские традиции, истоки которых уходят в эпоху раннего железа, и даже бронзы, проявляются и в изготовлении разнообразных амулетов, зеркал, оружия, поясных пряжек, поясных наборов, бронзовых браслетов, бронзовых подвесок в виде колокольчиков, серег с напускной бусиной в виде четырнадцатигранника, бронзовых украшений, изображающих оленей и других животных и т.д. (Рис. 46; 47; 49-55)⁹⁶. Так, специфическими для Северного Кавказа элементами инвентаря являются зеркала и

амулеты (Рис.49; 50; 52-55). Они встречаются во всех типах погребальных сооружений (катакомбы, склепы, каменные ящики и т.д.). Истоки металлических амулетов на Кавказе уходят в эпоху бронзы и раннего железа. Немногие аналогии в одновременных северокавказским памятниках на территории Евразии “можно рассматривать как результат связи с Кавказом”⁹⁷. Вместе с тем во всех типах погребальных сооружений встречаются отдельные импортные (восточные, византийские, закавказские) или изготовленные по импортным образцам ремесленные изделия (поясные наборы, оружие, конское снаряжение и т.д.), которые могут являться хорошим хронологическим, но не этническим показателем. Наличие их в первую очередь объясняется разнообразными торговыми связями, но отнюдь не этническим передвижением. Кроме того, они получают распространение на юге Восточной Европы и Северном Кавказе после гуннских походов (особенно в период расцвета Хазарского каганата - VIII - X вв.) и не могут служить эталоном при выявлении на Северном Кавказе этноязыковых иранцев⁹⁸.

Как мы видим, в инвентаре и деталях погребального обряда катакомбных погребальных сооружений Чечено-Ингушетии нет ни одного элемента, который можно было бы с большей или меньшей уверенностью связать с этноязыковыми иранцами. Сравнительный анализ деталей погребального обряда и вещевого материала погребальных памятников центральных районов Северного Кавказа, в частности Чечено-Ингушетии, показывает, что “аланская” материальная культура, сложившаяся здесь в раннем средневековье, была в такой же мере единой для населения, хоронившего в катакомбах, как и для населения, оставившего подземные и полуподземные склепы, каменные ящики, грунтовые ямы, скальные захоронения и имела местные кавказские корни⁹⁹. В этом, вероятно, и заключалась ее специфичность, отличающая ее от одновременных ей материальных культур других территорий. Исключение составляет лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры, оставленной аланами, обитавшими в VIII - IX вв. в бассейне верхнего течения Дона. Однако последние являются переселенцами с Северного Кавказа¹⁰⁰.

Одним из важных элементов катакомбного погребального обряда является “катакомбное” погребальное сооружение. В специальной литературе широко бытует мнение о принадлежности катакомб предгорной зоны Центрального Кавказа, прикочевавшим сюда ираноязычным “аланам”. Вопрос об истоках этого типа погребальных сооружений остается дискуссионным до настоящего времени¹⁰¹. Большинство археологов связывает катакомбные погребальные сооружения Центрального Предкавказья с ираноязычными сармато-аланскими кочевыми племенами Нижнего Поволжья и Приуралья. Е.П. Алексеева считает возможным видеть их истоки в Средней Азии¹⁰².

Однако, как уже отмечалось исследователями, катакомбные погребальные сооружения не были характерны для населения Нижнего Поволжья и Приуралья¹⁰³. К.Ф. Смирнов собрал на этой обширной территории всего 35 катакомбных погребений, которые датируются в пределах от V в. до н.э. - первых веков н.э.¹⁰⁴ От общего числа исследованных здесь погребений этого периода (более 3.000) они составляют чуть более 1%¹⁰⁵. Обращает на себя тот факт, что столь незначительное число отдельных катакомбных погребений приходится на огромную территорию - более 400-500 тыс. кв. км., т.е. одно погребение - на более 11-14 тыс. кв.км и относительно большой хронологический отрезок времени - V в. до н.э. - первые века н.э. Более того, только 9 катакомбных погребений (1 - в Нижнем Поволжье, и 8 - в Южном Приуралье) из 35

относятся к 1 типу (катакомба с перпендикулярным к камере входом), что составляет лишь 0,3 % от общего числа погребений. Причем с III - II вв. до н.э. они здесь исчезают¹⁰⁶. В то время как на Северном Кавказе 1-го типа господствуют¹⁰⁷. Для сравнения отметим, что в предгорной зоне Чечено-Ингушетии, на территории менее 10 тыс. кв. км. известно 56 катакомбных могильника, т.е. один могильник приходится на 200 кв. км. При этом необходимо учесть, что указанная территория далеко не полностью изучена.

Кроме того, детали погребального обряда и инвентарь северокавказских катакомб не подтверждают массовую миграцию ираноязычных кочевников с Поволжья и Приуралья на Северный Кавказ. Как совершенно правильно отметила М.П. Абрамова, “если считать, что катакомбные погребения начинают распространяться на Северном Кавказе с приходом аланских племен, то самые ранние северокавказские катакомбные погребения должны быть близки, во-первых, к памятникам сарматских племен Поволжья и Приуралья... и, во-вторых, эти памятники в разных районах Северного Кавказа должны быть близки друг другу”. Однако “местные особенности в конструкции катакомб и в некоторой степени в инвентаре наиболее четко прослеживаются в самой ранней группе могил” - II - I вв. до н.э. Единый тип погребального сооружения - катакомба с перпендикулярным к камере дромосом на Северном Кавказе начинает преобладать со II - III вв. н.э.¹⁰⁸ Но именно такие катакомбы К.Ф. Смирнов не находит возможным связать с влиянием племен Поволжья и Приуралья¹⁰⁹. Характерной чертой северокавказских катакомб является наличие у них узкого входа - лаза, соединяющего камеру с входной ямой. Катакомбы Поволжья, Приуралья и Средней Азии, в том числе и катакомбы первого типа, такого лаза не имеют¹¹⁰. В связи с вышесказанным, мнение о генетической преемственности северокавказских катакомб от поволжско-приуральских и среднеазиатских представляется более чем проблематичным. Тем более что происхождение поволжско-приуральских и среднеазиатских катакомб неясно. Так, А.С. Скрипкин, исследовавший катакомбное погребение в Астраханской области, считает возможным связать его с влиянием северокавказской среды¹¹¹. К.Ф. Смирнов считает, что сама идея сооружения катакомб в Поволжье и Приуралье могла зародиться под влиянием больших грунтовых (камерных) могил с деревянным перекрытием и специально устроенным входом¹¹². Вместе с тем, высказано мнение, что “на происхождение катакомб первого типа (с перпендикулярным к камере входом - Р.А.) Южного Приуралья” могли оказать влияние ранние катакомбы Средней Азии. Происхождение же последних связывается с наземными деревянными погребальными камерами со входом, заваленными сверху землей и камнем, то есть с деревянными склепами¹¹³. Погребения в катакомбах с середины I тыс. до н.э. известны на обширной территории Евразии. Встречаются они и в отдельных районах Западной Европы и даже в Мексике¹¹⁴. В связи с этим попытки связать их происхождение и распространение с какой-либо одной определенной областью и каким-либо одним определенным этносом, основываясь при этом лишь на одном признаке - форме могильного сооружения, представляются неубедительными. Сама идея сооружения подземных камер со входом могла возникнуть у различных племен и этнических групп, обитавших как в Поволжье, Приуралье и Средней Азии, так и на Кавказе, самостоятельно, под влиянием камерной погребальной обрядности предшествовавших эпох. Как совершенно справедливо считает К.Ф. Смирнов, что “причина появления и распространения катакомб в скифо-сарматское время на обширной территории Евразии, вероятно кроется не столько во взаимных связях, сколько в близких идеологических, религиозных представлениях этих народов, в особом их представлении о загробном мире своих умерших сородичей”¹¹⁵.

Все вышеизложенное не позволяет считать катакомбные погребальные сооружения Центрального Предкавказья определяющим и обязательным признаком пришлых ираноязычных кочевников. Здесь еще раз приведем мнение М.Г. Мошковой, которая, проанализировав огромный археологический материал Подонья - Приуралья, пришла к выводу, что “все археологические материалы с территории первоначального расселения савроматов-сарматов говорят о том, что невозможно увязать между собой два господствующих в науке положения - с одной стороны, отнесение алан к кругу ираноязычных сармато-массагетских племен, и, с другой, - привнесении аланами или какими-то другими сарматскими племенами I в. до н.э. - I в. н.э. (внутри которых вызревал аланский союз, как пишет В.Б. Виноградов) катакомбного способа погребения на Северный Кавказ”¹¹⁶.

В работах некоторых исследователей, прямо или косвенно касающихся вопроса о происхождении северокавказских катакомб, получил распространение достаточно дискуссионный, на наш взгляд, тезис о несвойственности их для местных племен ни для данной, ни для предшествующих эпох¹¹⁷. На основании этого предпринимаются попытки выявить истоки катакомбных погребений на любой территории, где предполагается обитание этноязыковых иранцев - “сармато-алан”. Однако, как было отмечено выше, на этих территориях катакомбные погребения так же несвойственны для предшествующих эпох и происхождение их связывается с камерными погребальными сооружениями предшествующего (появлению катакомб) времени. Как видно, складывается довольно парадоксальная ситуация - принадлежность “катакомб” ираноязычным “сармато-аланам” доказывается на основании местных камерных погребальных сооружений Кавказа (наземные склепы), но происхождение катакомб связывается с камерными погребальными сооружениями других (в том числе, довольно далеко отстоящих от Кавказа - Нижнее Поволжье, Приуралье, Средняя Азия, Северное Причерноморье, Крым) территорий!? Некоторую путаницу в вопрос о происхождении этого типа погребальных сооружений вносит, вероятно, и закрепившееся за ними название “катакомба”. В специальной литературе уже отмечалось, что наименование “катакомба” для обозначения северокавказских погребальных сооружений избрано неудачно¹¹⁸. Действительно, катакомбы (итал. ед.ч. catacomba), - это “системы подземных помещений”, обычно искусственного происхождения, служившие в древности для отправления культа и захоронений (в Риме, Керчи, Киеве и др.)¹¹⁹. В то время, как “катакомбы” Северного Кавказа представляют собой отдельные подземные камеры, вырубленные в грунте, без применения камня, в одной из стен которых имеется узкое входное отверстие - лаз, соединяющий камеру с входной ямой - “дромосом”. Аналогичные им подземные сооружения, стены и потолок которых выложены из камня, называются склепами.

Применение исследователями термина “дромос” для обозначения входной ямы “катакомбы” так же представляется нам неверным, в силу следующих соображений. Дромос (греч. *drōmos*, букв. - бег, путь) обозначает “крытый горизонтальный или наклонный коридор, ведущий в погребальную камеру гробницы”¹²⁰. Входная яма северокавказских “катакомб” перекрытий не имеет. Она представляет собой узкую яму в виде траншеи, углубленную в материк одним краем, которая полностью после захоронения засыпалась землей.

Конструктивное сходство “катакомб” и склепов наблюдается не только в устройстве, но и в оформлении интерьера - лежанки, ниши, сводчатый или стрельчатый

потолок и т.д. Принципиальное конструктивное сходство и генетическая связь склепов и “катакомб” исследуемой территории уже отмечались исследователями¹²¹. Правомерность этого не вызывает сомнений. Вместе с тем концепция Л.Г. Нечаевой о происхождении северокавказских склепов от “катакомб”¹²², как правильно считают специалисты, вряд ли может быть принята¹²³. На основании всего вышеизложенного, представляется возможным предложить свое понимание вопроса о происхождении “катакомб” в предгорной зоне Центрального Предкавказья. Погребальные сооружения, составляющие элемент погребального обряда, может, на наш взгляд, подвергаться некоторым конструктивным изменениям, в зависимости от ландшафтно-географической среды, что было отмечено и специалистами¹²⁴. Различия, имеющиеся в конструкции склепов и “катакомб”, продиктованы, по нашему мнению, именно естественно-географическими, ландшафтными условиями и, соответственно, природным строительным материалом, характерным для данной местности. В этой связи мы считаем необходимым, дать соответствующую характеристику методики производства работ при сооружении каменных склепов и земляных “катакомб”.

В строительстве подземного каменного склепа, на ровной местности, мы выделяем три этапа: 1-й этап - расчистка горизонтальной площадки, углубленной в материк; 2-й этап - сооружение из камня гробницы с узким лазом; 3-й этап - после совершения захоронения площадка вместе с гробницей засыпается материковым грунтом (Рис.56,1А-3А). В данном случае, когда в склепе совершенно одиночное захоронение, входная яма отсутствует. Она появляется лишь при последующем захоронении (Рис.56,4А). В полуподземном склепе, который строился так же в три этапа, необходимость во входной яме полностью отпадает, т.к. передняя стена с лазом выходит на дневную поверхность (Рис.56,5А). Примечательно, что некоторые склепы, расположенные в пологих склонах возвышенностей, имеют небольшой “дромос” - горизонтальный или наклонный коридорчик с каменными стенками и перекрытием, выходящий на дневную поверхность¹²⁵ (Рис.56,6А).

Строительство земляных “катакомб” носило несколько иной характер. Строились они так же в три этапа: 1-й этап - выкапывалась входная яма в виде узкой траншеи, углубленной в материк одним краем; 2-й этап - в узкой отвесной стене входной ямы вырубался узкий лаз и через него - камера; 3-й этап - после совершения захоронения лаз закрывался и входная яма засыпалась материковым грунтом (Рис.56,1Б-3Б). При ровном и наклонном рельефе местности сооружение “катакомбы” производилось только через входную яму. И наличие отвесной стенки здесь является обязательным элементом начального цикла строительных работ. В условиях же естественного вертикального рельефа необходимость входной ямы полностью отпадала - “скальные катакомбы” (Рис.56,4Б).

Таким образом, являясь не обязательной для строительства подземных каменных склепов, входная яма выполняла функции вспомогательного элемента, необходимого лишь для последующих захоронений. В “катакомбе” же она носит обязательный характер, т.к. строительство основного сооружения (камеры) возможно только через нее, но опять-таки в условиях ровного или наклонного рельефа местности, выполняя в последующем те же функции, что и в каменных склепах.

Конфигурация каменных склепов и земляных “катакомб” (прямоугольные или округлые формы конструкций) диктовались, очевидно, также характером строительного материала (камень, земля). Округлая конструкция камер, вырубленных в

земле, более устойчива по прочности, долговечна и менее трудоемка при строительстве. В целом земляные “катакомбы” и склепы каменные (а также скальные “катакомбы”, пещерные погребения, вырубленные в мягком грунте в отвесных склонах и скальные склепы, где боковые и передняя стенки выложены из камня) очевидно являются разновидностями одного - камерного типа погребальных сооружений, из которых “катакомбы” характерны для предгорной зоны (где нет или мало камня), а каменные склепы - для гор. Причем из двух наименований (“катакомба”, склеп) последнее представляется более правильным: “Склеп (от польского - sklep - “свод, подвал”), внутреннее помещение гробницы, обычно углубленное в землю или высеченное в скале”¹²⁶. “Наличие разных терминов для определения одного типа погребальных сооружений, - как правильно отметила М.П. Абрамова, - вносит путаницу и приводит иногда к неверным выводам”¹²⁷. Поэтому их правильное называть: земляные склепы; каменные склепы; скальные (наскальные) склепы. В основе названных погребальных сооружений лежит единый камерный принцип погребения, для которого характерен коллективный обряд погребения, т.е. все они, являются коллективными усыпальницами. В отличие от других погребальных сооружений, где захоронения производились через верх, в них для этой цели специально было оставлено окошко - лаз.

Камерный обряд погребения на Кавказе имеет древние традиции. Разнообразные камерные погребальные сооружения (каменные ящики, склепы, ямы, перекрытые каменными плитами - в горах; ямы, перекрытые деревом, гробницы, сложенные из бревен и перекрытые деревом - в предгорьях) были широко распространены здесь с III тыс. до н.э. Недавно на территории Грузии было исследовано подкурганное наземное камерное погребальное сооружение из камня конца IV тыс. до н.э.¹²⁸ Как правильно указывает В.И. Марковин, в зонах, где мало камня погребальные камеры сооружались из дерева, а в горной зоне, где камня очень много - из камня¹²⁹. По классификации В.Б. Ковалевской, они относятся к группе однокомпонентных погребальных сооружений, в которые погребаемый обычно вносится сверху¹³⁰.

Но уже со II тыс. до н.э. в горах и предгорной зоне Северного Кавказа и Закавказья получают распространение двух-трехкомпонентные каменные погребальные сооружения, в которых погребаемый вносится с боку, через входное отверстие - лаз. Среди них представляют интерес склепы, исследованные в Чечено-Ингушетии у с. Эгикал I. Они “снабжены не только входными отверстиями (лазами), но и специальными полками, на которые укладывали умерших”¹³¹. К этому же времени относятся обнаруженные в Триалети и Зуртакети подкурганные “каменные постройки в виде обширных залов площадью до 150 кв.м с длинным входом-дромосом”. Вместе с тем в ряде курганов содержались погребальные камеры площадью до 120 кв.м, перекрытые бревенчатым накатом¹³². В предгорной зоне Северного Кавказа чаще встречаются камеры, сооруженные из дерева¹³³. Во II тыс. до н.э. в степной зоне Юго-Восточной Европы (от Поволжья до Приднепровья) получает распространение катакомбная культура (или культурно-историческая общность). Могильники из “катакомб” - земляных склепов этого времени были открыты и в Приморском Дагестане у с. Великент (Дербентский р-н). Исследователями предполагались тесные связи племен катакомбной культуры с Кавказом и участие кавказского этнокультурного компонента в сложении и развитии последней. Эти предположения были подтверждены исследованными недавно на Великентских катакомбных могильниках новых “катакомб” - земляных склепов, относящихся к эпохе ранней бронзы - 1-й пол. III тыс. до н.э. Они характеризуются Т-образным соединением

входной ямы с погребальной камерой “почковидной” формы; коллективным обрядом захоронения; использованием органических подстилок; посыпкой погребенных угольками, мелом, реже - кусочками охры; засыпкой пола мелкой щебенкой; большим количеством и разнообразием керамической посуды (так, в катакомбе №8 мог. I найдено около 500 сосудов). В погребениях также были найдены украшения (бусы, подвески, пронизки, браслеты, булавки и т.д), оружие (булавы, ножи-кинжалы, топор), орудия труда (шилья), предмет культового характера (модель колеса). Входные лазы были заложены каменными плитами. Исследованные “катакомбы” - земляные склепы древнее памятников катакомбной культуры Юго-Восточной Европы и являются одной из особенностей дагестанского локального варианта Куро-Аракской культуры. Они дают веские основания считать, “что процесс возникновения и становления катакомбного погребального обряда и связанного с ним культурно-исторического фона в степях был весьма сложным. Среди многочисленных культурных компонентов, задействованных в нем, кавказский культурно-исторический компонент, по всей видимости, играл ведущую роль”¹³⁴. На всем протяжении I тыс. до н.э. в горах Кавказа наряду с другими типами погребальных сооружений продолжают бытовать каменные склепы, а в предгорьях отмечены камеры, сооруженные из дерева¹³⁵. Широкое распространение получают двух-трехкомпонентные погребальные сооружения - каменные склепы - подземные и полуподземные (в горах) и земляные склепы - “катакомбы” (в предгорьях) в эпоху раннего средневековья. В это же время земляные склепы - “катакомбы” появляются в Закавказье¹³⁶. Во второй половине I тыс. н.э. в горах появляются скальные (наскальные) склепы. А с конца эпохи раннего средневековья вплоть до XVIII - XIX вв. широкое распространение в горах центральной части Северного Кавказа получают наземные склепы.

Таким образом, камерные погребальные сооружения, в том числе, и двух-трехкомпонентные, появились на Кавказе (в том числе и на территории Чечено-Ингушетии) в конце IV-III тыс. до н.э. и прошли длительный путь от сооружений эпохи ранней бронзы до средневековых гробниц, снабженных лазом и полками¹³⁷. Следует отметить, что в I тыс. н.э. и позднее они особенно характерны для территории Чечено-Ингушетии. Так, здесь “известных на сегодня склеповых некрополей насчитывается около 100, в Северной Осетии - 30, в Юго-Осетии - 22 отдельно стоящих склепа (кстати, в Осетии они включаются, наряду с земляными склепами - “катакомбами”, в круг памятников материальной культуры, принадлежавших якобы “ираноязычным” аланам!?-Р.А.), в Балкарии и Карачае - 17, в других районах Северного Кавказа - еще меньше. Из общего числа склепов подземных: в Чечено-Ингушетии третья часть, в Северной Осетии - восьмая, на остальной территории они единичны”¹³⁸. Из обнаруженных учеными могильников из земляных склепов (“катакомб”) Центрального Предкавказья, более 42% также находится на территории Чечено-Ингушетии. Кроме того, к настоящему времени здесь выявлено большое число некрополей из скальных склепов (“скальных катакомб”) - Чармахой, Ялхарой, Галанчож, Терх, Кели и др. На некоторых из них насчитывается до 300 погребальных сооружений¹³⁹.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что идея сооружения земляных склепов (“катакомб”) могла возникнуть в предгорной зоне Центрального Предкавказья (в том числе, и Чечено-Ингушетии) и в Закавказье (Грузия, АзербайджанII) на рубеже нашей эры и получить распространение в раннем средневековье, самостоятельно, в результате воздействия ландшафтно-географической среды, относительного саморазвития местных традиций камерной погребальной обрядности предшествующих эпох под влиянием общественно-исторических, религиозных представлений местного

аборигенного населения. При этом мы не исключаем возможность определенного влияния на распространение в Центральном Предкавказье земляных склепов “традиций местного эллинизированного населения, обитавшего в западных районах Кавказа и на территории азиатского Боспора”¹⁴⁰.

Таким образом, распространенное в научной литературе мнение о массовом приходе и оседании в предгорной зоне Центрального Кавказа “в первые века нашей эры из европейских степей ираноязычных кочевников”, основанное на распространении здесь погребальных сооружений определенного типа - земляных склепов (“катакомб”), на наш взгляд содержит значительный элемент дискуссионности¹⁴¹. Тем более, что погребальное сооружение, как один из элементов погребального обряда, не может само по себе, без учета всех в совокупности элементов составляющих его, служить этническим показателем. Вместе с тем, погребальный обряд (по общему признанию специалистов - самый надежный и стойкий этнический признак) земляных склепов (“катакомб”), с учетом всех в совокупности составляющих его элементов, позволяет с достаточной долей уверенности заключить, что “аланская” материальная культура раннего средневековья территории Чечено-Ингушетии имела местные корни и была единой как для населения предгорной зоны, так и для населения гор.

ПРИМЕЧАНИЯ

I В конце 1980-х гг. на этом же могильнике были исследованы склепы конца III тыс. до н.э. (автор искренне благодарит за предоставленную информацию археолога, кандидата исторических наук Д.Ю. Чахкиева).

II Материалы позволяющие предположить какие-либо изменения местной этнической номенклатуры (проникновение и оседание этноязыковых иранцев-"алан") в погребальном обряде земляных склепов ("катакомб") ни в Грузии (автор искренне признателен археологу, д.и.н.Рамину Рамишвили за любезно предоставленную в 1985 г.возможность ознакомиться с соответствующими материалами Душетской экспедиции), ни в Азербайджане (см.: Халилов Дж.А.Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985.с.94-103) не обнаружены.

1. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ в II - I тысячелетии до н.э. // МИА. 1958. № 68; Крупнов Е.И. Десять лет деятельности СКАЭ в Чечено-Ингушской АССР // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С.13; Марковин В.И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.124-125; Кузнецов В.А. Аланская культура... С.39; и др.

2. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963. С.43, 58; Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ. Вып. XVII. М., 1948. С.40; Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. С.105-108; и др.

3. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. С.72-74.

4. ОАК за 1888 г. С. ССIII - ССIV; Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-

Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИИЯЛ. Т. I. Грозный, 1938. С.12.

5. ОАК за 1898 г. С.160-161; Виноградов В.Б. Сарматы... С.71-72; Крупнов Е.И. Археологические... С.36-37.

6. Крупнов Е.И. Археологические... С.36-37; Виноградов В.Б. Сарматы... С.72.

7. Захаров А.А. Древности из Ассинского ущелья // Изв. ИНИИ. Орджоникидзе - Грозный, 1935. С.129-139; Крупнов Е.И. Археологические памятники Ассинского ущелья // Тр. ГИМ. Вып. 12. М., 1941. С.187.

8. ОАК за 1890 г. С.87-90; Кузнецов В.А. Аланские племена... С.24.

9. Семенов Л.П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИИМК. Вып. XVI. 1952. С.117-118; Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терек... С.39.

10. Багаев М.Х. Работы в Аргунском и Джераховском ущельях Чечено-Ингушетии // АО - 1971. М., 1972. С.131; Он же Фуртоугская катакомба // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С.5-7.

11. Виноградов В.Б., Марковин В.М. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966. С.29.

12. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА. 1974. № 2.

13. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.124.

14. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.118.

15. Круглов А.П. Археологические... С.13-27.

16. Круглов А.П. Археологические... С.19-27.

17. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО - 1973. М., 1974. С.101; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Разведочные работы в Чечено-Ингушетии // АО - 1974. М., 1975. С.101-102; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО - 1975. М., 1976. С. 115-116; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977-1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.5-26; Савенко С.П. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 г. // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.28-32.

18. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С.65-67.

19. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы... С.167; Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Исследования в низовьях р. Мартан // АО - 1977. М., 1978. С.111-112.
20. Даутова Р.А., Петренко В.А. Новые археологические памятники в Чечне // АО - 1972. М., 1973. С.123-124; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы... С.67.
21. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы... С.67-69.
22. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые... С.69-70.
23. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые... С.71.
24. Багаев М.Х. Раннесредневековые... С.184; Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхинский 1-й могильник в верховьях реки Шаро-Аргун // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С.31; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево - Черкесии. М., 1971. С.85; и др.
25. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.155. Рис. 27, 10; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая... С.85. Табл. 25, 7; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.215; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне. С.22, 24,
26. Рис. 9-14; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые... С.71. Рис. 5, 14-25, 26-28, 51-64; и др.
26. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л. Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1975 году // ЧИРКМ. НВ № 8722. С.16-17, 21; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник у селения Харачой // АЭС. Т. 4. 1976. С.82; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые... Рис. 3, 27 - 41; и др.
27. Деопик В.Б. Классификация и хронология аланских укреплений // МИА. № 114. 1963. С.130. Рис. 2, 10.
28. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С.32, 35, 49, 53; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.82.
29. ЧИРКМ. ОС № 10625.
30. Арсанукаев Р.Д. Полный научный отчет...; Мамаев Х.М. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV - первой половины VIII в. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С.61. Рис. 6, 2.
31. Арсанукаев Р.Д. Полный научный отчет...; Мамаев Х.М. Хронология... С.47. Рис. 1, 15, 16; Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. № 2. 1969. Рис. 3.
32. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. С.86.
33. ОАК за 1888 г. С. ССІХІІІ.
34. Виноградов В.Б., Марковин В.М. Археологические памятники... С.124.

35. Багаев М.Х. Раскопки раннесредневековых могильников у селений Харачой и Дай // АО - 1969. М., 1970. С.121.
36. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии. С.117.
37. ОАК за 1900 г. СПб., 1902. С.59-60.
38. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.78. Мамаев Х.М. Хронология... С.59, 61, 65.
39. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.78.
40. Мамаев Х.М. О хронологии раннесредневековых катакомбных могильников Чечено-Ингушетии // VIII "Крупновские чтения" (тезисы докладов). Нальчик, 1978. С.89.
41. Мамаев Х.М. О хронологии... С.90; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.71.
42. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.71.
43. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.71.
44. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.71.
45. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.72.
46. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой // СА. № 3. 1974. С.266-269.
47. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.77.
48. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.77.
49. Несколько погребений было разрушено в 1993 г. при строительстве дороги. Найденный вещевой материал (зеркала, бусы, керамика, бронзовые браслеты, подвески, сабли) находится в Назрановском музее. Могильник датируется IX в. н.э.: Автор искренне благодарен археологу Д. Чахкиеву за эту информацию.
50. Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Новые материалы из катакомбных могильников IV - V вв. н.э. района г. Грозного // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.22.
51. Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Новые... С.22-23, 26.
52. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Итоги работ в плоскостной зоне Республики Ингушетии//Археологическая конференция Кавказа. Краткие содержания докладов. Тбилиси, 1998. С.63.

53. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Итоги... С.63.
54. Чахкиев Ю.Д. Археологические древности Джейраховского ущелья и Ассинской котловины горной Ингушетии // Археологическая конференция Кавказа. Краткие содержания докладов. Тбилиси, 1998. С.120.
55. Ковалевская В.Б. методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992. С.30.
56. Афанасьев Г.Е. К вопросу о происхождении аланского варианта Салтово-Маяцкой культуры // Античные государства и сарматский мир. Орджоникидзе, 1981. С.50. Рис.1.
57. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.13-29; Он же. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V - XIII вв. С.26; и др.
58. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. С.12-28; Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека... С.38-49; Кузнецов В.А. Аланские племена... С.24-26; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник... С.5-26; и др.
59. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.52, 58-59.
60. Виноградов В.Б. Культовые места аланского Алхан-Калинского городища. С.86-89; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы... С.67-68.
61. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С.309; Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М., 1962. С.33-54, 64, 122, 126, 130; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.244-246; и др.
62. Махарадзе З. Новые открытия археологической экспедиции Каспского района//Археологическая конференция Кавказа. Краткие содержания докладов. Тбилиси, 1998. С.91-92.
63. Мамаев Х.М. Население плоскостной зоны Северного Притеречья в эпоху раннего средневековья. Автореферат на соиск.уч.степ.канд.ист. наук. М., 1985. С.9-10.
64. Мамаев Х.М. Население... С.10.
65. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне. С. 7-11, 14 - 18; Савенко С.Н. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника. С.31; и др.
66. Мамаев Х.М. Население... С.10.
67. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1974 году. С.12, 14; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мамаев Х.М., Дударев С.Л. Отчет о работах предгорно-плоскостной археологической экспедиции в Чечено-Ингушетии в 1976 году. С. 18; Петренко В.А., Даутова Р.А., Виноградов В.Б. Отчет о полевых исследованиях разведочно-рекогносцировочного отряда археологической экспедиции Чечено-

Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы за 1972 год. Грозный, 1973 // ЧИРКМ. НВ № 2718. С.28; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник... С.7, 11.

68. Семенов Л.П. Археологические разведки в Ассинском ущелье. С. 117 - 118; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л. Отчет об археологических... С. 8, 18; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мамаев Х.М., Дударев С.Л. Отчет о работах... С.5.

69. Кузнецов В.А. Аланские... С.25; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических... С.20-21; и др.

70. Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатын-Кале) // ДЧИ. М., 1963. С.52-103; Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С. 95; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С.54; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник у селения Харачой. С.75-81; Даутова Р.А. Новые материалы по средневековой археологии горной Чечни // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С.75-83; и др.

71. Марковин В.М. Новый памятник... С.53-103.

72. Кузнецов В.А. Аланские... С.103-106; Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Новые данные о средневековых склепах Чечено-Ингушетии // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.33-59; и др.

73. Даутова Р.А. Новые материалы... С.82.

74. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С.308; Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в Чечне. С.108; Он же. Культура племен Северного Кавказа... С.50, 59; Ошаев М.Х. Материалы из Чечни по археологии бронзового века // АЭС. Т. IV. Грозный, 1976. С.22; и др.

75. Марковин В.И. Новый памятник... С.108; Он же. Культура племен... С.54, 59-60; и др.

76. Марковин В.И. Культура племен... С.50.

77. Виноградов В.Б. Центральный... С.33-87.

78. Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.76-80; Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхинский 1-й могильник... С.27-28; и др.

79. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. С.14; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С.84.

80. Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.76-80; Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхенский... С.15; Алексеева Е.П. Древняя... С.84; Даутова Р.А. Новые материалы... С.80; и др.

81. Марковин В.И. Новый памятник... С.66, 72; Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у

станции Мекенской // ДЧИ. М., 1963. С.22; Артамонова-Полтавцева О.А. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период // СА. № XIV. 1950. С.25, 29; и др.

82. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С.79-80.

83. Мунчаев Р.М. Кавказ... С. 284, 314; Он же. Луговой могильник (исследования 1956 - 1957 гг.) // ДЧИ. М., 1963. С.142; Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы... С.24; Марковин В.И. Новый... С.62; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (юго-восточная Чечня) // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С. 47; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.100; Даутова Р.А. Новые материалы... С.75-76; Магомедов Р.Г., Гаджиев Ш.М. Великентские катакомбы эпохи ранней бронзы//Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Краткие содержания докладов международной научной сессии. Тбилиси, 1997. С.92-94; и др.

84. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э.//МИА. М.-Л., 1958. С.57-58; Марковин В.И. Новый... С.62; Мунчаев Р.М. Кавказ... С. 172; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильники... С.97; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.78; и др.

85. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.165-166.

86. Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.77; Он же. Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С.131; Он же. Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С.39; Он же. Раннесредневековая материальная культура... С.100, 135; Марковин В.И. Новый... С.56-69, 108; Марковин В.И. Культура племен... С.132; Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. С.105; Виноградов В.Б. Археологические разведки... С.141; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973 // ЧИРКМ. НВ № 8720. С.5, 8; и др.

87. Виноградов В.Б. Центральный... С.33.

88. Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII - VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С.253.

89. Мунчаев Р.М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблемы возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С.71-73.

90. Мунчаев Р.М. Бронзовые... С.73-76.

91. Мунчаев Р.М. Бронзовые... С.73; Марковин В.И. Культура... С.132.

92. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. С.105.

93. Ковалевская В.Б. Северокавказские... С.87.

94. Кузнецов В.А. Аланские... С.108-114; Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. С.86; Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа.

С.76; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.83-84; и др.

95. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. С.131; Виноградов В.Б. Сарматские племена Северного Кавказа. С.94; Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. № 2. 1969. С.64-84; и др.

96. Ковалевская В.Б. Кавказ... С. 161-163; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая... С. 97; Атаев Д.М. Височные подвески с четырнадцатигранником // СА. 1963. № 3. С.233-235; Багаев М.Х. Раннесредневековый... С. 82-83; Он же. Раннесредневековая... С.188-196, 201-208, 246-248; Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхинский... С. 30-35; и др.

97. Ковалевская В.Б. Северокавказские... С.86.

98. Кузнецов В.А. Аланские... С. 36; Он же Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С.227; Ковалевская В.Б. Кавказ... С.159.

99. Ковалевская В.Б. Северокавказские... С. 83; Алексеева Е.П. Древняя... С.97; и др.

100. Плетнева С.П. Хазары. М., 1976. С.74; Она же. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.70.

101. Кузнецов В.А. Аланские... С.14; Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С.151-159; Ковалевская В.Б. Кавказ... С.91; Абрамова М.П. Вопросы историографии и проблемы археологии Центрального Предкавказья сарматского времени//XVI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов). Ставрополь, 1990. С.15; и др.

102. Алексеева Е.П. Этнические связи сармат и ранних алан с местными племенами Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976. С.146; и др.

103. Скрипкин А.С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИД. Вып. 140. 1974. С.62-63; Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения Уральской области // СА. № 4. 1978. С.227; и др.

104. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Кавказа // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С.16-17.

105. Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и Междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э. - II в. н.э. // СА. № 3. 1974. С.37; Абрамова М.П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Восточной Европы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.70; Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С.23.

106. Мошкова М.Г. К вопросу... С.24.

107. Абрамова М.П. К вопросу... С. 67-70.
108. Абрамова М.П. К вопросу... С.65, 67-70.
109. Смирнов К.Ф. Сарматы... С.19.
110. Абрамова М.П. Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. // КСИА. Вып. 124. 1970. С.94.
111. Скрипкин А.С. Позднесарматское... С.63.
112. Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.56, 64.
113. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные... С.226.
114. Кузнецов В.А. Аланская культура... С.25.
115. Смирнов К.Ф. Сарматы... С.15.
116. Мошкова М.Г. К вопросу... С.29.
117. Кузнецов В.А. Аланские... С.14; Он же. Аланская... С. 25; Ковалевская В.Б. Кавказ... С.91; и др.
118. Кулаковский Ю. Две керченские катакомбы с фресками // МАР. Т. 19. 1896. С.2; Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы (Середина I тыс. до н.э. - первые века н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С.9; и др.
119. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С.564.
120. Советский... С.418.
121. Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф.канд.дис. Л., 1956. С.17-18; Она же. О генетической связи аланской и осетинской культуры позднего средневековья // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С.38-39; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С.289; и др.
122. Нечаева Л.Г. Могильник... С.17-18.
123. Кузнецов В.А. Аланская... С.39; Марковин В.И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.124-125; и др.
124. Марковин В.И. Культура племен... С.178.
125. Нечаева Л.Г. О генетической... С.39; Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Новые данные...

С.34-43, 50-52.

126. Советский энциклопедический словарь. С. 1230.

127. Абрамова М.П. Катакомбные... С.9.

128. Мунчаев Р.М. Кавказ... М., 1975. С.170-171, 284-285; Чубинашвили Т.Н. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971. С. 69-71; Чеченов И.М. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике // СА. № 2. 1970. С.109-124; Махарадзе З. Новые открытия... С.91-92.

129. Марковин В.И. Культура племен... С.178.

130. Ковалевская В.Б. Кавказ... С.152-153.

131. Марковин В.И. Склепы эпохи бронзы у с. Эгикал в Ингушетии // СА. № 4. 1970. С.85-89. Рис. 2, 3, 7, 8; Он же. О возникновении склеповых... С.124.

132. Массон В.М. Древние гробницы вождей на Кавказе. (Некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С.105.

133. Марковин В.И. Культура племен... С.122-126.

134. Марковин В.И. Культура... С.127; История народов Северного Кавказа. С.56; Магомедов Р.Г., Гаджиев Ш.М. Великентские катакомбы... С.92-94.

135. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре... С. 74-75; Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные... С.100-101.

136. Алиев И.Г., Асланов Г.М. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагетского круга в первые века нашего летоисчисления // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С. 72 - 88; Раминишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., Каландадзе З.А., Рчеулишвили Г.М., Гогерия Д.Д., Марчвелашвили М.Г., Циклаури И.Д., Чихладзе В.В., Глонти М.Г., Церетели К.Б., Робакидзе Ц.В., Циклаури Д.К., Жинвальская экспедиция // АО - 1977. М., 1978. С.489.

137. Марковин В.И. О возникновении... С.124-125.

138. Даутова Р.А. Некоторые аспекты изучения позднесредневековых склепов Северного Кавказа // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2. С.175.

139. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.27, 35, 51.

140. Абрамова М.П. Вопросы историографии... С.15.

141. Ковалевская В.Б. Северокавказские... С.88.

ГЛАВА III.

ПАМЯТНИКИ АЛАНСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

1. Бытовые памятники.

На территории современной Чечено-Ингушетии в настоящее время известно 150 бытовых памятников I - XIII вв. Это определенно свидетельствует о большой плотности населения здесь в исследуемое время. Об этом говорит и арабский географ X в. н.э. Масуди при описании Алании, под которой он подразумевает и территорию Чечено-Ингушетии: “царство аланов граничит с царством Серир” и “представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов”¹. Кстати, картографирование бытовых памятников известных на исследуемой территории показывает, что они действительно располагаются на незначительном расстоянии друг от друга.

Следует отметить, что бытовые памятники Чечено-Ингушетии, к сожалению, почти не изучены (частичные стационарные археологические раскопки производились лишь на Алхан-Калинском городище). Исследование их представляется крайне важным и необходимым для выявления особенностей быта и хозяйства населения данной территории, характера их взаимоотношений с населением гор, а также народами, обитавшими по соседству с ними.

При характеристике бытовых памятников мы пользовались в основном опубликованными материалами Л.П. Семенова, А.П. Круглова, Е.И. Крупнова, Т.М. Минаевой, В.И. Марковина, В.Б. Виноградова, М.Х. Багаева, Х.М. Мамаева.

а) Городища

Поскольку единственно стационарно исследованным из бытовых памятников Чечено-Ингушетии I тыс. н.э. является Алхан-Калинское городище, то обзор мы начнем с него.

1. Алхан-Калинское городище - одно из крупнейших в Центральном Предкавказье, расположено в 4 км. к западу от сел. Алхан-Кала на высоком левом берегу реки Сунжи. Оно занимает территорию более одного километра в длину и обнесено глубокими рвами. Наружную ограду городища составлял ров, глубиной 9 м с довольно крутыми склонами. Вдоль внутреннего края рва идет вал, на котором еще в прошлом веке были заметны остатки мощной каменной стены². Внутри площади городища на расстоянии 135 м от первого идет второй ров, глубиной до 2,5 м. Оба рва с двух сторон доходят до 20-метрового обрыва над поймой Сунжи. Внутри второго рва, на самом берегу Сунжи находится незначительный участок центральной части городища - цитадель, отделенная от основной его площади рвом округлой в плане формы. В результате того, что Сунжа часто меняла свое русло, часть памятника была еще в древности отделена от ее основной территории.

Впервые городище было обследовано А.И. Бобринским в 1888 году и в дальнейшем неоднократно описывалось исследователями (в 1936 году А.П. Кругловым, в 1938 - Г.В. Подгаецким, в 1945 - Т.М. Минаевой и Н.И. Штанько). Стационарные археологические работы на нем проводили: А.П. Круглов в 1936 году, Г.В. Подгаецкий - в 1938 году, В.Б. Виноградов - в 1965 - 1968 гг³. Вся вскрытая площадь (не включая

раскопки Г.В. Подгаецкого) составляет 802 м²: А.П.Кругловым вскрыто 8 м², В.Б. Виноградовым 794 м², не считая площадь шурфа на валу⁴. Все раскопы носили разведочный характер. Так, В.Б. Виноградовым было заложено 11 раскопов и все на разных участках памятника. Только раскоп 1 1968 года был продолжением раскопа 1 1967 г. Несмотря на то, что такая система раскопок затрудняет получение целостной картины памятника, раскопочный материал позволяет осветить некоторые стороны хозяйственной жизни обитателей предгорной зоны Чечено-Ингушетии. Особый интерес представляют открытые здесь остатки турлучных жилищ. Обнаружена также булыжная мостовая шириной около 3 м, проходящая между ними. Кроме того, расчищены места пяти капищ, где найдено 153 целых курильниц стаканообразной формы. Всего в раскопках В.Б. Виноградова найдено 24520 предметов. Городище было обитаемо в VII - IV вв. до н.э. и в I - XIII вв. н.э. (Рис. 10, 1; 15, 1-5, 7; 29, 1)⁵

2. Вознесенское городище. Располагается в 1,5 км к северо-западу от станицы Вознесенской, на северном склоне Терского хребта. Городище состоит из трех частей и достигает 220 м в длину и 70 м в ширину. Собранный здесь подъемный материал, представляет керамические находки эпохи раннего средневековья (Рис. 10, 2; 19, 12-16)⁶.

3. Братское городище. Находится на четвертой террасе р. Терек на западной окраине сел. Братское (чеч. Ногай-Мирза-Юрт). Городище представляет собой значительный комплекс оборонительных сооружений. Центральная часть укрепления, примыкающая к краю террасы, расположена на холме продолговатой формы. С трех сторон она окружена широким рвом, а с четвертой, северной, ограничена обрывом к реке. С южной и восточной сторон к центральному укреплению примыкает второе укрепление, окруженное широким рвом. В юго-восточной части холма прослеживается въезд, перед которым находятся два небольших холма округлой формы, окруженные также рвами. Длина всего укрепления около 300 м, в том числе длина центральной части городища - 140 м. По обе стороны городища прослеживаются остатки древнего поселения. Общая протяженность участка, занятого городищем и поселением, превышает 1 км (Рис. 10, 3)⁷.

4. Гвардейское 1-е городище. Расположено к югу-востоку от сел. Гвардейское (чеч. Али-Юрт) в том месте, где третья терраса Терека примыкает к четвертой. Укрепление слегка возвышается над окружающей местностью в виде продолговатого холма, окруженного рвом. С северной стороны городище размыто Тереком. Толщина культурного слоя 1,5 м. Длина укрепленной части городища около 40 м². Часть подъемного материала относится к раннесредневековому периоду. (Рис. 10, 4)⁸

5. Гвардейское 2-е городище. Расположено в 3 км от первого городища. Укреплено двумя рвами. Часть керамического материала датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 5)⁹.

6. Знаменское 4-е городище. Обнаружено близ сел. Знаменское (чеч. Чулга-Юрт) на высоком берегу Терека. Исследовано М.П. Севастьяновым, который собрал здесь подъемный материал, относящийся и к раннему средневековью (Рис. 10, 6)¹⁰.

7. Знаменское 5-е городище. Расположено рядом с описанным. Исследовано М.П. Севастьяновым. Подъемный материал с обоих городищ идентичен (Рис. 10, 7)¹¹.

8. Терское городище. Находится недалеко от хутора Терского на берегу Терека. Среди собранной здесь разновременной керамики есть фрагменты, характерные для эпохи раннего средневековья (Рис. 10, 8)12.

9. Верхне-Наурское 1-е городище. Расположено в 2 км к востоку от сел. Верхний Наур, на краю третьей террасы р. Терек. Большая часть городища разрушена рекой. Со стороны террасы городище укреплено широким, сильно заплывшим рвом глубиной 1, 65 м. Площадка городища (32 x 8 м) возвышается на 13,7 м над террасой. Часть подъемного материала датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 9)13.

10. Верхне-Наурское 2-е городище. Находится на той же террасе в 250 м к северо-западу от первого городища. Оно также сильно разрушено водой. Осталась лишь небольшая площадка длиной 21 м и шириной до 11 м. От террасы площадка отделена широким, заплывшим рвом, глубиной около 3-х м. Над руслом Терека площадка городища возвышается на 17,5 м, а над второй террасой на 12,5 м. Часть подъемного материала датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 10)14.

11. Верхне-Наурское 3-е городище. Обнаружено в 1,5 км к северо-востоку от 1-го городища на третьей террасе р. Терек. Почти полностью размыто рекой. Сохранившаяся часть городища (7 м x 3 м) окружена широким (15 м) сильно заплывшим рвом (0,76 м). Высота укрепления над уровнем второй террасы 11,5 м. Часть подъемного материала датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 11)15.

12. Мундар-Юртовское 1-ое городище. Находится к западу от современного кладбища сел. Мундар-Юрт. Укрепление имеет вид небольшого холма неправильной овальной формы, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Расположено на мысе третьей террасы. С юго-восточной стороны холм укреплен широким рвом. Длина укрепленной части по верхней площадке холма - 18 м. Высота холма над второй террасой 10,1 м, глубина рва около 1,85 м. (Рис. 10, 12)16

13. Мундар-Юртовское 2-е городище. Обнаружено на расстоянии одного километра к юго-западу от первого. Имеет форму холма длиной 17 м, примыкающего с одной стороны к обрыву 3-й террасы. С противоположной стороны окружено заплывшим рвом глубиной около 0,95 м. (Рис. 10, 13)17

14. Шеды-Юртовское городище. Обнаружено на правом берегу реки Терек в 500 м к востоку от сел. Шеды-Юрт. Городище укреплено рвами и валами (Рис. 10, 14)18.

15. Правобережное 1-е городище. Открыто М.П. Севостьяновым в 1949 году на правом высоком берегу р. Терек в 6 -6,5 км к юго-востоку от сел. Правобережное. Длина более 200 м, ширина - 85 м. С запада городище укреплено рвом, примыкающим к северной части к обрыву долины р. Терек. С южной стороны городища сохранился вал с разрывом в середине (въезд!). С востока городище примыкает к крутому склону глубокой балки. По подъемному материалу (фрагменты сероглиняной керамики) датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 15)19.

16. Правобережное 2-е городище. Открыто М.П. Севостьяновым в 1949 году в 3 км к юго-востоку от с. Правобережное (в 3 км к западу от первого). Городище расположено на правом высоком берегу р. Терек. Протяженность городища с запада на восток 60 м, с севера на юг - 42 м. С запада и юга прослеживается ров шириною 15 - 22 м при глубине

3 м. С востока городище ограничено глубокой балкой, с севера - крутым обрывом долины р. Терек. По керамике датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 16; 13)20.

17. Горячеисточненское 1-е городище. Расположено на нескольких возвышенностях с крутыми склонами, на северо-западной окраине станицы Горячеисточненской. Протяженность городища с севера на юг около 700 м, а с востока на запад - около 300 м. Городище укреплено рвами и валами (Рис. 10, 17)21.

18. Горячеисточненское 2-е городище. Расположено в 1,5 км от первого на восточной окраине станицы. Укреплено двумя рвами глубиной около 8 м. По размерам городище меньше описанного выше (Рис. 10, 18)22.

19. Виноградненское городище. Выявлено в 3-х км от сел. Виноградное на берегу р. Терек, на естественно укрепленной возвышенности. Дополнительно укреплено рвами и валами (Рис. 10, 19)23.

20. Брагунское 2-е городище. Находится у сел. Брагуны, недалеко от места впадения р. Сунжи в Терек. Здесь собран обильный раннесредневековый материал (Рис. 10, 20)24.

21. Брагунское 3-е городище. Расположено недалеко от второго. Здесь собрано большое число фрагментов раннесредневековой керамики (Рис. 10, 21)25.

22. Ильинское 1-е городище. Открыто Г.В. Подгаецким к востоку от станицы Ильинской (бывш. чеч. аул Бас-г|ала), на западном мысу балки, прорезающей высокий левый берег р. Сунжи. Южная сторона ограничена высоким, крутым берегом. С севера и запада городище окружено большим рвом шириной соответственно - 85 м и 110 м и глубиной - 9 м и 7 м. С северо-востока городище имеет форму треугольника со сторонами - 45 м, 40 м, 22,5 м. (Рис. 10, 22)26

23. Ильинское 2-е городище. Находится на юго-западной окраине станицы на левом берегу р. Сунжи. Укреплено целой системой рвов и валов. Городище существовало в скифо-сарматское время и в раннее средневековье (Рис. 10, 23)27.

24. Петропавловское 1-е городище. Находится на левом берегу р. Сунжи в 3 км. к востоку от станицы Петропавловской (бывш. чеч. аул Чур-Torle). Городище укреплено мощными рвами и валами. Датируется раннескифским и сарматским периодами и ранним средневековьем (Рис. 10, 24)28.

25. Петропавловское 2-е городище. Расположено на левом берегу р. Сунжи в 2,5 - 3 км к западу от станицы. Открыто в 1938 г. Г.В. Подгаецким. С юга городище ограничено естественным береговым склоном в пойму Сунжи. С севера городище укреплено широким рвом (глубина около 5 - 6 м), огибающим городище с востока и запада (Рис. 10, 25)29.

26. Закан-Юртовское 1-е городище. Расположено на западной окраине сел. Закан-Юрт, на высоком мысу левого берега р. Сунжи. Главная часть городища представляет собой площадку (46 м x 100 м) которая значительно выше примыкающей к ней основной площади городища. Она отделяется от последней глубоким рвом (4 м) с крутым подъемом на площадку; с западной стороны ров имеет перемычку, служившую, по всей видимости, проходом в главную часть городища. От этого рва по линии В-3 идет ров и вал через весь мыс вплоть до противоположного обрыва над поймой (Рис. 10, 26)30.

27. Закан-Юртовское 2-е городище. Находится на небольшом мысу высокого левого берега Сунжи в шести километрах к западу от Закан-Юрта. С восточной и западной стороны оно ограничено оврагами, прорезывающими высокий берег перпендикулярно пойме реки. С севера городище ограничено глубоким рвом (8,4 м), соединяющим вершины оврагов. По внутренней стороне рва идет вал. Площадь городища вытянута вдоль берега на 140 м и имеет ширину до 90 м2. (Рис. 10, 27)31

28. Самашкинское 1-ое городище. Открыто “на крутом (левом - Р.А.) берегу над поймой Сунжи, в 2 км к востоку от станицы Самашкинской (чеч. сел. Самашки. - Р.А.). Площадь городища заметно возвышается над окружающей равниной. С восточной и западной сторон памятник окаймлен оврагами. С северной стороны овраги соединены искусственным рвом неправильной вытянутой формы. По внутренней стороне рва - вал. Размеры обнесенной рвом площади по линии С-Ю - 60 м, по линии В-З - 100 м. Мощность культурного слоя 0,7 м. В центре этой площади неглубоким рвом выделен участок квадратной формы, длина сторон которого 13 м.” (Рис. 10, 28)32.
29. Самашкинское 2-е городище. Находится в 1,5 км к западу от сел. Самашки на левом берегу, на первой надпойменной террасе. Занимает ровную местность. С северной стороны оно отделено рвом, дугообразно окаймляющим площадь городища с восточного до западного конца. Длина площади городища с востока на запад 675 м., с юга на север - 325 м. По площади это самое большое из известных городищ после Алхан-Калинского. В наиболее высокой центральной части и на этом городище выделен небольшой четырехугольный участок, обнесенный неглубоким рвом. Подъемный материал состоит из кусков горелой шпильчатой обмазки со следами турлучного строения, обломков от глиняных средневековых мисок, типичных для всех вышеописанных городищ (Рис. 10, 29)33.
30. Серноводское 1-е городище. Расположено на левом берегу р. Сунжи к северо-западу от сел. Серноводск (бывш. чеч. аул Эна-хишка), на древней надпойменной террасе, между двумя оврагами. Укреплено рвами, имеет цитадель. Площадь цитадели более тысячи квадратных метров (Рис. 10, 30)34.
31. Серноводское 2-е городище. В 1938 году Г.В. Подгаецким исследовано городище, расположенное у сел. Серноводск на левом высоком берегу р. Сунжи. Подъемный материал относится к раннему средневековью (Рис. 10, 31)35.
32. Орджоникидзевское городище. К востоку от станицы Орджоникидзевской (бывш. чеч. аул Дибир-Юрт), на расстоянии 1 км., на левом высоком берегу р. Сунжи расположено городище, занимающее мыс, отделенный от основного массива с восточной и западной сторон оврагами, а с северной - двумя рвами. На городище имеется цитадель (Рис. 10, 32)36.
33. Троицкое городище. В 1 км от станицы Троицкой (бывш. чеч. аул Обарг-Юрт), на высоком берегу р. Сунжи, расположено городище с цитаделью. Оно размещается между двумя оврагами и укреплено рвами. Первый ров глубиной 11 м с очень крутыми склонами, отделяет наиболее высокую и меньшую по площади часть и соединяет два упомянутых выше оврага. Второй ров находится на расстоянии 335 м от первого и тоже соединяет овраги. Подъемный материал представлен фрагментами средневековой керамики (Рис. 10, 33)37.
34. Карабулакское городище. Находится на левом высоком берегу р. Сунжи восточнее поселка Карабулак (Рис. 10, 34)38.
35. Барсукинское городище. Находится у сел. Барсуки, на левом берегу р. Сунжи (Рис. 10, 35)39.
36. Пседахское городище. Расположено у сел. Пседах. Открыто в 1975 году. Подъемный материал датирован ранним средневековьем (Рис. 10, 36)40.
37. Нижнеачалукское городище. Зафиксировано М.П. Севостьяновым в 1964 году на отроге Сунженского хребта, в 2-х км. юго-восточнее сел. Нижние Ачалуки (Рис. 10, 37)41.
38. Среднеачалукское городище. Выявлено в 1964 году М.П. Севостьяновым на отроге Оунженского хребта, на юго-восточной окраине сел. Средние Ачалуки (Рис. 10, 38; 14)42.
39. Али-Юртовское 1-е городище. Находится на восточной окраине сел. Али-Юрт.

Состоит из объединенных 4-х укрепленных частей, которые в разрезе смотрятся как ступени лестницы. Цитадель городища местным населением называется Мурад-Боарц (курган Мурада). Длина цитадели более 150 м, ширина 60 - 70 м, а общая длина городища около 250 м. (Рис. 10, 39; 22; 23, 15)43

40. Али-Юртовское 2-е городище. Расположено рядом с первым (Рис. 10, 40)44.

41. Али-Юртовское 3-е городище. Так же находится у сел. Али-Юрт рядом с двумя первыми (Рис. 10, 41)45.

42. Галашкинское городище. Расположено на одном из отрогов Черных гор над сел. Галашки. По подъемному материалу датируется второй пол. эпохи раннего средневековья - концом раннего средневековья (Рис. 10, 42)46.

43. Сурхахинское 1-е городище. Находится в 3-х км. к юго-западу от сел. Сурхахи. Представляет из себя комплекс трех укрепленных участков, отделенных друг от друга рвами. Городище окружено рвом, глубиной до 10 - 15 м. Имеются валы (Рис. 10, 43)47.

44. Сурхахинское 2-е городище. Расположено недалеко от первого, у пруда Эрц-Эли. Городище состоит из четырех частей, которые соединены между собой глубокими оборонительными рвами. Оно вытянуто с юго-востока на северо-запад почти на 1,5 км. С западной стороны городища идет естественная глубокая балка, а с востока искусственный овраг - ров. Высота цитадели около 15 м. (Рис. 10, 44)48

45. Сурхахинское 3-е городище. Расположено в 3-х км. к западу от сел. Сурхахи, в пределах прямой видимости со стороны Али-Юртовского 1-го и Сурхахинского 1-го городищ. Представляет собой несколько различных по размеру и конфигурации холмов, некогда окруженных широким и глубоким рвом. Основная часть собранной здесь керамики, судя по фактуре теста и другим технологическим данным, относится к раннему средневековью (Рис. 10, 45)49.

46. Экажевское 1-е городище. Расположено у сел. Экажево на высоком холме с плоской вершиной, который окружают рвы и валы. В литературе известно под названием Ачим-Барц (холм Ачима) (Рис. 10, 46)50.

47. Экажевское 2-е городище. Расположено в 700 м. юго-восточнее 1-го городища, на вершине невысокой, плоской гряды (Рис. 10, 47; 20, 1-3)51.

48. Гази-Юртовское 1-е городище. Находится у сел. Гази-Юрт, на правом берегу р. Сунжи (Рис. 10, 48)52.

49. Гази-Юртовское 2-е городище. Находится на правом берегу р. Сунжи в 1 км. западнее сел. Гази-Юрт (Рис. 10, 49)53.

50. Яндырское 1-е городище. В 1938 г. Г.В. Подгаецкий осмотрел и описал городище, расположенное у с. Яндырка: "Перед селением (Яндырка. - Р.А.), закрывая с севера его центральную часть против ущелья реки Большая Яндырка, находится возвышенность Бур-Борц (Боур-Борц), в виде гряды небольших всхолмлений, тянущейся с ЗЗЮ на СВВ... Склоны укрепления высотой около 6 - 7 м и очень крутые и ровные, окружены двумя террасами, расположенными одна над другой на высоте около 3 - 4 м и переходящими друг в друга подобной горной дороге. С северо-восточной и юго-западной сторон укрепление имело выходы, где террасы сближаются и понижаются для удобства проезда, а края поверхности укрепления также понижаются". Диаметр поверхности укрепления 50 м. (Рис. 10, 50)54

51. Яндырское 2-е городище. Расположено в 2 км. западнее сел. Яндырка. Городище занимает вершину труднодоступной возвышенности (Рис. 10, 51)55.

52. Шаами-Юртовское городище. Расположено на правом берегу р. Ассы в 2-х км севернее сел. Шаами-Юрт. Укреплено рвами и валами (Рис. 10, 52)56.

53. Шалажинское городище. Находится в 200 м к юго-востоку от сел. Шалажи. В настоящее время большая часть его разрушена в результате смыва и обвала. Городище окружено широким и глубоким рвом (ширина от 15 до 30 м, глубина от 10 до 12 м). По

склонам рва и на поверхности городища встречается в значительном количестве подъемный материал в виде фрагментов средневековой керамики и костей домашних животных. В 1958 году Р.М. Мунчаев, для установления мощности культурного слоя и определения его характера заложил в С-З углу городища, прямо над обрывом, разведочный раскоп площадью 1 x 1 м. В результате была установлена однослойность городища. Обнаруженная в шурфе керамика совершенно аналогична керамике, найденной по склонам рва городища и представлена фрагментами преимущественно сероглиняных сосудов довольно хорошего обжига, сделанных на гончарном круге. На основании этого материала Р.М. Мунчаев датирует памятник X в. н.э. В 1990 г. на территории городища был найден детьми “клад” из 9-ти “куфических” монет-дирхемов VII - VIII вв. Четыре монеты были сохранены и переданы автору, для сдачи в фонды Чечено-Ингушского музея, жителям с. Шалажи А.М. Салгиреевым (в то время студент истфака ЧИГУ). Одна из монет была уже пробита детьми нашедшими этот “клад”. (Рис. 10, 53; 29,4)57.

54. Мартан-Чуйское 1-е городище. Расположено на окраине сел. Мартан-Чу (Рис. 10, 54)58.

55. Мартан-Чуйское 2-е городище. Расположено в 1 км. к западу от с. Мартан-Чу на склоне горы Лечи-Корт (Рис. 10, 55; 19, 1-11; 21, 1-9; 25, 1-10)59.

56. Комсомольское городище. Находится на западной окраине сел. Комсомольское (СаIади-кIотар)Урус-Мартановского района. Открыто в 1959 году. Раннесредневековая керамика, собранная здесь, хранится в фондах Чечено-Ингушского краеведческого музея (Рис. 10, 56)60.

57. Нижне-Гойтское городище. Расположено на р. Гойта в районе сел. Гойты. Подъемный раннесредневековый материал хранится в краеведческом музее (Рис. 10, 57)61.

58. Чернореченское 1-е городище. Находится на восточной окраине сел. Алды. Собранный на памятнике керамика относится к раннему средневековью (Рис. 10, 58)62.

59. Чернореченское 2-е городище. Открыто на западной окраине сел. Алды. Городище аналогично первому и датируется тем же временем (Рис. 10, 59)63.

60. Ханкальское 1-е городище. Расположено на юго-восточной окраине г. Грозного, на вершине отрога с очень крутыми и довольно большими склонами. Памятник имеет двойной ряд рвов глубиной до 6 м. Между рвами насыпаны высокие валы. Цитадель городища окружена рвом глубиной до 8 м. В 1962 году В.Б. Виноградов заложил здесь небольшой шурф, в результате которого найдена керамика скифского времени и раннего средневековья (Рис. 10, 60)64.

61. Ханкальское 2-е городище. Находится в 400 м юго-восточнее первого, на гребне параллельного отрога. Вокруг городища проходит ров. Подъемный материал аналогичен находкам с территории первого городища (Рис. 10, 61)65.

62. Бердыкельское 1-е городище. Расположено на левом берегу реки Аргун на северной окраине сел. Бердыкель. Городище укреплено рвами (Рис. 10, 62)66.

63. Бердыкельское 2-е городище. Находится рядом с первым городище (Рис. 10, 63)67.

64. Сюиль-Кортское городище. Выявлено в 1970 году М.П. Севостьяновым на юго-западном склоне горы Сюиль-Корт, около 2-х км. южнее сел. Пригородное (Рис. 10, 64)68.

65. Чечен-Аульское 1-е городище. Открыто М.П. Севостьяновым в 1949 году на склоне горы Сюиль-Корт, в 1,8 км. северо-западнее сел. Чечен-Аул. По подъемному материалу датировано скифским временем и ранним средневековьем (Рис. 10, 65)69.

66. Чечен-Аульское 2-е городище. Открыто М.П. Севостьяновым в 1970 году в 2-х км. северо-восточнее сел. Чечен-Аула. Относится к раннему средневековью (Рис. 10, 66)70.

67. Гойт-Кортское 1-е городище. Находится на горе Гойт-Корт на правом берегу р. Аргун. По подъемному материалу датируется ранним средневековьем (Рис. 10, 67)71.

68. Гойт-Кортское 2-е городище. Открыто на горе Койт-Корт в 1977 году (Рис. 10, 68)72.
69. Гойт-Кортское 3-е городище. Открыто также в 1977 году на горе Гойт-Корт (Рис. 10, 69)73.
70. Белгатоевское городище. Выявлено в 1970 году М.П. Севостьяновым в 4-х км. севернее сел. Белгатой (Рис. 10, 70)74.
71. Герменчукское городище. Расположено на правом берегу реки Джалка на северо-восточной окраине сел. Герменчук, на высоком холме с крутыми склонами. Высота холма 9 - 10 м. Его плоская вершина имеет размеры - 87 x 55 м. М.Х. Багаевым был заложен разведочный раскоп (2 x 2 м) в центре городища, в результате которого была установлена мощность культурного слоя на данном участке более 1,5 м. Найденная керамика, характерная для городищ и поселений Северного Кавказа, позволила датировать памятник IX -X вв. н.э. (Рис. 10, 71)75
72. Майртупское городище. Выявлено в 1970 году М.П. Севостьяновым на правом берегу р. Гумс в 4 км к северо-востоку от сел. Майртуп (Рис. 10, 72)76.
73. Гудермесское 1-е городище. Находится на южных окраинах города Гудермес, на склоне Новогрозненского (Гудермесского) хребта. На памятнике собран большой раннесредневековый керамический материал (Рис. 10, 73)77.
74. Гудермесское 2-е городище. Расположено также на окраине Гудермеса. Найденная здесь керамика как по фактуре, так по форме и орнаменту сосудов похожа на Алхан-Калинскую (Рис. 10, 74)78.
75. Гудермесское 3-е городище. Открыто на южной окраине города, на возвышенности Гумс-Корт в 1977 году. Имеет сложную фортификационную систему. Керамический материал датирует городище серединой I тысячелетия до н.э. - эпохой раннего средневековья (Рис. 10, 75)79.
76. Гудермесское 4-е городище. Находится в 2 - 2,5 км к северу-востоку от г. Гудермес, на правом, высоком берегу Сунжи. Большая часть памятника разрушена при строительстве очистных сооружений Биохимзавода. В 1989 г. осмотрено автором. В северной и восточной части зафиксированы остатки вала. Собранный керамический материал предварительно датируется: перв. пол.-середина I тыс. н.э. - XIV - XV вв. (Рис. 10, 76; 29, 2, 3).
77. Бачи-Юртовокое городище. Расположено на высоком холме, на правом берегу р. Мичик в 3-х км к С-В от сел. Бачи-Юрт. Площадь плоской вершины холма 75м x 17м. Высота холма 8 м. На склонах отмечено большое количество фрагментов керамики и костей животных. Городище открыто в 1958 году Р.М. Мунчаевым, который для выяснения мощности и характера культурного слоя заложил в центральной его части, разведочный шурф площадью 1,2м (С-Ю) x 1,0м (В-З). В результате этого было выяснено, что толщина культурного слоя городища составляет 1,6 м. По характеру керамики и некоторым наблюдениям, в культурно-хронологическом отношении этот памятник представляется двухслойным. Верхний слой Р.М. Мунчаев датирует ранним средневековьем, нижний - предскифским и скифским временем (Рис. 10, 77)80.
78. Центроевское городище. Расположено на западной окраине с. Центорой, слева от дороги Бачи-Юрт - Центорой. Оно занимает возвышенную платформу (Лекхч-Корт), ограниченную с севера крутыми склонами, с юга - высоким берегом р. Мичик. Материал, собранный здесь, свидетельствует о двух эпохах обитания памятника - скифского и раннего средневековья - (Рис. 10, 78; 21, 1-9; 25, 1-10)81.
79. Аллероевское городище. Расположено у сел. Аллерой на за росшей лесом возвышенности. Датировано по подъемному материалу (керамика) V - XII вв. н.э. (Рис. 10, 79)82
80. Ахкинчу-Барзоевское городище. Открыто в 1977 году в окрестностях сел. Ахкинчу-

Барзой на вершине холма. Найденный здесь подъемный материал (фрагменты керамики) свидетельствует о жизни городища с середины I тыс. до н.э. до первой половины I тыс. н.э. (Рис. 10, 80; 15, 8)83

81. Галайтинское городище. Расположено на северо-западной окраине сел. Галайты, у мощного обрыва к р. Аксай, на правом ее берегу. Восточная часть памятника возвышается на 50 - 70 м. Здесь, вероятно, была цитадель (150 x 80 x 70 м). От нее сохранились только отдельные камни, из которых, видимо, была выложена оборонительная стена. Керамика, собранная с поверхности городища, относится к раннему средневековью (черноглиняные черепки со стоящими или сильно перегнутыми венчиками, край которых часто украшен косыми вдавлениями; обломки чернолощенных мисок с венчиком загнутым внутрь; фрагменты крупных ручек овального сечения с врезами на внешней стороне (Рис. 10, 81)84.

б) поселения

Поселения, в отличие от городищ, не имеют оборонительных сооружений, однако почти все они расположены на естественно укрепленных местах, удобных для защиты.

1. Алхан-Калинское поселение. Расположено на юго-восточной окраине Алхан-Калинского городища. Подъемный материал, собранный здесь, идентичен материалу городища (Рис. 11, 1)85.
2. Братское поселение. Находится на высоком берегу реки Терек рядом с Братским городищем (Рис. 11, 2)86.
3. Гвардейское 1-е поселение. Находятся на юго-западной окраине сел. Гвардейское, за оборонительным валом Гвардейского городища (Рис. 11, 3)87.
4. Верхне-Наурское 1-е поселение. Расположено вокруг одноименного ему городища (Рис. 11, 4)88.
5. Верхне-Наурское 2-е поселение. Находится по обе стороны от Верхне-Наурского 2-го городища (Рис. 11, 5)89.
6. Мундар-Юртовское 1-е поселение. Расположено по обе стороны от Мундар-Юртовского 2-го городища (Рис. 11, 6)90.
7. Мундар-Юртовское 2-е поселение. Расположено на второй террасе р. Терек и примыкает к одноименному городищу (Рис. 11, 7)91.
8. Ильинское поселение. Расположено на юго-западной окраине станицы Ильинский (левый берег р. Сунжи). Открыто М.П. Севостьяновым (Рис. 11, 8)92.
9. Первомайское поселение. Находится на западной окраине станицы Первомайской (Рис. 11, 9)93.
10. Закан-Юртовское 1-е поселение. Находится на высоком левом берегу р. Сунжи, между Закан-Юртовским первым и вторым городищами (Рис. 11, 10)94.
11. Закан-Юртовское 2-е поселение. Расположено рядом с первым поселением (Рис. 11, 11)95.
12. Самашкинское 1-е поселение. Примыкает к Самашкинскому первому городищу (Рис. 11, 12)96.
13. Самашкинское 2-е поселение. Находится на левом берегу р. Сунжи, в 1,5 км к западу от второго Самашкинского городища (Рис. 11, 13)97.
14. Ачалукское поселение. Находится у с. Ачалуки. Судя по керамике, памятник двуслойный (Рис. 11, 14) 98.
15. Пседахское поселение. Обнаружено в 5 км к юго-западу от сел. Пседах. Здесь собрана керамика конца I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э. (Рис. 11, 14)99
16. Паметское поселение. Расположено у сел. Памет на холме. При разведочном раскопе были найдены фрагменты чернолощенной и красноватой керамики, характерной для бытовых памятников раннего средневековья. Е.И. Крупнов датировал поселение VI - X вв. (Рис. 11, 16)100

17. Цеча-Ахкинское поселение. Открыто в верховьях р. Фортанги, на ее правом берегу (Рис. 11, 17)101.
18. Мужичинское поселение. Расположено на левом берегу р. Ассы, в 2 км северо-восточнее сел. Мужичи. Памятник двуслойный. Судя по керамике, относится к скифскому и средневековому времени (Рис. 11, 18)102.
19. Гази-Юртовское поселение. Находится на правом берегу р. Сунжи в 1 км. западнее сел. Гази-Юрт, рядом с Гази-Юртовским 2-м городищем (Рис. 11, 19)103.
20. Алхастинское поселение. Открыто на территории современного кладбища, на окраине сел. Алхасты. По мнению Е.И. Крупнова, керамика, собранная здесь, относится к VI - X вв. н.э. (Рис. 11, 20)104
21. Бамутское 2-е поселение. Находится южнее с. Бамут на левом берегу р. Фортанги. Открыто в 1947 году М.П. Севостьяновым (Рис. 11, 21)105.
22. Шалажинское 1-е поселение. Открыто на левом берегу р. Шалажа, в 4-х км севернее одноименного ему селения (Рис. 11, 22)106.
23. Шалажинское 2-е поселение. Примыкает ко рву Шалажинского городища. Собранный нами в 1990 г. подъемный материал из фрагментов керамики датируется первой пол. I тыс. н.э. - X - XII вв. и, частично, XIII-XVI вв. (Рис. 11, 23)
24. Куларинское поселение. Находятся близ сел. Кулары, на правом берегу р. Сунжи. Датируется I - IV вв. н.э. (Рис. 11, 24)107
25. Рошни-Чуйское поселение. Расположено на левом берегу р. Рошни, к юго-западу от сел. Рошни-Чу (Рис. 11, 25)108.
26. Урус-Мартановское поселение. Обнаружено на левом берегу р. Мартан, южнее сел. Урус-Мартан (Рис. 11, 26)109.
27. Мартан-Чуйское 1-е поселение. Открыто у сел. Мартан-Чу (Рис. 11, 27)110.
28. Мартан-Чуйское 2-е поселение. Расположено вокруг второго Мартан-Чуйского городища (Рис. 11, 28)111.
29. Мартан-Чуйское 3-е поселение. Открыто в окрестностях с. Мартан-Чу. Памятник двуслойный - нижний слой относится к I тыс. до н.э., верхний - к I тыс. н.э. (Рис. 11, 29; 23, 1-14)112
30. Мартан-Чуйское 4-е поселение. Находится у сел. Мартан-Чу. Подъемный материал идентичен найденному на территории третьего поселения (Рис. 11, 30)113.
31. Мартанское поселение. Обнаружено на правом берегу р. Мартан между селениями Мартан-Чу и Урус-Мартан (Рис. 11, 31)114.
32. Алхан-Юртовское поселение. Расположено на северо-восточной окраине сел. Алхан-Юрт, на правом берегу р. Сунжи. Поселение двуслойное (Рис. 11, 32)115.
33. Чернореченское поселение. Расположено на окраине поселка Черноречье (входит в черту г. Грозного) (Рис. 11, 33)116.
34. Южно-Грозненское поселение. Находится на южной окраине г. Грозного. Керамика, собранная здесь, аналогична раннесредневековой керамике Центрального Предкавказья (Рис. 11, 34)117.
- 35-37. Сюир-Кортовские 1-е, 2-е, 3-е поселения. Открыты на склоне горы Сюир-Корт, к юго-востоку от г. Грозного (Рис. 11, 35-37)118.
38. Комсомольское поселение. Расположено у селения Берды-кель на юго-восточной окраине г. Грозного на склоне горы Сюир-Корт. Здесь собраны фрагменты сероглиняных сосудов с вертикальным линейным лощением и фрагменты с волнистым орнаментом (Рис. 11, 38)119.
39. Чечен-Аульское поселение. Обнаружено на левом берегу реки Аргун у сел. Чечен-Аул (Рис. 11, 39)120.
40. Алхазуровское поселение. Расположено на южной окраине сел. Алхазурово, на высоком берегу р. Ингилик. Подъемный материал дает богатую коллекцию

сероглиняной и красноглиняной керамики со всеми орнаментами средневековья. В довоенные годы, при проведении водопровода, здесь были найдены огромные сосуды “хумы” (10 шт.), стоящие цепочкой. Поселение существовало с IX в.н. и до недавнего времени. По документам XIX в. и преданиям старожилов, на месте поселения был большой чеченский аул Ингилик. “Есть веские основания связывать этот аул с поселением и видеть в них город Индили, не раз упоминаемый в русских источниках XVI - XVII веков” (Рис. 11, 40)121.

41. Чишкинское поселение. Обнаружено А.П. Кругловым на высоком левом берегу р. Аргун к северу от сел. Чишки, у входа в Аргунское ущелье (Рис. 11, 41)122.

42. Дачу-Барзойское поселение. Находится в ущелье р. Чанты-Аргун у сел. Дачу-Барзой (Рис. 11, 42)123.

43. Дуба-Юртовское 1-е поселение. Открыто на южном склоне Гесильбийского холма у сел. Дуба-Юрт. Подъемный материал (керамика) синхронен расположенному рядом катакомбному могильнику VIII - IX вв. н.э. (Рис. 11, 43)124

44. Дуба-Юртовское 2-е поселение. Обнаружено на южной окраине сел. Дуба-Юрт в 1966 году М.Х. Багаевым. Собрана большая коллекция красноглиняной и сероглиняной керамики (Рис. 11, 44)125.

45. Чир-Юртовское поселение. Открыто автором в 1989 году. Расположено в 1 - 1,5 км южнее поселка Чир-Юрт на гребне лесистого отрога Черных гор. В 200 м. к западу от него расположен могильник из катакомбных погребальных сооружений VII - IX вв. н.э. (Рис. 11, 45).

46. Измаил-Юртовское поселение. Расположено на правом берегу р. Аргун недалеко от сел. Мескер-Юрт. В 1947 году профессор Бунак собрал здесь керамический материал, в котором встречаются фрагменты сероглиняных сосудов, характерных для эпохи раннего средневековья (Рис. 11, 46)126.

47. Герменчукское поселение. Находятся с юго-восточной стороны Герменчукского городища. Подъемный материал обоих памятников идентичен (Рис. 11, 47)127.

48. Курчалоевское 2-е поселение. Находится на высоком холме у реки, недалеко от сел. Курчалой (Рис. 11, 48)128.

49. Курчалоевское 3-е поселение. Находится у реки Теллинг, на вершине холма. Двуслойно (Рис. 11, 49)129.

50. Майртупское поселение. Расположено на западной окраине сел. Майртуп. Открыто в 1966 году М.Х. Багаевым (Рис. 11, 50)130.

51. Бачи-Юртовское поселение. Обнаружено между селениями Бачи-Юрт и Центарой на левом берегу р. Мичик. Памятник вытянут вдоль реки более чем на 2.000 м. (Рис. 11, 51)131.

52. Центаройское поселение. Расположено в 1 км. от сел. Центарой, слева от дороги Бачи-Юрт - Центарой (Рис. 11, 52)132.

53. Исти-Суйское поселение. Расположено в 4 км к западу от сел. Исти-Су на северном склоне Качкалыковского хребта (Рис. 11, 53)133.

54. Ишхой-Юртовское поселение. Находится к югу от сел. Ишхой-Юрт, на высоком левом берегу р. Аксай у дороги в сел. Мескеты (Рис. 11, 54)134.

55. Ахкинчу-Барзойское 1-е поселение. Обнаружено на высоком левом берегу р. Гумс, против сел. Ахкинчу-Барзой. Открыто в 1967 году В.Б. Виноградовым (Рис. 11, 55)135.

56-59. Ахкинчу-Барзойские 2-е, 3-е, 4-е, 5-е поселения. Открыты в окрестностях сел. Ахкинчу-Барзой в 1973 году. Датируются V - XIII вв. н.э. (Рис. 11, 56-59)136

60. Ялхой-Мохское поселение. Открыто В.Б. Виноградовым в 1965 году в окрестностях сел. Ялхой-Мохк. Поселение существовало в XI - XIII вв. н.э. (Рис. 11, 60)137

61. Курен-Бенойское поселение. Расположено в 1 км к северо-востоку от сел. Курен-Беной на самой возвышенной части, проходящей здесь гряды (Рис. 11, 61)138.

62. Балан-Суйское поселение. Расположено на левом берегу реки Яман-Су у сел. Балан-Су. В.И. Марковин, открывший этот памятник, заложил здесь разведочный раскоп 19 м² и прокопал на глубину 1 м. Находки встречены почти по всей глубине раскопа. На основании собранного материала В.И. Марковин отнес поселение к X - XII вв. н.э. (Рис. 11, 62)139

63. Аллероевское 3-е поселение. Находится на 2-м км к юго-востоку от сел. Аллерой, на склоне горы (Рис. 11, 63)140. 64. Ножай-Юртовское 1-е поселение. Открыто в 1967 году В.Б. Виноградовым на окраине сел. Ножай-Юрт (Рис. 11, 64)141.

65. Ножай-Юртовское 2-е поселение. Выявлено В.Б. Виноградовым у сел. Ножай-Юрт в 1969 году (Рис. 11, 65)142.

66. Ножай-Юртовское 3-е поселение. Находится у сел. Ножай-Юрт, на левом берегу р. Яман-Су (Рис. 11, 66) 143.

67. Бельтинское поселение. Открыто в 1 км к северо-западу от сел. Бельты на левом высоком берегу р. Гумс. Памятник двуслойный - I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. (Рис. 11, 67)144.

68. Харачойское поселение. Расположено на юго-восточной окраине сел. Харачой на восточном склоне "Башенного мыса". Подъемный материал (фрагменты сероглиняной керамики) характерен для эпохи раннего средневековья (Рис. 11, 68; 21, 10; 24; 1-3; 25, 11, 12) 145.

69. Сержень-Юртовское поселение. Находится у сел. Сержень-Юрт на правом берегу р. Хулхулау (Рис. 11, 69) 146.

70. Шалинское поселение. Расположено на окраине сел. Шали. Подъемный материал (фрагменты керамики) относятся к раннему средневековью (Рис. 11; 70; 20; 6-8).

В общей сложности на территории Чечни и Ингушетии нами учтено 151 бытовых (81 городище и 70 поселений) памятников на которых выявлен материал, датируемый, I - XIII вв. н.э. Их действительное количество, вероятно, значительно больше, так как специальные целенаправленные работы по их выявлению на территории Чечено-Ингушетии (особенно в горной зоне) не проводились. В основном все они датированы по характерным особенностям подъемного материала (керамика). При этом учтены и те памятники, с которых происходят даже единичные находки, относящиеся к исследуемому времени. Частичные стационарные раскопки проводились лишь на одном Алхан-Калинском городище. Немногим более десятка городищ (Бачи-Юртовское, Ханкальское, Герменчукское, Шалажинское и др.) и поселений (Алхазуровское, Дачу-Барзойское, Балан-Суйское и др.) датировано по материалам разведочных раскопов. Таким образом, приходится с сожалением признать, что ни один бытовой памятник края археологически полностью не изучен. Это не позволяет выяснить узкую хронологию памятников, динамику их развития, время появления искусственных оборонительных сооружений на конкретном городище и количественное соотношение укрепленных городищ и неукрепленных поселений в определенные хронологические периоды. Однако, несмотря на слабую изученность бытовых памятников, весь комплекс факторов все же позволяет на наш взгляд, рассмотреть некоторые вопросы этноисторической ситуации на территории Чечни и Ингушетии в исследуемое время, предложить свое понимание их. В определенной степени наша задача облегчается тем, что попытки интерпретировать эти памятники специалистами уже предпринимались¹⁴⁷.

Картографирование бытовых памятников показывает их неравномерное расположение на территории края. Так, по правому берегу р. Терек находится 26 (17,22 %) памятников, между Терским и Сунженским хребтами - 6 (3,97 %), к югу от

Сунженского хребта известно - 119 (78,8 %) из них: по левому берегу р. Сунжи - 21 (13,9 %); к югу от р. Сунжи - 98 (64,9 %). Последние распределяются следующим образом: на Чеченской предгорной наклонной равнине - 68 (45 %); в горной зоне - 30 (19,86 %). Относительная малочисленность бытовых памятников в горной зоне объясняется, в первую очередь, крайне слабой изученностью этой территории, а также тем, что они часто перекрывались более поздними поселениями. Как мы видим, известные на сегодня бытовые памятники в большинстве своем находятся в предгорной зоне. Относительно небольшая часть бытовых памятников, известных в горной зоне, в основном, находятся в Черных горах, то есть в зоне стыка гор с предгорной зоной. Как правило, бытовые памятники расположены по берегам рек на естественно укрепленных местах. Причем абсолютное большинство их (119) сосредоточено к югу от Сунженского хребта, на территории, защищенной с севера (со стороны Предкавказских степных равнин) естественными преградами - р. Терек, Терским и Сунженским хребтами. Такое расположение бытовых памятников трудно объяснить иначе, как явным тяготением местного населения предгорной зоны исследуемого времени к лесистым предгорьям, ближе к горам, которые являлись для него тылом. Это подтверждается и соотношением городищ и поселений по линии С-Ю.

Так, к северу от Терского хребта, по правому берегу р. Терек находится 20 городищ (76,9 %) и 6 поселений (23,1 %). По левому берегу р. Сунжи - 15 городищ (71,4 %) и 6 поселений (28,6 %). К югу от р. Сунжи - 43 городища (43,9 %) и 55 поселений (56,1 %). Из них 31 городище (70,45 %) и 13 поселений (29,55 %) расположены на территории шириной до 15 км, примыкающей к р. Сунже с юга по всему ее течению. Непосредственно в предгорьях и, отчасти, в горах - 12 городищ (22,22 %) и 42 поселение (77,78 %). Как видно, по мере приближения к горам количество укрепленных городищ заметно сокращается. Вместе с тем резко возрастает число неукрепленных поселений. Логично заключить, что здесь не было необходимости в укрепленных городищах.

Более того, картографирование укрепленных городищ позволяет выявить строгую закономерность в их расположении, которая свидетельствует о преднамеренном укреплении предгорной Чеченской наклонной равнины с севера. При этом выделяется несколько систем укреплений. Передовая линия укреплений состоит из 15 городищ (Рис. 10, 3-16, 19), протянувшихся цепью по правому берегу р. Терек и двух Брагунских (Рис. 10, 20, 21) городищ (находящихся на левом берегу р. Сунжи, недалеко от ее впадения в р. Терек). Эту цепь как бы дополняют Вознесенское (Рис. 10, 2) и два Горячеисточненских (Рис. 10, 17, 18) городища, находящиеся на северных склонах Терского хребта и прикрывающих древние перевальные дороги и скотопрогонные пути с севера вглубь исследуемой территории. Такие же функции, вероятно, выполняли Пседахское городище (Рис. 10, 36), закрывавшее вход в Алхан-Чуртскую долину с запада и два Ачалукских городища (Рис. 10, 37, 38), расположенных на Сунженском хребте и прикрывавших проход на Чеченскую равнину с северо-запада. Вторая, основная линия укреплений состоит из 15 городищ, которые тянутся цепью по левому, высокому берегу р. Сунжи (Рис. 10, 1, 22-35). С востока к ним примыкают четыре Гудермесских городища (Рис. 10; 73-76), расположенных на правом берегу р. Сунжи и на склонах Новогрозненского хребта, "прикрывавших" проход на Чеченскую равнину с северо-востока - между Брагунским и Гудермесским хребтами. На западе эту цепь продолжает группа из 13 городищ, находящихся на правом берегу р. Сунжи и Ассинском отроге Черных гор, которые защищают Чеченскую равнину с запада (Рис. 10, 39-51). Еще одна группа из 9 городищ примыкает к этой цепи в районе г. Грозного, где находился один из важнейших проходов на Чеченскую равнину - Ханкальский (Рис.

10, 58-66). О большой значимости этого прохода для древнего аборигенного населения Чеченской равнины свидетельствуют и данные топонимики. Так, сама местность носит название Ханкала (Хен кхаьлла) “Охранное поселение”, “Сторожевое поселение”. Вершины хребтов, являющихся продолжением Грозненского отрога Сунженского хребта получили названия Хен-корт - “Сторожевая вершина” и Сур-Корт (совр. Сюйра-Корт) - “Вершина войска”, а проход между хребтами - “Шина Суьйра юкъ” - “Между двумя войсками”¹⁴⁸.

Такая строгая система расположения укрепленных городищ на территории Чечено-Ингушетии в I тыс. н.э. заставляет думать, что для населения предгорной зоны существовала явная угроза не с юга, со стороны гор¹⁴⁹, а с севера, со стороны Предкавказских степей. Об этом косвенно свидетельствует и то, что из 15 поселений, расположенных к северу от р. Сунжи, 14 примыкают непосредственно к городищам и отделены от них только рвами (Рис. 11, 1-8, 10-15). В то время, как большинство поселений к югу от р. Сунжи не зависит от городищ. Как видно, Е.И. Крупнов был прав, когда связывал укрепление поселений рвами и валами с увеличившейся опасностью нападения кочевников, а также с заметно усилившимся процессом социально-экономической дифференциации местного населения¹⁵⁰.

Действительно, зная многочисленность и подвижность кочевого скотоводческого населения степей постоянное стремление последнего к расширению своих пастбищ, трудно представить мирное сосуществование пришлых кочевников и местного оседлого населения, в хозяйстве которого скотоводство так же занимало важное место, хотя оно было не кочевым, а яйлажным (отгонным), с использованием пастбищ как в горах и в узких речных долинах предгорной зоны, так и в степных районах Терско-Кумской низменности. Именно здесь, в степных районах Терско-Кумской низменности, вероятно, сталкивались интересы пришлых кочевников и местных аборигенов.

Существует мнение, что вся предгорная зона края вплоть до гор якобы была населена прикочевавшими сюда кочевниками - ирано-язычными “аланами”, захватившими эту территорию у местного населения, и перешедшими к оседлому быту¹⁵¹. Естественно, что в таком случае пришлые кочевники должны были бы укрепить захваченную ими предгорную равнину с юга, со стороны гор “цепью мощных городищ”, направленных против враждебных горцев. Однако, как мы видим, этого здесь никак не наблюдается. Расположение укрепленных городищ свидетельствует, что “фронтной”, чужой стороной для местного оседлого населения была степь, а горы для них были тылом. Трудно объяснить это иначе, как свидетельство этнического родства и военного союза жителей предгорной зоны с горцами. И этот вывод согласуется с данными письменных источников о культурном, родственном и военном союзе горцев с населением предгорной зоны Северного Кавказа¹⁵².

Вместе с тем известно, что для кочевников была характерна ярко выраженная антипатия к укрепленным поселениям, прочному жилищу и оседлому образу жизни¹⁵³. В связи с этим, трудно представить себе массовый переход пришлых иноязычных кочевых скотоводческих племен к оседлому образу жизни в совершенно чуждой им естественно-географической и этноязыковой среде - в предгорной лесной зоне. Тем более, что последняя, в силу естественной ограниченности пастбищ, вряд ли могла представлять для них экономический интерес.

Кроме того, более 40 из учтенных нами бытовых памятников многослойны, например:

городища - Алхан-Калинское, Орджоникидзевское, Троицкое, Братское, Верхне-Наурские - 1, 2, 3, Шеда-Юртовское, Горячеисточненские - 1, 2, Ильинское и др.; поселения - Пседахское, Ачалукское, Мужичинское, Курчалоевское - 3, Бельтинское и др. Они содержат материалы трех периодов - скифского, сарматского и раннего средневековья, что, вероятно, является показателем преемственности местного аборигенного населения¹⁵⁴.

На Алхан-Калинском городище выявлены остатки разрушившихся каркасных (турлучных) построек в виде глинобитного пола и многочисленных кусков обмазки со следами турлука. Аналогичные им куски обмазки обнаружены и на других бытовых памятниках края. Как удалось установить по остаткам глинобитного пола, жилые постройки обычно были четырехугольные в плане, реже - овальные¹⁵⁵. Такие турлучные жилые постройки известны на Северном Кавказе, в частности на территории Чечено-Ингушетии с III тыс. до н.э.¹⁵⁶ и, как видно, имеют глубокие местные традиции. Кстати, круглые в плане турлучные жилые строения составляли “одну из характерных особенностей куро-аракской культуры”¹⁵⁷. Сравнительно недавно в исторической литературе была высказана мысль о том, что такие постройки Алхан-Калинского городища оставлены пришлыми ираноязычными кочевниками, заимствовавшими якобы у местного населения элементы турлучной техники, но сохранившими “специфическую форму юрты”¹⁵⁸. Однако этот тезис представляется неубедительным, так как круглоплановое турлучное жилище на Кавказе уходит своими корнями в глубочайшую древность и “отнюдь не связано с кочевым бытом”¹⁵⁹. Вместе с тем отмечено, что для ираноязычных кочевников круглая в плане юрта не была характерной¹⁶⁰.

Основой хозяйства оседлого населения предгорной зоны Чечено-Ингушетии в исследуемое время являлось земледелие. Е.И. Крупнов в свое время отметил довольно высокое развитие земледелия у местного населения еще в предшествующий период (I тыс. до н.э.): “именно в Чечне нами получены самые убедительные подтверждения роли плужного земледелия у кобанских племен (по обилию зернотерок, зерен пшеницы двух сортов и находкам даже железных серпов совершенной работы)”¹⁶¹. О достаточно высокой роли земледелия в хозяйстве местного населения в исследуемое время свидетельствуют многочисленные находки на бытовых памятниках фрагментов зернотерок и жерновов обычных для средневековья и имеющих широко известные формы. На Алхан-Калинском городище (и на других бытовых памятниках края) были найдены зерна проса и пшеницы. Здесь же было открыто большое количество хозяйственных ям, часть которых использовалась как хранилище для зерна¹⁶².

Важную роль в хозяйстве населения предгорной зоны Чечено-Ингушетии играло и скотоводство. Еще с III тыс. до н.э. на Кавказе складывается отгонный или “яйлажный” тип животноводства (с использованием пастбищ в горах, в узких речных долинах предгорной зоны и к северу от р. Терек - в степных районах), который сохранился до наших дней. Причем, важное место в животноводстве принадлежало овцеводству¹⁶³. Кости домашних животных найдены почти на всех известных бытовых памятниках. О значении скотоводства в хозяйстве местного населения можно судить по обилию костей животных, найденных на Алхан-Калинском городище. Только за 1965-1968 гг. здесь было собрано 7266 костных остатков разных животных. Судя по ним, первое место занимал мелкий рогатый скот. За ним следовали крупный рогатый скот, свинья и лошадь¹⁶⁴. Если сравнить эти данные с материалами I тыс. до н.э. (первое место занимала свинья, второе и третье - крупный и мелкий рогатый скот,

четвертое - лошадь¹⁶⁵), видно, что в раннем средневековье в составе стада домашних животных возрастает роль мелкого и крупного рогатого скота. Лошадь, как и прежде, занимает в нем далеко не ведущее место. Это свидетельствует, в определенной мере о преемственности традиций в развитии скотоводства оседлого населения, т.е. оно, очевидно, в отличие от кочевых племен, не употребляло в пищу конину и кобылье молоко и использовало лошадь только как транспортное животное.

Определенное место в хозяйстве, судя по находкам костных остатков диких животных и рыб, занимала охота (дикий кабан, олень, косуля, лисица и пр.) и рыболовство.

Наиболее массовым на бытовых памятниках Чечни и Ингушетии является фрагментированный керамический материал. Только на Алхан-Калинском городище найдено около 17 тысяч фрагментов. Это позволяет говорить об интенсивном развитии в раннем средневековье гончарного производства на исследуемой территории. Кроме того, об этом свидетельствуют довольно часто выявляемые на раннесредневековых городищах и поселениях остатки гончарных печей. Керамический материал с бытовых памятников достаточно подробно рассмотрен специалистами в связи с чем (а также из-за ограниченности объема данной работы) мы ограничимся самой общей характеристикой¹⁶⁶.

В количественном отношении на бытовых памятниках Чечено-Ингушетии чаще всего встречаются небольшие горшки с резко отогнутым венчиком. Они обычно имеют яйцевидную форму, но есть и цилиндрической. Изготовлены они из серой глины с большой примесью песка и шамота. Округлый или кососрезанный край венчика обычно украшен косыми насечками. Тулово горшков украшалось сплошным врезным орнаментом в виде 1 - 3 рядов желобков. Почти все они изготовлены на гончарном круге. Поверхностные цвета горшков разнообразны (черный, серый, бурый, коричневый, красный, охристый) и характерны для всей раннесредневековой керамики Чечено-Ингушетии (Рис. 15-18; 20; 21; 23; 24)¹⁶⁷.

Часто встречаются изящные кувшины с высоким вытянутым, иногда прямым, а чаще всего расширяющимся кверху горлом, заканчивающимся, как правило, округлым венчиком. Горло и тулово иногда украшались врезными линиями и валиком. Нередки случаи вертикального лощения. Довольно часто встречаются кувшины с носиком-сливом. Обычно кувшины имеют ручки, прикрепленные одним концом к стенке горла, другим к плечу. Иногда ручка обеими концами крепилась на тулове сосуда. Ручки обычно орнаментированы: пистоновидными налечами по бокам имитирующими глаза; налечами в виде рогов горного барана; поперечными налечами - валиками, врезными вертикально-наклонными насечками; врезными крестообразными насечками в верхней части и др. В разрезе ручки обычно имеют круг, овал, квадрат (Рис. 15; 18; 20-24)¹⁶⁸.

Много лощенных мисок с загнутым внутрь или выгнутым наружу бортиком, изготовленных из серой глины с примесью мелкого песка и толченых ракушек. Они часто украшены сплошным линейным орнаментом вокруг тулова или края сосуда (Рис. 16; 19; 25)¹⁶⁹.

Часто встречаются кружки, изготовленные из хорошо отмученного теста на гончарном круге. Это, как правило, серого цвета небольшие сосуды с приземистым туловом, которое немного сужаясь переходит в горло. Кружки снабжены ручками (овальными или круглыми в разрезе), которые обычно прикреплены одним концом к тулову, а

другим к горлу и имеют разные размеры и формы, но чаще всего встречаются зооморфные (Рис. 15; 17)¹⁷⁰.

Довольно часто встречаются большие пифосообразные сосуды (хумы) для хранения сыпучих и жидких продуктов. Они имеют тулово яйцевидной формы, которое часто украшено вертикальным или горизонтальным остросеребряным валиком. Их массивные венчики круто отогнуты. Изготовлены они на гончарном круге из серой глины с примесью песка¹⁷¹. Большое число хумов, закопанных в землю, было выявлено на Гудермесском 4-ом городище. Во время строительных работ в 1989 г. здесь было разбито, по словам рабочих, более 50 хумов. Часть из них была нами собрана. (Рис. 29, 2, 3).

Все приведенные выше типы сосудов встречаются на всех бытовых памятниках края, как на равнине, так и в горах. При этом следует отметить, что рядом с бытовыми памятниками горной зоны выявлены в основном могильники из каменных ящиков, каменных гробниц-погребальных сооружений, местное происхождение которых не вызывает у специалистов каких-либо сомнений (Центароевское и Галайтинское городища; Харачайское, Бельтинское, Балан-Суйское и др. поселения). Кроме того, керамика городищ и поселений Чечено-Ингушетии имеет большое сходство (по ассортименту, орнаментации и фактуре сосудов) с керамикой бытовых памятников Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Дагестана. Гончарное производство от Карачаево-Черкесии до Чечено-Ингушетии имеет ряд специфических черт характерных только для данного региона: характер обжига (серый цвет в изломе и на поверхности), лощение (черное, сплошное, полосчатое, ромбическое, из заштрихованных треугольников и т.д.) пропорции сосудов, расположение ручки и т.д.¹⁷² Вместе с тем, бытовая керамика восточного варианта “аланской культуры” (Чечня, Ингушетия, Северная Осетия) имеет и некоторые особенности, отделяющие ее от керамики городищ и поселений западного варианта (Прикубанье, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария). Так, для восточного варианта более характерны миски, тарные пифосы с остросеребряным наличным валиком (вертикальным или горизонтальным), горшки с круто отогнутыми венчиками, украшенными косыми насечками, зубчатым штампом, кувшины с вертикальными или перекрещивающимися лощеными полосами¹⁷³. Ручки на сосудах восточного варианта обычно расположены на тулове; на сосудах западного варианта они начинаются на горле и часто непосредственно от венчика. На бытовых памятниках западного варианта встречается большое количество фрагментов керамики светлых тонов: серо-голубых, разных оттенков охры, розовых или охристо-розовых, оранжевых, серо-красных, коричнево-красных. Для восточного варианта такое разнообразие светлых оттенков не характерно. Цвет керамики восточного варианта преимущественно черно-серый. Кроме того, отмечены локальные особенности и в керамике восточного варианта. Так, на городищах и поселениях Чечено-Ингушетии довольно часто встречаются сосуды с выступающим поддоном¹⁷⁴.

В целом бытовая керамика представляет специфический, довольно выразительный и устойчивый комплекс. Существует мнение, что ее можно считать “явлением синкретическим, впитавшим в себя две культурные традиции: сарматскую и кавказскую”¹⁷⁵. Думается, что правильность этой гипотезы может быть уточнена дальнейшими стационарными раскопками бытовых памятников края. Местные кавказские черты керамики Центрального Предкавказья, в частности, Чечено-Ингушетии, как однозначно считают специалисты, очевидны. Они представлены черноглиняными сосудами с сосцевидными налечами и двойными биноклевидными

сосудами, имеющими прототипы еще в кобанской культуре, сосудами с зооморфными ручками, также имеющими местное кавказское происхождение, орнаментацией сосудов и т.д. То есть, именно керамика демонстрирует местные корни “раннесредневековой материальной культуры Центрального Предкавказья”, в том числе и Чечено-Ингушетии, именуемой аланской¹⁷⁶. Как видно, с “кавказскими культурными традициями” все% как будто бы ясно.

Что же касается “сарматских культурных традиций”, то они представляются достаточно дискуссионными. Так, сарматским элементом в бытовой керамике края принято считать сероглиняные миски¹⁷⁷. Однако следует отметить, что миски известны на Северном Кавказе, в том числе и в Чечено-Ингушетии, с III - II тыс. до н.э.¹⁷⁸ Особенно часто миски встречаются в памятниках куро-аракской культуры Дагестана, где они составляют значительную часть керамики¹⁷⁹. Довольно часто миски встречаются в исконно местных памятниках позднекобанской культуры и сарматской (III в., до н.э. - IV в. н.э.) эпохи (склепы, каменные ящики и т.д.)¹⁸⁰. Так, в Луговом могильнике (VI - V вв. до н.э.) 53 погребения из 91 содержали миски¹⁸¹. По фактуре теста, характеру обжига они входят в круг посуды, представляющей собой продукт местного производства. Попытки связать происхождение мисок Центрального Предкавказья с ираноязычным этносом, только по их внешнему сходству с мисками Нижнего Поволжья, представляются неубедительными¹⁸². И дело здесь не только в том, что миски, как один из многих типов бытовой керамики сами по себе, без учета всего керамического комплекса, ни в коей мере не могут служить эталоном при определении иранской этнической принадлежности раннесредневековых бытовых памятников Северного Кавказа, в том числе и Чечено-Ингушетии. Как отметил сарматолог К.Ф. Смирнов, миски в Нижнем Поволжье и Северном Причерноморье “явно не местного происхождения, а получили свое распространение благодаря тесным экономическим связям с различными районами Северного Кавказа”¹⁸³.

В статье, опубликованной в 1967 г., В.А. Кузнецов высказал мнение, что сарматским элементом бытовых памятников Центрального Предкавказья являются глиняные стаканообразные курильницы (Рис.29,1), связанные якобы с иранским культом огня и солнца¹⁸⁴. Эти курильницы являются, по мнению В.А. Кузнецова “индикатором” собственно ираноязычных племен. Имеются в виду лепные курильницы - “стаканы” (обычно серого цвета) цилиндрической формы без дна. Вместо горловины специально сделанное отверстие. Как правило, внешняя поверхность гладкая, а внутренняя ребристая. Высота их колеблется от 4,5 - 5,5 см до 20 - 22 см. Чаще всего встречаются “стаканы” высотой 7 - 8 см. Н.М. Егоров в свое время предположил, что они служили курильницами для культовых целей¹⁸⁵. В последующем это мнение было поддержано рядом археологов¹⁸⁶. В.А. Кузнецов собрал и систематизировал все известные в то время находки стаканообразных курильниц (97 экз. в 22 пунктах) в Центральном Предкавказье и сделал попытку генетически связать их с курильницами прохоровского этапа сарматской культуры Нижнего Поволжья, а на основании этого установить и этногенетическую связь населения названных регионов¹⁸⁷. Эта попытка привела к неоправданно широким историческим выводам¹⁸⁸. Однако считать ее убедительной не представляется возможным. В процессе попытки установления генетической и типологической связи курильниц Нижнего Поволжья и стаканообразных курильниц Северного Кавказа В.А. Кузнецов сам осознает “некоторые” неясности: “1) сарматские курильницы встречаются только в погребениях, тогда как аланские курильницы в погребениях не встречаются никогда и характерны для поселений (выд. нами - Р.А.); 2) наличие хронологического разрыва с III - IV по VIII в. (хотя он может объясняться

недостатком материала); 3) неясны причины перемещения отверстий со стенок сарматских курильниц на дно аланских (хотя в некоторых в случаях сарматские курильницы имели отверстие и в донной части)”¹⁸⁹. Думается, что перечисленных “неясностей” вполне достаточно, чтобы взять под сомнение тезис о “сарматском” происхождении раннесредневековых культовых сосудов Северного Кавказа. Кроме того, курильницы Нижнего Поволжья - это в полном смысле слова стаканы, имеющие дно и приспособленные для многократного перенесения с одного места на другое вместе с содержимым¹⁹⁰. Наличие на некоторых из них отверстий сбоку нисколько не увеличивает их сходства, вопреки мнению В.А. Кузнецова, со стаканообразными курильницами Северного Кавказа. Вопрос тут не в “перемещении” отверстий, а в их назначении. Отверстиям сделанным сбоку у края сарматских курильниц дано вполне убедительное объяснение: “В это отверстие, вероятно, вставляли деревянную или костяную палочку-рукоятку, служившую для переноса зажженной курильницы, когда ее стенки накалялись”¹⁹¹. На аланских курильницах отверстия предназначались для тяги¹⁹². Следует также отметить и наличие значительного территориального разрыва между курильницами Нижнего Поволжья и Центрального Предкавказья. Как мы видим, типологическое сходство сарматских и аланских курильниц не идет дальше цилиндрической формы и их культового характера. Более того, они несут совершенно разную культовую нагрузку (сарматские встречаются только в погребениях, аланские только на бытовых памятниках), что вероятнее всего является свидетельством разных их функций в религиозном обряде и представлениях населения этих двух регионов. Все вышесказанное не позволяет, на наш взгляд, считать стаканообразные курильницы “индикатором” собственно ираноязычных племен и связывать их именно с “сарматским” культом огня и солнца¹⁹³. Кроме того, сама по себе попытка выделения этноса (ираноязычного) на основе отдельно взятых элементов культуры (в данном случае по некоторым типам керамики), которые не могут отражать каких-либо этно-культурных реалий, представляется неправомерной. Каких-либо других “сарматских элементов” в бытовой керамике, кроме названных, специалистам не удалось пока выявить.

Что же касается культа солнца и огня, то он был распространен не только у иранских народов. Это признает и сам В.А.Кузнецов: “Кавказский культ огня и солнца был не менее древним и мощным чем у иранцев”; “культ солнца-отголосок культа принесения лошадей в жертву солнцу сохранился в этнографии осетин и вайнахов вплоть до нового времени”. На Кавказе культ солнца и огня имеет древние местные традиции, уходящие своими корнями вглубь эпохи бронзы и был одним из важнейших в идеологических представлениях древних кавказцев (наличие в погребениях угля и охры - атрибутов культа огня; обнесение могил кромехами связанное с солярными представлениями и т.д.)¹⁹⁴. Важное место занимал культ солнца и огня и в идеологических, религиозных представлениях нахских племен. Почитание солнца было столь велико, что один из чеченских тейпов (этнографических групп), обитавший в верховьях Аргуна, получил имя - “маълхи” (дети оолнца, солнечные), а сама местность - “Малхиста” (край солнца). Склеповые погребальные сооружения чеченцы и ингуши называют “малх каш” (солнечная могила). Кроме того, о почитании оолнца и огня свидетельствует традиция сооружения кладбищ на освещенных солнцем сухих возвышенностях, которая родилась у горцев Кавказа давно и отмечена, например, в Чечено-Ингушетии повсеместно. Большое значение, которое придавали вайнахские племена огню, солнцу подтверждают и данные нахского языка и фольклора. Так, в нахских сказках и преданиях герои-богатыри во время битвы обычно произносят заклинание: “Малх соьгахъа бу!” - Солнце на моей стороне!¹⁹⁵ До наших дней сохранилась чеченская

поговорка - “Кха дагахь а малх тоъла, цІа дагахь а цІе тоъла”, что в переводе на русский язык означает: хоть пашня горит, пусть светит солнце, хоть дом горит пусть будет огонь. Для чеченца нет большего проклятья, чем выражение: “ЦІе хала шун”, - огня да не будет у вас. Предмет, очищенный огнем считается идеалом чистоты. Отсюда выражение: “Царца литтина” - огнем очищенный. Имя общенахского божества чеч. “ЦІу” (инг. “ЦІув”; бацб. “ЦІов”) вероятно имеет общий корень со словом чеч. “цІе” (инг. “цІа”) - огонь. Этот корень имеет широкое распространение в нахских языках. С ним связаны слова: чеч. “цІа” (инг. “цІа”) - дом, “цІие” (инг. “цІие”, бацб. “цІеге”) - красный, чеч. “цІена” (инг. “цІина”) - чистый, новый и др.196

Таким образом, известный нам археологический материал бытовых памятников I тыс. н.э. предгорной и горной зон Чечено-Ингушетии не дает никаких оснований, никакого повода для выделения на этой территории, якобы доминировавшего здесь, крупного этнического массива пришлых (под именем “алан”) завоевателей - ираноязычных племен. В известном на сегодня археологическом материале бытовых памятников специалистам не удалось пока выявить ни одного элемента, который можно было бы с определенной долей уверенности связать с последними. Проникновение отдельных иноязычных (ираноязычных) элементов на предгорную территорию Чечено-Ингушетии в определенные периоды эпохи раннего средневековья возможно, но наличный археологический материал бытовых памятников в подтверждение этого ничего не дает. Вероятно, если оно и имело место, то было незначительным, так как не привело к сколько-нибудь заметной иранизации местного населения - предков современных чеченцев и ингушей.

1. Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. Перевод Н. Караулова // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 53 - 54.
2. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966. С. 113; Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 71.
3. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С. 113; Виноградов В.Б. Через хребты веков. С. 71 - 90.
4. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИИЯЛ. Т. I. Грозный, 1938. С. 10 - 12; Багаев М.Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С. 53.
5. Виноградов В.Б. Культовые места аланского Алхан-Калинского городища // Пятое Кругловские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 86-87; Багаев М.Х. Некоторые черты... С. 53; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С. 113.
6. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1974 году // ЧИРКМ. Без номера. С.30.
7. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.8.
8. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.8.
9. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С. 124.
10. ЧИРКМ. Инв. №1744.
11. ЧИРКМ. Инв. №1744.
12. ЧИРКМ. Инв. №1753.

13. Круглов А.П. Археологические раскопки... С. 5-6.
14. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.6.
15. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.6.
16. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.7.
17. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.7.
18. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.120.
19. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
20. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
21. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.120.
22. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.121.
23. Петренко В.А. Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО - 1977. М., 1978. С. 136.
24. ЧИРКМ. Инв. №468.
25. ЧИРКМ. Инв. №473.
26. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Рук.канд.дис. М., 1970. С.57-58.
27. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.122.
28. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.121-122.
29. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С. 57.
30. Минаева Т.М. Археологические разведки в долине реки Сунжа // Сб. тр. Ставропольского ГПИ. Вып. 13. Ставрополь, 1958. С.418-419.
31. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.420-421.
32. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.421-422.
33. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.422.
34. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.423-424, 428 - 430.
35. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С. 48.
36. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.424-425.
37. Минаева Т.М. Археологические разведки... С.418-419; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.55.
38. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.55.
39. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С.46-47.
40. Виноградов В.Б., Мамаев М.Х. Исследование раннесредневековых памятников Чечено-Ингушетии // АО - 1975. М., 1976. С.117.
41. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
42. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
43. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С.65.
44. Виноградов В.Б., Мамаев М.Х. Исследование раннесредневековых... С.116.
45. Виноградов В.Б., Мамаев М.Х. Исследование раннесредневековых... С.116.
46. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках... С. 35-36.
47. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура... С.64.
48. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.64.
49. Мамаев Х.М. Отчет о работах предгорно-плоскостной археологической экспедиции в Чечено-Ингушетии в 1976 г. // ЧИРКМ. НФМ - 331. С. 7.
50. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963. С.11.

51. Мамаев Х.М. Отчет о работах... С.4.
52. Виноградов В.Б., Мамаев М.Х. Исследование раннесредневековых... С.116.
53. Мамаев Х.М. Отчет о работах... С.8.
54. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С. 47-48.
55. Мамаев Х.М. Отчет о работах... С. 2-3.
56. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках... С. 35 - 36.
57. Мунчаев Р.М. Полный отчет и СКАЭ 1958 года//ЧИРКМ. Н.В. №8676. С.119-121; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.60; Арсанукаев Р.Д.Полный научный отчет экспедиции ЧИГОМ и АГИАПМЗ 1990 года. Грозный, 1991//Институт археологии АН СССР.
58. Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Разведки в Чечено-Ингушетии // АО - 1976. М., 1977. С.92.
59. Виноградов В.Б., Петренко В.А. Раскопки у с. Мартан-Чу // АО - 1976. М., 1977. С.92.
60. ЧИРКМ. Инв. №1789.
61. ЧИРКМ. Инв. №795.
62. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.114.
63. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.114.
64. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.116-118.
65. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.119.
66. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.112.
67. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.112.
68. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
69. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
70. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 г. М.П. Севостьяновым).
71. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.67.
72. Петренко В.А. Раскопки и разведки... С.136.ЧИРКМ.
73. Петренко В.А. Раскопки и разведки... С.136.
74. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 году М.П. Севостьяновым).
75. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.50-51.
76. ЧИРКМ. Паспорт на памятник археологии (составлен в 1970 году М.П. Севостьяновым).
77. ЧИРКМ. Инв. №474.
78. ЧИРКМ. Инв. №467.
79. Петренко В.А. Раскопки и разведки... С.136.
80. Мунчаев Р.М. Полный научный отчет СКАЭ... С.159-162.
81. Марковин В.И. Полный научный отчет СКАЭ 1963 года // ЧИРКМ. НВ №8680. С.41-42.
82. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках... С.41-42.
83. Петренко В.А. Раскопки и разведки... С.137.
84. Марковин В.И. Полный научный отчет СКАЭ 1961 года // ЧИРКМ. ОС №4906. С.37-38.
85. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.68.
86. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.8.

87. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.8-9.
88. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.5-6.
89. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.6.
90. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.7.
91. Круглов А.П. Археологические раскопки... С.7.
92. ЧИРКМ. Инв. №1748.
93. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.115.
94. Минаева Т.М. Археологические разведки... С. 419.
95. Минаева Т.М. Археологические разведки... С. 419-420.
96. Минаева Т.М. Археологические разведки... С. 421.
97. Минаева Т.М. Археологические разведки... С. 422-423.
98. ЧИРКМ. Инв. №1794.
99. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.25.
100. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ. Вып. 18. М., 1974. С.38.
101. Умаров С.Ц. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии // АО - 1969. М., 1970. С.125-126.
102. Марковин В.И., Кузнецов В.А. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 г. // Изв. ЧИРКМ. Вып. 10. Грозный, 1961. С.95.
103. Мамаев Х.М. Отчет о работах... С.3.
104. Крупнов Е.И. Археологические памятники... С.38.
105. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.59.
106. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.65.
107. Петренко В.А., Дударев С.Л. Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии // АО - 1975. М., 1976. С.143.
108. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.65.
109. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.66.
110. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых... С.116.
111. Виноградов В.Б., Савенко С.Л. Исследования в низовьях р. Мартан // АО - 1977. М., 1978. С.112.
112. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.116.
113. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.116.
114. Виноградов В.Б., Савенко С.Л. Исследования... С.112.
115. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.65.
116. Минаева Т.М. Археологические... С.427-428.
117. ЧИРКМ. Инв. №1772.
118. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С 117-118; Виноградов В.Б., Исламов А.А. Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IV. Вып. 1. Грозный. 1965. С.164-165.
119. ЧИРКМ. Инв. №792.
120. ЧИРКМ. Инв. №1772.
121. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.67-68.
122. Круглов А.П. Археологические... С.13.
123. Марковин В.И. Отчет СКАЭ ИИМК АН СССР и Грозненского краеведческого музея 1946 года // ЧИРКМ. НВ №8693. С.124-126.
124. Круглов А.П. Археологические... С.13; ЧИРКМ. Инв. №1774.
125. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.77.
126. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.73; ЧИРКМ. Инв. №1773.
127. ЧИРКМ. Инв. №№1807, 1787.
128. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.92.

129. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.92.
130. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.77.
131. Мунчаев Р.М. Полный научный отчет СКАЭ 1963 года // ЧИРКМ. НВ №8676. С.163.
132. Марковин В.И. Полный научный отчет СКАЭ 1958 года // ЧИРКМ. НВ №8660. С. 41-42.
133. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.107.
134. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.108.
135. Виноградов В.Б. Отчет о работе 4-го отряда СКАЭ 1965 года // ЧИРКМ. НВ №8701. С.5.
136. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО - 1973. М., 1974. С.101.
137. Виноградов В.Б. Отчет о работе 4-го отряда СКАЭ 1965 года // ЧИРКМ. (без номера). С.3.
138. Виноградов В.Б. Отчет... С.4.
139. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.105.
140. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.75.
141. Виноградов В.Б. Отчет о работе 1-го отряда СКАЭ 1967 года // ЧИРКМ. (без номера). С.42.
142. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.75.
143. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.75-76.
144. Ерзукаева К.З. Работы в юго-восточной Чечне // АО - 1980. М., 1981. С.102.
145. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.96.
146. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С.125.
147. Виноградов В.Б. Сарматы... С.108-129; Багаев М.Х. Некоторые черты материальной культуры... С. 50 - 54; Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа; Он же Алания в X-XIII вв.; Он же. Аланская культура Центрального Кавказа...; и др.
148. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Т. 1. С.6.
149. Виноградов В.Б. Сарматы... С.124-125.
150. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.166-167.
151. Виноградов В.Б. Сарматы... С.125; и др.
152. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. №4. 1947. С.218; Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербайджане // СМОМПК. Вып. 32. Тифлис, 1902. С.50-51; и др.
153. Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX - XX вв. М., 1982. С.15-16; Аммиан Марцеллин. История // ВДИ. 1949. №3. С.302, 304.
154. Крупнов Е.И. Древняя история... С.152-165; Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.34-79; Виноградов В.Б. Сарматы. С. 111 - 118.
155. Багаев М.Х. Некоторые черты... С.53.
156. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С.345; Крупнов Е.И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946. С.24; Козенкова В.И. Исследования памятников раннего железного века у села Сержень-Юрт // КСИА. №112. М., 1967. С.82-89.
157. Мунчаев Р.М. Кавказ... С.345.
158. Мамаев Х.М. Назревшие вопросы хронологии и этнокультурной характеристики в раннесредневековой археологии Терско-Сунженского междуречья // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный, 1980. С.186.
159. Кобычев В.П. Поселения... С.17-18.
160. Кобычев В.П. Поселения... С.16.

161. Крупнов Е.И. Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР // АЭС. Ч. III. Грозный, 1969. С.15.
162. Гурина Н.Н., Крижевская Л.Я. Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г. // КСИИМК. Вып. 1. М.-Л., 1939. С. 27-29; Крупнов Е.И., Марковин В.И., Козенкова В.М., Мунчаев Р.М., Виноградов В.Б. Северокавказская экспедиция // АО - 1966. М., 1967. С.62.
163. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. С.83, 103-104; Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С.385.
164. Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.262-263.
165. Крупнов Е.И. Древняя история и культура... С.15.
166. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.65; Каменцева А.С. Гончарная печь в селении Дуба-Юрт // КСИИМК. Вып. 74. М., 1959; Кузнецов В.А. Аланские племена...; Багаев М.Х. Раннесредневековая...; и др.
167. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.271.
168. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.271-272.
169. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.273.
170. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.273.
171. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.113; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.273.
172. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.86.
173. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V - VIII вв. С.28; Ковалевская В.Б. Северокавказские... С.86.
174. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.114.
175. Кузнецов В.А. Аланская культура... С. 27.
176. Крупнов Е.И. Древняя история... Табл. XVI, XVIII, IX, VIII; Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // ДЧИ. М., 1963. С. 119 - 121; Мунчаев Р.М. Луговой могильник // ДЧИ. С. 210; Кузнецов В.А. Аланская... С. 28; Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. №2. 1969. С. 64-84; Он же. К вопросу о связях населения Северного Кавказа Сарматского времени//СА №2. 1979. С.72; Кузнецов В.А. Аланские племена... С.108-114; Ковалевская В.Б. Кавказ и... С.131; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.83-84; и др.
177. Кузнецов В.А. Аланские... С.113; Он же. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С.48; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. С.87.
178. Крупнов Е.И. Древняя история... С. 194; Мунчаев Р.М. Кавказ... С.288 (рис. 65, 1-3). С. 359.
179. Мунчаев Р.М. Кавказ... С.187, 359.
180. Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С.96-97; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (юго-восточная Чечня) // АЭС. Т. III. С.37-55.
181. Мунчаев Р.М. Луговой могильник. С.144-200.
182. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.87.
183. Смирнов К.Ф. Сарматы Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э. - II в. н.э. (историко-археологический очерк) // СА. №3. 1974. С.35.

184. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы... С. 52 - 56.
185. Jegorov N.M. Gejass von Luck. ESA. V. Helsinki, 1950. P.49-51.
186. Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // УЗКНИИ. Т. IV. Нальчик, 1948. С.294; Минаева Т.М. Археологические разведки в долине реки Сунжи. С.418.
187. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы... С.49-58.
188. Виноградов В.Б. Культовые места Алхан-Калинского городища. С. 87 - 89; Мамаев Х.М. Алхан-Калинское "кострище" // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.57; и др.
189. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы... С.58.
190. Байбик В.Д., Виноградов В.Б., Гантимурова Т.М., Магомадов И.Д. Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С. 86-92.
191. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С.170.
192. Байбик В.Д., Виноградов В.Б., Гантимурова Т.М., Магомадов И.Д. Заметки... С.91.
193. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы... С.58; Он же. Аланский культ солнца и огня // Х Крупновские чтения по археологии Кавказа. М., 1980. С. 53-54; Мамаев Х.М. Алхан-Калинское... С.57.
194. Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Л., 1949. С.93; Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской // ДЧИ. М., 1963. С.9-49; Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // ДЧИ. М., 1963. С. 58-135; Мунчаев Р.М. Луговой могильник. С. 139 - 210; Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. 1961. №93. С.144; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильник сарматской эпохи... С.47; Хасиев С.А. О возможности интерпретации некоторых черт погребального обряда у древнейшего населения Северо-Восточного Кавказа // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976. С.48-49; Кривицкий В.В. О бронзовых поясных фигурных бляхах типа "Исти-Су" VI - V вв. до н.э. // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.20-23; Кузнецов В.А. Очерки истории... с.176,179; и др.
195. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // АЭС. Грозный, 1966. С.81; Виноградов В.Б. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1964 году // АЭС. Грозный, 1966. С.138.
196. Чокаев К.З. К вопросу о бытовании образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей // Известия ЧИНИИЯЛ. 1972. С.106; Ошаев Х.Д. О словах цӀие и цхӀа // Изв. Чеченского научного общества. Грозный, 1930; и др.

Могильник относится к VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 5)8

6. Верхний Алкун.

Катакомбный могильник расположен на холме близ с. Верхний Алкун, на правом берегу Ассы. Здесь исследованы два погребения с индивидуальным и парным захоронениями. В первой катакомбе скелет лежал скорченно на правом боку лицом к западу, на слое угля толщиной 1,5 - 2 см. Во второй катакомбе два скелета лежали, вытянуто на спине головами на юг. В погребениях найден богатый материал - серебряные и бронзовые серьги, бронзовые браслеты, пряжки, перстни, бубенцы, зеркало, стеклянные перстни, бусы, различные подвески и пронизки, железные нож и топорик, глиняные сосуды. Найдены также две арабские монеты (медная и серебряная) VIII в., которые позволили датировать могильник IX в. н.э. (Рис. 12, 6)9

7. Фуртоуг.

Катакомбный могильник находится на склоне горы Цели у с. Фуртоуг в Джейрахском ущелье. В 1971 г. М.Х. Багаев исследовал одну катакомбу, в которой обнаружил один скелет, лежавший на правом боку с поджатыми в коленях ногами. Левая рука покоилась на поясе, а правая была согнута в локте так, что кисть руки находилась под черепом. Костяк лежал головой на северо-запад, напротив входа у северо-восточной стенки. Найденный инвентарь (бронзовые серьги, браслет, колокольчики, стеклянный сосуд и бусы, железный ножик) позволяет датировать погребение IX в. н.э. (Рис. 12, 7)¹⁰

8. Бейни.

На окраине с. Бейни в Джейрахском ущелье в 1962 г. Р.М. Мунчаев дообследовал разрушенное катакомбное захоронение. Датруется VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 8)¹¹

9. Али-Юрт. Могильник №1.

Катакомбный могильник занимает обрывистый берег небольшой речушки на южной окраине с. Али-Юрт, расположенного у подножий Черных гор. В 1970 - 1971 гг. здесь исследовано шесть катакомб - две из них (№№2 и 3) были почти полностью смыты. Две катакомбы содержали по одному костяку (№№1 и 6). В одной катакомбе (№4) находились кости двух погребенных. В двух могилах (№1 и 4) найдено по одному деформированному черепу. Причем в катакомбе №4 деформированный череп лежал в чернолощенной миске. Чернолощенная миска найдена и в погребении №1. Кроме того, в катакомбе №5 найдены бронзовая небольшая штампованная пряжка и наконечник пояса. Установить положение костяков не удалось. Могильник датирован V - VII вв. н.э. (Рис. 12, 9)¹²

10. Братское.

В 1963 году Р.М. Мунчаев раскопал пять курганов к западу от с. Братское на высокой террасе правого берега Терека. Под насыпями оказались ограбленные в древности катакомбы II - III вв. н.э. (Рис. 12, 10)¹³

11. Сюир-Корт.

На юго-восточной окраине г. Грозного, на возвышенности Сюир-Корт, в 800 м. северо-западнее раннесредневекового поселения в 1963 г. обнаружен катакомбный могильник. Дообследовано одно разрушенное погребение, в котором обнаружен один костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на север. Из сопровождавших покойника вещей сохранились сероглиняная гончарная миска и бронзовая пряжка, позволившие датировать захоронение серединой I тыс. н.э. (Рис. 12, 11)¹⁴

12. Дуба-Юрт. Могильник №1.

Расположен на южной окраине с. Дуба-Юрт, на западном склоне "Гесильбийского" холма, рядом с бывшим карьером. Летом 1936 г. А.П. Круглов раскопал здесь четыре катакомбы, которые содержали коллективные захоронения - катакомба №1 содержала три скелета, катакомба №2 - два, катакомба №3 - четыре, катакомба №4 - три скелета. Ориентировка погребений на могильнике различна, но внутри каждой катакомбы погребенные лежат одинаково (в катакомбе №1 - на юго-запад, №2 - с севера на юг, №3 - на восток). Во всех катакомбах скелеты лежали, вытянуто на спине, за исключением одного в катакомбе №1, который, видимо, лежал на правом боку. В катакомбе №4 положение скелетов не удалось установить. А.П. Круглов с большой скрупулезностью описал все находки, сделанные в указанных катакомбах, и датировал их VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 12)¹⁵

13. Дуба-Юрт. Могильник №2.

Находится к югу от первого, на склоне соседнего холма. Устройство катакомб аналогично вышеописанным. Раскопана одна катакомба, в которой найдены кости двух покойников. Положение костяков установить не удалось. Найденный погребальный материал сходен с таковым из катакомб первого могильника, что указывает на хронологическую близость обоих памятников и позволяет отнести их к VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 13)¹⁶

14. Мартан-Чу. Могильник №1.

Открыт в 1973 г. на окраине с. Мартан-Чу. В течение 1973-1980 годов здесь вскрыты 31 катакомба и одно подбойное погребение. Погребения в основном коллективные, ориентировка неустойчива, но преобладает западная и северо-западная. Господствующее положение погребенных вытянутое на спине, но встречается и скорченное. В погребениях зафиксированы подстилки из плоских галек и кусочков древесного угля, а также тканевые подстилки. Богатый погребальный материал (сабля в серебряной оправе, серебряные бляхи и бубенчики конского снаряжения, серебряные детали поясного набора, железные наконечники стрел и ножи, гончарные сосуды, серебряные и бронзовые кольца, перстни, браслеты и т.д.) датируется VIII-XI вв. н.э. (Рис. 12, 14)¹⁷

15. Мартан-Чу. Могильник №2.

Расположен в одном километре к западу от могильника №1 на склоне горы. В 1976-1977 годах раскопано 8 катакомб. Камеры овальные в плане, некоторые у дна имеют прямоугольную форму. Встречаются ниши. Катакомбы содержат от одного до четырех скелетов, лежащих вытянуто на спине, в основном с восточной ориентировкой. Могильник датируется V-VIII вв. н.э. (Рис. 12, 15)¹⁸

16. Мартан-Чу. Могильник №3.

Открыт в 1977 году. Исследована одна катакомба, в которой зафиксированы остатки двух костяков. Найденный инвентарь (железный нож, подвеска из многочастных синих бус и бронзовых пронизок, фрагменты бронзового витого из двух проволок браслета) позволяет датировать погребение VIII - IX вв. н.э. (Рис. 12, 16)¹⁹

17. Исти-Су.

Катакомбный могильник открыт в 1972 году у селения Исти-Су. Лаз одной из катакомб с индивидуальным захоронением был заложен сырцовыми кирпичами. Костяк лежал, вытянуто на спине, головой на запад. Могильник датируется VII - VIII вв. н.э. (Рис. 12, 17)²⁰

18. Аллерой.

Могильник расположен у с. Аллерой Шалинского района. Изучался в 1971, 1974 и 1976 годах. Раскопано 8 подкурганных катакомб, ограбленных в древности, которые содержат от 1 до 3 покойников. Ориентировка камер неустойчива. В пяти катакомбах обнаружены ниши. Представляет интерес детское погребение в грунтовой яме, оказавшееся под насыпью кургана №8 и синхронное основному погребению. Костяк лежал на спине, головой на юг. В погребении найдены сероглиняный гончарный сосуд (рядом лежала кость мелкого животного), височные кольцевидные подвески, бронзовая накладка-амулет, бронзовая ложновитая гривна, бусы, круглые плоские медальоны, бронзовая фигурка оленя, бронзовые браслеты, серебряный колокольчик, бронзовая

застежка, височная подвеска с четырнадцатигранником, бронзовая подвеска с “глазком”, серебряная монета Хосроя II (590-627 гг.) с бронзовой петелькой. Могильник относится ко второй половине VII - началу VIII вв. н.э. (Рис. 12, 18)²¹

19. Ахкинчу-Барзой. Могильник №1.

Расположен у с. Ахкинчу-Барзой. Раскапывался в 1975-1976, 1978 годах. Катакомбы содержат одиночные захоронения с господствующей северной ориентировкой. Скелеты лежат вытянуто на спине. Могильник датируется VIII в. н.э. (Рис. 12, 19)²²

20. Бердуты.

Катакомбный могильник открыт в 1978 г. у с. Бердуты. Вскрытые четыре погребения овальные и прямоугольные в плане. В камерах сохранились: остатки поясных наборов из серебра (пряжки, накладки, наконечники), железный наконечник копья, бусы, фрагменты керамики, обломок стеклянного сосуда. Открыты деформированные черепа. Могильник датируется VI - VII вв. н.э. (Рис. 12, 20)²³

21. Комсомольское. Могильник №1.

Могильник находится на юго-западной окраине сел. Комсомольское (Сади-Кютар) на склоне левого берега реки Гой (Рис. 12, 21). В 1980 году археологический отряд Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого под руководством доцента М.Х. Багаева, при участии автора, произвел частичные раскопки могильника. На территории могильника нами были заложены два раскопа. Раскоп №1 размером 8 м х 8 м, разбитый на 4 квадрата, заложен почти на самой вершине склона. Раскопки велись послойно на глубину одного штыка лопаты. Входная яма катакомбы №1 была обнаружена в квадрате Б-2 на глубине 1,1 м от дневной поверхности. В ней нами было найдено железное тесло (Рис. 26, 1). Катакомба была ориентирована по линии В-3 и достигала глубины 3,5 м, имея две ступеньки. На глубине 3 м во входной яме в квадрате Б-1 была обнаружена поставленная вертикально каменная плита, которой было закрыто входное отверстие (лаз) в камеру. Последняя располагалась на 0,2 м ниже входной ямы. Пол камеры имел почти трапециевидную форму с немного вытянутыми наружу сторонами. Его размеры: длина передней - восточной стенки 2,2 м; южной - 1,65 м; западной - 1,7 м; северной - 1,76 м. Высота камеры 1,85 м. Свод имел куполообразную форму. Значительная часть потолка камеры обвалилась. Вход в камеру находился в восточной стенке камеры, т.е. со стороны склона. В катакомбе обнаружены 3 скелета, которые лежали, вытянуто на спине, головами на юг. Первый скелет (детский) лежал у западной стенки камеры. От него сохранились лишь ноги. От второго скелета (взрослого человека) так же сохранились только ноги. В его изголовье, у южной стенки, зачищен глиняный сосуд с ручкой. Здесь же подобрано пряслице из раковины (Рис. 26, 2). Под бедренной костью обнаружены кости левой руки, на которых находился бронзовый браслет (Рис. 26, 3). Третий скелет, лежавший перед лазом, сохранился хорошо. При нем найдены следующие вещи: на тазовых костях 9 бляшек-накладок из серебряной фольги (Рис. 26, 17); стеклянные глазчатые бусы (Рис. 26, 10-14); бронзовый бубенчик (Рис. 26, 4); справа от таза - бронзовая цилиндрическая поделка (игольница?) длиной 7,5 см., украшенная вокруг желобками (Рис. 26, 9); на правой руке - бронзовый браслет круглого сечения (Рис. 26, 5); на черепе, чуть выше глазниц - два бронзовых бубенчика (Рис. 26, 6,7); около челюсти - серебряная серьга, из четырех шариков, подвешенных к ушному кольцу шарнирно (Рис. 26, 16); около плеч - две серебряные бляшки (Рис. 26, 17); около тазовых костей - астрагал (Рис. 26, 18) и бронзовый бубенчик (Рис. 26, 8); на тазовых

костях - бронзовая пряжка (Рис. 26, 19). Под скелетами был зачищен слой органических остатков. Вероятно, пол камеры под скелетами был застлан кожей. Во входной яме встречались угли.

В квадрате А-1, на глубине 1,05 м был обнаружен глиняный одноручный кувшин с носиком-сливом (Рис. 45, 3). В нем оказались следующие вещи: два бронзовых бубенчика (Рис. 27, 1); плоское пряслице из известняка (Рис. 27, 2); пять перламутровых восьмигранных бусинок (Рис. 27, 3); перламутровая продолговатая бусинка с желобками вдоль (Рис. 27, 4); круглая бусинка из белого стекла (Рис. 27, 5); две круглые перламутровые бусинки (Рис. 27, 6); рифленная бусинка из голубой египетской пасты (Рис. 27, 7); пять продолговатых бусинок из белого стекла с желобками вдоль (Рис. 27, 8); круглая бусина из светло-синего перламутра с разноцветными глазками (Рис. 27, 9); две стеклянные глазчатые бусинки разных цветов - красный, зеленый, желтый (Рис. 27, 10) и другие стеклянные и пастовые бусы разных цветов и форм (Рис. 27, 11-35); бронзовая спираль (Рис. 27, 36); фрагменты от двух серебряных сережек (Рис. 27, 37-39).

Раскоп №2 был заложен в нескольких метрах к северу от раскопа №1. Его размеры - 4 м х 20 м. Он был разбит на квадраты в длину вниз по склону с запада на восток. Поскольку общая стратиграфия была известна, верхний слой, глубиной 1,3 м мы сняли бульдозером. Затем стали углубляться, копая послойно глубиной в один штык лопаты. Катакомба №2 была обнаружена в квадрате А-1, на глубине 2 м от дневной поверхности. Камера имела в плане округлую форму (диаметр - 2,2 м) и купольный свод (высота 1,75 м). Дно камеры находилось на 0,2 м ниже входной ямы. В погребении найдены кости от двух скелетов, разбросанных в юго-западной части камеры. Установить положение костяков не удалось. Пол камеры был обмазан жидкой глиной и покрыт какими-то органическими остатками, вероятно, от кожаной подстилки.

При зачистке дна камеры почти в центре были обнаружены следующие вещи: три четырехугольные штампованные из бронзовой пластины бляшки-накладки (Рис. 26, 20); две поясные накладки - "язычки" из серебряной пластины (Рис. 26, 21); две поясные накладки на бронзовой основе с тисненым орнаментом в виде солнца с отходящими от него лучами (Рис. 26, 22); две бронзовые (на кожаной основе) дугообразные поясные накладки с тисненым орнаментом (Рис. 26, 23); фрагмент бронзового кольца (Рис. 26, 24); глазчатая бусинка из голубого стекла (Рис. 26, 25); бусинка из цветного стекла (Рис. 26, 26); две бронзовые пуговицы (Рис. 26, 27); две бронзовые круглые бляшки из тонкого листа с двумя дырочками (Рис. 26, 28); фрагмент однолезвийного железного ножа (Рис. 26, 29); тройная бусинка из голубого стекла (Рис. 26, 30); двойная стеклянная бусинка с внутренней позолотой (Рис. 26, 31).

Хронологические рамки описанных вещевых комплексов определяются известными аналогами. Так, височные подвески в виде овальных колец, с шарнирно подвешенными к ним колонками из шариков, широко известны на Северном Кавказе и датируются VIII - IX вв.²⁴ Одноручные кувшины с носиком-сливом также встречаются в памятниках VIII - IX вв. Для VIII - IX вв. типичны и найденные здесь разнообразные бусы, браслеты, бубенчики, пряжки, штампованные бляшки²⁵. В связи с этим могильник предварительно датируется VIII - IX вв.

22. Комсомольское. Могильник №2.

Находится также на юго-западной окраине села на правом берегу реки Гой на склоне

горы (Рис. 12, 22). Поверхность могильника испещрена ямами-провалами. В 1985 году, при строительстве дороги, было обнаружено катакомбное погребение. Местными жителями были собраны здесь и переданы в музей следующие вещи: треугольная бронзовая пряжка (Рис. 28, 2); бронзовый наконечник от пояса (Рис. 28, 3); бронзовый браслет круглого сечения с обрубленными концами (Рис. 28, 1); перстень из сплава бронзы и серебра с четырьмя боковыми головками (Рис. 28, 4); бронзовый перстень с небольшим плосковатым щитком (Рис. 28, 5); три крупные (прямоугольная, четырнадцатигранная и уплощенно круглая) гагатые бусы (Рис. 28, 6-8); стеклянные и пастовые бусы разных цветов и форм (Рис. 28, 9-12); железный однолезвийный нож (Рис. 28, 13).

Датировка этого комплекса определяется широкими аналогами VIII - IX вв.26

23. Грозный. Ветлечебница.

Находится на северо-восточной окраине г. Грозного, на территории ветлечебницы. В 1940 - 1950-е годы на этом месте находились частные сараи. В 1983 году при рытье котлована, под административное здание было частично разрушено (катакомбное?) погребение (Рис. 30,1). На прилегающей территории заметны ямы-провалы. Погребение было дообследовано автором при участии зав. отделом природы Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея П.С. Анисимова. На глубине 1,8 м от дневной поверхности был расчищен женский костяк, лежавший вытянуто на спине головой на север с протянутыми вдоль туловища конечностями (Рис. 30,2). На левой руке костяка обнаружен круглый в сечении бронзовый браслет с обрубленными концами, который по аналогиям датируется VI - IX вв (Рис. 27,41)27. На шейных позвонках найдена бронзовая подвеска с 14-гранником (Рис. 27,42). Такие подвески были широко распространены на Северном Кавказе в V - VII вв.28 В изголовье слева сохранились фрагменты серо-глиняного сосуда шаровидной формы с резко отогнутым венчиком, разбитого, вероятно, ковшом экскаватора. Вокруг тулова он украшен двумя врезными параллельными бороздками (Рис. 27, 40). Погребение датируется предварительно VI - VIII вв.

24. Али-Юрт. Могильник №2.

Неизвестный ранее грунтовый катакомбный могильник выявлен и визуально обследован нами совместно с младшим научным сотрудником сектора археологии Чечено-Ингушского научно-исследовательского института Д.Ю. Чакхиевым летом 1986 г. Могильник расположен на склоне одного из хребтов Черных гор в 1,5 км к востоку от с. Али-Юрт. На территории могильника (более 2 га) прослеживаются многочисленные ямы-провалы. Вещевой материал в разрушенной камере не обнаружен (Рис. 12, 24).

25. Шалажи. Могильник №1.

В 1970 годах в фонды музея поступили материалы из разрушенных погребений катакомбного могильника расположенного на западной окраине с. Шалажи (Рис. 12,25; 31,1).29

26. Шалажи. Могильник №2.

Катакомбный могильник расположен в 700 м к ЮВ от с. Шалажи, на правом высоком обрывистом берегу р. Валерик (лесистом склоне одного из отрогов Черных гор), в местности Австри-чу. Могильник, судя по многочисленным ямам-провалам, занимает площадь около 400 м в длину и до 100 - 150 м в ширину (Рис. 12,26; 31,2).

До нашего приезда (сентябрь 1990 г.) расчистка одной из ям-провалов (погр. №1) была начата местными школьниками. Они успели добраться до ниши в ЮЗ части погребения, в которой находился чурноглиняный кувшин и лопатка мелкого рогатого скота (овцы?) (Рис. 35, 38; 39, 26).

Погребение находится почти в центре (по линии СЮ) могильного поля в 4 м от края обрыва. Нами был заложен раскоп №1 размером 2м х 4м, разбитый на 8 квадратов (Рис. 32). Раскоп имеет небольшой уклон с ЮЗ на СЗ. СС-З стенка раскопа 0,53м, ЮЮ-В стенка раскопа - 0,44 м (Рис. 33, 34). Раскопки велись послойно на глубину одного штыка лопаты. Входная яма земляного склепа №1 была обнаружена на глубине 3,5 м от дневной поверхности. Ширина входной ямы - 0,66 - 0,60 м. Дно камеры (вырыто в плотном материковом грунте) располагалось на глубине 4,90 м (ЮЗ край раскопа). Камера ориентирована по линии ЮЗ- СВ, с отклонением к востоку. Пол камеры имел почти трапецевидную форму. Его размеры: ширина у “фасадной” стенки 1,20 м, ширина по линии ББ1 - 1,66 м длина по линии АА1 - 2,26 м (Рис. 35; 36; 37). Свод, разрушенный грабительским лазом, имел (судя по боковым стенкам) стрельчатую форму (Рис. 37; 38). Высота камеры, вероятно, была около 1,60 -1,70 м (Рис. 36; 37). Входное отверстие (лаз) округлой формы (0,56 х 0,58 м) находилось в СВ стенке, со стороны склона, на 0,40 м выше дна камеры. Длина лаза - 0,44 м. Со стороны входной ямы он закрыт каменной плитой, поставленной вертикально (Рис. 35; 36; 38). В противоположной (ЮЗ) стене камеры, на высоте - 0,68 м от дна имеется ниша: высота - 0,60 м, ширина - 1,20 м, глубина до 0,26 м (Рис. 35, 36, 37). В камере обнаружены два скелета, которые лежали вытянуто на спине, головами на ЮЗ ногами к лазу (Рис. 35).

Первый скелет (женский) лежал у СЗ стенки камеры. Верхняя часть скелета смещена к стенке. Длина скелета около 1,65 м. Череп раздавлен. При нем найдены следующие вещи: под костями черепа - два колечка (височные подвески?) из тонкой, круглой в сечении бронзовой проволоки - Д - 1,2 см (Рис. 35; 39, 23, 24), фрагмент височной подвески(?) в виде петельки из тонкой, круглой в сечении золотой проволоки, с отогнутыми заостренными концами - высота по центру около 0,9 см (Рис. 35; 39, 25), в области шейных позвонков найдена 21 бусинка - крупная глазчатая бусинка округлой формы из зеленой пасты (Рис. 39, 2), овальная бусинка из зеленой пасты (Рис. 39, 7), уплощенная рифленая бусинка из синего стекла (Рис. 39, 3), продолговатая бусинка из сердолика (Рис. 39,16), две двойные пастовые бусинки охристого цвета (Рис. 39,13,15), 15 округлых и продолговатых пастовых бусинок охристого цвета (Рис. 39, 4-6, 8-12, 14, 17-22), около изгиба левой руки - полая костяная поделка в виде овальной, сужающейся трубочки (у широкого края просверлены сквозные отверстия - друг против друга) длина 5,2 см (Рис. 35; 39, 1).

Второй (мужской) скелет, лежавший в центре камеры, сохранился хорошо. Длина его около 1,80 м. Вещей при нем не найдено. Судя по всему, погребение было ограблено еще в древности, через вертикальный грабительский лаз (Рис. 35;38).

Переданный нам кувшин изготовлен из хорошо отмученной глины, сформован на гончарном круге и пролощен. Поверхность его имеет черный цвет. Тулово кувшина грушевидной формы украшено двумя горизонтальными рядами вертикальных точечных насечек, ограниченных с двух сторон тонкими врезными линиями. Между ними, как бы соединяя их, по всему тулову идет зигзагообразный орнамент из 6-7

тонких врезных линий. В верхней части тулово резко сужается к горловине с раструбистым венчиком. От носика слива венчик загнут вовнутрь. Горловина также украшена горизонтальным рядом вертикальных точечных насечек, ограниченных сверху тонкой врезной линией. Точечными насечками украшен и загнутый вовнутрь край венчика, с двух сторон от носика слива. Венчик и верхняя часть тулова сосуда соединены ручкой, полуовальной формы в сечении, в верхней части которой (в 12 см от венчика) выступает поперечный валик. Размеры: высота кувшина 30 см, (с носиком-сливом - 33 см), диаметр тулова - 21,2 см, диаметр дна - 11,4 см, диаметр венчика (в широкой части) - 11,5 см. (Рис.39,26).

По имеющимся датированным аналогам описанному кувшину, представляется возможным данное погребение предварительно датировать VII - VIII вв. н.э. 30 27. Шалажи. Могильник №3. К Ю.-З. от могильника №2 и в 200 м к ЮЗ от Шалажинского городища, на правом высоком обрывистом берегу р. Шалажи, в результате обвала почти полностью разрушены два катакомбных погребения неизвестного ранее могильника. Под обрывом нами найдены разрозненные костные останки погребенных. Вещевой материал не зафиксирован. (Рис.12,27;31,3).

28. Цацан-Юрт. В начале октября 1990 г. в музей были переданы жителями с. Цацан-Юрт И.Дидишевым и А.Берсановым вещи из разрушенных погребений ранее неизвестного могильника. Разрушенные погребения были нами осмотрены. Могильник находится в 1,5-2 км к северу от с. Цацан-Юрт, на левом, высоком обрывистом берегу р. Хулхулау. В этом месте от реки отделился неглубокий “рукав”, который проходит под левым берегом и через 400 - 500 м опять сливается с рекой. Могильник расположен между правым рукавом р. Хулхулау и небольшим каналом, проложенным (в этом месте в 150 - 200 м от берега) параллельно реке, к западу от канала сохранилось несколько курганов (Рис. 40). В результате обвала берега разрушено 5 земляных склепов (Рис. 41). Первыми об этом, как обычно, узнали дети, которые полностью “расчистили” погребение (костные останки погребенных лежали у основания обрыва).

Погребение №1 находилось на высоте около 1,50 м. От него сохранилась лишь западная часть (в плане овальной формы). Ее размеры: ширина - около 1,10 м, высота 1,50 м, глубина 0,70 м.

Погребение №2 находится в 5,50 м (по изгибу обрыва) от погребения №1, на высоте 1,44 м. Камера в плане овальной формы: ширина (СЮ) 1,50 м, длина (ЗВ) 2 м. Свод купольный. Высота 1,20 м. В южной стене сохранился лаз (ширина 0,60 м, высота 0,55 м) округлой формы, заложенный каменной плитой. Лаз находится на высоте 0,50 м от дна камеры, Размеры пролома в СВ части камеры 0,55 x 0,70 м.

Погребение №3 находится в 7,50 - 7,70 м к СЗ от погребения №2, на высоте 0,40 - 0,60 м. Сохранилась западная часть (в плане овальной формы) на глубину 1,50 м. Высота купольного свода - 1,10 м. В западной части, на длину 1,10 м идет полка высотой около 0,20 м, глубиной до 0,34 м. В южной стенке, на высоте 0,55 м от дна камеры находится лаз круглой формы (д-0,50 м), закрытый каменной плитой.

Погребение №4 расположено в 2,50 м от погребения №3, на высоте 1,70 м. В плане камера трапецевидной формы. Ширина камеры - 1,30 м., длина южной стенки 1,40 м, длина северной стенки (до пролома) 1,50 м. Высота прямоугольного свода камеры 1,54 м. Ширина пролома 0,70 м, высота 1,04 м. В южной стенке на высоте 0,60 м. от дна камеры, сохранился лаз округлой формы (0,60 на 0,60 м), закрытый каменной плитой.

Погребение №5 находится в 18,70 мм к СВ от погребения №4 на высоте около 2 м. Камера овальной формы в плане, вытянута с ЮВ на СЗ (2,30 м). Ширина камеры 0,90

м, пролом (около 1,10 x 0,75 м) находится в СЗ части погребения.

Автору был передан следующий комплекс вещей:

Два фрагмента бронзовой поделки, декорированных с одной стороны выпуклым геометрическим орнаментом. Размеры: первого - по горизонтали - 2,1 см, по вертикали - 1,4 см (Рис. 42, 1) и второго соответственно - 1,8 см, - 1,4 см. (Рис. 42, 2).

Металлическое зеркальце из белого сплава с центральным ушком и орнаментом из концентрических валиков по краю диска и вокруг ушка, с выпуклыми черточками в виде “лучей” между ними. Диаметр 4,7 см. (Рис. 42, 3).

Обломок лезвия железного ножа. Длина 4,20 м. (Рис. 42, 4).

Бронзовая фигурная пряжка с овальной рамкой. Длина рамки (с язычком) 2,8 см, ширина 2,8 см. (Рис. 42, 5).

Бронзовая, уплощенная Ж-образная фигурная подвеска в виде обращенных друг к другу острыми концами бараньих рогов, с выступом в середине, высота 1,9 см, ширина 1,8 см. (Рис. 42, 6).

В состав этого комплекса входят семь сосудов.

Первый - сероглиняная миска с загнутым вовнутрь венчиком. Изготовлена на гончарном круге. Высота 5,7 см, диаметры: венчика - 11 см; дна - 6,8 см (Рис. 42, 7).

Второй - серо-глиняный лепной кувшин без ручки с раструбистым венчиком. Тулово оформлено по окружности в верхней части (у основания горловины) круглыми насечками, ограниченными с обеих сторон горизонтальными врезными линиями (нижняя в двух местах раздваивается) ниже прочерчены еще две горизонтальные линии, еще ниже, в самом широком месте тулова, прочерчена одна горизонтальная линия. Поверхности кувшина (тулово и горловина) декорирована каннелюрами. Высота 14 см, диаметры: венчика - 8,4 см, тулова - 13, 8; дна - 10,4 см (Рис. 42, 8).

Третий серо-глиняный кувшин с ручкой изготовлен из хорошо отмученной глины и сформован на гончарном круге. Тулово шаровидной формы оформлено каннелюрами. Венчик кувшина загнут во внутрь острым ребром. Поверхность кувшина украшена тремя парами горизонтальных врезных линий с орнаментацией в виде оттисков 3-образного штампа между ними. 3-образными насечками украшен и загнутый вовнутрь венчик, с двух сторон от носика-слива. Ручка, овальная в сечении, прикреплена в верхней части горловины и верхней части тулова. С внешней стороны ручки по всей ее длине идет вмятина в виде желобка. Высота кувшина (с носиком-сливом) - 34 см, диаметры: венчика - 8,8 см; тулова - 24 см; дна 11,2 см (Рис. 42).

Четвертый серо-глиняный горшочек с шаровидным туловом и резко отогнутым наружу венчиком. Изготовлен на гончарном круге. Оформлен двумя двойными (спаренными) врезными горизонтальными линиями. Высота 9,2 см, диаметры: венчика - 7,8 см; тулова - 13,3 см; дна - 8,4 см. (Рис. 43, 1).

Пятый сосуд - серо-глиняная кружка с зооморфной ручкой (в виде фигурки собаки?) и раструбистым венчиком. Изготовлена на гончарном круге. Оформлена горизонтальными врезными линиями (вверху две параллельные линии, внизу - две спаренные). Высота ее 9,4 см, диаметры: венчика - 8 см; тулова - 11,4 см; дна - 6,4 см. (Рис. 48, 2).

Шестой серо-глиняный горшочек шаровидной формы с отогнутым венчиком.

Сформован на гончарном кругу. Украшен двумя спаренными горизонтальными линиями. Высота его 10,2 см, диаметры: венчика - 8,4 см; тулова - 14 см; дна 8,8 см. (Рис. 43, 3).

Седьмой сосуд - черно-глиняный горшочек с шаровидным туловом. Изготовлен на гончарном кругу. Венчик расширяется, как бы, двойным валиком. Тулово оформлено двумя спаренными горизонтальными врезными линиями. Высота горшочка - 6,5 см, диаметры: венчика - 6,3 см; тулова - 9,4 см, дна - 6,8 см (Рис.43,4).

Предварительно, по имеющимся аналогам комплекс находок из Цацан-Юртовского могильника можно отнести к V - VII вв. н.э. Вместе с тем, серо-глиняная кружка с зооморфной ручкой может относиться и к более раннему времени - I - IV вв. н.э.31

29. Чир-Юрт. Могильник №2. Расположен в 1 - 1,5 км к югу от поселка Чир-Юрт на лесистом гребне отрога Черных гор (Рис.12,29). В 1989 г. здесь был заложен карьер по добыче глины. В этом же году площадь могильника была визуальным образом нами осмотрена. По гребню и по пологим склонам отрога на протяжении более 250 м зафиксированы многочисленные ямы-провалы и несколько курганных насыпей (от 1 м до 1,5 - 2 м).

Площадь карьера, заложенного в центральной части могильника, вытянута по склону - 90-100 м x 10-30 м. В общей сложности, по словам рабочих карьера, к нашему приезду было разрушено от 15 до 20 погребальных камер. Из вещевого материала нам были переданы 5 сосудов, найденных в разных погребениях.

Первый - миниатюрный серо-глиняный кувшинчик с воронковидным венчиком и зооморфной ручкой, овальной в сечении. Изготовлен из хорошо отмученной глины и сформован на гончарном кругу. Тулово уплощенно-шаровидной формы украшено по кругу пятью сосочками. Ручка начинается от венчика и прикреплена к центру тулова. Высота кувшинчика - 6,4 см, высота горловины - 2,7 см, диаметры: венчика - 6 см; тулова - 7,3 см; дна - 3,3 см (Рис.44,1).

Второй - серо-глиняный кувшинчик с раструбистым венчиком и зооморфной ручкой, овальной в сечении. Изготовлен из хорошо отмученной глины на гончарном кругу. Тулово уплощенно-шаровидной формы украшено тремя сосочками. Ручка начинается от венчика и прикреплена к верхней части тулова. Высота кувшинчика - 7,4 см, высота горловины - 2,8 см, диаметры: венчика - 6,6 см; тулова - 8,6 см; дна - 4,9 см (Рис.44,2).

Третий - светло-охристый глиняный кувшин с носиком-сливом и овальной в сечении ручкой. Изготовлен на гончарном кругу. Тулово шаровидной формы. Ручка начинается от венчика и прикреплена к верхней части тулова. Горловина украшена с двух сторон (ближе к ручке) парными сосочками. Высота кувшина - 16,7 см, высота горловины - 5,1 см, диаметры: венчика - 9 см (с носиком-сливом - 10,1 см); тулова - 13,8 см; дна - 6,2 см (Рис.45,2).

Четвертый - светло-охристый глиняный кувшин без ручки с раструбистым венчиком. У основания горловины с одной стороны имеются два сосочка. Изготовлен из хорошо отмученной глины и сформован на гончарном кругу. Тулово шаровидной формы. Высота кувшина - 12 см, высота горла - 4 см, диаметры: венчика - 9,3 см; тулова - 12 см; дна - 5,4 см (Рис.44,3).

Пятый - светло-охристый глиняный кувшин с носиком-сливом и ручкой, овальной в сечении. Венчик с обеих сторон от носика-слива резко отогнут наружу. Носик-слив украшен двумя сосочками - по одному с каждой стороны. Тулово шаровидной формы.

Ручка начинается на горле и прикреплена к верхней части тулова. Высота кувшина - 11,5 см, высота горловины - 4 см, диаметры: венчика - 7,2 см (с носиком-сливом - 8,6 см); тулова - 10,8 см; дна - 6,5 см (Рис.45,1).

Первые два описанные кувшинчика являются хорошим хронологическим показателем. Они датируются соответственно V в. и VI-VIII вв.³² Остальные сосуды, судя по аналогам, встречаются и в более позднее время. Предварительно могильник нами датируется V-VIII вв.

Мы кратко описали и перечислили 29 катакомбных могильника, в том числе и те, что были обследованы нами. Однако известных катакомбных могильников исследуемой территории значительно больше. Все они освещены в специальной литературе, поэтому мы считаем возможным ограничиться указанием их местонахождения с ссылками на соответствующие литературные источники:

30. Алды³³; 31. Гвардейское³⁴; 32. Сурхахи³⁵; 33. Пседах³⁶; 34. На р. Мартанке³⁷; 35. Урус-Мартан (2 могильника)³⁸; 40. Гудермес³⁹; 41. Чир-Юрт (могильник №1)⁴⁰; 42 - 43. Джалка (2 могильника)⁴¹; 44. Шали⁴²; 45. Герменчук⁴³; 46. Майртуп⁴⁴; 47. Ножай-Юрт⁴⁵; 48. Ушкалой⁴⁶; 49. Грозный - Ханкала⁴⁷; 50. Грозный - Тыртова роща⁴⁸; 51. Яндырка⁴⁹; 52. Грозный - железнодорожная больница⁵⁰; 53. Грозный - Черноречье⁵¹; 54. Экажево. Мог. №152; 55. Насыр-Корт⁵³; 56. Джейрах⁵⁴ (Рис.12,30-56).

На территории Чечено-Ингушетии, таким образом, известно на сегодняшний день 56 катакомбных могильника, которые датируются со II-III вв. до XIII - XIV вв. н.э. (в это число мы не включили могильники из "скальных катакомб"). Для сравнения отметим, что всего на территории Центрального Предкавказья, входящей в ареал "аланской" культуры, не считая территории Чечено-Ингушетии, известно 76 катакомбных могильников⁵⁵. В это число включаются и могильники из скальных захоронений ("скальные катакомбы"), которых только в Кисловодской котловине насчитывается 12.⁵⁶ Как видно, из общего числа учтенных могильников "аланской" культуры более 42% находится на территории Чечено-Ингушетии. Действительное их количество (учитывая, что у каждого поселения (городища) должен быть могильник), вероятно, больше. Еще совсем недавно здесь было известно лишь около десятка катакомбных могильников, расположенных, в основном, к западу от р. Аргун⁵⁷. Однако в результате археологических исследований, проведенных в 1970-80-е годы, были выявлены новые катакомбные могильники к востоку от Аргуна - Исти-Су, Аллерой, Майртуп, Бердуты, и др. Это значительно расширило их топографию вплоть до Дагестана и внесло существенные коррективы в определение восточных границ аланской культуры. Почти все перечисленные нами могильники в какой-то степени исследованы, а добытый при этом материал разработан и интерпретирован⁵⁸. Вместе с тем следует отметить, что ни один из них не раскопан полностью.

Картографирование катакомбных могильников показывает, что почти все они расположены в предгорной зоне края и, отчасти, в горах. Из них 9 могильников находятся на Терско-Сунженской возвышенности: 2 - на правом берегу Терека, на северных склонах Терского хребта; 2 - между Терским и Сунженским хребтами у с. Пседах; 5 - на левом берегу Сунжи, к югу от Сунженского хребта. К югу от Сунжи, на примыкающей к горам Чеченской наклонной равнине известно 33 могильника. В горах, в основном в зоне стыка с предгорьями расположено 14 могильников. Как мы видим, география катакомбных могильников края показывает явное тяготение их к лесистым предгорьям. В степных районах северокавказской равнины, к северу от очерченного

ареала, катакомбные могильники неизвестны. Такое расположение катакомбных могильников характерно и для других районов Северного Кавказа, входивших в ареал “аланской” культуры.

Вместе с тем в предгорной зоне отмечены и могильники из погребальных сооружений, характерных для горной зоны. Это подземные и полуподземные склепы и каменные ящики VIII - XIV вв. у с. Мужичи, каменные ящики VIII - IX вв. у с. Верхний Даттых, могильник из подземных склепов у с. Бамут и др.⁵⁹ Выявлены здесь и три погребения в грунтовых ямах: два одиночных погребения внутри Алхан-Калинского городища и детское погребение на катакомбном могильнике VII - нач. VIII вв. у с. Аллерой⁶⁰. Малочисленность их, возможно, объясняется недостаточной изученностью указанной территории.

По характеру наземного сооружения катакомбы исследуемой территории подразделяются на грунтовые (подавляющее большинство) и подкурганные. Последние эпизодически встречаются на всем протяжении I тыс. н.э. и на всей предгорной территории края - Братское (II - III вв.); Алхан-Кала (III - V вв.); Аллерой (VII - VIII вв.); Алхасты, мог. 2 (VIII - IX вв.) и др. Подкурганные захоронения равнинной степной зоны, где безраздельно господствовали племена, находившиеся в кочевом быту, вероятно, принадлежат кочевникам. При этом, вопреки сложившейся в научной литературе традиции, мы не вкладываем в понятие “кочевники” этнический смысл. Вне степи в данном случае в предгорной зоне Северного Кавказа, население которой вело оседлый образ жизни, такого определенного вывода сделать нельзя. Обычай сооружения кургана над могилами имеет у оседлого населения Кавказа древние традиции. Он был широко распространен в предгорной зоне Северного Кавказа и в Закавказье с эпохи ранней бронзы⁶¹. В последнее время в предгорной зоне Северного Кавказа (Северная Осетия) и на территории Грузии выявлены подкурганные захоронения, относящиеся к концу IV тыс. до н.э. Это вносит дополнительный и существенный элемент дискуссионности в распространенную в специальной литературе традицию связывать истоки курганных захоронений только с равнинной степной зоной Восточной Европы и позволяет по-новому взглянуть на проблему происхождения курганных захоронений на Кавказе⁶². Кроме того, курган, как деталь наземного оформления могилы, является всего лишь одним из элементов погребального обряда и не может служить (сам по себе) этническим признаком. Скорее всего, курганы в исследуемое время связаны с идеологическими представлениями местного населения. Отмеченные выше различия погребений по характеру наземных сооружений (наличие или отсутствие кургана), определяется, очевидно, некоторыми своеобразиями в религиозных представлениях населения, оставившего их.

Погребальные камеры обычно имеют в плане овальную форму и купольный (чаще) или стрельчатый свод. Вместе с тем встречаются камеры, которые имеют в плане круглую, подквадратную, подтреугольную формы (Верхн. Алкун, погр. №2; Мартан-Чу, мог. №2, погр. №8; Исти-Су, погр. №1). В одной из стен камер, довольно часто, имеются небольшие ниши (в 17% катакомб IV - VIII вв.). Входная яма (дромос) расположена обычно под прямым углом к камере. Входное отверстие (лаз) чаще всего заложено каменной плитой, но встречаются - сырцовые кирпичи, дерево, глина и жернова⁶³.

Практически около половины захоронений в катакомбах (до VIII в.) индивидуальные. Парные захоронения встречаются реже, но так же имеют значительное распространение. Количество коллективных (3 и более) захоронений невелико.

Существенные изменения в количественном составе погребенных происходит в X - XII вв.: сокращается число индивидуальных захоронений - возрастает количество парных и коллективных.

Большинство погребенных (из числа зафиксированных) покоилось, вытянуто на спине и при этом:

- а) конечности протянуты вдоль туловища (в большинстве случаев);
- б) левая (правая) рука протянута вдоль туловища, а кисть правой руки (левой) лежит на тазовых костях;
- в) руки сложены на животе крестообразно;
- г) скрещены ноги в коленях;
- д) ноги слегка подогнуты⁶⁴.

Вместе с тем отмечены случаи, когда костяк лежит скорченно или вытянуто на боку - Алхасте, мог. 2; Алкун; Фуртоуг; Мартан-Чу, мог. 1, погр. №23.

Встречаются могилы, сочетающие останки совместно положенных погребенных в вытянутом на спине, скорченном, вытянутом на боку положениях - Дуба-Юрт, мог. 1, погр. №1; Мартан-Чу, мог. 1, погр. №№22, 23, 28, 31.⁶⁵

Ориентировка погребенных, даже в пределах одного отрезка времени и одного могильника, особой стабильностью не отличается. Однако в общем преобладает широтное направление - запад и северо-запад.⁶⁶

Отмечены случаи сдвигания костей ранее погребенных для очередного захоронения - Мартан-Чу, мог. 1, погр. №№1, 2, 18, 20, 23; Аллерой, погр. 1 и др.⁶⁷

Часто в могилах встречаются древесные угли как в засыпке, так и в виде скоплений у головы, ног, тазовых костей. Иногда под покойником прослеживается угольная подстилка. В некоторых катакомбах она довольно значительна и образует сплошной слой под костяком - Мартан-Чу, Мог. 1, погр. №№10, 13, 15; Верхний Алкун⁶⁸.

Часто встречаются в катакомбах и остатки заупокойной пищи в виде костей крупного и мелкого рогатого скота. Иногда встречаются черепа или целые скелеты баранов. Отмечены случаи конских захоронений⁶⁹.

Почти во всех погребениях обнаружен разнообразный инвентарь - керамика, оружие, украшения и т.п.

Отмеченные детали погребального обряда находят широкие аналогии не только в катакомбных могильниках Северного Кавказа, но и в некрополях горной зоны из каменных ящиков, грунтовых ям, подземных и полуподземных склепов, которые (как однозначно признается специалистами) являются исконно местными погребальными сооружениями и имеют древние местные истоки, что несовместимо с попытками их использования как этнического признака миграции североиранцев на эту территорию.

Господство индивидуальных захоронений является одной из устойчивых черт некрополей из каменных ящиков и грунтовых ям с эпохи бронзы и до позднего средневековья⁷⁰. Вместе с тем в каменных склепах, которые, как и катакомбы, служили коллективными усыпальницами, парные и коллективные захоронения имели довольно значительное распространение уже с эпохи бронзы. Так, в Гатын-Калинском могильнике II тыс. до н.э. в 5 склепах из 12 исследованных обнаружено от 2 до 12

скелетов, т.е. парные и коллективные погребения составляют 41,5 %⁷¹. В эпоху раннего средневековья число парных и коллективных захоронений в склепах постепенно увеличиваются и к концу I тыс. н.э. становится господствующим⁷². Интересно, что увеличение числа парных и коллективных захоронений на рубеже раннего и позднего средневековья отмечено и для некоторых некрополей из каменных ящиков. Так, в Борзойском могильнике из каменных ящиков XIII - XIV вв. из 19 погребений, в которых были найдены останки усопших, 8 (42,1 % от общего числа) содержали два и более костяков. В одном из них были обнаружены останки 19 человек⁷³.

Вытянутое положение костяков фиксируется на Северном Кавказе, включая и территорию Чечено-Ингушетии, с последней четверти III тыс. до н.э. и широко практикуется на Северном Кавказе, как в предгорной зоне, так и в горах (в том числе и в высокогорной зоне Чечено-Ингушетии) со II тыс. до н.э.⁷⁴ Чаще всего оно встречается в камерных погребальных сооружениях, каменных гробницах- склепах, ямах, перекрытых камнем или деревом, каменных ящиках⁷⁵. Примечательно, что именно для вытянутых костяков характерна широтная (запад-восток) ориентация⁷⁶. Как видно, вытянутую позу костяков и характерную для нее широтную ориентацию, нет никаких оснований, связывать с влиянием иноязычных кочевников Предкавказской равнины скифо-сарматского времени⁷⁷, так как процесс “выпрямления” костяков и установления широтной ориентации начался на Кавказе значительно раньше и имеет местные истоки. В раннем средневековье вытянутая поза костяка и широтная ориентация преобладают во всех типах погребальных сооружений⁷⁸.

В специальной литературе была высказана мысль, что такие детали как положение кисти руки на таз, перекрещенные ноги являются характерной чертой погребального обряда сарматских (ираноязычных) племен и свидетельствуют о проникновении последних в предгорные районы Северного Кавказа⁷⁹. Однако указанные детали погребального обряда находят широкие аналогии в исконно местных погребальных сооружениях не только I тыс. н.э.⁸⁰, но и II тыс. до н.э.⁸¹ Как видно, на Кавказе они имеют древние традиции. В.Б. Ковалевская совершенно правильно отметила, что при рассмотрении погребальных памятников Северного Кавказа, такие детали как перекрещенные ноги, положение кисти руки на таз нельзя считать признаком сарматского (иранского) влияния⁸².

Характернейшей чертой погребального обряда древних кавказцев, как и у многих других земледельческо-скотоводческих племен, по крайней мере, с I-ой пол. III тыс. до н.э. и до позднего средневековья, является, и наличие в могилах древесных углей⁸³ и заупокойной пищи в виде остатков костей крупного и мелкого рогатого скота⁸⁴. Иногда в погребениях находят черепа или целые скелеты баранов⁸⁵.

Находят аналогии в местных погребальных сооружениях раннего средневековья и предшествовавших эпох (II - I тыс. до н.э.) и другие элементы погребального обряда в катакомбах - положение покойника на боку; сочетание вытянутой и скорченной позы костяков в одном погребении; сдвигание останков ранее погребенного при очередном захоронении; глиняная или угольная подстилка под костяки; конские захоронения (черепа, кости ног или целые скелеты)⁸⁶. Существует мнение, что конские захоронения или конская сбруя в могилах являются этническим признаком ираноязычных кочевников⁸⁷. С этим трудно согласиться. И дело тут не только в том, что указанные детали сами по себе не могут служить этническим показателем. Обряд захоронения с

конем был известен у кавказцев задолго до появления в степных районах Северного Кавказа ираноязычных кочевников⁸⁸. Как установлено, уже в конце III тыс. до н.э. населению Кавказа была знакома домашняя лошадь. Об этом свидетельствуют находки костей и глиняных фигурок домашней лошади на поселениях Куро-Аракской и Майкопской культур и изображение лошади на одном из серебряных сосудов, обнаруженных в Майкопском кургане⁸⁹. Найденные в погребальных памятниках Майкопской культуры, в частности Чечено-Ингушетии, бронзовые псалии свидетельствуют, что с конца III тыс. до н.э. лошадь на Кавказе использовалась для верховой езды. Кстати, за пределами Северного Кавказа столь древние бронзовые псалии неизвестны⁹⁰. Как считает Р.М. Мунчаев, домашних лошадей на Северном Кавказе в III - II тыс. до н.э. было мало и владели ими, вероятно, “богатые семьи, представители родо-племенной знати”⁹¹. Однако, учитывая довольно слабую изученность памятников этого времени (особенно на территории Чечни и Ингушетии) такой вывод представляется довольно поспешным. С развитием на Кавказе отгонного (яйлажного) скотоводства роль лошади, как транспортного животного, в хозяйстве оседлого населения предгорной зоны значительно возрастает, но занимает в нем, в отличие от хозяйства собственно кочевого населения Предкавказских степей или кочевников Средней Азии, употреблявших конину и кобылье молоко в пищу, далеко не ведущее место⁹². Как видно, традиция коневодства на Северном Кавказе прослеживается непрерывно с эпохи ранней бронзы. Возможно, на его развитие и оказывали определенное влияние кочевое население Предкавказской равнины. Однако появление сбруи и захоронений коней в могилах местного оседлого населения предгорной зоны Северного Кавказа могло быть связано не с этническими передвижениями, а в первую очередь, с существенным возрастанием роли лошади в хозяйстве (особенно в подвижно-скотоводческом-отгонном, яйлажном) и внутренним социальным развитием общества. Кроме того, детали конской сбруи относятся к разряду самых подвижных элементов в археологической культуре и при выявлении этнической принадлежности памятника они могут иметь лишь значения как признаки, дополняющие погребальный обряд.

Широкие аналогии в местных погребальных сооружениях (склепы, каменные ящики и т.д.) I тыс. н.э. и предшествующих эпох имеет и разнообразный инвентарь катакомбных могильников.

Среди деталей, составляющих погребальный обряд, одним из ведущих этнических показателей является керамика. “Наряду с этим керамика является хорошим хронологическим показателем”⁹³. Раннесредневековая керамика центральных районов Северного Кавказа имеет ряд черт, специфических только для нее: характер обжига (серый цвет в изломе и на поверхности), лощения (черное, блестящее, полосчатое, из заштрихованных треугольников, ромбическое и т.д.), пропорция сосудов, место расположения ручки, зооморфные ручки и т.д. В разных районах она имеет лишь отдельные локальные особенности. Так, на сосудах восточного варианта аланской культуры (Северная Осетия, Чечено-Ингушетия) преобладают ручки на тулове; на сосудах западного варианта ручка “всегда начинается на горле и часто непосредственно от венчика”. Вместе с тем в разных типах погребений (катакомбы, подземные и полуподземные склепы, каменные ящики, грунтовые ямы) на одной территории (в данном случае Чечено-Ингушетия), как в предгорной, так и в горной зонах, керамика идентична⁹⁴. Анализ керамического материала аланской культуры показывает “преемственность в гончарной традиции от кобанской культуры к аланской, то есть именно керамика демонстрирует местные корни раннесредневековой аланской

культуры” (Рис. 15-25; 27; 30; 39; 42-45)⁹⁵.

Местные кавказские традиции, истоки которых уходят в эпоху раннего железа, и даже бронзы, проявляются и в изготовлении разнообразных амулетов, зеркал, оружия, поясных пряжек, поясных наборов, бронзовых браслетов, бронзовых подвесок в виде колокольчиков, серег с напускной бусиной в виде четырнадцатигранника, бронзовых украшений, изображающих оленей и других животных и т.д. (Рис. 46; 47; 49-55)⁹⁶. Так, специфическими для Северного Кавказа элементами инвентаря являются зеркала и амулеты (Рис.49; 50; 52-55). Они встречаются во всех типах погребальных сооружений (катакомбы, склепы, каменные ящики и т.д.). Истоки металлических амулетов на Кавказе уходят в эпоху бронзы и раннего железа. Немногие аналогии в одновременных северокавказским памятниках на территории Евразии “можно рассматривать как результат связи с Кавказом”⁹⁷. Вместе с тем во всех типах погребальных сооружений встречаются отдельные импортные (восточные, византийские, закавказские) или изготовленные по импортным образцам ремесленные изделия (поясные наборы, оружие, конское снаряжение и т.д.), которые могут являться хорошим хронологическим, но не этническим показателем. Наличие их в первую очередь объясняется разнообразными торговыми связями, но отнюдь не этническим передвижением. Кроме того, они получают распространение на юге Восточной Европы и Северном Кавказе после гуннских походов (особенно в период расцвета Хазарского каганата - VIII - X вв.) и не могут служить эталоном при выявлении на Северном Кавказе этноязыковых иранцев⁹⁸.

Как мы видим, в инвентаре и деталях погребального обряда катакомбных погребальных сооружений Чечено-Ингушетии нет ни одного элемента, который можно было бы с большей или меньшей уверенностью связать с этноязыковыми иранцами.

Сравнительный анализ деталей погребального обряда и вещевого материала погребальных памятников центральных районов Северного Кавказа, в частности Чечено-Ингушетии, показывает, что “аланская” материальная культура, сложившаяся здесь в раннем средневековье, была в такой же мере единой для населения, хоронившего в катакомбах, как и для населения, оставившего подземные и полуподземные склепы, каменные ящики, грунтовые ямы, скальные захоронения и имела местные кавказские корни⁹⁹. В этом, вероятно, и заключалась ее специфичность, отличающая ее от одновременных ей материальных культур других территорий. Исключение составляет лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры, оставленной аланами, обитавшими в VIII - IX вв. в бассейне верхнего течения Дона. Однако последние являются переселенцами с Северного Кавказа¹⁰⁰.

Одним из важных элементов катакомбного погребального обряда является “катакомбное” погребальное сооружение. В специальной литературе широко бытует мнение о принадлежности катакомб предгорной зоны Центрального Кавказа, прикочевавшим сюда ираноязычным “аланам”. Вопрос об истоках этого типа погребальных сооружений остается дискуссионным до настоящего времени¹⁰¹. Большинство археологов связывает катакомбные погребальные сооружения Центрального Предкавказья с ираноязычными сармато-аланскими кочевыми племенами Нижнего Поволжья и Приуралья. Е.П. Алексеева считает возможным видеть их истоки в Средней Азии¹⁰².

Однако, как уже отмечалось исследователями, катакомбные погребальные сооружения не были характерны для населения Нижнего Поволжья и Приуралья¹⁰³. К.Ф. Смирнов собрал на этой обширной территории всего 35 катакомбных погребений, которые

датируются в пределах от V в. до н.э. - первых веков н.э.¹⁰⁴ От общего числа исследованных здесь погребений этого периода (более 3.000) они составляют чуть более 1%¹⁰⁵. Обращает на себя тот факт, что столь незначительное число отдельных катакомбных погребений приходится на огромную территорию - более 400-500 тыс. кв. км., т.е. одно погребение - на более 11-14 тыс. кв.км и относительно большой хронологический отрезок времени - V в. до н.э. - первые века н.э. Более того, только 9 катакомбных погребений (1 - в Нижнем Поволжье, и 8 - в Южном Приуралье) из 35 относятся к 1 типу (катакомба с перпендикулярным к камере входом), что составляет лишь 0,3 % от общего числа погребений. Причем с III - II вв. до н.э. они здесь исчезают¹⁰⁶. В то время как на Северном Кавказе 1-го типа господствуют¹⁰⁷. Для сравнения отметим, что в предгорной зоне Чечено-Ингушетии, на территории менее 10 тыс. кв. км. известно 56 катакомбных могильника, т.е. один могильник приходится на 200 кв. км. При этом необходимо учесть, что указанная территория далеко не полностью изучена.

Кроме того, детали погребального обряда и инвентарь северокавказских катакомб не подтверждают массовую миграцию ираноязычных кочевников с Поволжья и Приуралья на Северный Кавказ. Как совершенно правильно отметила М.П. Абрамова, “если считать, что катакомбные погребения начинают распространяться на Северном Кавказе с приходом аланских племен, то самые ранние северокавказские катакомбные погребения должны быть близки, во-первых, к памятникам сарматских племен Поволжья и Приуралья... и, во-вторых, эти памятники в разных районах Северного Кавказа должны быть близки друг другу”. Однако “местные особенности в конструкции катакомб и в некоторой степени в инвентаре наиболее четко прослеживаются в самой ранней группе могил” - II - I вв. до н.э. Единый тип погребального сооружения - катакомба с перпендикулярным к камере дромосом на Северном Кавказе начинает преобладать со II - III вв. н.э.¹⁰⁸ Но именно такие катакомбы К.Ф. Смирнов не находит возможным связать с влиянием племен Поволжья и Приуралья¹⁰⁹. Характерной чертой северокавказских катакомб является наличие у них узкого входа - лаза, соединяющего камеру с входной ямой. Катакомбы Поволжья, Приуралья и Средней Азии, в том числе и катакомбы первого типа, такого лаза не имеют¹¹⁰. В связи с вышесказанным, мнение о генетической преемственности северокавказских катакомб от поволжско-приуральских и среднеазиатских представляется более чем проблематичным. Тем более что происхождение поволжско-приуральских и среднеазиатских катакомб неясно. Так, А.С. Скрипкин, исследовавший катакомбное погребение в Астраханской области, считает возможным связать его с влиянием северокавказской среды¹¹¹. К.Ф. Смирнов считает, что сама идея сооружения катакомб в Поволжье и Приуралье могла зародиться под влиянием больших грунтовых (камерных) могил с деревянным перекрытием и специально устроенным входом¹¹². Вместе с тем, высказано мнение, что “на происхождение катакомб первого типа (с перпендикулярным к камере входом - Р.А.) Южного Приуралья” могли оказать влияние ранние катакомбы Средней Азии. Происхождение же последних связывается с наземными деревянными погребальными камерами со входом, заваленными сверху землей и камнем, то есть с деревянными склепами¹¹³. Погребения в катакомбах с середины I тыс. до н.э. известны на обширной территории Евразии. Встречаются они и в отдельных районах Западной Европы и даже в Мексике¹¹⁴. В связи с этим попытки связать их происхождение и распространение с какой-либо одной определенной областью и каким-либо одним определенным этносом, основываясь при этом лишь на одном признаке - форме могильного сооружения, представляются неубедительными. Сама идея сооружения подземных камер со входом

могла возникнуть у различных племен и этнических групп, обитавших как в Поволжье, Приуралье и Средней Азии, так и на Кавказе, самостоятельно, под влиянием камерной погребальной обрядности предшествовавших эпох. Как совершенно справедливо считает К.Ф. Смирнов, что “причина появления и распространения катакомб в скифо-сарматское время на обширной территории Евразии, вероятно кроется не столько во взаимных связях, сколько в близких идеологических, религиозных представлениях этих народов, в особом их представлении о загробном мире своих умерших сородичей”¹¹⁵.

Все вышеизложенное не позволяет считать катакомбные погребальные сооружения Центрального Предкавказья определяющим и обязательным признаком пришлых ираноязычных кочевников. Здесь еще раз приведем мнение М.Г. Мошковой, которая, проанализировав огромный археологический материал Подонья - Приуралья, пришла к выводу, что “все археологические материалы с территории первоначального расселения савроматов-сарматов говорят о том, что невозможно увязать между собой два господствующих в науке положения - с одной стороны, отнесение алан к кругу ираноязычных сармато-массагетских племен, и, с другой, - привнесении аланами или какими-то другими сарматскими племенами I в. до н.э. - I в. н.э. (внутри которых вызревал аланский союз, как пишет В.Б. Виноградов) катакомбного способа погребения на Северный Кавказ”¹¹⁶.

В работах некоторых исследователей, прямо или косвенно касающихся вопроса о происхождении северокавказских катакомб, получил распространение достаточно дискуссионный, на наш взгляд, тезис о несвойственности их для местных племен ни для данной, ни для предшествующих эпох¹¹⁷. На основании этого предпринимаются попытки выявить истоки катакомбных погребений на любой территории, где предполагается обитание этноязыковых иранцев - “сармато-алан”. Однако, как было отмечено выше, на этих территориях катакомбные погребения так же несвойственны для предшествующих эпох и происхождение их связывается с камерными погребальными сооружениями предшествующего (появлению катакомб) времени. Как видно, складывается довольно парадоксальная ситуация - принадлежность “катакомб” ираноязычным “сармато-аланам” доказывается на основании местных камерных погребальных сооружений Кавказа (наземные склепы), но происхождение катакомб связывается с камерными погребальными сооружениями других (в том числе, довольно далеко отстоящих от Кавказа - Нижнее Поволжье, Приуралье, Средняя Азия, Северное Причерноморье, Крым) территорий!? Некоторую путаницу в вопрос о происхождении этого типа погребальных сооружений вносит, вероятно, и закрепившееся за ними название “катакомба”. В специальной литературе уже отмечалось, что наименование “катакомба” для обозначения северокавказских погребальных сооружений избрано неудачно¹¹⁸. Действительно, катакомбы (итал. ед.ч. catacomba), - это “системы подземных помещений”, обычно искусственного происхождения, служившие в древности для отправления культа и захоронений (в Риме, Керчи, Киеве и др.)¹¹⁹. В то время, как “катакомбы” Северного Кавказа представляют собой отдельные подземные камеры, вырубленные в грунте, без применения камня, в одной из стен которых имеется узкое входное отверстие - лаз, соединяющий камеру с входной ямой - “дромосом”. Аналогичные им подземные сооружения, стены и потолок которых выложены из камня, называются склепами.

Применение исследователями термина “дромос” для обозначения входной ямы “катакомбы” так же представляется нам неверным, в силу следующих соображений. Дромос (греч. dromos, букв. - бег, путь) обозначает “крытый горизонтальный или

наклонный коридор, ведущий в погребальную камеру гробницы”¹²⁰. Входная яма северокавказских “катакомб” перекрытий не имеет. Она представляет собой узкую яму в виде траншеи, углубленную в материк одним краем, которая полностью после захоронения засыпалась землей.

Конструктивное сходство “катакомб” и склепов наблюдается не только в устройстве, но и в оформлении интерьера - лежанки, ниши, сводчатый или стрельчатый потолок и т.д. Принципиальное конструктивное сходство и генетическая связь склепов и “катакомб” исследуемой территории уже отмечались исследователями¹²¹.

Правомерность этого не вызывает сомнений. Вместе с тем концепция Л.Г. Нечаевой о происхождении северокавказских склепов от “катакомб”¹²², как правильно считают специалисты, вряд ли может быть принята¹²³. На основании всего вышеизложенного, представляется возможным предложить свое понимание вопроса о происхождении “катакомб” в предгорной зоне Центрального Предкавказья. Погребальные сооружения, составляющие элемент погребального обряда, может, на наш взгляд, подвергаться некоторым конструктивным изменениям, в зависимости от ландшафтно-географической среды, что было отмечено и специалистами¹²⁴. Различия, имеющиеся в конструкции склепов и “катакомб”, продиктованы, по нашему мнению, именно естественно-географическими, ландшафтными условиями и, соответственно, природным строительным материалом, характерным для данной местности. В этой связи мы считаем необходимым, дать соответствующую характеристику методики производства работ при сооружении каменных склепов и земляных “катакомб”.

В строительстве подземного каменного склепа, на ровной местности, мы выделяем три этапа: 1-й этап - расчистка горизонтальной площадки, углубленной в материк; 2-й этап - сооружение из камня гробницы с узким лазом; 3-й этап - после совершения захоронения площадка вместе с гробницей засыпается материковым грунтом (Рис.56,1А-3А). В данном случае, когда в склепе совершенно одиночное захоронение, входная яма отсутствует. Она появляется лишь при последующем захоронении (Рис.56,4А). В полуподземном склепе, который строился так же в три этапа, необходимость во входной яме полностью отпадает, т.к. передняя стена с лазом выходит на дневную поверхность (Рис.56,5А). Примечательно, что некоторые склепы, расположенные в пологих склонах возвышенностей, имеют небольшой “дромос” - горизонтальный или наклонный коридорчик с каменными стенками и перекрытием, выходящий на дневную поверхность¹²⁵ (Рис.56,6А).

Строительство земляных “катакомб” носило несколько иной характер. Строились они так же в три этапа: 1-й этап - выкапывалась входная яма в виде узкой траншеи, углубленной в материк одним краем; 2-й этап - в узкой отвесной стене входной ямы вырубался узкий лаз и через него - камера; 3-й этап - после совершения захоронения лаз закрывался и входная яма засыпалась материковым грунтом (Рис.56,1Б-3Б). При ровном и наклонном рельефе местности сооружение “катакомбы” производилось только через входную яму. И наличие отвесной стенки здесь является обязательным элементом начального цикла строительных работ. В условиях же естественного вертикального рельефа необходимость входной ямы полностью отпадала - “скальные катакомбы” (Рис.56,4Б).

Таким образом, являясь не обязательной для строительства подземных каменных склепов, входная яма выполняла функции вспомогательного элемента, необходимого лишь для последующих захоронений. В “катакомбе” же она носит обязательный

характер, т.к. строительство основного сооружения (камеры) возможно только через нее, но опять-таки в условиях ровного или наклонного рельефа местности, выполняя в последующем те же функции, что и в каменных склепах.

Конфигурация каменных склепов и земляных “катакомб” (прямоугольные или округлые формы конструкций) диктовались, очевидно, также характером строительного материала (камень, земля). Округлая конструкция камер, вырубленных в земле, более устойчива по прочности, долговечна и менее трудоемка при строительстве. В целом земляные “катакомбы” и склепы каменные (а также скальные “катакомбы”, пещерные погребения, вырубленные в мягком грунте в отвесных склонах и скальные склепы, где боковые и передняя стенки выложены из камня) очевидно являются разновидностями одного - камерного типа погребальных сооружений, из которых “катакомбы” характерны для предгорной зоны (где нет или мало камня), а каменные склепы - для гор. Причем из двух наименований (“катакомба”, склеп) последнее представляется более правильным: “Склеп (от польского - sklep - “свод, подвал”), внутреннее помещение гробницы, обычно углубленное в землю или высеченное в скале”¹²⁶. “Наличие разных терминов для определения одного типа погребальных сооружений, - как правильно отметила М.П. Абрамова, - вносит путаницу и приводит иногда к неверным выводам”¹²⁷. Поэтому их правильное называть: земляные склепы; каменные склепы; скальные (наскальные) склепы. В основе названных погребальных сооружений лежит единый камерный принцип погребения, для которого характерен коллективный обряд погребения, т.е. все они, являются коллективными усыпальницами. В отличие от других погребальных сооружений, где захоронения производились через верх, в них для этой цели специально было оставлено окошко - лаз.

Камерный обряд погребения на Кавказе имеет древние традиции. Разнообразные камерные погребальные сооружения (каменные ящики, склепы, ямы, перекрытые каменными плитами - в горах; ямы, перекрытые деревом, гробницы, сложенные из бревен и перекрытые деревом - в предгорьях) были широко распространены здесь с III тыс. до н.э. Недавно на территории Грузии было исследовано подкурганное наземное камерное погребальное сооружение из камня конца IV тыс. до н.э.¹²⁸ Как правильно указывает В.И. Марковин, в зонах, где мало камня погребальные камеры сооружались из дерева, а в горной зоне, где камня очень много - из камня¹²⁹. По классификации В.Б. Ковалевской, они относятся к группе однокомпонентных погребальных сооружений, в которые погребаемый обычно вносится сверху¹³⁰.

Но уже со II тыс. до н.э. в горах и предгорной зоне Северного Кавказа и Закавказья получают распространение двух-трехкомпонентные каменные погребальные сооружения, в которых погребаемый вносится с боку, через входное отверстие - лаз. Среди них представляют интерес склепы, исследованные в Чечено-Ингушетии у с. Эгикал I. Они “снабжены не только входными отверстиями (лазами), но и специальными полками, на которые укладывали умерших”¹³¹. К этому же времени относятся обнаруженные в Триалети и Зуртакети подкурганные “каменные постройки в виде обширных залов площадью до 150 кв.м с длинным входом-дромосом”. Вместе с тем в ряде курганов содержались погребальные камеры площадью до 120 кв.м, перекрытые бревенчатым накатом¹³². В предгорной зоне Северного Кавказа чаще встречаются камеры, сооруженные из дерева¹³³. Во II тыс. до н.э. в степной зоне Юго-Восточной Европы (от Поволжья до Приднепровья) получает распространение катакомбная культура (или культурно-историческая общность). Могильники из

“катакомб” - земляных склепов этого времени были открыты и в Приморском Дагестане у с. Великент (Дербентский р-н). Исследователями предполагались тесные связи племен катакомбной культуры с Кавказом и участие кавказского этнокультурного компонента в сложении и развитии последней. Эти предположения были подтверждены исследованными недавно на Великентских катакомбных могильниках новых “катакомб” - земляных склепов, относящихся к эпохе ранней бронзы - 1-й пол. III тыс. до н.э. Они характеризуются: Т-образным соединением входной ямы с погребальной камерой “почковидной” формы; коллективным обрядом захоронения; использованием органических подстилок; посыпкой погребенных угольками, мелом, реже - кусочками охры; засыпкой пола мелкой щебенкой; большим количеством и разнообразием керамической посуды (так, в катакомбе №8 мог. I найдено около 500 сосудов). В погребениях также были найдены украшения (бусы, подвески, пронизки, браслеты, булавки и т.д), оружие (булавы, ножи-кинжалы, топор), орудия труда (шилья), предмет культового характера (модель колеса). Входные лазы были заложены каменными плитами. Исследованные “катакомбы” - земляные склепы древнее памятников катакомбной культуры Юго-Восточной Европы и являются одной из особенностей дагестанского локального варианта Куро-Аракской культуры. Они дают веские основания считать, “что процесс возникновения и становления катакомбного погребального обряда и связанного с ним культурно-исторического фона в степях был весьма сложным. Среди многочисленных культурных компонентов, задействованных в нем, кавказский культурно-исторический компонент, по всей видимости, играл ведущую роль”¹³⁴. На всем протяжении I тыс. до н.э. в горах Кавказа наряду с другими типами погребальных сооружений продолжают бытовать каменные склепы, а в предгорьях отмечены камеры, сооруженные из дерева¹³⁵. Широкое распространение получают двух-трехкомпонентные погребальные сооружения - каменные склепы - подземные и полуподземные (в горах) и земляные склепы - “катакомбы” (в предгорьях) в эпоху раннего средневековья. В это же время земляные склепы - “катакомбы” появляются в Закавказье¹³⁶. Во второй половине I тыс. н.э. в горах появляются скальные (наскальные) склепы. А с конца эпохи раннего средневековья вплоть до XVIII - XIX вв. широкое распространение в горах центральной части Северного Кавказа получают наземные склепы.

Таким образом, камерные погребальные сооружения, в том числе, и двух-трехкомпонентные, появились на Кавказе (в том числе и на территории Чечено-Ингушетии) в конце IV-III тыс. до н.э. и прошли длительный путь от сооружений эпохи ранней бронзы до средневековых гробниц, снабженных лазом и полками¹³⁷. Следует отметить, что в I тыс. н.э. и позднее они особенно характерны для территории Чечено-Ингушетии. Так, здесь “известных на сегодня склеповых некрополей насчитывается около 100, в Северной Осетии - 30, в Юго-Осетии - 22 отдельно стоящих склепа (кстати, в Осетии они включаются, наряду с земляными склепами - “катакомбами”, в круг памятников материальной культуры, принадлежавших якобы “ираноязычным” аланам!?-Р.А.), в Балкарии и Карачае - 17, в других районах Северного Кавказа - еще меньше. Из общего числа склепов подземных: в Чечено-Ингушетии третья часть, в Северной Осетии - восьмая, на остальной территории они единичны”¹³⁸. Из обнаруженных учеными могильников из земляных склепов (“катакомб”) Центрального Предкавказья, более 42% также находится на территории Чечено-Ингушетии. Кроме того, к настоящему времени здесь выявлено большое число некрополей из скальных склепов (“скальных катакомб”) - Чармахой, Ялхарой, Галанчож, Терх, Кели и др. На некоторых из них насчитывается до 300 погребальных сооружений¹³⁹.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что идея сооружения земляных склепов

(“катакомб”) могла возникнуть в предгорной зоне Центрального Предкавказья (в том числе, и Чечено-Ингушетии) и в Закавказье (Грузия, Азербайджан) на рубеже нашей эры и получить распространение в раннем средневековье, самостоятельно, в результате воздействия ландшафтно-географической среды, относительного саморазвития местных традиций камерной погребальной обрядности предшествующих эпох под влиянием общественно-исторических, религиозных представлений местного аборигенного населения. При этом мы не исключаем возможность определенного влияния на распространение в Центральном Предкавказье земляных склепов “традиций местного эллинизированного населения, обитавшего в западных районах Кавказа и на территории азиатского Боспора”¹⁴⁰.

Таким образом, распространенное в научной литературе мнение о массовом приходе и оседании в предгорной зоне Центрального Кавказа “в первые века нашей эры из европейских степей ираноязычных кочевников”, основанное на распространении здесь погребальных сооружений определенного типа - земляных склепов (“катакомб”), на наш взгляд содержит значительный элемент дискуссионности¹⁴¹. Тем более, что погребальное сооружение, как один из элементов погребального обряда, не может само по себе, без учета всех в совокупности элементов составляющих его, служить этническим показателем. Вместе с тем, погребальный обряд (по общему признанию специалистов - самый надежный и стойкий этнический признак) земляных склепов (“катакомб”), с учетом всех в совокупности составляющих его элементов, позволяет с достаточной долей уверенности заключить, что “аланская” материальная культура раннего средневековья территории Чечено-Ингушетии имела местные корни и была единой как для населения предгорной зоны, так и для населения гор.

ПРИМЕЧАНИЯ

I В конце 1980-х гг. на этом же могильнике были исследованы склепы конца III тыс. до н.э. (автор искренне благодарит за предоставленную информацию археолога, кандидата исторических наук Д.Ю. Чахкиева).

II Материалы позволяющие предположить какие-либо изменения местной этнической номенклатуры (проникновение и оседание этноязыковых иранцев-"алан") в погребальном обряде земляных склепов ("катакомб") ни в Грузии (автор искренне признателен археологу, д.и.н.Рамину Рамишвили за любезно предоставленную в 1985 г.возможность ознакомиться с соответствующими материалами Душетской экспедиции), ни в Азербайджане (см.: Халилов Дж.А.Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985.с.94-103) не обнаружены.

1. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ в II - I тысячелетии до н.э. // МИА. 1958. № 68; Крупнов Е.И. Десять лет деятельности СКАЭ в Чечено-Ингушской АССР // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С.13; Марковин В.И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.124-125; Кузнецов В.А. Аланская культура... С.39; и др.
2. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963. С.43, 58; Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ. Вып. XVII. М., 1948. С.40; Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. С.105-108; и др.
3. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. С.72-74.
4. ОАК за 1888 г. С. ССIII - ССIV; Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИИЯЛ. Т. I. Грозный, 1938. С.12.
5. ОАК за 1898 г. С.160-161; Виноградов В.Б. Сарматы... С.71-72; Крупнов Е.И. Археологические... С.36-37.
6. Крупнов Е.И. Археологические... С.36-37; Виноградов В.Б. Сарматы... С.72.

7. Захаров А.А. Древности из Ассинского ущелья // Изв. ИНИИ. Орджоникидзе - Грозный, 1935. С.129-139; Крупнов Е.И. Археологические памятники Ассинского ущелья // Тр. ГИМ. Вып. 12. М., 1941. С.187.
8. ОАК за 1890 г. С.87-90; Кузнецов В.А. Аланские племена... С.24.
9. Семенов Л.П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИИМК. Вып. XVI. 1952. С.117-118; Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терек... С.39.
10. Багаев М.Х. Работы в Аргунском и Джераховском ущельях Чечено-Ингушетии // АО - 1971. М., 1972. С.131; Он же Фуртоугская катакомба // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С.5-7.
11. Виноградов В.Б., Марковин В.М. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966. С.29.
12. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА. 1974. № 2.
13. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.124.
14. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.118.
15. Круглов А.П. Археологические... С.13-27.
16. Круглов А.П. Археологические... С.19-27.
17. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО - 1973. М., 1974. С.101; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Разведочные работы в Чечено-Ингушетии // АО - 1974. М., 1975. С.101-102; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО - 1975. М., 1976. С. 115-116; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977-1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.5-26; Савенко С.П. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 г. // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.28-32.
18. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С.65-67.
19. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы... С.167; Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Исследования в низовьях р. Мартан // АО - 1977. М., 1978. С.111-112.
20. Даутова Р.А., Петренко В.А. Новые археологические памятники в Чечне // АО - 1972. М., 1973. С.123-124; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы... С.67.
21. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы... С.67-69.
22. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые... С.69-70.
23. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые... С.71.
24. Багаев М.Х. Раннесредневековые... С.184; Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхинский 1-й могильник в верховьях реки Шаро-Аргун // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С.31; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево - Черкесии. М., 1971. С.85; и др.
25. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.155. Рис. 27, 10; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая... С.85. Табл. 25, 7; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.215; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне. С.22, 24,
26. Рис. 9-14; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые... С.71. Рис. 5, 14-25, 26-28, 51-64; и др.
26. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л. Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1975 году // ЧИРКМ. НВ № 8722. С.16-17, 21; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник у селения Харачой //

- АЭС. Т. 4. 1976. С.82; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые... Рис. 3, 27 - 41; и др.
27. Деопик В.Б. Классификация и хронология аланских укреплений // МИА. № 114. 1963. С.130. Рис. 2, 10.
28. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С.32, 35, 49, 53; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.82.
29. ЧИРКМ. ОС № 10625.
30. Арсанукаев Р.Д. Полный научный отчет...; Мамаев Х.М. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV - первой половины VIII в. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С.61. Рис. 6, 2.
31. Арсанукаев Р.Д. Полный научный отчет...; Мамаев Х.М. Хронология... С.47. Рис. 1, 15, 16; Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. № 2. 1969. Рис. 3.
32. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. С.86.
33. ОАК за 1888 г. С. ССІХІІІ.
34. Виноградов В.Б., Марковин В.М. Археологические памятники... С.124.
35. Багаев М.Х. Раскопки раннесредневековых могильников у селений Харачой и Дай // АО - 1969. М., 1970. С.121.
36. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии. С.117.
37. ОАК за 1900 г. СПб., 1902. С.59-60.
38. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.78. Мамаев Х.М. Хронология... С.59, 61, 65.
39. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.78.
40. Мамаев Х.М. О хронологии раннесредневековых катакомбных могильников Чечено-Ингушетии // VIII "Крупновские чтения" (тезисы докладов). Нальчик, 1978. С.89.
41. Мамаев Х.М. О хронологии... С.90; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.71.
42. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.71.
43. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.71.
44. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.71.
45. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.72.
46. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой // СА. № 3. 1974. С.266-269.
47. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.77.
48. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование... С.77.
49. Несколько погребений было разрушено в 1993 г. при строительстве дороги. Найденный вещевой материал (зеркала, бусы, керамика, бронзовые браслеты, подвески, сабли) находится в Назрановском музее. Могильник датируется IX в. н.э.: Автор искренне благодарен археологу Д. Чахкиеву за эту информацию.
50. Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Новые материалы из катакомбных могильников IV - V вв. н.э. района г. Грозного // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.22.
51. Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Новые... С.22-23, 26.
52. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Итоги работ в плоскостной зоне Республики Ингушетии // Археологическая конференция Кавказа. Краткие содержания докладов. Тбилиси, 1998. С.63.
53. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Итоги... С.63.
54. Чахкиев Ю.Д. Археологические древности Джейраховского ущелья и Ассинской котловины горной Ингушетии // Археологическая конференция Кавказа. Краткие

содержания докладов. Тбилиси, 1998. С.120.

55. Ковалевская В.Б. методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992. С.30.

56. Афанасьев Г.Е. К вопросу о происхождении аланского варианта Салтово-Маяцкой культуры // Античные государства и сарматский мир. Орджоникидзе, 1981. С.50. Рис.1.

57. Кузнецов В.А. Аланские племена... С.13-29; Он же. Аланская культура

Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V - XIII вв. С.26; и др.

58. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. С.12-28; Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека... С.38-49; Кузнецов В.А. Аланские племена... С.24-26; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник... С.5-26; и др.

59. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники... С.52, 58-59.

60. Виноградов В.Б. Культовые места аланского Алхан-Калинского городища. С.86-89; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы... С.67-68.

61. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С.309; Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М., 1962. С.33-54, 64, 122, 126, 130; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.244-246; и др.

62. Махарадзе З. Новые открытия археологической экспедиции Каспского района//Археологическая конференция Кавказа. Краткие содержания докладов. Тбилиси, 1998. С.91-92.

63. Мамаев Х.М. Население плоскостной зоны Северного Причерноморья в эпоху раннего средневековья. Автореферат на соиск.уч.степ.канд.ист. наук. М., 1985. С.9-10.

64. Мамаев Х.М. Население... С.10.

65. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне. С. 7-11, 14 - 18; Савенко С.Н. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника. С.31; и др.

66. Мамаев Х.М. Население... С.10.

67. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1974 году. С.12, 14; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мамаев Х.М., Дударев С.Л. Отчет о работах предгорно-плоскостной археологической экспедиции в Чечено-Ингушетии в 1976 году. С. 18; Петренко В.А., Даутова Р.А., Виноградов В.Б. Отчет о полевых исследованиях разведочно-рекогносцировочного отряда археологической экспедиции Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы за 1972 год. Грозный, 1973 // ЧИРКМ. НВ № 2718. С.28; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник... С.7, 11.

68. Семенов Л.П. Археологические разведки в Ассинском ущелье. С. 117 - 118; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л. Отчет об археологических... С. 8, 18; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мамаев Х.М., Дударев С.Л. Отчет о работах... С.5.

69. Кузнецов В.А. Аланские... С.25; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Отчет об археологических... С.20-21; и др.

70. Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатын-Кале) // ДЧИ. М., 1963. С.52-103; Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С. 95; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С.54; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник у селения Харачой. С.75-81; Даутова Р.А. Новые материалы по средневековой археологии горной Чечни // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С.75-83; и др.

71. Марковин В.М. Новый памятник... С.53-103.

72. Кузнецов В.А. Аланские... С.103-106; Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Новые данные о средневековых склепах Чечено-Ингушетии // Средневековые погребальные памятники

- Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.33-59; и др.
73. Даутова Р.А. Новые материалы... С.82.
74. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С.308; Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в Чечне. С.108; Он же. Культура племен Северного Кавказа... С.50, 59; Ошаев М.Х. Материалы из Чечни по археологии бронзового века // АЭС. Т. IV. Грозный, 1976. С.22; и др.
75. Марковин В.И. Новый памятник... С.108; Он же. Культура племен... С.54, 59-60; и др.
76. Марковин В.И. Культура племен... С.50.
77. Виноградов В.Б. Центральный... С.33-87.
78. Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.76-80; Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхинский 1-й могильник... С.27-28; и др.
79. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. С.14; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С.84.
80. Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.76-80; Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхенский... С.15; Алексеева Е.П. Древняя... С.84; Даутова Р.А. Новые материалы... С.80; и др.
81. Марковин В.И. Новый памятник... С.66, 72; Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской // ДЧИ. М., 1963. С.22; Артамонова-Полтавцева О.А. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период // СА. № XIV. 1950. С.25, 29; и др.
82. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С.79-80.
83. Мунчаев Р.М. Кавказ... С. 284, 314; Он же. Луговой могильник (исследования 1956 - 1957 гг.) // ДЧИ. М., 1963. С.142; Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы... С.24; Марковин В.И. Новый... С.62; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (юго-восточная Чечня) // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С. 47; Багаев М.Х. Раннесредневековая... С.100; Даутова Р.А. Новые материалы... С.75-76; Магомедов Р.Г., Гаджиев Ш.М. Великентские катакомбы эпохи ранней бронзы//Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Краткие содержания докладов международной научной сессии. Тбилиси, 1997. С.92-94; и др.
84. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э.//МИА. М.-Л., 1958. С.57-58; Марковин В.И. Новый... С.62; Мунчаев Р.М. Кавказ... С. 172; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильники... С.97; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.78; и др.
85. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная... С.165-166.
86. Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.77; Он же. Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С.131; Он же. Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С.39; Он же. Раннесредневековая материальная культура... С.100, 135; Марковин В.И. Новый... С.56-69, 108; Марковин В.И. Культура племен... С.132; Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. С.105; Виноградов В.Б. Археологические разведки... С.141; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973 // ЧИРКМ. НВ № 8720. С.5, 8; и др.
87. Виноградов В.Б. Центральный... С.33.
88. Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII - VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С.253.
89. Мунчаев Р.М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблемы возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С.71-73.
90. Мунчаев Р.М. Бронзовые... С.73-76.

91. Мунчаев Р.М. Бронзовые... С.73; Марковин В.И. Культура... С.132.
92. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. С.105.
93. Ковалевская В.Б. Северокавказские... С.87.
94. Кузнецов В.А. Аланские... С.108-114; Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. С.86; Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа. С.76; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник... С.83-84; и др.
95. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. С.131; Виноградов В.Б. Сарматские племена Северного Кавказа. С.94; Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. № 2. 1969. С.64-84; и др.
96. Ковалевская В.Б. Кавказ... С. 161-163; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая... С. 97; Атаев Д.М. Височные подвески с четырнадцатигранником // СА. 1963. № 3. С.233-235; Багаев М.Х. Раннесредневековый... С. 82-83; Он же. Раннесредневековая... С.188-196, 201-208, 246-248; Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхинский... С. 30-35; и др.
97. Ковалевская В.Б. Северокавказские... С.86.
98. Кузнецов В.А. Аланские... С. 36; Он же Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С.227; Ковалевская В.Б. Кавказ... С.159.
99. Ковалевская В.Б. Северокавказские... С. 83; Алексеева Е.П. Древняя... С.97; и др.
100. Плетнева С.П. Хазары. М., 1976. С.74; Она же. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.70.
101. Кузнецов В.А. Аланские... С.14; Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С.151-159; Ковалевская В.Б. Кавказ... С.91; Абрамова М.П. Вопросы историографии и проблемы археологии Центрального Предкавказья сарматского времени//XVI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов). Ставрополь, 1990. С.15; и др.
102. Алексеева Е.П. Этнические связи сармат и ранних алан с местными племенами Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976. С.146; и др.
103. Скрипкин А.С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИД. Вып. 140. 1974. С.62-63; Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения Уральской области // СА. № 4. 1978. С.227; и др.
104. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Кавказа // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С.16-17.
105. Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и Междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э. - II в. н.э. // СА. № 3. 1974. С.37; Абрамова М.П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Восточной Европы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.70; Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С.23.
106. Мошкова М.Г. К вопросу... С.24.
107. Абрамова М.П. К вопросу... С. 67-70.
108. Абрамова М.П. К вопросу... С.65, 67-70.
109. Смирнов К.Ф. Сарматы... С.19.
110. Абрамова М.П. Исследование Нижне-Джуглатского могильника в 1967 г. // КСИА. Вып. 124. 1970. С.94.
111. Скрипкин А.С. Позднесарматское... С.63.
112. Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой

- археологии Восточной Европы. М., 1978. С.56, 64.
113. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные... С.226.
114. Кузнецов В.А. Аланская культура... С.25.
115. Смирнов К.Ф. Сарматы... С.15.
116. Мошкова М.Г. К вопросу... С.29.
117. Кузнецов В.А. Аланские... С.14; Он же. Аланская... С. 25; Ковалевская В.Б. Кавказ... С.91; и др.
118. Кулаковский Ю. Две керченские катакомбы с фресками // МАР. Т. 19. 1896. С.2; Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы (Середина I тыс. до н.э. - первые века н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С.9; и др.
119. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С.564.
120. Советский... С.418.
121. Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф.канд.дис. Л., 1956. С.17-18; Она же. О генетической связи аланской и осетинской культуры позднего средневековья // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С.38-39; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С.289; и др.
122. Нечаева Л.Г. Могильник... С.17-18.
123. Кузнецов В.А. Аланская... С.39; Марковин В.И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.124-125; и др.
124. Марковин В.И. Культура племен... С.178.
125. Нечаева Л.Г. О генетической... С.39; Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Новые данные... С.34-43, 50-52.
126. Советский энциклопедический словарь. С. 1230.
127. Абрамова М.П. Катакомбные... С.9.
128. Мунчаев Р.М. Кавказ... М., 1975. С.170-171, 284-285; Чубинашвили Т.Н. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971. С. 69-71; Чеченов И.М. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике // СА. № 2. 1970. С.109-124; Махарадзе З. Новые открытия... С.91-92.
129. Марковин В.И. Культура племен... С.178.
130. Ковалевская В.Б. Кавказ... С.152-153.
131. Марковин В.И. Склепы эпохи бронзы у с. Эгикал в Ингушетии // СА. № 4. 1970. С.85-89. Рис. 2, 3, 7, 8; Он же. О возникновении склеповых... С.124.
132. Массон В.М. Древние гробницы вождей на Кавказе. (Некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С.105.
133. Марковин В.И. Культура племен... С.122-126.
134. Марковин В.И. Культура... С.127; История народов Северного Кавказа. С.56; Магомедов Р.Г., Гаджиев Ш.М. Великентские катакомбы... С.92-94.
135. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре... С. 74-75; Виноградов В.Б., Рунин А.П. Новые данные... С.100-101.
136. Алиев И.Г., Асланов Г.М. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагетского круга в первые века нашего летоисчисления // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С. 72 - 88; Раминишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., Каландадзе З.А., Рчеулишвили Г.М., Гогерия Д.Д., Марчвелашвили М.Г., Циклаури И.Д., Чихладзе В.В., Глonti М.Г., Церетели К.Б., Робакидзе Ц.В., Циклаури Д.К., Жинвальская экспедиция // АО - 1977. М., 1978. С.489.
137. Марковин В.И. О возникновении... С.124-125.

138. Даутова Р.А. Некоторые аспекты изучения позднесредневековых склепов Северного Кавказа // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2. С.175.
139. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические... С.27, 35, 51.
140. Абрамова М.П. Вопросы историографии... С.15.
141. Ковалевская В.Б. Северокавказские... С.88.

«Вайнахи и аланы» Руслан Арсанукаев <!--[if gte vml 1]> <!--[if !vml]-->alt<!--[endif]--><!--[if gte vml 1]> <!--[if !vml]-->alt<!--[endif]-->

ГЛАВА IV

Природно-климатический фактор и некоторые вопросы культурно-исторических процессов в Центральном Предкавказье в раннем средневековье.

Материальная (археологическая) культура является отражением жизнедеятельности человеческого коллектива, на которую оказывали существенное воздействие природно-климатические, ландшафтные, естественно-географические условия, игравшие в древности (в частности, в исследуемое время и в исследуемом регионе) значительную роль в процессе исторического развития человеческого общества.

Кроме того, они накладывали сильный отпечаток на характер культурно-исторического и этнополитического развития конкретной территории (региона). В свете сказанного археологическая культура, “как продукт деятельности” и развития определенного человеческого коллектива на протяжении ряда поколений логично” выступает... как внешнее проявление определенных свойств (материальных + психофизических + идеологических) конкретной группы (этноса) в конкретных экологических условиях и в исторически конкретное время”¹. Изменения “конкретных экологических условий” (природно-климатических, ландшафтных, естественно-географических) “в исторически конкретное время”, на конкретной территории существенно воздействовали на “внешнее проявление определенных свойств” (материальных + психофизических + идеологических) и, в конечном итоге, приводили к значительным изменениям в археологической культуре данной конкретной территории, данного конкретного этноса.

В связи со сказанным представляется вполне вероятным, что этническая интерпретация всего комплекса археологических источников, в отрыве от экологических условий соответствующего хронологического периода может привести к реконструкциям, далеким от исторической действительности. Следует отметить, что в специальной литературе, посвященной истории Северного Кавказа исследуемого периода (как, впрочем, зачастую и предшествующих периодов) и исследуемой проблеме мы не встретили каких-либо исторических реконструкций, полученных с учетом экологических условий, соответствовавших исследуемому периоду. Предлагаемая нами ниже попытка рассмотреть предварительно в тезисной форме некоторые стороны культурно-исторических, этнополитических процессов протекавших на Северном Кавказе, в частности в Чечено-Ингушетии, в I тыс. н.э. (результатом которых явилось сложение в предгорной зоне Центрального Предкавказья материальной культуры, получившей у специалистов название “аланской”) с учетом экологических (природно-климатических, ландшафтных, естественно-географических) условий, соответствовавших этому времени (а также предшествовавшего периода, чтобы показать по возможности динамику этих процессов) в сущности является первой, и уже поэтому возможно не застрахована от каких-либо определенных неточностей и ошибок.

Как было нами отмечено в “Введении” к данной работе, в сер.-конце II - сер. I тыс. до н.э. в Восточной Европе устанавливается сухой климат, в результате чего ландшафт и естественно-географические условия Каспийско-Черноморских и Предкавказских равнин претерпевают существенные изменения - значительно расширяется ареал степной зоны, в котором доминируют сухие, с разреженным растительным покровом типчаково-полынные степные и полупустынные (Северо-Восточный Кавказ) формации. Вместе с тем, значительно сократившийся ареал разнотравно-степных формаций доминирует в основном на окраинах степной зоны - в полосе степных равнин, примыкающих к предгорной зоне Северного Кавказа (особенно, Северо-Западного Кавказа) и, в значительно превосходящей последнюю по территории, полосе степной зоны, примыкавшей к северной лесной зоне Центрально-Черноземного региона, а также вокруг Азовского моря (в это время - пресноводного озера) и в долинах рек Волги, Дона, Северного Донца и др., текущих по степной зоне (Рис.2).

Крайне неблагоприятные для жизнедеятельности природно-климатические условия приводят к закономерным миграциям человеческих групп, основой хозяйственной деятельности которых было подвижное скотоводство, из зоны сухих степей на окраины степного ареала. Незначительная часть подвижно-скотоводческих (с элементами земледелия) групп, оставшаяся в степной зоне, очевидно, концентрируется в долинах рек - Волги, Дона и др., где сохраняются ограниченные очаги разнотравно-степных формаций и лесных сообществ. Основная часть населения Каспийско-Черноморской степной зоны, вероятно, мигрирует к северу, в пограничную с лесной зоной полосу степей и лесостепей (и отчасти, в лесную зону Центрально-Черноземного региона), где переходят к оседлым формам хозяйственной деятельности. Вместе с тем, подвижно-скотоводческие группы Предкавказских степей постепенно отступают к югу, в полосу степей, граничащих с предгорной зоной и в саму предгорную зону Северного Кавказа. В первую очередь, очевидно, мигрируют в предгорную зону и переходят здесь к оседлому земледельческо-скотоводческому быту, человеческие группы генетически связанные с местным аборигенным оседло-земледельческо-скотоводческим населением. Наиболее благоприятными для оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства в предгорной зоне Северного Кавказа, в сложившихся природно-климатических условиях, были, вероятно, Владикавказская (Сев.Осетия) и Чеченская (Чечено-Ингушетия) предгорные равнины, закрытые от сухих ветров степной и полупустынной зон Терским и Сунженским хребтами. В то же время на Ставропольской и Терско-Сунженской возвышенностях и полосе степных равнин, примыкающих к предгорной зоне к северу от Терека (а также - в предгорной зоне Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа и примыкающей к ней полосе степей) в хозяйстве местного населения, очевидно, доминируют скотоводческие и подвижно-скотоводческие формы. Таким образом, в Центральном Предкавказье в это время можно выделить три основных взаимосвязанных хозяйственно-культурных типа: оседлое скотоводческо-земледельческое хозяйство горной зоны; оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство предгорной зоны; скотоводческое (подвижно-скотоводческое) хозяйство (с элементами земледелия) северной части предгорной зоны и примыкающей к ней полосы степных равнин.

Сложившиеся неблагоприятные для жизнедеятельности людей экологические условия и связанные с ними - с одной стороны концентрация значительного (по сравнению с предшествующим периодом) населения в предгорной и горной зонах Северного Кавказа, с другой - ограниченность пастбищ и участков, пригодных для земледелия, приводят, очевидно, к давлению избытка населения на производительные силы. Это, в свою очередь, приводит к интенсификации форм хозяйственной деятельности (в том

числе, быстрому развитию и специализации ремесел) и, в конечном итоге, к развитию ярких и самобытных культур - Кобанской, Каякентско-Харачойской, Прикубанской. Как видно, расцвет названных материальных культур был обусловлен установлением в этот период неблагоприятных для хозяйственной деятельности природно-климатических, ландшафтных условий на Кавказе и, особенно, в обширной зоне Предкавказско-Каспийско-Черноморских степных равнин, непосредственно примыкавших к предгорной зоне Северного Кавказа. Существенную роль в культурно-исторических процессах на Северном Кавказе в это время очевидно играют и тесные связи с Закавказьем (в том числе, и передвижения человеческих групп с юга на Северный Кавказ), которые значительно активизируются с началом регрессивного периода. Вместе с тем, давление избытка населения на ограниченные производительные силы, должно было, как нам представляется, привести (особенно, когда период Александрийской регрессии вступил в завершающую стадию) и к миграциям (носившим, скорее, спорадический характер) отдельных групп населения Северного Кавказа в Приазовье, Крым, Карпато-Дунайский регион. Вероятность проникновения в это время отдельных групп с Кавказа в указанные регионы подкрепляются и археологическими материалами². Отдельные мигрирующие группы Северо-Кавказского населения, возможно, проникают через степной коридор (по долинам Егорлыка-Дона и Терека-Волги-Урала) в пограничные с лесной зоной Центрально-Черноземной полосы степные районы (и отчасти, в лесную зону), где благоприятных для хозяйственной деятельности территорий было значительно больше, чем на Северном Кавказе, а плотность населения оставалась относительно невысокой. Выявляемые в археологических материалах Центрально-Черноземного региона от Украины до Урала элементы кавказского происхождения, вероятно, появились здесь не только в результате культурных контактов³.

Экстремальные экологические условия, сложившиеся в период Александрийской регрессии сильно сказываются на подвижно-скотоводческом хозяйстве. Концентрация (в результате значительного сокращения пастбищ в степной зоне), подвижно-скотоводческих групп, как было отмечено выше, в долинах рек и на окраинах степного ареала, соответственно приводит к существенному увеличению давления избытка населения на ограниченные производительные силы (в первую очередь, в полосе степей, примыкающей к предгорной зоне Северного Кавказа, которая значительно уступала по площади соответствующей полосе, примыкавшей к Центрально-Черноземному региону), что также приводит к интенсификации форм подвижно-скотоводческого хозяйства. В поисках новых пастбищ подвижно-скотоводческие группы вынуждены постоянно передвигаться, а определенная их часть - на довольно большие расстояния, т.е. постепенно складывается (через полукочевые формы) собственно кочевое скотоводческое хозяйство. В связи с этим резко возрастает роль лошади, использование которой как транспортное средство значительно увеличивает мобильность этих групп. Кроме того, ограниченность пастбищ приводит к тому, что права на них приходится завоевывать и отстаивать силой, т.е. военные столкновения между отдельными скотоводческими группами за право владения пастбищами, очевидно, приобретают в это время закономерный характер. При этом, с распространением использования лошади для верховой езды, вырабатывается новый способ ведения боя - конный бой. В этих условиях происходит быстрое усовершенствование предметов конской упряжи для верховой езды и оружия, связанного с новым способом ведения боя (конного). Длительный опыт бронзолитейного производства Северного Кавказа, тесно связанного с древними центрами Закавказья и Ближнего Востока, которое (после спада в предшествовавший

Александрийской регрессии трансгрессивный период) находилось на значительном подъеме, обеспечило их быстрое и массовое производство. Как нам представляется, зарождение собственно кочевого скотоводческого хозяйства (как одной из форм подвижно-скотоводческого хозяйства, носившей наиболее интенсивный характер) в Предкавказско-Каспийско-Черноморской степной зоне (в первую очередь, вероятно, на окраинах ее ареала), в среде подвижно-скотоводческого населения (возможно, в значительной степени, полиэтнического), прежде всего, было обусловлено экстремальными природно-климатическими, ландшафтными условиями периода Александрийской регрессии.

Ситуация на Северном Кавказе существенно меняется в VI в. до н.э. - IV в. н.э. во время Уллучайской трансгрессии, когда в Восточной Европе устанавливается влажный и прохладный климат. Уровень Каспия поднимается в это время до отметки -23 м (3-4 м выше современного). В предгорной зоне Северного Кавказа распространяются лесные и лесостепные формации. Владикавказская и Чеченская предгорная равнины покрываются лесами, низкие поймы рек заболачиваются, что приводит к сокращению участков, пригодных для земледелия и пастбищ. Лесные сообщества распространяются и на Ставропольской возвышенности. Кардинально меняется и ландшафт равнинной зоны. На Терско-Кумской низменности (и севернее Кумы) распространяются лесостепные и злаково-разнотравные формации. Зона полупустынь значительно сокращается. Такие же изменения происходят и в равнинной зоне Северо-Западного Кавказа. В значительно сократившемся ареале Каспийско-Черноморских и Предкавказских степей доминируют злаково-разнотравные формации, а в поймах рек распространяются лесные сообщества (Рис.3;5). Как видно, в Предкавказских и Каспийско-Черноморских степных районах складываются благоприятные условия для экстенсивной формы хозяйства - подвижного скотоводства, которое (особенно в сложившихся в это время природно-климатических условиях), способствовало быстрейшему и рациональному, по сравнению с земледелием, удовлетворению жизненных потребностей людей и, тем самым, значительно увеличивало возможность получения прибавочного продукта. Очевидно, что миграции определенной части населения Северного Кавказа в степную зону Предкавказья (и, возможно, далее) в VI в. до н.э. - IV в. н.э., обусловленные экономическим, демографическим и природно-климатическим факторами (с одной стороны, значительный рост населения предгорной и горной зон Северного Кавказа в период Александрийской регрессии, что привело к давлению избытка населения на производительные силы; с другой - благоприятные для интенсивного скотоводства природно-климатические условия, сложившиеся в период Уллучайской трансгрессии, в степной зоне) превращаются в неизбежную закономерность.

Миграции эти носят, вероятно, характер постепенных, последовательных передвижений (расселений) отдельных человеческих групп из горной и предгорной зон Северного Кавказа (а также, возможно, из горной зоны Закавказья), по мере расширения ареалов лесостепных и злаково-разнотравных формаций, в лесостепную и степную зоны Предкавказских и Каспийско-Черноморских равнин. Где определенная часть этих групп постепенно, на протяжении трансгрессивного периода, через подвижно-скотоводческое хозяйство переходит, вероятно, и к кочевому хозяйству. Кроме того, эти миграции, очевидно, происходят постоянно на протяжении всего периода трансгрессии. Возможность каких-либо существенных переселений человеческих групп в обратном направлении - из степной зоны, где складываются наиболее благоприятные условия для интенсивного скотоводства, в предгорную и

горную зоны (тем более массовые миграции ираноязычных кочевников “скифов”, “сармат” в предгорную зону и переход последних здесь к оседло-земледельческо-скотоводческому быту) в это время представляется нам проблематичной⁴. Кроме того, представляется в достаточной степени дискуссионным и распространенное в научной литературе мнение о чуть ли не тысячелетнем и безраздельном господстве в степях Каспийско-Черноморских и Предкавказских равнин ираноязычных кочевников “скифо-сарматского круга”⁵.

Во всяком случае, лингвистические данные, на которых базируется этот тезис, оснований для этого, как мы уже отмечали выше, не дают. Для наглядности ещё раз процитируем одно из свидетельств авторитетного специалиста-языковеда В.И. Абаева: “значительная часть “варварских” имен и названий из Северного Причерноморья скифо-сарматской эпохи средствами иранских языков разъяснена быть не может. К числу таких терминов относится и термин “скиф”... Проследивая изменения в составе “варварских” слов и названий до II - III вв. н.э. можно констатировать, что иранский элемент усиливался постепенно, достигнув максимума к первым векам нашей эры. Не случайно, что у самого раннего автора, Геродота, мы находим наибольший процент терминов и слов, не имеющих удовлетворительного иранского объяснения”⁶. Во время Уллучайской трансгрессии в Центральном Предкавказье сохраняется, вероятно, те же три взаимосвязанных хозяйственно-культурных типа, что и в период Александрийской регрессии, но уже в несколько изменившихся ареалах: оседлое скотоводческо-земледельческое хозяйство горной зоны, в котором заметно возрастает роль отгонного скотоводства - в зимний период скот выпасается в лесостепных и степных районах, пограничных с предгорной зоной; оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство (где также усиливается роль скотоводства), ареал которого, по сравнению с предшествовавшим временем, расширяется и охватывает всю предгорную зону (в том числе, и Ставропольскую возвышенность); подвижно-скотоводческое хозяйство (с элементами земледелия), ареал которого смещается в примыкающую к предгорной зоне полосу лесостепей и степей равнинной зоны. С севера к последнему примыкают обширные Предкавказско-Каспийско-Черноморские степные равнины, где в это время господствует собственно кочевое скотоводческое хозяйство, в формировании которого участвует и кавказский компонент. Участие отдельных подвижно-скотоводческих групп, мигрировавших с Кавказа, в формировании кочевого хозяйства в степной зоне Предкавказских и Каспийско-Черноморских равнин представляется нам, в сложившихся благоприятных для интенсивного скотоводства природно-климатических условиях, такой же исторической закономерностью, как и участие в этом процессе подвижно-скотоводческих групп, мигрировавших в степную зону из Поволжья, Приуралья, верховий Дона-Днепра и т.д. В силу подвижности разноязычных кочевых скотоводческих групп, в степной зоне, очевидно, активно протекали интеграционные процессы сближения, этнокультурного взаимодействия, слияния, межэтнического синтеза, в результате чего складывались новые этнические образования, несущие в себе определенные, в большей или меньшей степени, элементы (в частности, в языке) разных этнокультурных образований и, в то же время, в целом, отличные от последних. При этом на окраинах степного ареала в кочевых скотоводческих группах, очевидно, доминировали этнокультурные элементы тех (относительно стабильных) этнокультурных образований (оседло-земледельческо-скотоводческих с развитыми элементами подвижно-скотоводческих форм), с которыми они на протяжении длительного времени контактировали и которые постоянно “исторгали” в их среду отдельные группы мигрантов, переходивших к кочевому (через подвижно-скотоводческие формы) скотоводческому хозяйству. Проблема формирования и

распространения кочевого скотоводческого хозяйства в степной зоне Предкавказских и Каспийско-Черноморских равнин представляется нам несколько более сложной и разнообразной, чем она решается некоторыми специалистами. Распространенная в части научной литературы традиция отождествления терминов “кочевник” и “степняк”, характеризующих, соответственно, форму хозяйственной деятельности и ландшафтно-географическую среду обитания населения указанных регионов только с одними этноязыковыми иранцами (как, впрочем, и с каким-либо иным “чистым” этноязыковым образованием), на наш взгляд, не вполне соответствует историческим реалиям того времени. При этом мы не отрицаем вероятное присутствие среди кочевнических групп этих регионов в это время этнообразований, в которых доминировали иранские этноязыковые элементы (как, впрочем, и появление с первых веков нашей эры в Южном Приуралья - Северном Прикаспии отдельных тюркоязычных, в своей основе, кочевнических групп). Однако, вместе с тем, мы не исключаем возможность присутствия в кочевнических этнообразованиях этих регионов (наряду с другими) этноязыкового элемента кавказского, а также возможность кочевнических этнообразований (в первую очередь, в пограничных с Кавказом степных регионах), в которых кавказский этноязыковый элемент доминировал. Во всяком случае, этот вопрос, по нашему мнению, также заслуживает более серьезного внимания, чем ему уделяется в специальной литературе.

Особое место во взаимоотношениях оседлого населения предгорной зоны Северного Кавказа и собственно кочевого населения Предкавказско-Каспийско-Черноморских степных равнин в это время занимала, вероятно, полоса лесостепных и степных равнин, примыкавшая к предгорной зоне. Население последней, генетически (в своей основе) связанное с населением предгорной зоны, постоянно, на протяжении трансгрессивного периода, пополнялось отдельными группами мигрантов из предгорной зоны, переходившими к подвижно-скотоводческому (яйлажному, отгонному) хозяйству. В свою очередь, оно постоянно “исторгало” из своей среды отдельные мигрирующие группы в степную зону, где они переходили к полукочевому и кочевому скотоводческому быту и постепенно сливались с другими кочевыми группами, привнося в их среду кавказские этнокультурные (этноязыковые) элементы. Вместе с тем, в результате постоянных контактов подвижно-скотоводческих групп с кочевыми (обусловленных, в первую очередь, определенной общностью специфики форм хозяйственной деятельности), в среду подвижно-скотоводческого населения (а через него, и в среду оседлого населения предгорной зоны - прежде всего, Ставропольской возвышенности, далеко вклинивающейся в зону степных равнин), вероятно, проникали элементы языка (языков) пришлых кочевых групп (возможно, были и этнические включения, но они, в этот период и в этих природно-климатических условиях, скорее, носили спорадический характер), что приводило к возникновению отдельных этноязыковых групп (образований) генетически связанных с населением Кавказа, но по языку существенно отличавшихся от последнего. Именно эта территория, очевидно, служила “контактной зоной” между кочевниками и оседлым населением Северного Кавказа. Однако очерченный ареал “контактной зоны” территориально был относительно стабильным и постоянным только для этого периода (Уллучайской трансгрессии). В регрессивный период ареал “контактной зоны” вероятно существенно сужался и смещался к югу, охватывая и определенную часть северных окраин предгорной зоны, но никак не всю территорию предгорной зоны, тем более - оставаясь стабильно в границах последней с эпохи бронзы до раннего средневековья (Рис.2-6)7.

Миграции значительной и при этом, очевидно, наиболее активной части населения в

степную зону в период Уллучайской трансгрессии приводят к резкому сокращению плотности населения предгорной и горной зон Северного Кавказа - давление его на производительные силы становится минимальным, в результате чего хозяйственная деятельность приобретает экстенсивный характер. В этих условиях происходит закат материальных культур (Кобанской, Каякентско-Харачойской, Прикубанской), поступательное развитие социально-экономических, культурно-исторических процессов на Северном Кавказе прерывается, и сменяется застоём, регрессом. Как видно, закат названных материальных культур был обусловлен, прежде всего, экологическими изменениями, а именно - установлением в данный период благоприятных природно-климатических, ландшафтных условий для жизнедеятельности людей (особенно в степной зоне). В то же время культурно-исторические процессы в Предкавказско-Каспийско-Черноморском степном регионе заметно активизируются ("скифская", "сарматская" культуры), что, очевидно, явилось результатом, в определенной степени значительного увеличения населения, в том числе, и за счет миграции с Кавказа. Отмеченная закономерность (расцвет материальных культур Северного Кавказа происходит в регрессивный период, а закат - в период трансгрессии), как выявляется, при сопоставлении хронологии археологических культур и последовательно сменявшихся друг друга периодов трансгрессий и регрессий, была характерна для Северного Кавказа (и всего Кавказа в целом) с древнейших времен. Вместе с тем, в степной зоне, наоборот, - расцвет материальных культур связан с периодами трансгрессий, закат - с регрессивными периодами. В связи с этим, представляется закономерной определенная взаимосвязанность экономик (как и в целом культурно-исторических процессов) Северного Кавказа и Предкавказских степей. Сказанное позволяет, как нам представляется, с достаточной долей уверенности говорить об обусловленности расцвета и заката, деградации материальных культур Северного Кавказа (и степной зоны) прежде всего, природно-климатическими ландшафтными изменениями. Колебания в культурно-исторических процессах в периоды трансгрессий - регрессий характерны в древности и для других регионов (Малая Азия, Балканы и др.)⁸. Однако, на Северном Кавказе они, вероятно, носили более контрастный характер, и накладывали более глубокий отпечаток на весь ход его (Северного Кавказа) культурно-исторического развития. Своеобразный специфический "волнообразный" характер культурно-исторического развития Северного Кавказа в древний период, очевидно, был обусловлен, прежде всего, его географическим расположением - на юге Северный Кавказ граничит с древнейшими культурными центрами Ближнего Востока и Закавказья, с запада и востока он ограничен Черным, Азовским и Каспийским морями, а с севера к нему примыкает обширная зона Предкавказско-Каспийско-Черноморских степных равнин, подверженная наиболее кардинальным природно-климатическим, ландшафтными изменениям в трансгрессивно-регрессивные периоды. В значительной степени это своеобразие определялось, вероятно, своеобразием миграционных процессов, имевших на Северном Кавказе специфически "волнообразный" характер. Трансгрессивные периоды приводили к исходу значительной и, вместе с тем, наиболее активной части северокавказского населения, которая в виде отдельных мигрирующих групп, волнами "набегала", "накатывалась" на степную зону на протяжении указанных периодов (длившихся иногда до 900 лет - Уллучайская трансгрессия), где значительная часть мигрировавших групп, в результате закономерных процессов органического слияния, синтеза с другими (неродственными, иноязычными) группами, растворялась в новых этнокультурных образованиях. С началом регрессивных периодов определенная часть групп, мигрировавших ранее (периоды трансгрессий) с Северного Кавказа, постепенно, "волнообразно" откатывалась назад к югу - в предгорную и горную зоны.

Именно этот процесс начинается на Северном Кавказе (и в Предкавказской степной зоне), когда на смену Уллучайской трансгрессии приходит период Дербентской регрессии (IV-XIII вв. н.э.). В Восточной Европе, как и в период Александрийской регрессии, устанавливается сухой климат. Уровень Каспийского моря понижается до отметки -34 м (7-8 м ниже современного)⁹. в результате этого вся его северная часть иссушается - в пик регрессии Терек впадает в Волгу. Значительно расширяется ареал Предкавказско-Каспийско-Черноморской степной зоны, в которой распространяются сухие, с разреженным растительным покровом, типчаково-полынные степные формации. Позиции последних существенно усиливаются в северной и северо-восточной частях Ставропольской возвышенности. Разнотравно-степные формации, вероятно, доминируют в полосе степных равнин, примыкающих к предгорной зоне Северо-Восточного и особенно Северо-Западного Кавказа, а также в центральной и северо-западной частях Ставропольской возвышенности. В предгорной зоне Северо-Западного Кавказа и в южной части Ставропольской возвышенности, очевидно, доминирует лесостепной ландшафт. Наиболее благоприятные для оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства природно-климатические условия на Северном Кавказе в это время, вероятно, сохраняются на Владикавказской и Чеченской предгорных равнинах, закрытых от сухих ветров степей и полупустынь Терским и Сунженским хребтами. В результате осушения болот здесь существенно расширяются участки, пригодные для земледелия и выпаса скота. В северной полосе этих равнин, вероятно, доминирует лесостепной ландшафт, постепенно переходивший к югу, в предгорьях, в лесной. (Рис. 4; 6) Начало периода Дербентской регрессии было ознаменовано нашествием тюркоязычных кочевников гуннов (70-е гг. IV в. н.э.). Однако оно не оказало, на наш взгляд, существенного влияния на миграционные процессы, начавшиеся в это время на Северном Кавказе и примыкающей к нему зоне степных равнин, так как основная их масса, увлекая за собой, вероятно, значительную часть кочевых групп Каспийско-Черноморской степной зоны (в том числе, и северных окраин Предкавказских степей), прошла через Каспийско-Черноморский степной "коридор" и вторглась в Центральную Европу¹⁰. Постепенный отток определенной части населения Предкавказских степей к югу, к предгорной зоне и в саму предгорную зону был, прежде всего, обусловлен экологическими (природно-климатическими, ландшафтными) изменениями. Вместе с тем, на ход этого процесса, вероятно, оказывало определенное влияние и постепенно усиливающееся (по мере сокращения ареалов разнотравно-степных формаций) давление кочевых скотоводческих групп, среди которых доминирующее положение постепенно занимает тюркский этноязыковый элемент. Оставшиеся после походов гуннов догуннские кочевые группы постепенно растворяются в гуще тюркских этноплеменных образований (болгары, хазары, печенеги и т.д.).

Оседлое земледельческо-скотоводческое население северных окраин предгорной зоны Центрального Предкавказья постепенно отходит вглубь предгорной зоны. Значительно сокращается и смещается к югу, и ареал подвижно-скотоводческого хозяйства, охватывая, как и в период Александрийской регрессии, северную полосу предгорной зоны. Определенная часть подвижно-скотоводческих групп, вероятно, постепенно мигрирует и вглубь предгорной зоны, переходя к оседлому земледельческо-скотоводческому быту. Вместе с тем, возможно, в это время, и постепенное инфильтрация отдельных групп подвижно-скотоводческого населения в среду кочевого населения степной зоны. В результате этих миграций происходит значительный рост населения предгорной и горной зон Северного Кавказа. При этом основную роль в

хозяйстве оседлого населения предгорной зоны Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа, вероятно, играет, как и в предшествующие периоды, скотоводство. В то же время в предгорной зоне Центрального Предкавказья (в первую очередь, на Владикавказской и Чеченской предгорных равнинах), в силу природно-климатических, ландшафтных, естественно-географических условий этой территории, основой хозяйства местного оседлого населения является земледелие. Значительный рост народонаселения Центрального Предкавказья приводит (как и в предшествующий период Александрийской регрессии) к давлению избытка населения на ограниченные производительные силы, что, в свою очередь, приводит к переориентации форм хозяйственной деятельности, которое приобретает интенсивный характер, к быстрому развитию и специализации ремесел и, в конечном итоге, к сложению яркой и своеобразной материальной культуры, получившей у специалистов название “аланской”. В сложении этой (“аланской”) культуры, хронологические рамки которой специалисты определяют IV - XIII вв. н.э., по нашему мнению, было обусловлено, прежде всего, экстремальными природно-климатическими, ландшафтными условиями, сложившимися в период Дербентской регрессии, хронологические рамки которой определяются также IV - XIII вв. н.э.

В специальной литературе сложение и развитие “аланской” культуры связывается с массовым переходом ираноязычных кочевников - “алан” к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству. Так, по мнению В.Б. Ковалевской, “аланскую” культуру “создали... аланы (этноязыковые иранцы - Р.А.), одно из племен конфедерации аорсов, проникшее из степей в предгорья в I в. н.э. и смешавшееся с местным кавказским населением”¹¹. При этом не указываются какие-либо причины, обусловившие массовый исход ираноязычных кочевников (“алан”) из степной зоны и переход их к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству в предгорной зоне. Впрочем, причины перехода ираноязычных кочевников к оседлому быту специалистами до настоящего времени и не изучались. По нашему мнению, массовый переход кочевников в это время (в период Уллучайской трансгрессии), когда в степной зоне устанавливаются наиболее благоприятные природно-климатические, ландшафтные условия для интенсивного скотоводства, к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству в предгорной зоне (учитывая при этом и характерную для кочевников ярко выраженную антипатию к укрепленным поселениям, прочному жилищу и оседлому образу жизни¹²) лишен какой-либо логики. Более популярен тезис, что массовый переход иранских кочевых племен к оседлому быту в предгорной зоне начался в IV н.э. и был связан, как считают исследователи, в первую очередь, с нашествием гуннов¹³. По мнению некоторых исследователей, значительная часть ираноязычного населения в это время расселяется даже в горах¹⁴.

Однако основная часть гуннов, как было выше сказано, увлекая за собой значительную часть местных (догуннских) кочевых групп, прошла из Северного Прикаспия, через Северное Причерноморье на запад. Каких-либо сведений о целенаправленном преследовании “по национальному признаку” пришлыми кочевыми тюркоязычными этнокультурными образованиями (гуннами, болгарами, хазарами и др.) в IV в. н.э. (и позднее) именно ираноязычных кочевников и массовом изгнании последних из степной в предгорную зону именно Центрального Предкавказья нам неизвестны. Более того, в VIII в. н.э. значительная группа оседлого (“аланского”) населения Центрального Предкавказья (Ставропольская возвышенность) беспрепятственно мигрирует через степную зону (в которой в это время уже безраздельно господствует тюркоязычное кочевое население) на север - в верховья Дона, где мирно сожительствует с

тюркоязычными группами и постепенно растворяется в среде последних, оставив лесостепной (“аланский”) вариант Салтово-Маяцкой культуры. Нашествие гуннов и последующие миграции тюркских кочевых этнокультурных образований, очевидно, привело к существенному увеличению кочевого населения степной зоны Юго-Восточной Европы, в том числе и в Предкавказских степях. В результате этого, а также сокращения ареала степей с разнотравно-степной растительностью в этот период (Дербентской регрессии), военные столкновения между отдельными кочевыми группами за право владения лучшими пастбищами, вероятно, приобретает закономерный характер. Вместе с тем плотность кочевнического населения вряд ли достигла того предела, когда появляется избыток населения, прокормить который степь не может, т.к. общий ареал степной зоны (и, соответственно, - сухих типчаково-полынных степных формаций) в это время значительно расширился, а овцы и лошади, составлявшие основу стада в кочевническом хозяйстве, в условиях сухих степей, как известно, животные достаточно выносливые и неприхотливые. Таким образом, ни нашествие гуннов (или болгар, хазар и т.д.), ни кардинальные природно-климатические, ландшафтные изменения в период Дербентской регрессии, по нашему мнению, не могли стать причиной массового исхода из степи ираноязычных кочевых групп и перехода их к оседлому земледельческо-скотоводческому (совершенно чуждому им) быту в предгорной зоне (в совершенно чуждых им естественно-географических и ландшафтных условиях).

Одной из причин перехода кочевых ираноязычных племен (“алан”) к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству (кроме разгрома “алан” гуннами в конце IV в. н.э.), по мнению В.А. Кузнецова, могло быть “длительное общение алан (ираноязычных кочевников - Р.А.) с древним населением Прикавказья, издавна занимавшимся земледелием”¹⁵. С этим также трудно согласиться. Кочевое скотоводческое хозяйство (даже в неблагоприятных природно-климатических условиях периода Дербентской регрессии), по сравнению с оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством, способствовало при меньших физических затратах более быстрому и рациональному удовлетворению жизненных потребностей людей и, тем самым, существенно увеличивало возможность создания прибавочного продукта. В связи с этим возможность массового перехода кочевого скотоводческого населения к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству (в результате “длительного общения ... с древним населением Прикавказья, издавна занимавшимся земледелием”) представляется нам в достаточной мере сомнительной. “Длительное общение” кочевников (в данном случае - ираноязычных) с местным оседлым земледельческо-скотоводческим населением предгорной зоны Центрального Предкавказья могло, как нам представляется, скорее привести к распространению иранской лексики в языке (или языках) определенной его части, а также, возможно, к постепенной (и постоянной на протяжении длительного периода времени) инфильтрации отдельных групп ираноязычных кочевников в среду последнего, что должно было в конечном итоге привести к “иранизации” (прежде всего языка) определенной части местного населения (и это, очевидно, имело место в западной части Центрального Предкавказья, в первую очередь, на Ставропольской возвышенности), но никак не к массовому переходу ираноязычных кочевников к оседлому земледельческо-скотоводческому быту. Массовое оседание пришлых ираноязычных кочевников в предгорной зоне Центрального Предкавказья не подтверждается, как было отмечено выше, ни археологическими материалами, ни данными антропологии. Кроме того, в свое время В.С.Титовым были разработаны критерии для решения вопросов миграций культур в эпоху бронзы: критерий территориальный-исходная и конечная территории миграции

должны соприкасаться; критерий хронологический-на исходной территории культура мигрантов должна существовать раньше, чем на конечной; критерий локальности-культура мигрантов в конечном пункте должна быть точной копией культуры исходной территории. Если эти критерии (успешно применяемые при разработке теории миграции куро-аракских племен в Центральное Предкавказье) применить в данном случае, что на наш взгляд приемлемо, то мы также получим отрицательный ответ.¹⁶

Таким образом, из всей совокупности вышеизложенного, на наш взгляд, можно заключить, что мнение о массовом переходе к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству предгорной зоны Центрального Предкавказья пришлых ираноязычных кочевников (“алан”) и создании именно последними здесь “аланской” материальной культуры лишено фактического основания.

Единственным фактом из которого исходят специалисты является иранский язык осетин. При этом почему-то упускается из виду, что речь должна идти не о собственно иранском языке, а (как это достаточно ясно и четко видно из цитированного нами выше капитального труда по осетинскому языку известного лингвиста-ираниста В.И. Абаева “Осетинский язык и фольклор”) о смешанном языке, в котором выделяется два основных компонента - кавказский и иранский. Только около 20% или около 800 слов в осетинском языке, как свидетельствует В.И. Абаев, “нашли себе более или менее удовлетворительные” соответствия не только в иранских, но и в индоевропейских языках. Вместе с тем, по свидетельству того же В.И. Абаева: “Кавказский элемент (несмотря на недостаточную его изученность, по сравнению с иранским) в осетинском языке “занимает особое место... по интимности и глубине скрывающихся связей... , он вошел в осетинский не просто как внешнее влияние... , а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа”; “кавказская лексика в осетинском... с несомненностью свидетельствует о длительном двуязычии в период формирования осетинского языка и народа”¹⁷.

На основании этого, а также изложенного выше, “иранизм” осетин можно объяснить, по нашему мнению, не только и не столько массовым оседанием пришлых “чистых” иранских этноязыковых групп, сколько постепенным оттоком (с началом Дербентской регрессии) с северных окраин (прежде всего, Ставропольской возвышенности) вглубь предгорной зоны местных оседлых земледельческо-скотоводческих групп (с развитыми элементами подвижно-скотоводческого хозяйства), язык которых в результате длительных контактов с ираноязычными кочевниками (в том числе и этнических включений) был в значительной мере “иранизирован”. Определенная часть этих групп, возможно, была генетически родственна вайнахам. Мнение о близости вайнахов и осетин, об участии нахоязчного населения в этногенезе осетин неоднократно высказывалось в научной литературе¹⁸. Так, известный археолог-кавказовед В.И. Марковин, касаясь вопроса сходства склеповых погребальных сооружений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, отмечает: “Возникает мысль, что осетины, ингуши и чеченцы и некоторые другие народы, которые строили такие склепы, или имели одинаковые верования, что побуждало их хоронить своих покойников в однотипных склепах, или эти народы были родственны... многие детали средневековой склеповой архитектуры Осетии все% больше и больше настраивают нас считать три названных народа родственно близкими”¹⁹. В пользу этого мнения, как будто бы, свидетельствует и зафиксированная среди ингушей легенда о том, что осетины, ингуши и чеченцы - родственные народы, ведущие свое% происхождение от трех родных братьев. По мнению Я.С. Вагапова, “не вызывает сомнения, что эта легенда в подобающей ей

жанровой специфике отражает особо близкие, интимные связи, имевшие место в прошлом в отношениях между предками осетин и вайнахов. В традиционных жанрах чечено-ингушского фольклора, в которых проявились достаточно четкие представления вайнахов о соседних народах, осетины, как другой народ, остался не распознанным. Видимо, этнические процессы, приведшие к формированию рядом с вайнахами, на территории бывшего обитания родственных им племен новой народности с иным языком происходили медленно в течение длительного времени и без резких потрясений межэтнического характера”²⁰.

Таким образом (исходя, в первую очередь, из языковых данных), наличие в составе населения предгорной зоны западной и центральной частей Центрального Предкавказья значительного ираноязычного (и тюркоязычного) элемента не вызывает каких-либо сомнений. Что касается восточной части Центрального Предкавказья (территории Чечено-Ингушетии), то здесь вероятно ситуация была несколько иной. Как уже было отмечено выше, во взаимоотношениях населения предгорной и горной зон, с началом Дербентской регрессии, происходят существенные изменения. Значительное увеличение в это время оседлого земледельческо-скотоводческого населения предгорной зоны и интенсификация форм его хозяйственной деятельности приводят к тому, что доминирующая роль в этих взаимоотношениях окончательно переходит к населению предгорной зоны. Потребность горцев в зимних пастбищах и нехватка продуктов земледелия (в первую очередь, хлеба) ставили горцев в зависимость от населения предгорной зоны. В этих условиях, наличие в составе населения предгорной зоны значительного ираноязычного элемента, не говоря об исключительной ираноязычности последнего, должно было привести к вертикальной зональности распространения двуязычия, т.е. в среде горного населения должен был постепенно распространиться иранский язык. В результате длительных (около 1000 лет) контактов и вероятной инфильтрации населения предгорной зоны в горы, это, в конечном итоге, должно было привести к определенной “иранизации” языка населения горной зоны, что, очевидно, и имело место в западной и центральной частях Центрального Предкавказья. Однако в чеченском и ингушском языках каких-либо заметных следов лексики иранских языков северо-восточной группы, к которой относят иранские языки осетин и “скифо-сарматов” (кроме поздних заимствований из новоперсидского) обнаружить не удалось. Кроме того, столь длительное пребывание ираноязычного населения должно было оставить существенный след в топонимике предгорной зоны Чечено-Ингушетии. Попытки найти и описать ирано-осетинские названия на указанной территории делаются с 20-х гг. XX столетия. “Такие попытки предпринимались Б.А. Алборовым, в последние десятилетия этот тезис пытаются разрабатывать и некоторые авторы из Чечено-Ингушетии. К сожалению, методика выявления и анализа названий местностей иранского происхождения у них осталась на уровне так называемой “народной этимологии”, что лишает результаты их усилий в заданном направлении научного значения. Так что тема эта остается открытой”²¹. Утверждения о том, что вайнахи чуть ли не с V в. до н.э. и до XIII в. н.э. обитали изолированно в горах, а в предгорной зоне господствовало ираноязычное (“скифо-сармато-аланское”) население находится, по мнению Я.С. Вагапова, и “в непримиримом противоречии с удивительным единством вайнахского языка, на котором, как заметил П.К. Услар, свободно общаются между собой представители разных концов Чечено-Ингушетии. Ведь жизнь в горных ущельях в течение времени около двух тысяч лет непременно привела бы к очень сильному расхождению, обособлению территориальных диалектов. Эти дивергентные процессы в диалектах горных ущелий могли тормозиться в столь эффективной степени только мощными влияниями конвергентных тенденций,

исходящим от вайнахов, обитавших на равнине”²². Как видно, наличие в составе "аранского" населения территории Чечено-Ингушетии значительного ираноязычного элемента не подтверждается и какими-либо языковыми данными. Из совокупности рассмотренных материалов на наш взгляд больше оснований заключить, что "аланы" раннесредневековой Чечено-Ингушетии -предки современных чеченцев и ингушей, чем для выводов об их иранстве. Естественно мы не исключаем при этом возможность проникновения в исследуемое время на исследуемую территорию ираноязычного элемента. Но для суждений о его значимости на территории Чечено-Ингушетии нет фактических данных.

Таким образом, полностью разделяя мнение специалистов о том, что “аланская” материальная культура была в такой же мере единой и для населения, оставившего катакомбы, и для населения, соорудившего каменные ящики, подземные и полуподземные каменные склепы, подбои, скальные захоронения мы считаем необходимым добавить, что “аланская” материальная культура Центрального Предкавказья была в такой же мере единой как для предков современных осетин, балкарцев, карачаевцев, так и для предков современных чеченцев и ингушей²³. Некоторую путаницу в решение проблемы “аланской” культуры, очевидно, вносит и закрепившееся за ней название “аланской”, которое, как нам представляется, избрано не совсем удачно, т.к. оно придает рассматриваемой культуре определенный узкоэтнический характер и тем самым существенно сужает рамки научного анализа при решении ряда вопросов связанных с ней, что приводит нередко к неверным выводам. Более правильным, в свете всего вышеизложенного, на наш взгляд, было бы именовать её “Раннесредневековой материальной культурой Центрального Предкавказья”.

1. Козенкова В.И. Восточнокавказские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов//Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С.15.
2. Блаватская Т.В. Западнопонтские города в VII - I веках до н.э. М., 1952. С.15; Крушкел Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971. С.40; Козенкова В.И. Контакты населения Карпато-дунайского мира и Серного Кавказа в эпоху поздней бронзы - раннего железа//Симпозиум Античная Балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. Предварительные материалы. Тезисы докладов. М., 1998. С.34; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI - X вв. до н.э. М., 1977. С.190.
3. Марковин В.И. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен//Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С.193; Погребова М.Н., Раевский Д.С. О некоторых комплексах II четверти I тыс. до н.э. Закавказья, Северного Кавказа и Восточной Европы (Опыт исторической интерпретации межкультурных связей)//Душетская научная конференция посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотации). Тбилиси, 1984. С.108; и др.
4. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. С.19-20; Гаглойти Ю.С. Этногенез осетин... С.95; Абрамова М.П. Взаимоотношения древнего населения... С.24-29; и др. 5. Виноградов В.Б. Сарматы... С.19-20; Кузнецов В.А. Очерки истории... С.7; Абрамова М.П. Некоторые особенности культур горной и равнинной зон... С.29; Она же. Взаимоотношения древнего... С.24; и др. 6. Абаев В.И. Осетинский язык... С.243-244.
7. Виноградов В.Б. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории Центральной части Северного Кавказа//Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С.7, 8;

- Ковалевская В.Б. Ареальный метод - как оценка соотношения культурных традиций и новаций по северокавказским материалам I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. // Всесоюзная археологическая конференция "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Тезисы докладов. Баку, 17-21 мая 1985 г. С.185-186.
8. История Древнего Востока. Ч.2. М., 1988. С.38; Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С.45, 46.
9. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима... С.17.
10. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия во II-IV вв. (Некоторые проблемы исследования) // СА. №2. 1982. С.54.
11. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. С.83.
12. Кобычев В.Б. Поселения и ... С.15-16.
13. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. С.49; Он же. Очерки истории... С.30; Абрамова М.П. Некоторые итоги изучения... С.55-56; и др.
14. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. С.84; Абрамова М.П. Некоторые итоги изучения... С.55-56.
15. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. С.49.
16. Дебец Г.Ф. Палеоантропология... С.175; Алексеев В.П. Заключительное слово... С.323; и др.
17. Абаев В.И. Осетинский язык... С.45, 76, 79, 105-106, 108, 119, 247, 526, 527.
18. Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Известия ЧИНИИ. Т.1. Вып. 2. Грозный, 1959. С. 87-89; Алексеев В.П. О структуре и древности кавказского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С.100-101; Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986. С.118; и др.
19. Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С.61.
20. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.109.
21. Вагапов Я.С. Вайнахи и... С.108.
22. Вагапов Я.С. Проблема происхождения... С.172.
23. Ковалевская В.Б. Северокавказские... С.83.
- <!--[if gte vml 1]> <!--[if !vml]-->alt<!--[endif]--><!--[if gte vml 1]> <!--[if !vml]-->alt<!--[endif]-->

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе учета и анализа всех доступных нам письменных сведений об аланах и археологического материала бытовых (городища и поселения) и погребальных (земляные склепы - "катакомбы") памятников "аланской" материальной культуры Чечено-Ингушетии мы приходим к общим выводам, которые кратко могут быть сформулированы следующим образом:

1. Термин "аланы" с первых упоминаний его античными авторами выступает в письменных источниках не как название какого-либо конкретного этноса, а скорее всего, как нарицательное географическое название определенной части населения равнин Северного Кавказа и Северного Причерноморья.
2. Сведения античных авторов позволяют с достаточной долей уверенности локализовать определенную часть племен, именуемых "аланами", на Предкавказской равнине с I в. н.э., то есть с того самого времени, когда термин "аланы" впервые появляется в письменных источниках.
3. В античных и средневековых письменных источниках нет сведений, позволяющих связать появление термина "алан" на Предкавказской равнине с какими-либо

миграционными процессами.

4. Древние авторы (в том числе и епископ Феодор - алан по происхождению), которые касались вопроса происхождения “алан” однозначно связывают их только с Кавказом: Гай Соллий Аполлинарий Сидоний (430-480 гг.) - “рожденным на Кавказе аланом”; анонимный византийский автор (VI в. н.э.) - “страна аланов простирается, как полагают, до Кавказского хребта. Они (аланы - Р.А.) тоже Иберы”; епископ Феодор (перв. пол. XIII в.) - “племя это (аланы - Р.А.) рассеяно и простирается от Кавказских гор до Иверии, древний предел их родины”.

5. Восточные (арабские) письменные источники достаточно определенно называют “Аланией” территорию предгорной (и отчасти горной) зоны Северного Кавказа. Включая и Чечено-Ингушетию (между дагестанскими племенами на востоке и адыго-абхазскими племенами - на западе) и называют “аланами” население этой территории в целом.

6. Сведения грузинской хроники “Картлис Цховреба” позволяют с достаточным на то основанием считать термин “овсы” (отождествляемый с термином “аланы”) нарицательным географическим названием, общим для всего населения предгорной зоны Центрального Предкавказья (в том числе и Чечено-Ингушетии). Вместе с тем, они не дают каких-либо оснований видеть в термине “овсы” узкоэтническое название одних лишь ираноязычных предков современных осетин - в грузинской исторической традиции вплоть до XVIII в. (“География” Царевича Вахушти) термин “овсы” не имеет четкой этнической определенности.

7. Анализ сведений письменных источников не оставляет каких-либо сомнений в том, что термин “аланы” (“овсы”) употребляется и для обозначения древнего и средневекового нахоязычного населения Чечено-Ингушетии.

8. Картографирование бытовых памятников Чечено-Ингушетии показывают, что предгорная зона была преднамеренно укреплена системами городищ с севера, со стороны степей. Соответствующие системы укреплений с юга, со стороны гор отсутствуют. Это свидетельствует о том, что “фронтной”, “чужой” стороной для населения предгорной зоны была степь, а горы для них служили “тылом”, т.е. население горной зоны было для них “своим”. Это положение стабильно для всего периода существования “Алании” и ее связей с соседями, в то время, как для утверждений о том, что “аланы”, якобы, явились на Северный Кавказ “победоносными” завоевателями-иранцами, изгнавшими аборигенное население из предгорной зоны, обнаружить какие-либо основания не удастся.

9. Археологические материалы бытовых и погребальных памятников аланской культуры, территории Чечено-Ингушетии показывают бесспорную преемственную связь населения, оставившего их, с культурой населения этой же территории предшествовавшей эпохи, при вполне вероятных культурных взаимосвязях его с населением степной зоны и обмена с ним предметами обихода и вооружения.

10. Значение связи раннесредневековой материальной культуры территории Чечено-Ингушетии со степной “сарматской” культурой не является определяющим ее специфику, оправдывающим вывод об этноязыковом иранстве населения предгорной зоны Чечено-Ингушетии.

11. Наблюдающиеся по некоторым археологическим материалам (предметы конской сбруи, поясные наборы, оружие, украшения и т.п.) связи с соседними (в частности, степными) районами региона недостаточны для утверждений о том, что “аланская” материальная культура территории Чечено-Ингушетии создана пришлыми ираноязычными кочевниками, как и для утверждений о проникновении на эту территорию и переход к оседлому быту в это время значительных масс ираноязычных кочевников, оттеснивших в горы основную часть местного нахоязычного населения.

12. Известный на сегодня археологический материал свидетельствует, что зарождение “аланской” материальной культуры территории Чечено-Ингушетии обусловлено не сменой этнического состава населения и не привнесением новой культуры со стороны, а внутренним социально-экономическим развитием местного аборигенного населения (в экстремальных природно-климатических и ландшафтных условиях Дербентской регрессии), а также - ростом культурных и хозяйственных контактов последнего с населением соседних регионов. При этом автохтонность “аланской” материальной культуры необходимо, на наш взгляд, рассматривать не как механическое повторение застывших форм и явлений, а как диалектический процесс смешения и контактов, поглощения и органического включения родственных и чужеродных элементов при сохранении основного комплекса компонентов, отражающих этническое ядро древнего вайнахского населения.

Сокращения в названиях языков:

абхаз. - абхазский
авар. - аварский
авест. - авестийский
араб. - арабский
баск. - баскский
бацб. - бацбийский
болг. - болгарский
венг. - венгерский
герм. - германский
груз. - грузинский
дарг. - даргинский
др.англ. - древнеанглийский
др.греч. - древнегреческий
др. инд. - древнеиндийский
др. иран. - древнеиранский
егип. - египетский
и.-е. - индоевропейские
инг. - ингушский
каб. - кабардинский
калм. - калмыцкий
лезг. - лезгинский
латыш. - латышский
лит. - литовский
нах. - нахский
нем. - немецкий
перс. - персидский
пехл. - пехлевийский
русск. - русский
ос. - осетинский
санскр. - санскритский
слав. - славянские
тушин. - тушинский
урарт. - урартский
хакас. - хакасский
хант. - хантыйский

хорв. - хорватский
хурр. - хурритский
чеч. - чеченский
швед. - шведский
эст. – эстонский

Список сокращений:

АО - Археологические открытия
АГИАПМЗ - Аргунский Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник.
АЭС - Археолого-этнографический сборник.
ВВ - Византийский Вестник.
ВДИ - Вестник древней истории.
ГИМ - Государственный исторический музей.
ДАК - Дневник археологической комиссии.
ДАН - Дневник Академии Наук.
ЖМНП - Журнал министерства народного просвещения.
ЗИООИД - Записки Императорского Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО - Записки Российского Археологического Общества.
ИГАИМК - Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИМК - Институт истории материальной культуры.
ИКОИРГО - Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества.
ИСОНИИ - Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института.
ИЧИ НИИ - Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КЭС - Кавказский этнографический сборник.
МАД - Материалы по археологии Дагестана.
МАДИСО - Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.
МАК - Материалы по археологии Кавказа.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК - Отчет Археологической комиссии.
СА - Советская археология.
СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ССКГ - Сборник сведений о кавказских горцах.
СЭ - Советская Этнография.
ЧИГОМ - Чечено-Ингушский Государственный объединенный музей.
ЧИРКМ - Чечено-Ингушский Республиканский краеведческий музей.
ЧИОНЛ - Чтения в историческом обществе Нестора-летописца.
ЧИНИИИЯЛ - Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ЧОИДР - Чтения общества истории и древностей России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев В.И. Дохристианская религия алан: Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. - М., 1966.
2. Абаев В.И. Историко-Этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. - Т. I.
3. Абаев В.И. О языковом субстрате // Доклад и сообщения института языковедения АН

СССР. 1956. - № 9.

4. Абаев В.И. Об аланском субстрате в этногенезе балкарцев и карачаевцев // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
5. Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Известия ЧИНИИ. Грозный, 1959. - Т. I. Вып. 2.
6. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. - М.-Л., 1949. - Ч. I.
7. Абаев В.И. Русско-осетинский словарь. - М., 1950.
8. Абаев В.И. Скифы и осетины. // Курьер. - 1977. - янв.
9. Абаев В.И. Состояние и задачи изучения осетинского языка // Изв. СО НИИ. - Орджоникидзе, 1957. - Т. 20.
10. Абаев В.И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
11. Абрамова М.П. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996.
12. Абрамова М.П. Вопросы историографии и проблемы археологии Центрального Предкавказья сарматского времени // XVI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь, 1990.
13. Абрамова М.П. Выступление на научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
14. Абрамова М.П. К вопросу о катакомбных и склеповых сооружениях юга Восточной Европы // VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов - Нальчик, 1978.
15. Абрамова М.П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Восточной Европы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. - М., 1978.
16. Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. СА. 1979. - №2.
17. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // - СА. - 1978. - № 1.
18. Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы (середина I тысячелетия до н.э. - первые века н.э.). // Археологические исследования на юге Восточной Европы. - М., 1982.
19. Абрамова М.П. Некоторые вопросы аланской культуры Северного Кавказа. // Тезисы VI Крупновских чтений. - М., 1976.
20. Абрамова М.П. Некоторые итоги изучения раннего периода алан на Северном Кавказе // Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Краткие содержания докладов международной научной сессии. Тбилиси, 1997.
21. Абрамова М.П. Некоторые особенности погребений III - I вв. до н.э. // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
22. Абрамова М.П. Нижне-Джулатский могильник. - Нальчик, 1972.
23. Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками. // СА. - 1969. - № 2.
24. Абрамова М.П. Некоторые особенности культур горной и равнинной зон центральных районов Северного Кавказа в I тыс. до н.э.-начале I тыс. н.э. // Душетская научная конференция посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси, 1984.
25. Абрамова Т.А. Изменения увлажненности Каспийского региона в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
26. Агафий. О царствовании Юстиниана. Пер. М.В. Левченко. - М.-Л., 1953.
27. Азербайджан // Советский Союз. М., 1971.
28. Алборов Б.А. Новое чтение надписи на Зеленчукской плите // Уч.зап. СОГПИ им. К. Хетагурова. - Орджоникидзе, 1955. - Т. 21, вып. 2.

29. Алборов Б.А. Почему осетины называют балкарцев “Асы”. // О происхождении балкарцев и карачаевцев. - Нальчик, 1960.
30. Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
31. Алексеева Е.П. Выступление на научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. // Происхождение осетинского народа. - Орджоникидзе, 1967.
32. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
33. Алексеева Е.П. Заключительное слово на научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин // - Происхождение осетинского народа. - Орджоникидзе, 1967.
34. Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. // Уч.зап. ЛГУ, № 13. Серия исторических наук, Л., 1949..
35. Алексеева Е.П. Этнические связи сармат и ранних алан с местными племенами Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976.
36. Алиев И.Г., Асланов Г.М. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагетско-аланского круга в первые века нашего летоисчисления // МАДИСО. Орджоникидзе, 1975. - Т. III.
37. Алиев Играр. История Мидии. - Баку, 1960.
38. Алиев Играр. Очерк истории Атропатены. Баку, 1989.
39. Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994.
40. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I. // СА. - 1971. - № 2.; Ч. 2 // СА - 1971. - № 3.
41. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
42. Антонович В.Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года. // У АС. Протоколы Подготовительного комитета. - Тифлис, 1879.
43. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. - М., 1964.
44. Армянские источники об аланах. Ереван, 1985. - Вып. I-III.
45. Арсанукаев Р.Д. Древности вайнахов и аланская проблема //XVI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь, 1990.
46. Арсанукаев Р.Д. Еще раз к вопросу об истоках катакомбного обряда погребений в предгорной зоне центральной части Северного Кавказа//Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция: Тезисы докладов и сообщений. Грозный, 1990.
47. Арсанукаев Р.Д. Некоторые вопросы интерпретации раннесредневековых бытовых памятников Чечено-Ингушетии //XVII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1992.
48. Арсанукаев Р.Д. Некоторые вопросы этнической истории Северного Кавказа //Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюзная научная конференция: тезисы докладов и сообщений. Шатой, 1991.
49. Арсанукаев Р.Д. Некоторые вопросы этнической истории Северного Кавказа// Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференций, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996.
50. Арсанукаев Р.Д. Полный научный отчет экспедиции ЧИГОМ и АГИАПМЗ 1990 года. Грозный, 1991 // Институт археологии АН СССР.
51. Арсанукаев Р.Д., Ошаев М.Х. Аланы по письменным источникам //Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция: тезисы докладов и сообщений. Грозный, 1996.
52. Арсаханов И. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
53. Артамонова-Полтавцева О.А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский

период // СА. 1950. № XIV.

54. Археологические исследования в РСФСР в 1934 - 1936 гг. М.-Л., год.

55. Атаев Д.М. Височные подвески с четырнадцатигранником //СА. 1963. - №3.

56. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. - Махачкала, 1963.

57. Афанасьев Г.Е. К вопросу о происхождении аланского варианта Салтово-Маяцкой культуры // Античные государства и сарматский мир. Орджоникидзе, 1981.

58. Бабахян Л.О. К вопросу о некоторых пранахских топонимах и этнонимах Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.

59. Багаев М.Х. Гипотезы о происхождении чеченцев и ингушей // VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). - Нальчик, 1978.

60. Багаев М.Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // - МАДИСО. - Орджоникидзе, 1975. Т. 3.

61. Багаев М.Х. Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный. 1981.

62. Багаев М.Х. Работы в Аргунском и Джераховском ущельях Чечено-Ингушетии // АО - 1971, М., 1972.

63. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Автореф.дисс., М., 1970.

64. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Рукопись дисс. М., 1970.

65. Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник у селения Харачой // АЭС. - 1976. - Т. 4.

66. Багаев М.Х. Раскопки раннесредневековых могильников у селений Харачой и Дай // АО - 1969. М., 1970.

67. Багаев М.Х. Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный. 1979.

68. Багаев М.Х. Фуртоугская катакомба // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

69. Багаев М.Х. Элистанжинский раннесредневековый могильник. - Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

70. Баев Гаппо. Предисловие к берлинскому изданию "Поэмы об Алгузе" // Поэма об Алгузе. М., 1993. 71. Байбик В.Д., Виноградов В.Б., Гантимурова Т.М., Магомадова И.Д. Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии // АЭС, Грозный, 1969. - Т. 3.

72. Берже А. Этнографическое обозрение Кавказа // Труды третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. - СПб., 1876. Т. I.

73. Бичурин Н.Я. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1951. Кн. II.

74. Блаватская Т.В. Западнопонтские города в VII-I веках до н.э. М., 1952.

75. Болтунова А.И. Описание Иберии в "Географии" Страбона // ВДИ. 1974. № 4.

76. Большая Советская энциклопедия. Изд-е 3-е. М., 1978. - Т. 28.

77. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.

78. Вагапов А.Д. Индоевропейские и нахские языки. Грозный, 1992.

79. Вагапов А.Д. Индоевропейско-нахские глагольные сходства // Тезисы докладов I международного симпозиума кавказоведов. Тбилиси, 1991.

80. Вагапов А.Д. К вопросу о генетическом родстве индоевропейских и нахских языков // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996.

81. Вагапов А.Д. К вопросу о пранахском консонантизме // Тезисы докладов научной

конференции. Грозный, 1998.

82. Вагапов А.Д. К происхождению гидронимов Причерноморья с корнем ДОН // Альманах "Чеченец" №5. Грозный, 1997.

83. Вагапов А.Д. Происхождение чеченцев с точки зрения языкознания // Нохчийн филологин проблемаш. Джохар, 1999.

84. Вагапов А.Д. Славяно-нахские лексические параллели. Грозный, 1991.

85. Вагапов А.Д. Сходные элементы в структуре основы индоевропейских и нахских языков // Актуальные проблемы адыгской филологии. Тезисы докладов региональной научной конференции. Майкоп, 1999.

86. Вагапов А.Д. Термины родства в индоевропейских и нахских языках // Тезисы докладов девятого международного colloquium Европейского общества кавказоведов. Махачкала, 1998.

87. Вагапов Я.С. Аланы, албаны // Альманах "Аргун". - 1977 - № 2 (на чеч. яз.).

88. Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990.

89. Вагапов Я.С. Вопрос о языке сарматских племен и проблема нахско-славянских связей. Рукопись.

90. Вагапов Я.С. Индоевропейско-нахские лексические общности с классными показателями в их составе. Грозный, 1994.

91. Вагапов Я.С. Кем был Иордан // Газ. "Комсомольское племя". Грозный, 1977. - 28 апр.

92. Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов МаIас и Дедаков // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. - Грозный, 1984.

93. Вагапов Я.С. Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем -А // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980.

94. Вагапов Я.С. О языке зеленчукской надписи // Вопросы вайнахской лексики. - Грозный. 1980.

95. Вагапов Я.С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики. //Проблемы происхождения нахских народов. Материалы конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996.

96. Вагапов Я.С. Случайность? Вряд ли // Газ. "Комсомольское племя". Грозный, 1977. - 7 дек.

97. Ванеев З.Н. Средневековая Алания. - Сталинир, 1959.

98. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменения режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремя. М., 1987.

99. Вахушти Царевич. География Грузии. Тифлис, 1904.

100. Виноградов В.Б. Аланы в Европе // Вопросы истории. 1974. № 8.

101. Виноградов В.Б. Историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. - Грозный, 1980. - Вып. 2.

102. Виноградов В.Б. Культовые места аланского Алхан-Калинского городища // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1975.

103. Виноградов В.Б. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

104. Виноградов В.Б. Раннесредневековый могильник у селения Харачой в горной Чечне // СА. - 1970. № 2.

105. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

106. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. - Грозный, 1972.

107. Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970.
108. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО, 1973. М., 1974.
109. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии в 1972 г. Грозный, 1973 // ЧИРКМ. НВ. № 8720.
110. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Разведочные работы в Чечено-Ингушетии // АО - 1974. М., 1975.
111. Виноградов В.Б., Исламов А.А. Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии // Изв. ЧИНИИ. - Грозный. 1965. - Т. 4. Вып. 1.
112. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО - 1975. - М., 1976.
113. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский I-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977-1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
114. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1979.
115. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР // Тр. ЧИНИИ. Грозный, 1966. Т.10.
116. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (юго-восточная Чечня) // АЭС. - Грозный, 1969. - Т. 3.
117. Виноградов В.Б., Петренко В.А. Раскопки у с. Мартан-Чу // АО - 1976. - М., 1977.
118. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л. Отчет об археологических раскопках. Разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1975 г. // ЧИРКМ. НВ № 8722.
119. Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Грозный, 1969. - Т. 3.
120. Виноградов В.Б., Савенко С.И. Исследования в низовьях р. Мартан // АО - 1977. - М., 1978.
121. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // - АЭС. Грозный, 1966. - Т. 1.
122. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. - М., 1973.
123. Волынкин И.Н., Доценко В.В. Ландшафтная карта Чечено-Ингушетии // Природа и природные ресурсы центральной и восточной части Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
124. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Итоги работ в плоскостной зоне Республики Ингушетия // Археологическая конференция Кавказа. Тбилиси, 1998.
125. Габисов Б.Г. Чеченцы и Ингуши (проблема происхождения). Грозный, 1991.
126. Гаглюев Ю.С. Сведения "Армянской географии VII в." об аланах // Изв. СОНИИ. - Орджоникидзе, 1966. - Т. 25. История.
127. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. - Тбилиси, 1966.
128. Гаглойти Ю.С. Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
129. Гадлю А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
130. Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа. - Тбилиси, 1977.
131. Гамрекели В.Н. Выступление на научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе. - 1967.
132. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I - XV вв. н.э. - Тбилиси, 1961.
133. Ган К.Ф. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1890.

134. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1910. Вып. 40.
135. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей. // Записки коллегии востоковедов. 1930. - Т. 4.
136. Головлев А.А. О комплексном природном районировании бассейна реки Сунжа для сельского хозяйства // Природа и природные ресурсы центральной части Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
137. Гониашвили Т.Б. Специфика языковых связей нахской группы с иносистемным осетинским. // Материалы шестой региональной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. - Орджоникидзе, 1977.
138. Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910.
139. Готье Ю.В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // ИГАИМК, - Л., 1927. - Т. 5.
140. Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. Л., 1952.
141. Гребенец А.П. Древнейшие могильники в Ассинском ущелье. // Газ. "Терские ведомости". Владикавказ, 1914. №№ 54-56.
142. Гребенец А.П. По Алханчуртской и Сунженской долинам. // Газ. "Терские ведомости". Владикавказ, 1914. №№ 58-60.
143. Гурина Н.Н., Крижевская Л.Я. Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г. // КСИИМК, - М.-Л., 1939. - Вып. 1.
144. Даутова Р.А. Некоторые аспекты изучения позднесредневековых склепов Северного Кавказа. // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2.
145. Даутова Р.А. Новые материалы по средневековой археологии горной Чечни // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
146. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой. // СА. - 1974. - № 3.
147. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА. - 1974. - № 2.
148. Даутова Р.А., Петренко В.А. Новые археологические памятники в Чечне. // АО - 1972. - М., 1973.
149. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. - М.; Л., 1948.
150. Деген-Ковалевский Б.Е. Аланы до гуннского нашествия. // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М.-Л., 1939. Ч. III-IV.
151. Деген-Ковалевский Б.Е. Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // ИГАИМК. М.-Л., 1935. Вып. 110.
152. Дени Баксан. След Сатаны на тайных тропах истории. Грозный, 1997.
153. Деопик (Ковалевская) В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI - IX вв. // МИА. М., 1963. № 114.
154. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горных кавказских народов. Грозный, 1963.
155. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. // ВДИ, 1939. № 4.
156. Джованни дель Плано Карпини. "История монголов". Гильом де Рубрук. "Путешествие в восточные страны". - М., 1957.
157. Диодор Сицилийский. Библиотека // ВДИ. - 1947. - № 4.
158. Дирр А.М. Современные названия Кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.

159. Добрынин Б.Ф. Физическая география СССР. Европейская часть и Кавказ. 2-е изд. М., 1948.
160. Дударев С.Л., Мамаев Х.М. Разведки в Чечено-Ингушетии // АО - 1976. М., 1977.
161. Дьяконов И.М. История Мидии. - М.-Л., 1956.
162. Дьяконов И.М. Хуррито-урартский и восточнокавказский языки // Древний Восток. Ереван, 1978.
163. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
164. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
165. Ельницкий Л.А. Северочерноморские заметки. // ВДИ. 1950. № 1.
166. Еремян С.Т. Армения по "Ашхарацуйц". Ереван, 1963, карта (на арм.яз.).
167. Еремян С.Т. Феодалные образования Картли в период Марзбанства (532 - 627 гг.): Тезисы диссертации. - Л., 1935.
168. Ерзукаева К.З. Работы в юго-восточной Чечне // АО - 1980. - М., 1981.
169. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения Уральской области. // СА. - 1978. № 4.
170. Захаров А.А. Древности из Ассинского ущелья // Изв. ИНИИ. Орджоникидзе - Грозный, - 1935.
171. Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). - Баку, 1980.
172. Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану // Библиотека иностранных писателей о России: Отд. 1. Т. 1, - СПб., 1836.
173. Исаев М.И. Страна гор - гора народов, языков и проблем // Поэма об Алгузе. М., 1993.
174. История армянского Патриарха св. Нерсеса Портева //Армянские источники об аланах. Ереван, 1985.Вып. 1.
175. История Древнего Востока. М., 1998. Ч. 2.
176. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
177. Каманцева А.С. Гончарная печь в селении Дуба-Юрт. // КСИИМК. - М., 1959. - Вып. 74.
178. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. // СМОМПК.- Тифлис, 1901. Вып. 29; Тифлис, 1902. Вып. 31; Тифлис, 1903; Вып. 32; Тифлис, 1908. Вып. 38.
179. Каухчишвили С. Георгика. - Тбилиси, 1934. - Т. II.
180. Кекелидзе К.С. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI века Леонтия Мровели. // Этюды по истории древнегрузинской литературы. - Тбилиси, 1955. Т. III.
181. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
182. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
183. Ковалевская В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI-IX вв. // МИА. 1963. № 114.
184. Ковалевская В.Б. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992.
185. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981.
186. Ковалевская В.Б. Скифы, Мидия и Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели. // Вестник АН Груз.ССР: Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. - 1975. № 3.
187. Кодзаев А. Древние осетины и Осетия. - Владикавказ, 1903.
188. Козенкова В.И. Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в

- этногенезе вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала. 1996.
189. Козенкова В.И. Исследования памятников раннего железного века у села Сержень-Юрт. // КСИА, - М., 1967. № 112.
190. Козенкова В.И. Контакты населения карпато-дунайского мира и Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы - раннего железа // Симпозиум Античная Балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. Предварительные материалы. Тезисы докладов. М., 1980.
191. Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии в этнографических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1981.
192. Кокиев Т. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Газ. "Социалистическая Кабардино-Балкария". 1941. №№ 28-30.
193. Кокиев Т. Очерки по истории Осетии. - Владикавказ, 1926.
194. Колобова К.М. К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций. М.-Л., 1933.
195. Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1962.
196. Кривицкий В.В. О бронзовых поясных фигурных бляхах типа "Исти-Су" VII - V вв. до н.э. // Археология и вопросы атеизма. - Грозный, 1977.
197. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИЯЛ. - Грозный, 1938. - Т. 1.
198. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ в II - I тысячелетии до н.э. // МИА, - 1958. № 68.
199. Крупнов Е.И. Археологические памятники Ассинского ущелья. - Тр. ГИМ. - М., 1941. Вып. 12.
200. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. // Тр. ГИМ, - М., 1947. - Вып. 17.
201. Крупнов Е.И. Галиатский могильник, как источник по истории алан // ВДИ. - 1938. № 2 (3).
202. Крупнов Е.И. Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР. // АЭС. Грозный, 1969. - Ч. 3.
203. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. - М., 1957.
204. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. - М., 1960.
205. Крупнов Е.И. Из итогов археологических работ. // Изв. СОНИИ, Дзауджикау, 1940.
206. Крупнов Е.И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. - Нальчик, 1946.
207. Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. - Грозный, 1961.
208. Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. // Уч.зап. КНИИ, - Нальчик, 1948. - Т. 4.
209. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
210. Крупнов Е.И., Марковин В.И., Козенкова В.И., Мунчаев Р.М., Виноградов В.Б. Северо-Кавказская экспедиция // АО - 1966. - М., 1967.
211. Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской // ДЧИ. М., 1963.
212. Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971.
213. Крюков М.В. "Люди", "настоящие люди" (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. М., 1984.
214. Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы. М., 1978.
215. Кузнецов В.А. Алания в X - XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
216. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты

- в V - XIII вв. // МАДИСО. Орджоникидзе, 1975. - Т. 3.
217. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. - М., 1962. - № 106.
218. Кузнецов В.А. Аланский культ солнца и огня. // X Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. М., 1980.
219. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. - Орджоникидзе, 1967.
220. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. - Орджоникидзе, 1984.
221. Кузнецов В.А. Феодалное зодчество Алании. - Орджоникидзе, 1977.
222. Кулаковский Ю. Две керченские катакомбы с фресками. // МАР. - 1896. - № 19.
223. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей // ЧИОНЛ. Киев, 1899. Кн. XIII.
224. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора "Аланское поселение" // ЗИООИД. Одесса, 1898. Т. XXV.
225. Кулаковский Ю.А. Христианство у алан. // ВВ. СПб., 1898. - Т. 5. Вып. 1.
226. Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. - СПб., 1878. Ч. 1.
227. Куник А.О записке готского топарха. СПб., 1874.
228. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. - Тбилиси, 1977.
229. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. // ВДИ, 1947. № 4; 1948. - №№ 1-4; 1949. №№ 1-4.
230. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI.
231. Левиатов В.Н. Азербайджан с V в. до н.э. по III в. н.э. // Изв. АН Азербайджанской ССР, Баку, 1950. - № 1.
232. Левин М.Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник // СЭ. 1961. №1.
233. Ломтатидзе Г.А. Выступление на заключительном заседании сессии по археологии Дагестана в мае 1959 г. // МАД. - Махачкала, 1961. - Т. 2.
234. Ломтатидзе Г.А. Некрополь II века н.э. в Клдееи. - Тбилиси, 1957.
235. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. - М., 1969.
236. Магамедов Р.Г., Гаджиев Ш.М. Великентские катакомбы эпохи ранней бронзы // Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Краткие содержания докладов Международной научной сессии. Тбилиси, 1997.
237. Мамаев Х.М. Аллероевский катакомбный могильник. // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973.
238. Мамаев Х.М. Алхан-Калинское "кострище". // Археология и вопросы атеизма. - Грозный, 1977.
239. Мамаев Х.М. Назревшие вопросы хронологии и этнокультурной характеристики в раннесредневековой археологии Терско-Сулакского междуречья. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Тбилиси, 1980. Вып. 2.
240. Мамаев Х.М. Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья (Материальная культура по данным погребальных памятников). Автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., 1985.
241. Мамаев Х.М. Новые аланские могильники в плоскостной и предгорной Чечено-Ингушетии. // Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. - Орджоникидзе, 1974.
242. Мамаев Х.М. О хронологии раннесредневековых катакомбных могильников Чечено-Ингушетии. // VIII Крупновские чтения: (Тезисы докладов). - Нальчик, 1978.
243. Мамаев Х.М. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV-первой половины VIII в. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986

244. Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхинский 1-й могильник в верховьях реки Шаро-Аргун. // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1981.
245. Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. - М., 1965.
246. Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности. - М., 1969.
247. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М., 1962.
248. Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // ДЧИ. М., 1963.
249. Марковин В.И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
250. Марковин В.И. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии. // СА. - 1970, № 4.
251. Марковин В.И. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
252. Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун. // ДЧИ. М., 1963.
253. Марковин В.И., Кузнецов В.А. Археологические разведки в ущельях Ассы и Аргуна в 1956 году. // Изв. ЧИРКМ. Грозный, 1961. Вып. 10.
254. Марр Н.Я. Ossetica - Japhetica. // Изв. Российской АН. - Пг., 1918. - VI серия. Т. 12.
255. Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. // Изв. Императорской АН. Пг., 1916, - VI серия. Т. 15.
256. Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. // Тр. комиссии по изучению племенного состава населения России. - Пг., 1922. Вып. 5.
257. Марр Н.Я. Новый переднеазиатский язык и его числительные (в освещении яфетической теории) // ДАН. 1926, ноябрь-декабрь.
258. Марр Н.Я. От шумеров и хеттов к палеоазиатам // ДАН, 1926, ноябрь-декабрь.
259. Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа. // Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1920. - Вып. 3.
260. Марр Н.Я. По поводу русского слова "сало" в древне-армянском описании хазарской трапезы VII в.: К вопросу о древне-руско-кавказских отношениях. // Тексты и разыскания по Кавказской филологии. Л., 1925. . 1.
261. Марр Н.Я. Скифский язык. Л., 1926.
262. Марр Н.Я. Термин скиф. Пг., 1922
263. Массон В.М. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и восточная Европа в древности. - М., 1973.
264. Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней // Пер. Н. Караулова // СМОМПК. - Тифлис, 1908. - Вып. 38.
265. Махарадзе З. Новые открытия археологической экспедиции Каспского района // Археологическая конференция Кавказа. Краткие содержания докладов. Тбилиси .1998.
266. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. М., 1961.
267. Мацулевич Л.А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. - 1947, № VI - VII.
268. Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Грозный, 1992.
269. Меликишвили Г.А. Возникновение хеттского царства. // ВДИ. - 1965. - № 1.
270. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. - Тбилиси, 1959.
271. Меликишвили Г.А. Наири - Урарту. Тбилиси, 1954.
272. Меликишвили Г.А. Основные вопросы этносоциального развития грузинского народа в древности и средневековье. - М., 1973.
273. Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского. // Исследования по истории культуры народов Востока. - Л., 1960.

274. Менандр Византиец. Продолжение истории Атафиевой. - СПб., 1860.
275. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. - М., 1887. - Ч. III.
276. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии. // МАК. - 1888. - Вып. 1.
277. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. 1886, октябрь.
278. Минаева Т.М. Археологические разведки в долине р. Сунжи. // Сб.тр. Ставропольского пед.института. - Ставрополь, 1958. - Вып. 13.
279. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. - Ставрополь, 1971.
280. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1963.
281. Моисей Кагакатвацц. История агван. Пер. К. Патканова. - СПб., 1861.
282. Моисей Хоренский. История Армении // Пер. Н.О. Эмина. - М., 1893.
283. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Межвузовский сборник. Изд-во Саратовского Университета, 1983.
284. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей // Пер. с древнегрузинского, предисл. и коммент. Г.В. Цулая. - М., 1979.
285. Мунчаев Р.М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблемы возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
286. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. - М., 1975.
287. Мунчаев Р.М. Луговой могильник. // ДЧИ. М., 1963.
288. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
289. Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф.канд.дисс. - Л., 1956.
290. Нечаева Л.Г. О генетической связи аланской и осетинской культур позднего средневековья. // МАДИСО. - Орджоникидзе, 1975.
291. Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. // Исследования по археологии СССР. - Л., 1961.
292. Нечаева Л.Г. Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин Тезисы докладов годичной научной сессии. Май, 1967 г. Л., 1968.
293. Никифор Вриений: Истор. Записки // Пер. с греч. Н. Карпова. - СПб., 1858.
294. Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М., 1985.
295. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.
296. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970.
297. ОАК за 1888 год. СПб., 1890.
298. ОАК за 1890 год. СПб., 1893.
299. ОАК за 1898 год. СПб., 1900.
300. ОАК за 1900 год. СПб., 1902.
301. ОАК за 1904 год. СПб., 1907.
302. Осетины глазами русских и иностранных путешественников // Сост. Б.А. Калоев. - Орджоникидзе, 1967.
303. Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1988. Вып. 15-16.
304. Ошаев М.Х. Материалы из Чечни по археологии бронзового века // АЭС. Грозный, 1976. Т.4.
305. Ошаев Х.Д. О словах цIие и пхъа. // Изв. Чеченского научного общества. -

Грозный, 1930.

306. Патканов К.П. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии. - СПб., 1881.

307. Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. // ЖМНП, 1883, март.

308. Пейрос И.И. Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.

309. Петренко В.А. Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО - 1977. - М., 1978.

310. Петренко В.А., Даутова Р.А., Виноградов В.Б. Отчет о полевых исследованиях разведочно-рекогносцировочного отряда археологической экспедиции ЧИНИИИЯЛ за 1972. Грозный, 1973 // ЧИРКМ. НВ № 2718.

311. Петренко В.А., Дударев С.Л. Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии // АО - 1975. - М., 1976.

312. Пигулевская Н.В. Сирийский источник о народах Кавказа. // ВДИ, - 1939. - № 1.

313. Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. - Л., 1949.

314. Пиотровский Б.Б. Скифы в Закавказье. // Уч.зап., ЛГУ. - Л. 1949. - Серия истор.наук. - № 13.

315. Плетнева С.П. Салтово-Маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1984.

316. Плетнева С.П. Хазары. М., 1976.

317. Плиев Р.С. Нахские языки - ключ к этрусским тайнам. Грозный, 1992.

318. Погребова М.Н., Раевский Д.С. О некоторых комплексах II четверти I тыс. до н.э. Закавказья, Северного Кавказа и Восточной Европы (Опыт исторической интерпретации межкультурных связей)//Душетская научная конференция посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотации). Тбилиси, 1984.

319. Пожидаев В.Горцы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. М.-Пг, 1926.

320. Прокопий из Кесарии. Война с готами // Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.

321. Прокопий Кесарийский. История войны римлян с персами // Пер. Сп. Дестуниса. - СПб., 1862.

322. Раминишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., Каландадзе З.А., Рчеулишвили Г.М., Гогерия Д.Д., Марчвелашвили М.Г., Циклаури И.Д., Чихладзе В.В., Глonti М.Г., Церетели К.Б., Робакидзе Ц.В., Циклаури Д.К., Жинвальская экспедиция // АО - 1977. М., 1978.

323. Савенко С.П. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

324. Саидов И.М. О нахских тайпах и тайповых отношениях // Газ. "Справедливость". Грозный, 1990. № 3-4 (15-16).

325. Саидов И.М. О нахском Мехк-Кхеле // Газ. "Справедливость". Грозный, 1990. № 3-4 (15-16).

326. Северо-Кавказская 1 экспедиция. // КСИИМК. - 1939. - Вып. 1.

327. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. - М., 1974.

328. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925 - 1932 годах. - Грозный, 1963.

329. Семенов Л.П. Археологические разведки в Ассинском ущелье. // КСИИМК. - 1952. - Вып. XVI.

330. Сказки и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986

331. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия во II - IV вв. // СА. - 1982. - № 2.

332. Скрипкин А.С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области. // КСИА. 1974. - Вып. 140.
333. Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
334. Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Прикубанья. // КСИИМК. 1952. - № 46.
335. Смирнов К.Ф. Савроматы. - М., 1964.
336. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Кавказа. // МАДИСО. Орджоникидзе, 1975. - Т. 3.
337. Смирнов К.Ф. Сарматы Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э. - II в. н.э. (историко-археологический очерк). // СА. - 1974. - № 3.
338. Советский энциклопедический словарь. - М., 1980.
339. Спицин А.А. Исконные обитатели Дона и Донца. // ЖМНП, новая серия, т. XIX, 1909, январь.
340. Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изголосоы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
341. Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985.
342. Статистический ежегодник. // Народное хозяйство в СССР в 1980 г. Финансы и статистика. - М., 1981.
343. Степанос Таронский. История Армении // Пер. Н.О. Эмина. - М., 1864.
344. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Горная Чечня. Грозный, 1976. Ч.1.
345. Такайшвили Е.С. Три хроники. Источники грузинских летописей. // СМОМПК, Тифлис, 1900. - Вып. 28.
346. Тебиева Д.И. Физико-географическое районирование Северной Осетии // Природа и природные ресурсы центральной и восточной части Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
347. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977.
348. Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII-VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
349. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Т. 2, - М.-Л., 1941.
350. Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. Вып. 2-ой.
351. Тогошвили Г.Д. Леонти Мровели о происхождении осетинского народа. // Происхождение осетинского народа. - Орджоникидзе, 1967.
352. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. - VII в. н.э. - М.-Л., 1959.
353. Туманов К.М. О древнем языке Закавказья. - Тифлис, 1913.
354. Туманян Э.Г. Об армяно-аланских историко-лингвистических связях. // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. - Орджоникидзе, 1977.
355. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. // МАК. Тифлис, 1900. - Вып. 8.
356. Умаров С.Ц. Исследования средневековых памятников Чечено-Ингушетии // АО - 1969. - М., 1970.
357. Фавстос Бузанд. История Армении. - Ереван, 1953.
358. Федоров П.В. О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.

359. Федоров П.В. Плейтоцент Понто-Каспия. М., 1978.
360. Федоров Я.А. К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана. // СЭ. - 1961. - № 1.
361. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. - М., 1978.
362. Федорова Р.В. Результаты исследования споро-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. // Изв. Грозненского музея краеведения, Грозный, 1953. - Вып. 5.
363. Феофан Византиец. Летопись / Пер. с греческого В.И. Оболенского и Ф.И. Терковского // ЧОИДР: кн. 1. - СПб., 1887.
364. Феофилакт Симокатта. История. Пер. С.П. Кондратьева. - М., 1957.
365. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе. // ЗРАО. - 1857. - Т. 9. Вып. 2.
366. Ханыков Н.В., Савельев П.С. Древности, найденные на Кавказе // - ЗРАО. 1857. - Т. 9. Вып. 1.
367. Хасиев С.А. О возможной интерпретации некоторых черт погребального обряда у древнейшего населения Северо-Восточного Кавказа // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. - М., 1976.
368. Хитъ Г.Л., Долинова Н.А. Расовая дифференциация человечества. М., 1990.
369. Хожаев Д. Откуда появилось слово "чечен"? // Газ. "Республика". Грозный, 1992. 29 мая.
370. Цагаева А.Д. Из топонимики и гидронимики западной Осетии. // Изв. СОНИИ. - Орджоникидзе, 1960. - Т. 22, Вып. 1.
371. Цагаева А.Д. Материалы по топонимике и гидронимике Осетии // Изв. СОНИИ. Орджоникидзе, 1962. - Т. 23, Вып. 1.
372. Чахкиев Д.Ю. Археологические древности Джейраховского ущелья и Ассинской котловины горной Ингушетии // Археологическая конференция Кавказа. Тбилиси, 1998.
373. Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
374. Чеснов Я.В. Название народа: откуда оно? // Этнографы рассказывают. М., 1978.
375. Чечено-Ингушская АССР. Административно-территориальное деление. - Грозный, 1983.
376. Чеченов И.М. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. // СА. - 1970. - № 2.
377. Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990.
378. Чикобава А.С. Проблемы родства иберийско-кавказских народов. Тезисы докладов. Махачкала, 1965.
379. ЧИРКМ. Инв. № 1744.
380. ЧИРКМ. Инв. № 1753.
381. ЧИРКМ. Инв. № 1772.
382. ЧИРКМ. Инв. № 1773.
383. ЧИРКМ. Инв. № 1774.
384. ЧИРКМ. Инв. № 1787.
385. ЧИРКМ. Инв. № 1789.
386. ЧИРКМ. Инв. № 1793.
387. ЧИРКМ. Инв. № 1794.
388. ЧИРКМ. Инв. № 1801.
389. ЧИРКМ. Инв. № 1807.
390. ЧИРКМ. Инв. № 467.
391. ЧИРКМ. Инв. № 468.
392. ЧИРКМ. Инв. № 473.
393. ЧИРКМ. Инв. № 474.

394. ЧИРКМ. Инв. № 792.
395. ЧИРКМ. Инв. № 795.
396. Чокаев К.З. Вайн мотт - вайн истори. Грозный, 1991. (на чеч. яз.).
397. Чокаев К.З. К вопросу бытования образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей. // Известия. Вопросы чечено-ингушской литературы. Грозный, 1972. - Т. 6. Вып. 3.
398. Чокаев К.З. Суффиксальное образование топонимических названий в вайнахских языках. // Сб. статей. - Грозный, 1964.
399. Чубинишвили Т.Н. К древней истории Южного Кавказа. - Тбилиси, 1971.
400. Шавхелешвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. - Грозный, 1964.
401. Шемирзов Х.М. Методика определения архаичных элементов культуры и этногенеза нахских народов // Проблемы происхождения нахских народов. ...Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996.
402. Энциклопедический словарь. Издатели Ф.Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб., 1903. Т. XXXVIII (А).
403. Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.
404. Яковлев Н.Ф. Ингуши. - М., 1925.
405. Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Ростов-на-Дону, 1929.
406. Якуби. История. Пер. П.К. Жузе. // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. - Т. 4.
407. D,ohsson. Des peuples du Caucase et des payson nord de La mer Noire et de Lamer Caspienne dans Le dixieme siecle. Paris, 1828. PP. 19, 21-23.
408. Hudud al-Alem. A Regions of the World. Expl. And transl. By V. Minorsky. London, 1937.
409. Jegorov N.M. Gejass von Luck. ESA. V. Helsinki, 1950.
410. Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien internommen in den JuTren. 1807 und 1808. Halle - Berlin, 1812 - 1814. B. I; B II.
411. Potocki J. Histoire. Primitive des peuples de la Russie. SPb., 1802.
412. V. de Sant-Martin. Etudes de geographic ancienne et d'ethnographi, asiatique Etudes ethnographiques et historiques les peuples nomades qui se sont succedeau nord du Caucase dans les six premier siccles de notre ere les alans. Paris, 1850.